

ВЕСТНИК

Красноярского
государственного
педагогического
университета
им. В.П. Астафьева

2022
№ 3 [61]

КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В.П. АСТАФЬЕВА

Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева
(Вестник КГПУ)

Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafyev
(Bulletin KSPU)

Научное периодическое издание
Scientific serial

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева»
Publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution
«Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafyev»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-29950 от 19.10.2007

«Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ)» включен:

в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 05.03.2010; электронно-библиотечную систему издательства «Лань»; систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); международную базу данных периодических изданий ULRICHS WEB; международную ассоциацию издателей CrossRef

Публикациям журнала присваивается идентификатор DOI – индексируемая ссылка к постоянному местонахождению статьи для получения необходимой информации о ней

Журнал размещен на платформе публикаций Readera

Периодичность 4 раза в год

Главный редактор: Холина Мария Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, и.о. ректора, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Editor-in-Chief: Kholina, Maria V., PhD (History), Associate Professor, Acting Rector, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Заместитель главного редактора: Ильина Нина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе и внешнему взаимодействию, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Deputy Editor-in-Chief: Ilyina, Nina F., DSc (Pedagogy), Professor, Provost for Research and External Interface, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Заместитель главного редактора, научный редактор по педагогике: Шкерина Людмила Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой математики и методики обучения математике, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Editor-in-Chief Deputy, Science Editor in Education: Shkerina, Lyudmila V., DSc (Pedagogy), Professor, Head of the Department of Mathematics and Technique of Teaching Mathematics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Научный редактор по языкознанию: Васильева Светлана Петровна, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Science Editor in Linguistics: Vasilyeva, Svetlana P., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Научный редактор по психологии: Сафонова Марина Вадимовна, кандидат психологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Science Editor in Psychology: Safonova, Marina V., PhD (Psychology), Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Ответственный секретарь: Шкерина Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Executive Editor: Shkerina, Tatiana A., PhD (Pedagogy), Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Редакционная коллегия *Editorial board*

Адольф В.А., доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Adolf V.A., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Vasiliev A.D., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Гафурова Н.В., доктор педагогических наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск

Gafurova N.V., DSc (Pedagogy), Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Григорьева Т.М., доктор филологических наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск

Grigoryeva T.M., DSc (Philology), Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Завьялов А.И., доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Zavyalov A.I., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Казыдуб Н.Н., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Kazydub N.N., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Кожкарёва Н.Б., доктор филологических наук, профессор, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск

Koshkareva N.B., DSc (Philology), Professor, the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

Логонова И.О., доктор психологических наук, профессор, Красноярский государственный медицинский университет им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого

Loginova I.O., DSc (Psychology), Professor, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky

Майер В.Р., доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Mayer V.R., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Миллер О.М., кандидат психологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Miller O.M., PhD (Psychology), Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Osetrova E.V., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Пак Н.И., доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Pak N.I., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Расчётина С.А., доктор педагогических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

Raschetina S.A., DSc (Pedagogy), Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

Селезнёва Н.Т., доктор психологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Selezneva N.T., DSc (Psychology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Серый А.В., доктор психологических наук, профессор, Кемеровский государственный университет

Sery A.V., DSc (Psychology), Professor, Kemerovo State University

Сольвьёва С.Л., доктор психологических наук, профессор, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова, Санкт-Петербург

Solvuyeva S.L., DSc (Psychology), Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy, North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, St. Petersburg

Фурьева Т.В., доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Furyaeva T.V., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Чижакова Г.И., доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Chizhakova G.I., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Шмелёв А.Д., доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет

Shmelev A.D., DSc (Philology), Professor, Moscow Pedagogical State University

Янова М.Г., доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Yanova M.G., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

**Международное представительство
в редакционной коллегии журнала «Вестник КГПУ»
обеспечивают:
International representatives
of the Bulletin editorial board:**

Бидайбеков Есен Ыкласович, доктор педагогических наук, профессор, Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алма-Ата

Bidaybekov, Esen Yklovich, DSc (Pedagogy), Professor, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty

Бровка Наталья Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, Белорусский государственный университет, Минск

Brovka, Natalya Vladimirovna, DSc (Pedagogy), Professor, Belarusian State University, Minsk

Одинцова Оксана Петровна, кандидат педагогических наук, профессор, Университет Дрекселя, Филадельфия, США

Odintsova, Oksana Petrovna, PhD (Pedagogy), Professor, Drexel University, Philadelphia, USA

Самбалхундэв Хаш-Эрдэнэ, доктор педагогических наук, профессор, Университет Маргад, Эрдэнэт, Монголия

Sambalkhunde, Hash-Erdene, DSc (Pedagogy), Professor, Margad University, Erdenet, Mongolia

Сибгатуллина Ирина Фагимовна, доктор психологических наук, профессор, директор по международным программам науки, образования и культуры, Институт интеллектуальных интеграций, Вена, Австрия

Sibgatullina Irina Fagimovna, DSc (Psychology), PhD Psych. (British Post Doctoral Standard), Prof. Dr.Sc.Dr.Sc., Director of International Programs in Science, Education, and Culture, Institute of Intellectual Integrations, Vienna, Austria; Member of the Dissertation Defence Board in Psychology, Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

Стоилкович Снежана, доктор психологических наук, профессор, Нишский университет, Сербия

Stoilkovich, Snezhana, DSc (Psychology), Professor of the School of Philosophy, Nishsky University, Serbia

Энрике Бернардес Санчис, доктор филологических наук, профессор общего языкознания, Университет Комплутенсе, Мадрид, Испания

Enrike, Bernandes Sanchis, DSc (Philology), Professor of General Linguistics, Complutense University, Madrid, Spain

СОДЕРЖАНИЕ
TABLE OF CONTENTS

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
PEDAGOGICAL SCIENCES

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
THEORY AND METHODOLOGY
OF VOCATIONAL EDUCATION

И.А. Майер, И.П. Селезнева
РАЗВИТИЕ МЕДИАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
ОБУЧАЮЩИХСЯ МАГИСТРАТУРЫ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД
I.A. Mayer, I.P. Selezneva
DEVELOPMENT OF THE MEDIATION COMPETENCE
IN MASTER'S DEGREE STUDENTS
OF PEDAGOGICAL SPECIALIZATION:
LINGUO-DIDACTIC APPROACH

[5]

Т.М. Софронова, Т.П. Бабак
ФОРМИРОВАНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
СТУДЕНТА-ПЕРЕВОДЧИКА
В СВЕТЕ ТЕОРИИ ОШИБОК
И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ НЕСООТВЕТСТВИЙ
T.M. Sofronova, T.P. Babak
DEVELOPMENT OF PRAGMATIC COMPETENCE
IN TRANSLATION STUDENTS
IN THE LIGHT OF TRANSLATION ERRORS
AND NON-CORRESPONDENCE THEORY

[15]

Т.А. Шкерина, А.И. Мышковская
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МАРШРУТ
КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ
УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ
СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА
T.A. Shkerina, A.I. Myshkovskaya
INDIVIDUAL EDUCATIONAL ROUTE
AS A MEANS OF DEVELOPING EDUCATIONAL
AND PROFESSIONAL MOTIVATION
OF PEDAGOGICAL UNIVERSITY STUDENTS

[29]

М.Г. Янова, З.Г. Рязанова
АНАЛИЗ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕФИЦИТОВ
И АДАПТАЦИОННЫХ ЗАТРУДНЕНИЙ
ПЕДАГОГОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
И СПОСОБОВ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ
M.G. Yanova, Z.G. Ryazanova
ANALYSIS OF INDIVIDUAL PROFESSIONAL DEFICITS
AND ADAPTATION DIFFICULTIES AMONG
TEACHERS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS
AND METHODS TO OVERCOME THEM

[40]

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА
ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
THEORY AND METHODOLOGY
OF PHYSICAL EDUCATION

С.С. Баженов, А.Н. Савчук, Ю.Е. Ситников
РАЗВИТИЕ ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ
ШКОЛЬНИКОВ 9–14 ЛЕТ СРЕДСТВАМИ РЕГБИ
S.S. Bazhenov, A.N. Savchuk, Yu.E. Sitnikov
DEVELOPMENT OF PHYSICAL QUALITIES
IN SCHOOLCHILDREN AGED 9–14 BY MEANS OF RUGBY

[50]

И.Ю. Пугачев, М.Ю. Богданов,
В.Б. Парамзин, С.В. Разновская
МОДУЛЬНАЯ МЕТОДИКА ПОВЫШЕНИЯ
ПРОСТРАНСТВЕННО-КООРДИНАЦИОННОЙ ПОДГОТОВКИ
ИГРОКОВ БАСКЕТБОЛЬНОЙ КОМАНДЫ
I.Yu. Pugachev, M.Yu. Bogdanov,
V.B. Paramzin, S.V. Raznovskaya
MODULAR METHOD FOR INCREASING SPATIAL
COORDINATION TRAINING
AMONG BASKETBALL TEAM PLAYERS

[62]

Д.А. Сальмерон Майорка, А.И. Чикиров
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕСТОВ
ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ АРМИЙ США, РОССИИ
И ВЕНЕСУЭЛЫ
D.A. Salmerón Mayorca, A.I. Chikurov
COMPARATIVE ANALYSIS OF PHYSICAL FITNESS TESTS
IN THE ARMIES OF THE USA, RUSSIA AND VENEZUELA

[70]

А.А.И. Свейдан
ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ
ТРЕНАЖЕРА ДЛЯ ТРЕНИРОВКИ
ПЛАВАТЕЛЬНОГО ГРЕБКА СПОРТСМЕНА
A.A.I. Sweidan
FEATURES OF USING SIMULATOR
FOR TRAINING ATHLETE'S SWIMMING STROKE

[80]

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
PSYCHOLOGY

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ
PERSONALITY PSYCHOLOGY

Н.А. Богульская, М.М. Кучеров,
В.Б. Туговиков, А.С. Сабилло
ПОДХОДЫ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ
ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА
N.A. Bogulskaya, M.M. Kucherov,
V.B. Tugovikov, A.S. Sabilo
APPROACHES TO ENSURING INFORMATION SECURITY
AND PSYCHOLOGICAL SAFETY IN SOCIAL MEDIA

[88]

Н.Н. Вишнякова, И.О. Логинова, А.Н. Наркевич, Ю.А. Тяжелников
ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ
СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ СОМАТИЧЕСКИМ ЗДОРОВЬЕМ
ДО И ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19
N.N. Vishnyakova, I.O. Loginova, A.N. Narkevich, Yu.A. Tyazhelnikov
FEATURES OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING
IN STUDENTS WITH DIFFERENT SOMATIC HEALTH
BEFORE AND DURING THE COVID-19 PANDEMIC

[96]

Н.В. Лукьянченко, Л.С. Захарова, М.И. Аликин
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ
О КРИТЕРИЯХ НОРМАТИВНОГО ОЦЕНИВАНИЯ
N.V. Lukyanchenko, L.S. Zakharova, M.I. Alikin
IDEAS OF ADOLESCENTS
ABOUT THE CRITERIA OF NORMATIVE ASSESSMENT

[109]

М.В. Сафонова, Ю.Н. Желонкина
ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНЫХ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ
У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ В ПРОЦЕССЕ
ГРУППОВОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ
С ПРИМЕНЕНИЕМ АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ ТЕХНИК
M.V. Safonova, Yu.N. Zhelonkina
DEVELOPMENT OF EFFECTIVE COPING-STRATEGIES
AMONG YOUNG PEOPLE
IN THE CONTEXT OF GROUP COUNSELLING
WITH THE HELP OF ART-THERAPY TECHNIQUES

[125]

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

Л.В. Арамачева, Е.Ю. Дубовик, О.М. Вербианова
АНАЛИЗ ЗАТРУДНЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ РОДИТЕЛЕЙ,
ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ
РАННЕГО И ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА,
В ВОПРОСАХ ВОСПИТАНИЯ,
РАЗВИТИЯ И ОБУЧЕНИЯ РЕБЕНКА
L.V. Aramacheva, E.Yu. Dubovik, O.M. Verbianova
ANALYSIS OF DIFFICULTIES MODERN PARENTS FACE
IN TERMS OF UPBRINGING, DEVELOPMENT
AND EDUCATION OF CHILDREN OF EARLY
AND PRESCHOOL AGE

[139]

Е.В. Улыбина, О.М. Вербианова
ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ РОДИТЕЛЯМ
В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ
(НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА)
E.V. Ulybina, O.M. Verbianova
EXPERIENCE OF STUDYING THE NEEDS
AND POSSIBILITIES OF PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE
FOR PARENTS IN THE URBAN ENVIRONMENT
(ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF KRASNOYARSK)

[148]

Е.В. Федорева, М.В. Сафонова
РЕСУРСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ
В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
(ПО ДАННЫМ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ
УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ)
E.V. Fedoreeva, M.V. Safonova
RESOURCES AND OUTLOOKS FOR DEVELOPMENT
OF PSYCHOLOGICAL SERVICES IN EDUCATIONAL SYSTEM
OF KRASNOYARSK KRAI
(BASED ON DATA BY MUNICIPAL BODIES
OF EDUCATION MANAGEMENT)

[159]

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PHILOLOGY ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

А.Д. Васильев, А.А. Курделяс
ЭВФЕМИЗМЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ
В РЕЧИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ
A.D. Vasilyev, A.A. Kurdelyas
MILITARY AND POLITICAL EUPHEMISMS
IN MODERN RUSSIAN MASS MEDIA

[172]

Ли Сьюй, Ван Дэндэн
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ
НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ,
СОДЕРЖАЩИХ ЗООНИМЫ
Li Siyu, Wang Dengdeng
LINGUOCULTURAL SPECIFIC FEATURES
OF RUSSIAN AND CHINESE PHRASEOLOGY
(ON THE MATERIAL OF PHRASEOLOGICAL UNITS
CONTAINING ZOONYMS)

[182]

Е.И. Шпит, В.Н. Куровский
АНГЛОЯЗЫЧНОЕ НАУЧНОЕ ПИСЬМО:
ЗАТРУДНЕНИЯ НАЧИНАЮЩИХ
РУССКОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ
E.I. Shpit, V.N. Kurovskii
SCIENCE WRITING IN ENGLISH:
DIFFICULTIES FOR NOVICE RUSSIAN AUTHORS

[193]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ
INFORMATION FOR AUTHORS

[220]

УДК 378:811

РАЗВИТИЕ МЕДИАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ МАГИСТРАТУРЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

И.А. Майер (Красноярск, Россия)

И.П. Селезнева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. Процесс развития медиативной компетенции магистранта необходим для прочтения лингвокультурных кодов при работе с иноязычным текстом, содержащим лингвистические и социокультурные реалии, вызывающие дискомфорт при осуществлении процесса межкультурной коммуникации. Использование лингводидактического подхода в процессе интерпретации текста подготавливает к деятельности в контексте взаимодействия различных лингвокультур.

Цель статьи – представить авторские рекомендации по использованию языковых и внеязыковых медиативных технологий, необходимых для развития медиативной компетенции магистранта.

Методологию исследования составляют концепция профессиональной лингводидактики (Н.Д. Гальскова, М.И. Реутов, А.К. Крупченко); теория дискурса межкультурной медиации (Л.В. Куликова, А.Л. Морозова, Т.А. Костюкова, И.А. Пушкарева, Д.М. Морозова); практико-ориентированные исследования в сфере использования медиативных технологий при обучении иностранному языку (А.В. Павлов, О.Ю. Ланкина, О.В. Манжула, Ю.В. Плеханова, М.А. Степанова и др.).

Результаты. Дидактический потенциал использования медиативных технологий работы с иноязычным тестом составляет блок заданий по обеспечению лингводидактического подхода к декодированию лингвокультурной информации. На примере работы с текстами тематической направленности Biobauernhof описан процесс развития медиативной компетенции обучающихся.

Заключение. Использование лингводидактического подхода к развитию медиативной компетенции обучающихся организует межкультурное общение за счет декодирования языковых и внеязыковых феноменов, являющихся препятствием для его полноценной реализации.

Ключевые слова: медиация текста, медиативная компетенция, лингводидактический подход, магистерская программа, иноязычное образование.

Майер Инна Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры германо-романской филологии и иноязычного образования факультета иностранных языков, КГПУ им. В.П. Астафьева; ORCID: 0000-0002-9440-1897; ResearcherID: Q-6637-2018; e-mail: inna.maier@mail.ru

Селезнева Ирина Петровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры германо-романской филологии и иноязычного образования факультета иностранных языков, КГПУ им. В.П. Астафьева; ORCID: 0000-0002-1590-9482; ResearcherID: O-9894-2018; e-mail: mixculture@mail.ru

Постановка проблемы. В рамках данной статьи процесс развития медиативной компетенции обучающихся магистратуры педагогического направления рассматривается на примере работы с лингвокультурными

кодами иноязычного текста в рамках реализации лингводидактического подхода к обучению основам межкультурной коммуникации.

Проблема разработки медиативных технологий работы с иноязычным тестом обусловила

интерес к медиативным навыкам и умениям обучающихся, специализирующихся в сфере лингводидактики (Н.Д. Гальскова, 2008; А.К. Крупченко, А.Н. Кузнецов, 2015; А.Л. Морозова, Т.А. Костюкова, И.А. Пушкарева, Д.М. Морозова, 2021; M. Maijala, 2020).

Медиация иноязычного текста, медиация лингвокультурного концепта и медиация самого процесса межкультурной коммуникации требует от обучающегося-медиатора наличия сформированной и развитой медиативной компетенции, описание которой привлекает пристальное внимание как отечественных (Л.Ю. Ланкина, 2018; О.В. Манжула, Е.В. Исаева, 2020; Ю.В. Плеханова, М.А. Степанова, 2021), так и зарубежных исследователей (O. Creanga, 2020; K. Peeters, 2020).

Несмотря на наличие значительного количества исследований в сфере лингводидактической и медиативной компетенции бакалавров и магистров – будущих учителей иностранного языка, проблема развития медиативной компетенции все еще остается не полностью решенной.

Рекомендации по использованию лингводидактического подхода к процессу развития медиативной компетенции обучающихся при работе с иноязычным текстом разработаны и апробированы авторами статьи на практике.

Методология исследования: теоретические обоснования необходимости лингводидактического подхода к процессу развития медиативной компетенции обучающихся; описание практического опыта применения лингводидактического подхода к осуществлению языковой и межкультурной медиации.

Обзор научной литературы. Термин «медиация» пришел в педагогику и методику из юриспруденции и психологии (конфликтологии), где он употребляется в значении процедуры урегулирования конфликта при участии независимого посредника (медиатора), целью которого является «сглаживание» конфликта между участниками коммуникации. Примерно ту же функцию выполняет так называемый «социальный медиатор», обычно разрешающий

семейные конфликты. Медиация как процесс создания комфортных условий различных видов коммуникации (в том числе языковой и межкультурной) является социокультурным образованием, предусматривающим многогранность его использования [Плеханова, Степанова, 2021].

Нас интересует в первую очередь межкультурная и межкультурная медиация, которой должен овладеть обучающийся магистратуры педагогического направления – будущий преподаватель иностранных языков в процессе формирования и развития медиативной компетенции. Большинство исследователей согласны с тем, что формирование и развитие языковой медиативной компетенции необходимо, так как и языковые, и культурные коды лингвокультурных сфер разные и нужен медиатор-посредник, который будет в состоянии их интерпретировать (распознать) и «урегулировать» (пояснить) [Ланкина, 2018; Морозова, Костюкова, Пушкарева и др., 2021; Рум, 2020].

Как правило, при обучении иностранным языкам выделяют три типа медиации: медиацию иноязычного текста, медиацию концепта и медиацию процесса межкультурной коммуникации [Манжула, Исаева, 2020]. Все три типа медиации выполняют одну и ту же задачу – снятие коммуникативных трудностей – и обусловлены стремлением избежать конфликтов и дискомфорта при коммуникации [Статеева, 2014; Maijala, 2020].

Конфликты коммуникативного характера могут быть сняты на этапе предварительной подготовки к коммуникации при помощи медиативных технологий и медиационных практик, приобретающих все большее значение не только для урегулирования социальных конфликтов в образовательном процессе [Хорошевская, 2019; Шалагинова, Декина, 2021], но и для кросс-культурного обучения иностранным языкам [Stathopoulou, 2015].

Медиативная компетенция формируется и развивается в рамках лингводидактического подхода. Анализ теоретических источников, нормативных документов и практичес-

кого опыта учебной деятельности свидетельствует о стремлении как исследователей, так и педагогов-практиков выделять лингводидактику в самостоятельную учебную дисциплину как формирующую основу обучения иностранным языкам [Крупченко, Кузнецов, 2015; Павлов, 2021; Common European Framework..., 2018]. Будущий учитель иностранных языков как профессионал должен обладать лингводидактической компетентностью, знать и понимать контекст взаимодействия изучаемых лингвокультур на текстовом, концептуальном и коммуникационном уровнях.

Изучение языковых структур на предтекстовом этапе (работа с лексическими, грамматическими, фонетическими матрицами); исследование концептов изучаемых лингвокультур (прочтение лингвокультурных кодов: декодирование языковых и внеязыковых феноменов); привлечение объектов медиакоммуникации для моделирования естественных условий общения позволяет, по нашему мнению, решить проблему иноязычного коммуникативно-прагматического дискурса.

Результаты исследования. В данной статье рассматриваются рекомендации по использованию медиативных технологий работы с иноязычным тестом, включающие блок заданий по изучению языковых структур и внеязыковых феноменов, направленных на развитие медиативной компетенции обучающихся.

Предусматривается три этапа работы по развитию медиативной компетенции обучающихся, соответствующие трем типам медиации:

- медиация иноязычного текста;
- медиация лингвокультурного концепта;
- медиация процесса межкультурной коммуникации (рис.).

Медиация иноязычного текста представляет, по сути, анализ и интерпретацию текстового корпуса данных, представленных в различных форматах: традиционный текст; график; таблица; диаграмма; инфографика.

Виды работы: упражнения и задания, направленные на раскрытие и понимание лекси-

ческих, грамматических и фонетических матриц с целью дальнейшего их распознавания в контексте и употребления в процессе осуществления межкультурного дискурса (обработка текста: пересказ, перевод, конспектирование, смена ролей, замена грамматических категорий времени и т.д.; описание персонажей с привлечением активной и пассивной лексики; отождествление себя с персонажем или адресатом текста; определение различий культурных идентичностей автора текста и читателя).

На данном этапе производится частичное декодирование языковых феноменов (например, при пояснении слова, понятия или грамматического феномена, отсутствующего в родной лингвокультуре и тем самым обладающего лакунарным характером).

Полное декодирование языковых и внеязыковых феноменов через прочтение лингвокультурных кодов происходит на втором этапе в процессе медиации лингвокультурного концепта.

Виды работы: упражнения и задания, направленные на актуализацию изученных языковых феноменов и раскрытие (декодирование) феноменов внеязыковых (работа с аудио- и видеоматериалами; анализ рекламных слоганов, интернет-мемов; интерпретация комментариев на видеохостингах, в блогах и социальных сетях; работа с аудио- и видеоподкастами).

На третьем этапе осуществляется процесс межкультурной коммуникации, объединяющий результаты первых двух этапов и выходящий на новый уровень – реализацию межкультурного общения в конфликтной ситуации.

Виды работы: языковая медиация (профессионально ориентированные кейс-задачи: диалоги, переговоры, беседы; дебаты; дискуссии; ролевые и деловые игры).

Третий этап предполагает владение языковыми и внеязыковыми феноменами; способность декодировать (интерпретировать) полученную информацию; прочитывать лингвокультурные коды и применять полученные знания и умения для решения конфликтной ситуации.

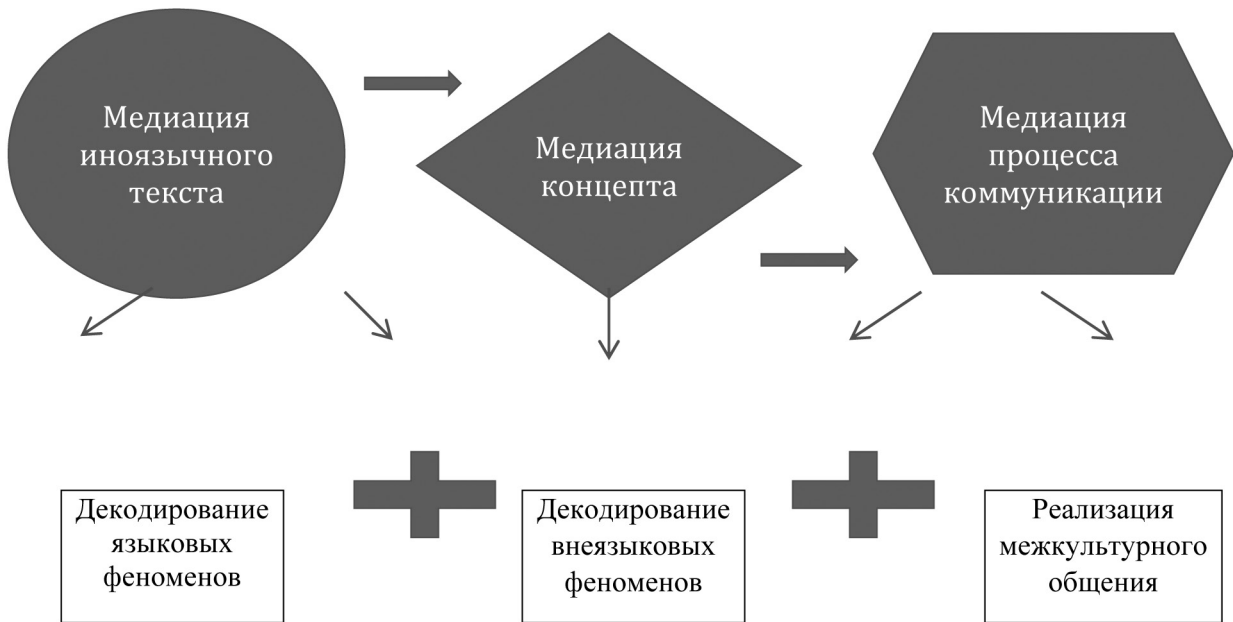

Рис. 1. Этапы работы по развитию медиативной компетенции обучающихся, соответствующие трем типам медиации
 Fig. 1. Stages of work on the development of mediative competence of students, corresponding to the three types of mediation

Рассмотрим, как элиминируются (декодируются) лингвокультурные коды (лакуны) в процессе развития медиативной компетенции обучающихся.

В качестве примера ниже приводится алгоритм работы над концептом «Die Alpen / Альпы» с аутентичным текстом «Bio-Bauernhof Kurzeck» (Ferien am Bauernhof, 2022), являющимся рекламой австрийского биоподворья. Биоподворье – крестьянское подворье, ведущее хозяйство с соблюдением всех требований экологии, гуманного отношения к животным, рационального использования ресурсов окружающей среды. Текст рассказывает о биоподворье Гестингских Альп и содержит реалии, относящиеся к австрийскому варианту немецкого языка; региональную лексику, грамматические и фонетические структуры, не всегда совпадающие с литературной нормой Hochdeutsch. Работа с текстом предполагает декодирование лингвокультурных кодов на предтекстовом, текстовом и послетекстовом этапе. До внедрения в учебный процесс медиативных технологий обучающиеся работали с текстами серии «Биоподворье»; были выявлены трудности понимания лингвокультурной лексики, обусловившие шаблонный харак-

тер выполнения заданий на послетекстовом этапе (диалогическая и монологическая речь, задания дискуссионного характера). Принято решение использовать при работе с иноязычными текстами медиативные технологии, призванные развить способность декодирования языковых и внеязыковых феноменов (лингвокультурных кодов), служащих препятствием для полноценной реализации межкультурного общения.

На этапе медиации текста (предтекстовом этапе) выделены слова и выражения, которые могут носить лакунарный характер и стать впоследствии помехой при осуществлении процесса коммуникации. В данном тексте это в первую очередь географические реалии:

- Mostviertel / Мостфиртель, или Квартал над Винервальдом. *Machen Sie Urlaub auf dem höchstliegenden Bio-Bauernhof im Mostviertel;*
- Göttinger Alpen / Гестингские Альпы. *Unser Hof liegt 6 Kilometer außerhalb des Ortes Götting mit fantastischem Blick auf die Göttinger Alpen;*
- Alm «Siebenhütten» (высокогорное пастбище «Зибенхюттен»). *Die naheliegende Alm «Siebenhütten» kann man leicht erreichen;*
- Mariazellerland (федеральная земля Мариацелль). *Sie genießen Mariazellerland;*

– Skigebiet Hochkar (горнолыжный курорт Хохкар). *Das Skigebiet Hochkar ist mit dem Auto in 30 Minuten zu erreichen;*

– Göstlinger Solebad (соляной курорт в Гестлинге). *Nach einem anstrengenden Tag können Sie im Göstlinger Solebad wieder Kraft tanken.*

Реалии относятся к категории «местных или региональных» и поэтому могут быть не известны обучающимся, в отличие от таких распространенных топонимов, как Рейн или Альпы. Так, для того чтобы понять значение топонима Mostviertel, надо знать, что территория Нижней Австрии делится на «кварталы», местоположение которых определяется исходя из естественной границы, образованной лесным массивом Венский лес (Винервальд). Информация о горном массиве Göstinger Alpen на русском языке отсутствует; необходимо искать информацию о так называемой «горе руин» Гестингер (гора Аннаберг), находящейся к Северу от Граца. Alm «Siebenhütten» – это высокогорное пастбище, на котором когда-то стояло 7 хижин (хютте), отсюда и его название. Наименование места паломничества верующих Mariazellerland также не имеет русскоязычных переводных аналогов. Более известны горнолыжный курорт Hochkar, расположенный в двух часах езды от Вены, и соляной курорт в Гестлинге – Göstlinger Solebad.

Коммуникативные помехи может вызвать группа слов и выражений, входящих в словарное поле «биоподворье»: Bio-Bauernhof (биоподворье; крестьянский двор, соответствующий всем требованиям экосоюзов ЕС); Bio-Bergbauernhof (биоподворье с панорамным видом на окружающие горы); Bio-Frühstück (завтрак на биоподворье); hofeigene Produkte (продукты собственного производства); Mutterkuhhaltung (молочное животноводство). *Bewirtschaftet wird unser Bio-Bergbauernhof nach strengen ökologischen Richtlinien mit Mutterkuhhaltung. Genießen Sie unsere hofeigenen Produkte beim Bio-Frühstück.*

Реалия Bio-Bergbauernhof встречается в австрийском варианте немецкого языка – владелец такого подворья берет с туристов дополнительную плату за право провести отпуск в живописной местности и сделать панорамные фотогра-

фии Гестингских Альп. В оплату включен завтрак на биоподворье (Bio-Frühstück), приготовленный из продуктов собственного производства.

Лакунарный характер носят наименования, относящиеся к кулинариям (наименования блюд и напитков, способов их приготовления и потребления): bodenständige Jause (закуска из продуктов, произведенных на биоподворье); Marmelade (это может быть и повидло, и джем, и варенье); Rahm (это могут быть и сметана, и сливки). *Bei einer bodenständigen Jause bieten wir unter anderem Marmelade und Rahm, Eier und Brot von höchster Qualität.*

Так, реалия Marmelade, которую русскоязычные словари толкуют как «повидло, джем, варенье», должна быть декодирована с привлечением лингвокультурного комментария: биоподворья, соблюдая альпийскую традицию, не используют при заготовках из ягод и фруктов сахар (он «покупной», поэтому слишком дорог), следовательно, в данном контексте не может идти речь о варенье, которое в немецком языке обозначается совершенно иной реалией (Eingemachte). Аналогичная проблема возникает при передаче на русский язык слова Rahm (сметана, сливки), основное значение которого – «сливки»; сметана передается на немецком языке как Sauer-Rahm (дословно «кислые сливки»). Для биоподворья в Гестингских Альпах характерно приготовление сливок, на основе которых осуществляется собственное производство сливочного масла и сметаны.

Текст содержит реалии, значение которых не всегда можно найти в словаре или вывести из контекста: Schneeschuhen (снегоступы); Grillabende mit Hausmusik (гриль-пати с живой музыкой, которую исполняют не профессионалы, а любители); die «Wilde-Wunder-Card» (карта, обладатель которой получает скидки на все экскурсии и увеселительные мероприятия в Мостфиртель: для получения карты необходимо забронировать номер на биоподворье). *Für Kinder sind die Schneeschuhen eine willkommene Abwechslung. Auch unsere Grillabende mit Hausmusik sind bei Jung und Alt sehr beliebt. Sie erhalten gratis die «Wilde-Wunder-Card» – mit dieser Karte*

genießen Sie freien Eintritt zu allen Programmen im Mostviertel.

Особый интерес для декодирования представляет реалия Grillabende mit Hausmusik: биоподворье сохраняет традиции «домашнего музицирования», как правило, члены семьи, ведущей такое подворье, с детства участвуют в деревенских музыкальных процессиях и умеют играть на народных инструментах (праздник урожая; пастушеские праздники; праздничные шествия горных стрелков; церковные праздники). Для туристов, проводящих свой отпуск на подворье, семья устраивает импровизированные концерты.

Уже на этапе медиации в ходе предтекстовой работы обучающиеся декодируют описанные выше реалии, выполняя упражнения и задания лексических и грамматических блоков: Finden Sie die russischen Äquivalente zu folgenden Wörtern und Redewendungen; Bestimmen Sie die Bedeutungen folgender Ausdrücke; Beschreiben Sie folgende Redewendungen, benutzen Sie dabei die einsprachigen Wörterbücher (Duden, Wahrig); Ergänzen Sie folgende Sätze, benutzen Sie dabei den aktiven Wortschatz; Bilden Sie die Sätze, benutzen Sie dabei den passiven Wortschatz.

На втором этапе медиации проводилась работа с лингвокультурным концептом «Альпы», позволяющая интерпретировать особенности лингвокультуры Австрии на примере лексической, грамматической, фонетической и внеязыковой реализации концепта в национальном варианте немецкого языка. Были задействованы аудио- и видеоподкасты; материалы комментариев блогов и социальных сетей: Hören Sie den folgenden Text; erzählen Sie ihn nach; Sehen Sie die Videoserie und bestimmen Sie die Gründe des Konflikts in der dargestellten Situation; Analysieren Sie die Besonderheiten folgender Werbungen der Biobauernhöfe; Finden Sie die Internet-Meme zum Thema «Bio-Wirtschaft»; Interpretieren Sie die Kommentare zu folgenden Videosujets; Finden Sie den Video Podcast zum Thema «Biobauernhof» und präsentieren Sie ihn in der Gruppe.

Декодирование (прочтение лингвокультурных кодов), осуществленное на втором этапе,

позволяет перейти к медиации процесса коммуникации; тем самым иноязычно-коммуникативная и лингвокультурная составляющие первых двух этапов интегрируются в интеракционную составляющую третьего этапа, на котором проводится работа по разрешению смоделированного конфликта, представленного двумя сторонами: семьей, которой принадлежит биоподворье и горожанами, приехавшими на отдых. Обучающиеся выступают в роли конфликтующих сторон и «медиаторов», призванных разрешить конфликт: Rollenspiel «Familie Kröning am Biobergbauernhof». Verteilen Sie die Rollen: Herr Kröning / Frau Kröning / Großmutter Kröning / der elfjährige Sohn / die sechsjährige Tochter / Biobergbauernhofbesitzer / Biobergbauernhofbesitzerin / Mediator 1 / Mediator 2. Spielen Sie folgende Situation vor: Die Städtler Krönings sind mit ihrem Urlaub am Biobergbauernhof unzufrieden. Der Biobergbauernhofbesitzer ist mit seinen Urlaub-Gästen unzufrieden. Die Moderatoren versuchen den Konflikt zu lösen.

Использование медиативных технологий способствовало повышению уровня сформированности медиативной компетенции магистрантов, о чем свидетельствуют данные таблицы. Работа с языковыми феноменами на предтекстовом этапе позволила избежать трудностей восприятия лакунарной лексики, расширила активный и пассивный вокабуляр обучающихся; концептуальный анализ подготовил их к дальнейшей интеракции в процессе межкультурной коммуникации.

Как мы видим, отмечается прогресс в сфере развития всех составляющих медиаций, но наиболее впечатляющие результаты показывает развитие медиации концепта (48 % обучающихся относятся к среднему уровню до внедрения технологий и 62 % – после проведения работы по их внедрению). Анкетирование, проведенное среди обучающихся в конце апробации, позволяет выяснить причины такого роста: при работе с текстом магистранты начали больше внимания уделять предтекстовому этапу, проводя декодирование (элиминирование) лакунарных феноменов для их последующего использования на третьем этапе.

**Результаты использования лингводидактического подхода
к развитию медиативной компетенции обучающихся
The results of using the linguo-didactic approach
to the development of mediative competence in students**

Этапы медиации и их составляющие	Показатели уровня сформированности медиативной компетенции	
	до внедрения медиативных технологий, %	после внедрения медиативных технологий, %
Медиация текста (иноязычно-коммуникативная составляющая)	56 «минимальный» 32 «средний» 12 «высокий»	38 «минимальный» 40 «средний» 22 «высокий»
Медиация концепта (лингвокультурная составляющая)	45 «минимальный» 48 «средний» 7 «высокий»	23 «минимальный» 62 «средний» 15 «высокий»
Медиация процесса коммуникации (интеракциональная составляющая)	36 «минимальный» 44 «средний» 20 «высокий»	13 «минимальный» 54 «средний» 33 «высокий»

Заключение. Использование лингводидактического подхода позволяет развивать медиативную компетенцию обучающихся через медиацию текста (декодирование и закрепление языковых структур); медиацию кон-

цепта (декодирование внеязыковых феноменов) и медиацию процесса межкультурной коммуникации (интеракция в условиях конфликтной ситуации в качестве медиатора-посредника).

Библиографический список

1. Бетретдинова И.К. Медиация в обучении иностранному языку // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. Саратов: Цифровая наука, 2020. С. 119–122. DOI: 10.24412/cl-36008-2020-4-119-122
2. Гальскова Н.Д. Еще раз о лингводидактике // Иностранные языки в школе. 2008. № 8. С. 4–10.
3. Крупченко А.К., Кузнецов А.Н. Основы профессиональной лингводидактики. М.: АПКП-ПРО, 2015. 232 с.
4. Куликова Л.В. Дискурс межкультурной медиации: концептуальная модель исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Язык и литература. 2019. № 16 (2). С. 245–258. DOI: 10.21638/spbu09.2019.206
5. Ланкина Л.Ю. Содержание понятия «медиация» в обучении иностранным языкам // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2018. № 2. С. 175–183.
6. Манжула О.В., Исаева Е.В. Медиационные практики в обучении иностранных студентов английскому языку // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 2. С. 126–139.
7. Морозова А.Л., Костюкова Т.А., Пушкарева И.А., Морозова Д.М. Развитие языковой медиации обучающихся неязыковых вузов в ходе изучения иностранного языка // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов, 2021. Т. 26, № 193. С. 58–72. DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-193-58-72
8. Павлов А.В. Структура медиативных умений студентов-бакалавров, специализирующихся в сфере лингводидактики // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9, № 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/28PSMN221.pdf>
9. Плеханова Ю.В., Степанова М.А. Медиативные технологии в иноязычном образовании // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9, № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/07PDMN521.pdf>
10. Реутов М.И. К вопросу выделения лингводидактики в самостоятельную учебную дисциплину в магистратуре педагогического направления // Преподаватель XXI век. 2021. № 2, ч. 1. С. 78–85. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-2-78-85

11. Статеева Е.В. Коммуникативная языковая медиация в лингвокультурологическом аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12-3 (42). С. 160–163. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2014_12-3_47.pdf
12. Хорошевская И.В. Формирование медиативной компетентности будущих педагогов как психолого-педагогическая проблема // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (134). С. 113–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-mediativnoy-kompetentnosti-buduschih-pedagogov-kak-psihologo-pedagogicheskaya-problema>
13. Шалагинова К.С., Декина Е.В. Оценка готовности студентов – будущих педагогов к разрешению школьных конфликтов с использованием медиативных технологий // Концепт: науч.-метод. электронный журнал. 2021. № 04 (апреля). С. 75-87. URL: <http://e-koncept.ru/2021/211023.htm>; DOI: 10.24412/2304-120X-2021-11023
14. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume with New Descriptors. Strasbourg: Council of Europe, 2018. URL: <https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989>
15. Creanga O. Mediation in English language teaching // Studia Universitatis Moldaviae. 2020. No. 9 (139). P. 81–88.
16. Maijala M. Culture teaching methods in foreign language education: pre-service teachers' reported beliefs and practices // Innovation in Language Learning and Teaching. 2020. No. 14 (2). P. 133–149. DOI: 10.1080/17501229.2018.1509981
17. Peeters K. The place and importance of mediation in language learning and teaching. In: Conference: Mediation in Language Learning and Teaching. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/347422195_The_Place_and_Importance_of_Mediation_in_Language_Learning_and_Teaching; DOI: 10.13140/RG.2.2.30767.36004
18. Pym A. Introduction: Why mediation strategies are important // Language Problems & Language Planning. 2020. No. 42 (3). P. 255–266. URL: https://www.researchgate.net/publication/326035935_Introduction_Why_mediation_s_strategies_are_important
19. Stathopoulou M. Cross-language mediation in foreign language teaching and testing. Series: New Perspectives on Language and Education. Bristol, Duffalo, Toronto: Multilingual Matters, 2015. 285 p. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.21832/9781783094127/html>; DOI: 10.21832/9781783094127

DEVELOPMENT OF THE MEDIATION COMPETENCE IN MASTER'S DEGREE STUDENTS OF PEDAGOGICAL SPECIALIZATION: LINGUO-DIDACTIC APPROACH

I.A. Mayer (Krasnoyarsk, Russia)

I.P. Selezneva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The process of developing the mediative competence in a master's degree student is necessary for reading linguocultural codes when working with a foreign language text containing linguistic and sociocultural realities that cause discomfort in the process of intercultural communication. The use of a linguo-didactic approach in the process of interpreting a text prepares for activities in the context of the interaction of different linguistic cultures.

The purpose of the article is to present authors' recommendations on the use of linguistic and extra-linguistic mediation technologies necessary for the development of the mediative competence in undergraduates.

The research methodology consists of the concept of professional linguo-didactics (N.D. Galskova, M.I. Reutov, A.K. Krupchenko); theory of intercultural mediation discourse (L.V. Kulikova, A.L. Morozova, T.A. Kostyukova, I.A. Pushkareva, D.M. Morozova); practice-oriented research in the field of using mediative technologies in teaching a foreign language (A.V. Pavlov, O.Yu. Lankina, O.V. Manzhula, Yu.V. Plekhanova, M.A. Stepanova, etc.).

Research results. The didactic potential of using mediative technologies for working with a foreign language test constitutes a block of tasks to provide a linguo-didactic approach to decoding linguocultural information. On the example of working with texts of the thematic orientation of Biobauernhof, the process of developing the mediative competence of students is described.

Conclusion. The use of a linguo-didactic approach to the development of mediative competence of students organizes intercultural communication by decoding linguistic and extralinguistic phenomena that are an obstacle to its full implementation.

Keywords: *text mediation, mediation competence, linguo-didactic approach, master's program, foreign language education.*

Mayer Inna A. – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of Germano-Romanic Philology and Foreign Languages Teaching, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: 0000-0002-9440-1897; ResearcherID: Q-6637-2018; e-mail: inna.maier@mail.ru

Selezneva Irina P. – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of Germano-Romanic Philology and Foreign Languages Teaching, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: 0000-0002-1590-9482; ResearcherID: O-9894-2018; e-mail: mixculture@mail.ru

---

References

1. Betretdinova I.K. Mediation in teaching a foreign language. In: Proceedings of the 4th International scientific and practical conference "New developmental impulses: issues of scientific studies. Saratov: NOO "Tsirovaya nauka". 2020. P. 119–122. DOI: 10.24412/cl-36008-2020-4-119-122
2. Galskova N.D. On linguistics one more time // Inostrannye yazyki v shkole (Foreign Languages at School). 2008. No. 8. P. 4–10.
3. Krupchenko A.K., Kuznetsov A.N. Fundamentals of professional didactics. Moscow: APKiP-PRO, 2015. 232 p.
4. Kulikova L.V. Discourse of intercultural mediation: a conceptual research model // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Yazyk i literature (Bulletin of Saint Petersburg University. Series: Language and Literature). 2019. No. 16 (2). P. 245–258. DOI: 10.21638/spbu09.2019.206

5. Lankina L.Yu. The notion of “mediation” in teaching foreign languages // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina (Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin). 2018. No. 2. P. 175–183.
6. Manzhula O.V., Isaeva E.V. Mediation practices in teaching English to foreign students // Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal (Eurasian Humanitarian Journal). 2020. No. 2. P. 126–139.
7. Morozova A.L., Kostyukova T.A., Pushkareva I.A., Morozova D.M. Development of language mediation in non-linguistic university students in the course of learning a foreign language // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki (Tambov University Review. Series: Humanities). 2021. Vol. 26, No. 193. P. 58–72. DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-193-58-72
8. Pavlov A.V. Mediation skills structure of bachelor students belonging to linguo-didactics field // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya (World of Science. Pedagogy and Psychology). 2021. No. 2 (9). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/28PSMN221.pdf>
9. Plekhanova Yu.V., Stepanova M.A. Mediation strategies in foreign language education // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya (World of Science. Pedagogy and Psychology). 2021. No 9 (5): 07PDMN521. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/07PDMN521.pdf>
10. Reutov M.I. Making linguo-didactics an independent academic subject in a master course within the framework of a pedagogical program // Prepodavatel XXI vek (Teacher of the 21st Century). 2021. No. 2, part 1. P. 78–85. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-2-78-85
11. Stateyeva E.V. Communicative linguistic mediation in linguoculturological aspect // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki (Philology. Theory & Practice). 2014. No. 12-3 (42). P. 160–163.
12. Khoroshevskaya I.V. Formation of mediated competence of future teachers as a psychological and pedagogical problem // Izvestia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (News of Volgograd State Pedagogical University). 2019. No. 1 (134). P. 113–118.
13. Shalaginova K.S., Dekina E.V. Assessment of future teachers’ preparedness to resolve school conflicts through mediation technologies // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal “Kontsept” (Scientific and Methodical E-journal “Concept”). 2021. No. 04. P. 75–87. URL: <http://e-koncept.ru/2021/211023.htm>; DOI 10.24412/2304-120X-2021-11023
14. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume with New Descriptors. Strasbourg: Council of Europe, 2018. URL: <https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989>
15. Creanga O. Mediation in English language teaching // Studia Universitatis Moldaviae. 2020. No. 9 (139). P. 81–88.
16. Maijala M. Culture teaching methods in foreign language education: pre-service teachers’ reported beliefs and practices // Innovation in Language Learning and Teaching. 2020. No. 14 (2). P. 133–149. DOI: 10.1080/17501229.2018.1509981
17. Peeters K. The place and importance of mediation in language learning and teaching. In: Conference: Mediation in Language Learning and Teaching. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/347422195_The_Place_and_Importance_of_Mediation_in_Language_Learning_and_Teaching; DOI: 10.13140/RG.2.2.30767.36004
18. Pym A. Introduction: Why mediation strategies are important // Language Problems & Language Planning. No. 42 (3). P. 255–266. URL: https://www.researchgate.net/publication/326035935_Introduction_Why_mediation_s_strategies_are_important
19. Stathopoulou M. Cross-language mediation in foreign language teaching and testing. Series: New Perspectives on Language and Education. Bristol, Duffalo, Toronto: Multilingual Matters, 2015. 285 p. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.21832/9781783094127/html>; DOI: 10.21832/9781783094127

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТА-ПЕРЕВОДЧИКА В СВЕТЕ ТЕОРИИ ОШИБОК И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ НЕСООТВЕТСТВИЙ

Т.М. Софронова (Красноярск, Россия)

Т.П. Бабак (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. В статье анализируется проблема формирования прагматической компетенции в профессиональном образовании будущих специалистов-переводчиков и предлагается обращение к теории ошибок и переводческих несоответствий (т.н. эрратологии). На примере овладения оценкой качества переводов демонстрируется учебный эксперимент по редактированию учебных переводов студентами и статистический анализ результатов, позволяющий осуществить переход от субъективной к более объективной интерпретации продуктов переводческой деятельности.

Цель статьи – разработать методику обучения студентов оценке качества переводов при освоении особенностей межъязыковой передачи прагматики оригинала для успешного формирования прагматической компетенции будущих специалистов.

Методологию исследования составляют анализ и обобщение работ зарубежных и отечественных исследователей по прагматике перевода и оценке его качества и опыта формирования переводческих компетенций студентов направления подготовки 45.03.02 «Лингвистика» (направленность (профиль) образовательной программы «Перевод и переводоведение»). Также используется метод проведения учебного эксперимента и статистической обработки полученных результатов.

Результаты. На основе контекстно-компетентного подхода к обучению разработан профессионально-деятельностный переводческий тренинг, состоящий из комплекса практико-ориентированных учебных заданий, направленных на формирование профессиональных компетенций студентов-переводчиков при изучении прагматики перевода и оценке качества перевода. Представлены и статистически обработаны результаты учебного эксперимента, отражающего субъективность оценки качества перевода и способы повышения ее объективности либо за счет увеличения количества оценивающих рецензентов и выведения средних обобщающих результатов, либо за счет графического сопоставления результатов между всеми представленными переводами.

Заключение. Предложенная в статье авторская методика по формированию прагматической компетенции будущих специалистов в области перевода может помочь студентам осознать относительную субъективность имеющихся способов оценки качества перевода, бесконечную вариативность переводов одного и того же исходного текста и необходимость критического анализа переводных справочных ресурсов. Данная методика может послужить основой для разработки аналогичных практико-ориентированных заданий на базе текстов требуемой тематической и языковой направленности для студентов переводческих отделений вузов.

Ключевые слова: перевод, прагматическая компетенция, оценка качества перевода, эрратология, классификация переводческих ошибок, учебный эксперимент, профессионально-деятельностный переводческий тренинг.

Софронова Татьяна Марковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: tmsofronova@gmail.com

Бабак Татьяна Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: tpbabak@gmail.com

Постановка проблемы. Профессиональная подготовка переводчика является актуальной проблемой иноязычного образования в вузе. Однако практика свидетельствует о наличии значительного разрыва между теоретической и практической подготовкой будущих переводчиков [Дорохов, 2008, с. 140]. Владение иностранным языком и переводческими навыками оказывается недостаточным, чтобы гарантировать успешное решение профессиональных переводческих задач. Очень часто виной тому является недостаточно развитая прагматическая компетенция, которая приводит к т.н. «прагматической неудаче» (данный термин был введен в практику британским лингвистом Джесси Томасом [Thomas, 1983, цит. по: Lu, 2019, p. 37]).

Развитию прагматической компетенции может способствовать теория ошибок и переводческих несоответствий, или эрратология (от лат. *errata* – ошибки) [Шевнин, 2004]. Л.К. Латышев [1999, с. 73–84] предлагает использовать «чудодейственный» методический прием, в основу которого положен эрратологический принцип – *не повторять чужих ошибок*, т.е. имеется в виду критический разбор опубликованных *ошибочных* переводов (с соответствующими фрагментами из оригинала). Эффективность этого приема объясняется психологическим свойством людей «не замечать бревна в своем глазу и с радостью видеть соломинку в чужом» [Софронова, 2007].

Критический разбор переводов предполагает овладение классификацией переводческих ошибок и применение как общеязыковых компетенций студентов в области грамматики, синтаксиса и стилистики родного и иностранного языков, так и культурологических (т.е. фоновых знаний об иноязычной культуре) и даже специальных переводческих компетенций (например, умение работать с терминологическим аппаратом).

Завершающим продуктивным/творческим этапом в развитии прагматической компетенции является создание отредактированного письменного перевода с учетом всех критических замечаний, отмеченных как самими студентами, так и преподавателем.

Из указанных выше положений сформулируем цель статьи – разработать методику обучения студентов оценке качества переводов при освоении особенностей межъязыковой передачи прагматики оригинала для успешного формирования прагматической компетенции будущих специалистов.

Обзор научной литературы. В лингвистику термин «прагматика» был введен в 1930-х гг. американским психологом и философом Чарльзом Моррисом [Morris, 1953]. Способность текста производить коммуникативный эффект, вызывать у получателя информации личностные отношения, т.е. осуществлять прагматическое воздействие на рецептора, называется прагматикой текста, или прагматическим потенциалом текста. При переводе текста с одного языка на другой простая схема прагматических отношений (исходный текст – получатель той же культуры) усложняется, так как в схеме появляется переводчик (исходный текст – переводчик – текст перевода – получатель другой культуры). Отсюда прагматика перевода – это способность перевода вызывать определенные смысловые, эмоциональные и побудительные реакции, которые будут идентичны тем, которые вызывает текст оригинала у носителя языка.

Качество перевода определяется степенью его соответствия переводческой норме. В целом норма перевода складывается в результате взаимодействия: 1) нормы эквивалентности; 2) жанрово-стилистической нормы; 3) прагматической нормы [Комиссаров, 2013]. В практическом плане между различными аспектами нормы перевода существует определенная иерархия и верхняя ступенька иерархической лестницы принадлежит именно прагматической норме, которая реализует своего рода суперфункцию, подчиняющую все остальные аспекты переводческой нормы. Именно прагматическая норма обеспечивает адекватность перевода.

Отсюда можно утверждать, что прагматическая компетенция переводчиков является основополагающей для формирования будущих профессионалов в области перевода и переводоведения. Цель обучения прагматической

компетенции – научить будущих переводчиков правильно использовать лингвистические средства не только с точки зрения норм иностранного языка, но и в соответствии с коммуникативным намерением, с учетом профессиональной ситуации, контекста профессиональной деятельности и профессионально значимых задач [Дорохов, 2008, с. 142; Корнеева, 2006, с. 113].

Особенности формирования иноязычной прагматической компетенции рассматриваются в ряде отечественных и зарубежных исследований [Василина, 2012; Бутусова, 2012; Емельянова, 2015; Castilho et al., 2018; Doherty et al., 2018; Lu, 2019; Crezee, Burn, 2019]. Наиболее полно основные критерии формирования прагматической компетенции студентов-переводчиков рассмотрены в автореферате Р.С. Дорохова¹ [2010, с. 7–8], а именно:

1. Владение языковыми знаниями, умениями и первоначальным опытом (лингвистическая и социокультурная составляющая).

2. Способность решать проблемные переводческие задачи на основе прагматического аспекта общения.

3. Владение приемами переводческой деятельности (различные виды трансформаций).

Ошибки переводчиков всегда были объектом пристального внимания теоретиков и практиков перевода, поскольку процесс подготовки переводчиков как специалистов, обладающих развитой профессиональной компетенцией, невозможен без эффективной системы контроля знаний, умений и навыков [Mellinger, 2018; Ивлева, 2018; Волкова, 2019, с. 101; Баринаева, Овчинникова, 2021]. Фундаментальной базой современных изысканий о переводческих ошибках остаются теоретические положения, разработанные в трудах В.Н. Комиссарова, А.Д. Швейцера, Р.К. Миньяр-Белоручева, Л.К. Латышева, В.В. Сдобникова, Н.К. Гарбовского, А.Б. Шевнина, Ю.В. Плехановой, М.А. Куниловской, Е.Л. Богуславской, А.В. Пушкиной, И.В. Новицкой, А.Ю. Ивлевой, И.Г. Овчинниковой, Д.М. Бузаджи, В.В. Гусева,

В.К. Ланчикова, Д.В. Псурцева и др. И все же многие авторы работ с сожалением отмечают, что еще не выработаны оптимальные лингводидактические модели для оценки качества перевода – фундаментальной категории переводоведения.

Одним из наиболее активно развивающихся направлений лингвистических информационных ресурсов на сегодняшний день является корпусная лингвистика. Интересные проекты в области корпусной лингвистики разрабатываются в Лингвистической лаборатории по корпусным технологиям Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Наибольший интерес для преподавателей перевода представляет создаваемый Корпус несовершенных переводов (Russian Learner Translator Corpus), поскольку он может быть использован для исследований в области переводческих ошибок и вариативности перевода, а также при актуализации наполнения преподаваемых переводческих дисциплин [Kunilovskaya et al., 2018; Kunilovskaya, Corpas Pastor, 2021; Kunilovskaya et al., 2022]. Представленная разработчиками классификация ошибок может быть взята преподавателями на вооружение, поскольку позволяет описывать смысловые и языковые ошибки, а также выделять удачные переводческие решения [Софронова и др., 2018].

Методологию исследования составляют анализ научной литературы по теории и методике профессионального иноязычного и переводческого образования, государственных стандартов высшего профессионального образования специалистов-переводчиков; моделирование процесса формирования прагматической компетенции переводчика; обобщение собственного опыта работы авторов по обучению студентов в КГПУ им. В.П. Астафьева, а также опытно-экспериментальная работа, статистическая обработка и интерпретация полученных результатов.

На примере овладения оценкой качества переводов наше исследование демонстрирует учебный эксперимент в рамках профессионально-деятельностного переводческого тренинга по редактированию учебных переводов студентами и статистическому анализу его результатов, позво-

¹ Дорохов Р.С. Формирование прагматической компетентности будущих переводчиков в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Курск, 2010. 24 с.

ляющий осуществить переход от субъективной к более объективной интерпретации продуктов переводческой деятельности.

Гипотеза эксперимента-тренинга заключается в следующем: при всей субъективности оценки качества перевода при наличии достаточного количества рецензентов средние значения результатов оценивания одних и тех же переводов студентами на разных уровнях профессиональной подготовки являются сопоставимыми.

В качестве базовой классификации переводческих ошибок мы приняли систему, используемую при оценивании экзаменационных переводов, объемом не более одной стандартной страницы текста: смысловая ошибка (приравнивается к одной полной ошибке), смысловая неточность (1/3 полной ошибки), грамматическая ошибка (1/3), лексическая (терминологическая) ошибка (1/3), стилистическая ошибка (1/4), орфографическая или пунктуационная ошибка (1/5).

Письменный перевод оценивается на «отлично» при отсутствии смысловых искажений и при наличии не более двух полных ошибок, на «хорошо» – при наличии одного смыслового искажения и не более трех полных ошибок, на «удовлетворительно» – при наличии двух смысловых искажений и не более четырех полных ошибок, на «неудовлетворительно» – при большем количестве ошибок.

Итак, для достижения обозначенной цели статьи мы провели учебный эксперимент-тренинг, в котором приняли участие студенты факультета иностранных языков КГПУ им. В.П. Астафьева в рамках прохождения курса «Теория перевода». Одна группа студентов обучалась на втором курсе (45.03.02 Лингвистика: Перевод и переводоведение) и другая группа состояла из студентов пятого курса (44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки): Иностранный язык и иностранный язык).

Выдавалась следующая инструкция для выполнения практического задания: 1. Познакомьтесь с системой оценивания учебных переводов и выполните разметку переводческих ошибок прямо в тексте (табл. 1) для двух вариантов перевода делового письма (можно использовать

сокращенные названия ошибок или использовать маркеры) (табл. 2). Дополнительные комментарии по коррекции выделенных ошибок Вы можете писать в Примечаниях (находятся во вкладке «Рецензирование» в любом документе Word). 2. Заполните таблицу, подсчитав сначала фактическое количество ошибок разных видов, а затем переведите их в количество полных ошибок (как показано в образце в табл. 2). Можете визуализировать таблицу в виде графиков (по желанию). 3. Предложите свой вариант перевода текста делового письма.

Материалами для эксперимента-тренинга послужили:

А) Оригинал текста делового письма о поставке товаров:

ABC Publications
London

3rd May, 2018

Dear Mr Kozyrev,

Further to our e-mail of 23rd April we enclose herewith a signed copy of our dispatch note as proof that the goods were indeed collected from our warehouse on 29th March of this year. In view of this may we suggest your warehouse carries out a thorough search. If this fails, kindly claim on the carrier for the loss.

In reply to your letter of 27th April re non-delivery of 2 commercial dictionaries, these are in stock but we are unable to trace an invoice relating to your company. Could the original order have been put through an agent? It would also assist us if you could quote our pro-forma invoice number. As soon as we receive a reply, we will give the matter immediate attention.

We were certainly sorry to learn that some of the goods we sent by rail were seriously damaged on arrival. In view of your comments on the insufficient packing, we are willing to accept total responsibility for the damage and have dispatched replacements already.

Please advise us when the goods have arrived. We hope to hear from you shortly.

Yours sincerely,
Anne Robinson,
Supervisor

Б) Два студенческих варианта переводов оригинала делового письма. Для редактирования (табл. 1). Они были ранее выполнены во время экзаменационной работы без использования справочных матери-

алов и только на базе накопленных знаний в период прохождения курса делового английского языка (сохранено первоначальное правописание и форматирование текста перевода).

Таблица 1

Два перевода текста оригинала

Table 1

Two translations of the original text

TRANSLATION № 1	TRANSLATION № 2
<p>ABC Publications London</p> <p>3 мая, 2018</p> <p>Уважаемый господин Козырев,</p> <p>К информации, отправленной по электронной почте 23 апреля, мы прилагаем завершённую копию документов о размещении товаров в подтверждение того, что товары действительно были получены из торгового дома 29 Марта этого года. В связи с этим мы просим представителей торгового дома точно выполнить условия договора. В случае невыполнения условий, ответственным за убытки является отправитель.</p> <p>В ответ на ваше письмо от 27 апреля о перепоставке двух коммерческих словарей, мы подтверждаем наличие их на складе, однако мы не можем отправить счет фактуру, которая относится к вашей компании. Первичный заказ должен быть осуществлен через представителя компании. Вы также можете оказать нам содействие, если укажите номер счета. Как только ответ будет получен, мы немедленно рассмотрим ваше предложение.</p> <p>К сожалению, некоторые товары, отправленные железнодорожным путем, были серьезно повреждены по прибытию. Учитывая ваше оповещение о некачественной упаковке, мы готовы взять на себя ответственность за поврежденные товары и уже произвели замену.</p> <p>Пожалуйста, сообщите нам о прибытии товара.</p> <p>С уважением, Анна Робинсон</p>	<p>ABC Publications London</p> <p>3 мая 2018 г.</p> <p>Уважаемый господин Козырев,</p> <p>В продолжение нашего письма по электронной почте от 23 Апреля мы прилагаем завершённую копию извещения о разгрузке, которая подтверждает, что товары действительно вывезены с нашего склада 29 марта этого года. В виду этого мы бы хотели предложить Вам провести на Вашем складе тщательное расследование. В случае неудачи, предъявите перевозчику претензию на потерю товаров.</p> <p>В Вашем письме за 27 апреля Вы упоминаете о непоставке 2 коммерческих словарей. Сейчас они имеются в наличии, но мы не можем найти счет-фактуру, выписанный на Вашу компанию. Возможно, Вы передали его оригинал через Вашего агента. Вы бы очень нам помогли, выписав номер нашего счета. Сразу по получении ответа, мы немедленно займемся Вашим делом.</p> <p>Мы очень сожалеем, что некоторые товары, высланные нами по ж/д, оказались серьезно поврежденными, что выяснилось по их прибытии в пункт назначения. Поскольку Вы считаете, что мы недостаточно хорошо упаковали товар, мы готовы взять на себя полную ответственность за повреждения и уже выслали Вам замену.</p> <p>Пожалуйста, сообщите нам о прибытии товара. Надеемся, что скоро получим Ваш ответ.</p> <p>Искренне Ваша, Анна Робинсон, начальник по контролю</p>

В) Таблица для сравнения качества двух представленных переводов (табл. 2). Письменный перевод оценивался на «5» при отсутствии смысловых искажений и при наличии не более 2 полных ошибок, на «4» –

при наличии 1 смыслового искажения и не более 3 полных ошибок, на «3» – при наличии 2 смысловых искажений и не более 4 полных ошибок, на «2» – при большем количестве ошибок.

Таблица 2

Пример заполнения таблицы по разметке фактических и полных переводческих ошибок

Table 2

Example of filling in a table with factual and relative translation mistakes

Номер перевода	Классиф. ошибок → виды ошибок ↓	Смыслов. ошибка (k=1 полная ошибка)	Смыслов. неточность (k=1/3 полн. ош.)	Лексичес. ошибка (k=1/3 полн. ош.)	Граммат. ошибка (k=1/3 полн. ош.)	Стилист. ошибка (k=1/4 полн. ош.)	Орфогр. ошибка (k=1/5 полн. ош.)	Пунктуац. ошибка (k=1/5 полн. ош.)	Итого	Оценка
Translation № 1	фактич.	2	3	1	1	3	1	1	12	3
(Образец)	полные	2	1	1/3	1/3	3/4	1/5	1/5	4,8	
Translation № 2	фактич.	1	2	1	0	8	0	0	12	4
(Образец)	полные	1	2/3	1/3	0	2	0	0	4	

Результаты исследования. В результате обработки данных учебного эксперимента в 2020 и 2022 гг. была подтверждена высокая степень субъективности оценки одного и того же перевода разными рецензентами.

Полученные данные можно представить в виде сопоставимых гистограмм усредненных данных по идентифицированным видам ошибок по направлениям подготовки и по году эксперимента (рис. 1).

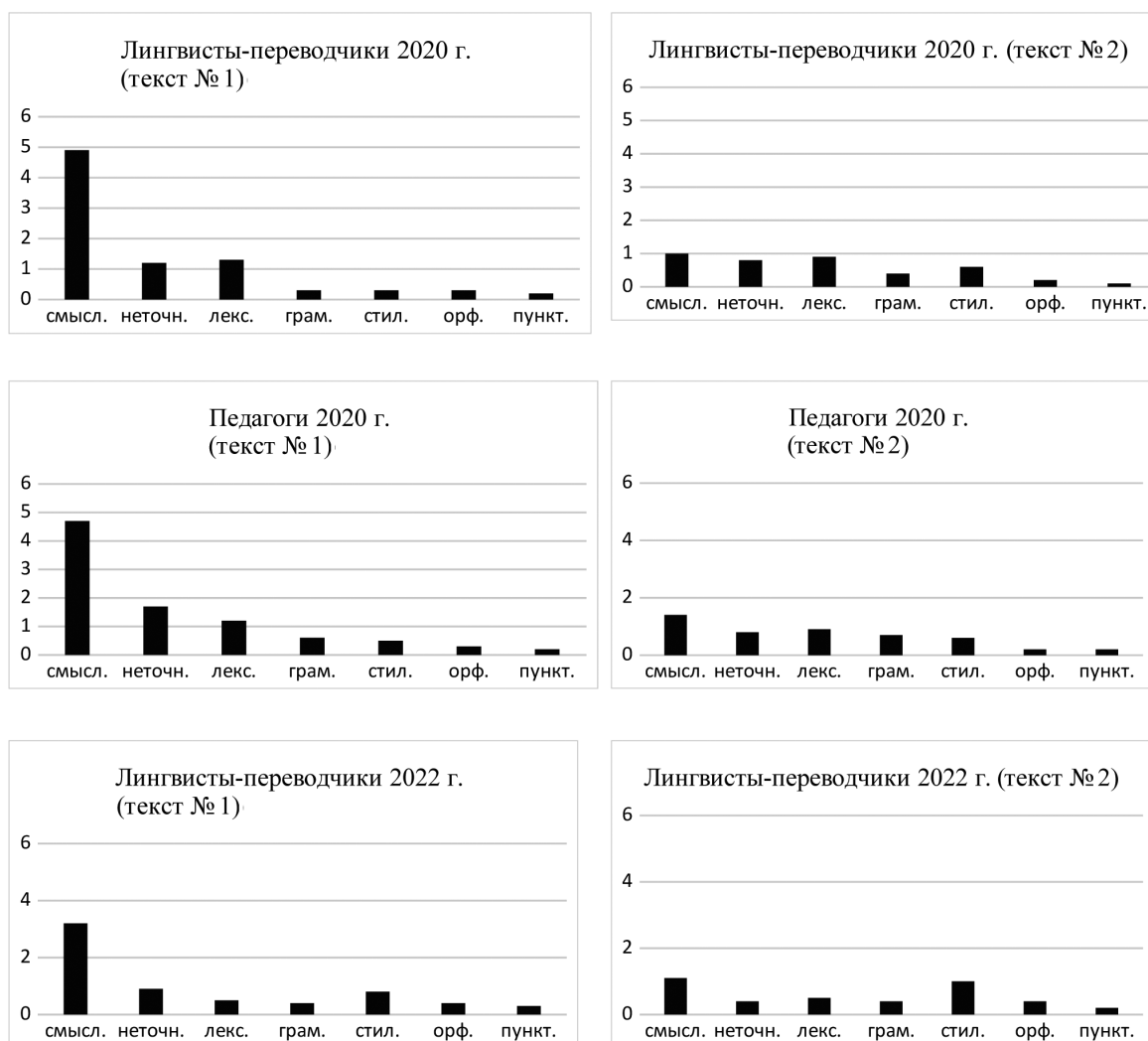

Рис. 1. Результаты проведенных экспериментов в виде сопоставимых гистограмм

Fig. 1. Results of the conducted experiments in the shape of bar charts

Несмотря на значительные вариации при идентификации разновидностей переводческих ошибок в двух переводах, предложенных для редактирования, итоговая средняя оценка за первый перевод получилась равной 2,29 балла (т.е. твердая «двойка») и за второй перевод – равной 3,58 балла (т.е. между «тройкой» и «четверкой») при оценивании студентами-педагогами пятого курса (всего 31 человек) и 2,15 и 3,57 балла соответственно при оценивании студентами-переводчиками второго курса (всего 20 человек) во время проведения эксперимента в 2020 г. Аналогичные данные были получены и при проведении эксперимента в 2022 г. (2,5 и 3,8 балла соответственно) среди 19 студентов-переводчиков второго курса. Получается, что независимо от уровня и направления иноязычной подготовки и субъективности при идентификации переводческих ошибок при наличии достаточно большого числа проверяющих рецензентов-студентов итоговые оценки двух демонстрационных переводов оказались сопоставимыми.

Кроме указания на переводческие ошибки в двух демонстрационных переводах, в задачи студентов также входило редактирование представленных переводов с последующим обсуждением получившихся вариантов перевода на занятии. Студентам был представлен следующий комментарий по результатам редактирования двух переводов (приводим фрагмент анализа).

1. «Шапка» документа всегда переводится. В нашем случае это название частной издательской компании. По правилам перевода названия издательств транскрибируются, например названия российских издательств: Наука – Nauka, Мысль – Mysl. Аналогично зарубежные издательства: Vintage Books – Винтидж Букс, ABC Publications – Эй-би-си Пабליкейшнз. Для более подробной информации советуем почитать книгу Д.И. Ермоловича «Имена собственные на стыке языков и культур» [2001].

2. Дата в переводе пишется так, как ее принято писать в российской документации, т.е. 3 мая 2018 г.

3. Обращение пишется с абзаца (к сожалению, не хватает оформительской разновидности ошибки в классификации ошибок, но ее можно условно отнести к стилистической) и в конце обращения ставится восклицательный знак: «Уважаемый господин Козырев!»

4. «К информации» – допустимый вариант перевода, хотя лучше «В дополнение». «В продолжение письма/телефонного разговора» – это своеобразный канцелярит, который иногда используется в деловой переписке, поэтому в данном жанре текста не является ошибочным.

5. Устойчивый термин – заверенная копия документа. Не нужно уточнять, что она заверена подписью, поскольку в заверенных документах также могут фигурировать всевозможные печати, штампы, официальные бланки, апостилы. В данном случае ошибка лексическая, которая приводит к искажению смысла, поскольку заверенная, т.е. законченная, копия документа совсем не обязательно содержит все необходимые подписи и печати (хотя мы можем догадаться, о какой копии идет речь по контексту). Поскольку по контексту мы можем догадаться, о какой копии идет речь, здесь допустимо классифицировать ошибку как лексическую/терминологическую, которая не приводит к полному искажению смысла. При этом, конечно, можно рассмотреть эту ошибку и как стилистическую, поскольку появляется ощутимая шероховатость стиля из-за использования неустойчивого выражения. Получается, в неспециальном тексте подобная ошибка сочетаемости слов была бы отнесена к стилистической, а в специальном тексте (в деловой переписке) мы ее относим к лексической/терминологической, если можно догадаться об истинном смысле лексической единицы, а в юридическом документе (договоре, соглашении и пр.) ее можно даже рассмотреть как серьезное смысловое искажение, поскольку неточная терминология может привести к двусмысленности юридического документа.

6. Названия месяцев по-русски пишутся с маленькой буквы: 23 апреля, 29 марта.

7. Копия – это и есть копия. Не нужно ее заменять на извещение или экземпляр.

8. Термин «dispatch note» в студенческих переводах представлен следующими вариантами: товарная или транспортная накладная / уведомление об отправке [товара] / извещение о разгрузке или погрузке. Отдельно слово «dispatch» означает отправку, а не разгрузку или размещение. Поскольку перед нами атрибутивное словосочетание явно устойчивого терминологического характера, проверяем по словарям перевод всего словосочетания и получаем те же варианты, что представлены выше. Начинаем разбираться. Что такое транспортная накладная? Поисковая система выдает, например, такой достойный внимания ресурс, как справочник финансового директора [Бухгалтерия и финансы, 2019], где находим, что «товарно-транспортная накладная» – это главный документ грузоперевозок, у которого есть четыре копии, причем нотариально заверенные. Возникает вопрос, возможно ли в переводе использовать такие варианты, как «товарная накладная» или «транспортная накладная»? Являются ли они сокращенными вариантами многокомпонентного термина или отличаются по смыслу? На самом деле существуют разные формы накладных: товарные, транспортные, товарно-транспортные. В данном случае речь идет о перевозке товара. Поэтому, на наш взгляд, логичнее было бы использовать термин «товарно-транспортная накладная». Теперь рассмотрим вариант «уведомление или извещение об отправке [товара]». В справочнике финансового директора находим, что извещение об отправке выдается «грузоотправителем или его агентом перевозчику, оператору смешанных перевозок, властям терминала или другому получателю, содержит информацию об экспортных грузах, представленных к отправке, и включает необходимые расписки и заявления об ответственности». Получается, что это дополнительный документ, который не заменяет собой товарно-транспортную накладную.

9. Английский термин «goods» используется только во множественной форме. Поэтому может переводиться и собирательным русским

словом «товар», и множественным числом – «товары». В некоторых вариантах студенческих отредактированных переводов было использовано слово «продукция» для перевода анализируемого английского слова. На самом деле между продукцией и товаром много общего, но есть и очень важная разница: продукцию производит производитель, но как только она продается, тут же превращается в товар. В нашем случае издательство производит продукцию в виде книг, которые при их продаже становятся товаром. Значит, выбираем вариант «товар» (если товары одной категории), или «товары» (если товары разных категорий). Мы точно не знаем, что было указано конкретно в товарно-транспортной накладной, поэтому в данной ситуации оставляем любой из вариантов.

10. Заключительным продуктивным заданием эксперимента-тренинга было составление отредактированной версии перевода представленного делового письма с учетом комментариев как преподавателя, так и студентов во время обсуждения переводческого комментария и т.д.

На практике у нас нет возможности, чтобы большое количество рецензентов просмотрело каждую работу и оценило ее качество. При оценивании экзаменационного перевода (одна стандартная страница) у студентов в группе (10–12 человек) мы используем ту же классификацию ошибок, что и в эксперименте, но не всегда придерживаемся тех жестких рамок, которые предлагаются для выведения финальных оценок. Текст для перевода может быть очень сложным, ошибок тоже может быть допущено достаточно много, но у кого-то больше, у кого-то меньше. Также мы учитываем качество самих ошибок (грубые смысловые или стилистические и пр.). Финальные оценки выводим после сопоставления результатов между всеми студентами по простому графику. Приведем пример из своей практики (фамилии изменены для конфиденциальности) (рис. 2).

На графике сразу проявляются две возможные градации оценок в данной группе студентов: первой четверке студентов можно поста-

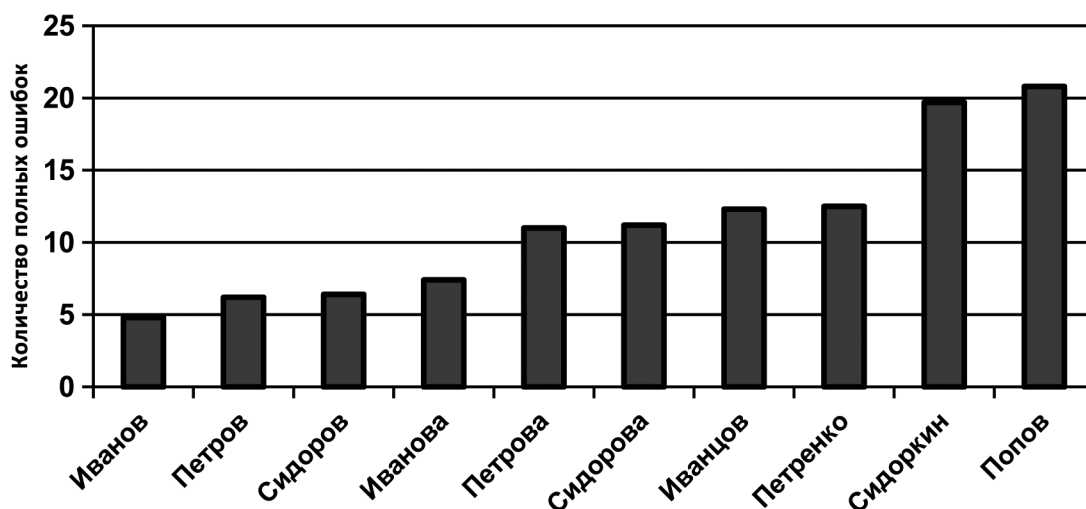

Рис. 2. Пример сопоставления результатов перевода во время экзаменационных испытаний
Fig. 2. Example of comparing translation results during exams

вить «отлично» за старания (несмотря на то, что общее количество ошибок выше допустимых по стандарту для некоторого стандартного текста); следующей четверке студентов можно поставить четверку и последним двум – тройки. Этот метод не идеальный, относительный, но на практике работает достаточно эффективно.

Для извлечения максимальной пользы при формировании прагматической компетенции студентов-переводчиков, а также для облегчения рутинной преподавательской работы с многочисленными вариантами студенческих переводов полезным было бы создание программы (утилиты), которая бы позволяла: 1) создавать индивидуальную базу оригиналов для перевода и связывать их с переводами студентов; 2) реализовывать процедуру оценивания: а) загружать перевод студента (текстом или блоками); б) вручную размечать ошибки (класс – количество); в) автоматически выводить статистику по студентам, ее визуализацию и итоговую оценку по алгоритму (стандартному или экспертному); 3) накапливать статистику метаданных о прогрессе студента (по ошибкам) и о преподавателе/оценщике (корреляции его оценки / конкретных ошибок с другими экспертами); 4) выделять элементы (слова, фразы, предложения) с типичными ошибками для базы тестовых заданий, которая бы включала также студенческие варианты дистракторов; 5) совмещать накопленные

данные с данными Корпуса несовершенных переводов (RusLTC) [Софронова и др., 2018].

Заключение. Анализ переводческих ошибок создает необходимую теоретическую базу для формирования прагматической компетенции, которая, по сути, является квинтэссенцией всех переводческих компетенций. Эрратологический материал может служить перспективной и надежной базой для отработки теоретических положений переводоведения, коррекции методологии и методики преподавания и изучения основ переводческой деятельности. Во время проведения профессионально-деятельностного переводческого тренинга студентами-переводчиками усваиваются знания и умения, необходимые для ведения профессиональной деятельности, приобретается опыт и ускоряется процесс адаптации в различных коммуникативных ситуациях при решении разнообразных переводческих профессионально значимых задач. Учебный эксперимент-тренинг по редактированию переводов позволил нам подтвердить нашу гипотезу о том, что повысить объективность оценивания перевода возможно за счет значительного увеличения числа проверяющих рецензентов либо за счет сопоставления общего количества полных ошибок (из расчета на одну стандартную страницу текста перевода) между студентами-переводчиками.

Библиографический список

1. Барина И.А., Овчинникова И.Г. Влияние новых переводческих технологий на распознавание и классификацию ошибок перевода // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 1. С. 8–25. DOI: 10.15593/2224-9389/2021.1.1
2. Бутусова А.С. Профессиональные компетенции устного переводчика // Альманах современной науки и образования. 2012. № 12 (67): в 2 ч. Ч. I. С. 28–31. URL: www.gramota.net/materials/1/2012/12-1/6.html
3. Бухгалтерия и финансы: справочник финансового директора. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://bcoll.ru/1335-transportno-ekspeditorskie-dokumenty/>
4. Василина В.Н. Формирование иноязычной прагматической компетенции студентов на занятиях по практике устной и письменной речи // Язык, речь, общение в контексте диалога языков и культур: сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: О.И. Уланович (отв. ред.) и др. Минск: Изд. центр БГУ, 2012. С. 96–103.
5. Волкова М.А. Переводческие ошибки как объект изучения эрратологии, психолингвистики, лингводидактики и переводоведения // Разработка учебно-методического обеспечения для внедрения инновационных методов обучения при реализации ФГОС 3++: матер. XLVI науч.-метод. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов, соискателей ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Тула, 10 декабря 2019 г. / Тульский гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого; под общ. ред. В.А. Панина. Тула, 2019. С. 101–103.
6. Дорохов Р.С. Формирование прагматической компетенции студента-переводчика // Знание. Понимание. Умение [Электронный ресурс]. 2008. № 3. С. 140–143. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2008_3/Dorokhov.pdf (дата обращения: 15.02.2022).
7. Емельянова Я.Б. Концепция мультикомпетенции переводчика // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. Вып. 8 (161). С. 82–87.
8. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур: Заимствование и передача имен собств. с точки зрения лингвистики и теории пер.: С прил. правил практ. транскрипции имен с 23 иностр. яз., в том числе табл. слоговых соответствий для кит. и яп. яз. / Д.И. Ермолович. М.: Р. Валент, 2001. 198 с.
9. Ивлева А.Ю. Оценка качества профессионального и учебного перевода: проблемы и перспективы // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 1. С. 8–18. DOI: 10.15593/2224-9389/2018.1.1
10. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для студ. ин-тов и ф-тов иностр. языков. Репр. изд. М.: Альянс, 2013. 250 с.
11. Корнеева Л.И. Ключевые компетенции в многоуровневом образовании: языковая составляющая // Вестник УрФУ. Сер.: Экономика и управление [Электронный ресурс]. 2006. № 9. С. 111–115. URL: <http://vestnik.ustu.ru/files/корнеева.pdf?t=fl&id=72> (дата обращения: 15.02.2022).
12. Латышев Л.К. Как готовить переводчиков? // Тетради переводчика: науч.-теор. сб. / под ред. С.Ф. Гончаренко. М.: МГЛУ, 1999. Вып. 24. С. 73–84.
13. Софронова Т.М. Методика преподавания письменного перевода в свете теории ошибок и переводческих несоответствий // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2007. Вып. 4. С. 42–49.
14. Софронова Т.М., Ломаско П.С., Бабак Т.П. Многофункциональная программа разметки переводческих ошибок // Множественность интерпретаций: цифровая перезагрузка: матер. VI Междунар. молодеж. науч.-практ. конф. Тюмень, 16 февраля 2018 г. / науч. ред. Е.В. Михалькова; Минво науки и высшего образования РФ, Тюм. гос. ун-т, Институт социально-гуманитарных наук. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2018. С. 96–99.
15. Шевнин А.Б. Эрратология и межъязыковая коммуникация // Вестник ВГУ. 2004. № 2. С. 36–43.

16. Castilho S., Doherty S., Gaspari F., Moorkens J. Approaches to human and machine translation quality assessment. In: Moorkens J., Castilho S., Gaspari F., Doherty S. (eds). *Translation Quality Assessment. Machine Translation: Technologies and Applications*. Cham: Springer, 2018. Vol. 1. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-91241-7_2
17. Crezee I., Burn A. Action research and its impact on the development of pragmatic competence in the translation and interpreting classroom. In: *The Routledge Handbook of Translation and Pragmatics* / Ed. by R. Tipton, L. Desilla. 1st Ed. London: Routledge, 2019. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315205564>
18. Doherty S., Moorkens J., Gaspari F., Castilho S. On education and training in translation quality assessment. In: Moorkens J., Castilho S., Gaspari F., Doherty S. (eds). *Translation Quality Assessment. Machine Translation: Technologies and Applications*. Cham: Springer, 2018. Vol 1. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-91241-7_5
19. Kunilovskaya M., Morgoun N., Pariy A. Learner vs. professional translations into Russian: lexical profiles // *The International Journal for Translation and Interpreting Research*. 2018. No. 10. P. 33–52.
20. Kunilovskaya M., Ilyushchenya T., Morgoun N., Mitkov R. Source language difficulties in learner translation: Evidence from an error-annotated corpus // *Target. International Journal of Translation Studies*. April 2022. DOI: <https://doi.org/10.1075/target.20189.kun>
21. Kunilovskaya M., Corpas Pastor G. Translationese and Register Variation in English-To-Russian Professional Translation. In: Wang V.X., Lim L., Li D. (eds). *New Perspectives on Corpus Translation Studies. New Frontiers in Translation Studies*. Singapore: Springer, 2021. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-4918-9_6
22. Lu L. Pragmatic Failure in Interpretation and the Development of Students' Pragmatic Competence in Interpreting // *English Language Teaching*. 2019. Vol. 12, No. 3. P. 37–45. DOI: <https://doi.org/10.5539/elt.v12n3p37>
23. Mellinger C.D. Re-thinking translation quality // *Target*. 2018. Is. 30 (2). P. 310–331. DOI: <https://doi.org/10.1075/target.16104.mel>
24. Morris C. *Foundations of the Theory of Signs* // *International Encyclopedia of Unified Science*. The University of Chicago Press, 1953. Vol. 1, No. 2. 59 p.
25. Thomas J. Cross-cultural pragmatic failure // *Applied Linguistics*. 1983. Is. 4 (2). P. 91–112. DOI: <https://doi.org/10.1093/applin/4.2.91>

DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-61-3-347>

DEVELOPMENT OF PRAGMATIC COMPETENCE IN TRANSLATION STUDENTS IN THE LIGHT OF TRANSLATION ERRORS AND NON-CORRESPONDENCE THEORY

T.M. Sofronova (Krasnoyarsk, Russia)

T.P. Babak (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article analyzes the problem of developing pragmatic competence in the professional education of future translators/interpreters and proposes an appeal to the theory of errors and translation non-correspondences (the so-called Erratology). On the example of assessment of the quality of translations, an educational experiment on editing educational translations by university students and a statistical analysis of the results are demonstrated. This helps to make a transition from subjective to more objective interpretation of the products of translation activities.

The purpose of the article is to develop a methodology for teaching students to assess the quality of translations when mastering the features of interlingual transmission of the pragmatics of the original for successful development of pragmatic competence in future specialists.

The research methodology consists of the analysis and synthesis of works by Russian and international researchers on translation pragmatics and assessment of translation quality and authors' experience of developing translation competencies in university students in Translation Studies (45.03.02 Linguistics; Translation and Translation Studies). The method of conducting a training experiment and statistical processing of the results is also applied.

Research results. Based on the context-competence-based approach to learning, a professional-activity translation training was developed, consisting of a set of practice-oriented training tasks aimed at developing the professional competencies of translation students in studying the pragmatics of translation and assessing the quality of translation. The results of an educational experiment are presented and statistically processed. They reflect the subjectivity of the assessment of the quality of translation and ways to increase its objectivity either by increasing the number of evaluating reviewers and deriving average results, or by graphically comparing the results between all submitted translations.

Conclusion. The authors' methodology for developing pragmatic competence in future specialists in the field of Translation Studies proposed in the article can help students realize the relative subjectivity of the available methods for assessing the quality of translation, the endless variability of translations of the same source text, and the need for a critical analysis of translation reference resources. This technique can serve as a basis for the development of similar practice-oriented tasks based on texts of the required thematic and linguistic orientation for university students specializing in Translation Studies.

Keywords: *translation, pragmatic competence, translation quality assessment, erratology, classification of translation errors, educational experiment, professional-activity translation training.*

Sofronova Tatiana M. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: tmsofronova@gmail.com

Babak Tatiana P. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: tpbabak@gmail.com

---

References

1. Barinova I.A., Ovchinnikova I.G. Influence of new translation technologies on recognition and classification of translation errors // Vestnik PNIPU. Problemy yazykozvaniya i pedagogiki (PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin). 2021. No. 1. P. 8–25. DOI: [10.15593/2224-9389/2021.1.1](https://doi.org/10.15593/2224-9389/2021.1.1)
2. Butusova A.S. Professional competencies of an interpreter // Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya (Almanac of Modern Science and Education). 2012. No. 12 (67): in 2 parts. Part 1. P. 28–31. URL: www.gramota.net/materials/1/2012/12-1/6.html

3. Accounting and finance. Handbook of a financial director [Electronic resource]. URL: <https://bcoll.ru/1335-transportno-ekspeditorskie-dokumenty/>
4. Vasilina V.N. Formation of foreign language pragmatic competence in university students during practice of oral and written speech. In: Language, speech, and communication in the context of the dialogue of languages and cultures: collection of scientific works / Belarusian State University; ed. by O.I. Ulanovich. Minsk: Izdatelsky tsentr BGU, 2012. P. 96–103.
5. Volkova M.A. Translation errors as an object of study of erratology, psycholinguistics, linguodidactics and translation studies. In: Proceedings of the XLVI scientific and methodological conference of the teaching staff and graduate students of the TSPU named after L. N. Tolstoy “Development of educational and methodological support for the introduction of innovative teaching methods in the implementation of FSES 3+”, Tula, December 10, 2019. Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy; edited by V.A. Panin. Tula: Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, 2019. P. 101–103.
6. Dorokhov R.S. Formation of pragmatic competence of a student-translator // Znanie. Ponimanie. Umenie (Knowledge. Understanding. Skill). 2008. No. 3. P. 140–143. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2008_3/Dorokhov.pdf. Access date: 02/15/2022
7. Emelyanova Ya. B. The concept of translator's multi-competence // Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2015. Is. 8 (161). P. 82–87.
8. Ermolovich D.I. Proper names at the intersection of languages and cultures: Borrowing and transmission of proper names from the point of view of linguistics and theory of translation. Moscow: R. Valent, 2001. 198 p.
9. Ivleva A.Yu. Assessment of the quality of professional and educational translation: problems and prospects // Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki (PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin). 2018. No. 1. P. 8–18. DOI: 10.15593/2224-9389/2018.1.1
10. Komissarov VN Translation theory (linguistic aspects): a textbook for students of institutes and faculties of foreign languages. Moscow: Alyans, 2013. 250 p.
11. Korneyeva L.I. Key competencies in multilevel education: language component // Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravlenie (Bulletin of the Ural Federal University. Series economics and management). 2006. No. 9. P. 111–115. URL: <http://vestnik.ustu.ru/files/korneeva.pdf?t=fl&id=72> (access date: 02/15/2022).
12. Latyshev L.K. How to prepare translators? In: Translator's Notebooks: collection of scientific works. Moscow: MGLU, 1999. Is. 24. P. 73–84.
13. Sofronova T.M. Methods of teaching written translation in the light of the theory of errors and translation non-correspondences // Perevod i sopostavitelnaya lingvistika: Periodicheskiy nauchnyy zhurnal (Translation and Comparative Linguistics: Periodical scientific journal). 2007. Is. 4. P. 42–49.
14. Sofronova T.M., Lomasko P.S., Babak T.P. Multifunctional program for translation errors annotation. In: Proceedings of the 6th International Youth Scientific and Practical Conference “Multiplicity of interpretations: digital reset”, Tyumen, February 16, 2018. Tyumen: Izdatelstvo TyumGU, 2018. P. 96–99.
15. Shevnin A.B. Erratology and interlingual communication // Vestnik VGU (Bulletin of the Voronezh State University). 2004. No. 2. P. 36–43.
16. Castilho S., Doherty S., Gaspari F., Moorkens J. Approaches to human and machine translation quality assessment. In: Moorkens, J., Castilho, S., Gaspari, F., Doherty, S. (eds) Translation Quality Assessment. Machine Translation: Technologies and Applications. Cham: Springer, 2018. Vol 1. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-91241-7_2
17. Crezee I., Burn A. Action research and its impact on the development of pragmatic competence in the translation and interpreting classroom. In: The Routledge Handbook of Translation and

- Pragmatics / Ed. by R. Tipton, L. Desilla. 1st Edition. London: Routledge, 2019. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315205564>
18. Doherty S., Moorkens J., Gaspari F., Castilho S. On education and training in translation quality assessment. In: Moorkens, J., Castilho, S., Gaspari, F., Doherty, S. (eds) *Translation Quality Assessment. Machine Translation: Technologies and Applications*. Cham: Springer, 2018. Vol 1. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-91241-7_5
  19. Kunilovskaya M., Morgoun N., Pariy A. Learner vs. professional translations into Russian: lexical profiles // *The International Journal for Translation and Interpreting Research*. 2018. No. 10. P. 33–52.
  20. Kunilovskaya M., Ilyushchenya T., Morgoun N., Mitkov R. Source language difficulties in learner translation: Evidence from an error-annotated corpus // *Target. International Journal of Translation Studies*. April 2022. DOI: <https://doi.org/10.1075/target.20189.kun>
  21. Kunilovskaya M., Corpas Pastor G. Translationese and Register Variation in English-To-Russian Professional Translation. In: Wang, V.X., Lim, L., Li, D. (eds) *New Perspectives on Corpus Translation Studies. New Frontiers in Translation Studies*. Singapore: Springer, 2021. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-4918-9_6
  22. Lu L. Pragmatic Failure in Interpretation and the Development of Students' Pragmatic Competence in Interpreting // *English Language Teaching*. 2019. Vol. 12, No. 3. P. 37–45. DOI: <https://doi.org/10.5539/elt.v12n3p37>
  23. Mellinger C. D. Re-thinking translation quality // *Target*. 2018. Is. 30 (2). P. 310–331. DOI: <https://doi.org/10.1075/target.16104.mel>
  24. Morris C. *Foundations of the Theory of Signs* // *International Encyclopedia of Unified Science*. The University of Chicago Press, 1953. Vol. 1, No. 2. 59 p.
  25. Thomas J. Cross-cultural pragmatic failure // *Applied Linguistics*. 1983. Is. 4 (2). P. 91–112. DOI: <https://doi.org/10.1093/applin/4.2.91>

УДК 378.147

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МАРШРУТ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Т.А. Шкерина (Красноярск, Россия)

А.И. Мышковская (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. Современные тенденции развития системы высшего и послевузовского образования, а также возросшие требования к личности профессионала и его траектории профессионального развития позволяют сделать вывод об очевидности ведущей роли системы учебно-профессиональных мотивов в структуре учебно-профессиональной деятельности студентов на разных этапах профессиональной подготовки в вузе. Актуализируется необходимость конкретизации научной основы для оптимизации профессиональной подготовки будущих педагогов, в т.ч. ее психолого-педагогического обеспечения.

Цель статьи состоит в обосновании развивающего потенциала индивидуального образовательного маршрута как средства развития учебно-профессиональной мотивации студентов педагогического вуза.

Методологию исследования составили научные труды, отражающие сущность проблемы выявления особенностей психологического развития личности в юношеском возрасте (Л.И. Божович, Л.С. Выготский, Е.А. Климов, И.С. Кон, В.С. Мухина, Д.И. Фельдштейн и др.); теоретические основы в области учебно-профессиональной деятельности студентов (А.А. Вербицкий, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, А.Н. Леонтьев, Е.И. Машбиц, Д.Б. Эльконин и др.); исследования, касающиеся раскрытия сущности и структурных составляющих учебно-профессиональной мотивации студентов и ее развития на разных этапах обучения (Л.И. Божович, Н.Ю. Воронкова, Т.О. Гордеева, Т.И. Ильина, И.А. Зимняя, Н.С. Киселева, А.К. Маркова, В.А. Якунин и др.); реализация принципа индивидуализации в тьюторском сопровождении обучающихся как основа становления у них субъектной позиции (научная школа Т.М. Ковалевой); требования профессиональных стандартов^{1, 2} и федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования к профессиональной подготовке будущих педагогов и педагогов-психологов^{3, 4}.

Результаты исследования. Разработаны компоненты учебно-профессиональной мотивации и соответствующие им показатели с целью выявления особенностей мотивационного профиля студентов на всех этапах обучения. Разработаны концептуальные, содержательные и технологические аспекты индивидуального образовательного маршрута как средства развития учебно-профессиональной мотивации студентов педагогического вуза, реализация которого осуществляется в настоящее время в институте психолого-педагогического образования КГПУ им. В.П. Астафьева в условиях реализации проекта «Траектория».

Заключение. Предложенный в статье подход к развитию учебно-профессиональной мотивации студентов педагогического вуза позволит повысить качество профессиональной подготовки будущих специалистов, что обусловлено социальной значимостью педагогической профессии для развития общества.

Ключевые слова: студенты педагогического вуза, учебно-профессиональная мотивация, индивидуальный образовательный маршрут, психолого-педагогическое сопровождение будущих специалистов.

¹ Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от «18» октября 2013 г. № 544 н (в ред. Приказа Минтруда РФ от 05.08.2016 № 422н).

² Профессиональный стандарт «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от «24» июля 2015 г. № 514н.

³ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование. Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 февраля 2018 г. № 121. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/440301_B_3_15062021.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

⁴ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование. Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 февраля 2018 г. № 122. URL: <https://base.garant.ru/71897860/> (дата обращения: 10.09.2022)

Шкерина Татьяна Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики детства института психолого-педагогического образования, КГПУ им. В.П. Астафьева; ORCID: 0000-0003-4768-318X; e-mail: Shkerinat@mail.ru

Мышковская Александра Ивановна – аспирант кафедры философии, экономики и права исторического факультета, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: alxndrasharon@gmail.com

Постановка проблемы. Система профессиональной вузовской подготовки нуждается в преобразованиях, будущие выпускники должны не только овладеть профессиональными компетенциями, но и быть готовыми к неизбежной смене вектора профессионального развития, искать пути развития и поддержания мотивации учения как предиктора карьерного и профессионального развития и успеха.

В требованиях к результатам освоения основной профессиональной образовательной программы федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования по направлениям подготовки 44.03.01 Педагогическое образование и 44.03.02 Психолого-педагогическое образование в качестве одних из значимых результатов определены не только общепрофессиональные и профессиональные компетенции, но и универсальные компетенции, которые также ориентированы на личностное и профессиональное развитие обучающихся: способен управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни; способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения^{5, 6}.

⁵ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование. Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 февраля 2018 г. № 121. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/440301_B_3_15062021.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

⁶ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование. Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 февраля 2018 г. № 122. URL: <https://base.garant.ru/71897860/> (дата обращения: 10.09.2022).

Обеспечение выявления и развития потенциала будущих специалистов, готовых к творческой деятельности, самостоятельному взаимодействию с инновационной, активно развивающейся экономикой и сферой труда – актуальная и важная задача высшей школы [Бурлаченко, 2020]. Комплексный подход к изучению, формированию и развитию учебно-профессиональных мотивов в широкой группе мотивов учения, выявление и учет особенностей структуры мотивов студентов, их иерархии и динамики позволит вузам обеспечивать профессиональную подготовку компетентных специалистов, готовых и мотивированных к профессиональной деятельности в условиях цифровизации и глобализации экономики и общества, а значит, готовых к смене векторов профессиональной деятельности и дальнейшему обучению, осознающих роль учения в жизни профессионала и определяющих образование личностной ценностью [Днепровская, 2018].

Анализ научной психолого-педагогической литературы, исследований позволил выявить основное противоречие между теоретической разработанностью подходов к исследованию проблемы формирования и развития учебно-профессиональной мотивации (УПМ) студентов педагогических вузов и недостаточной разработанностью психолого-педагогических средств по ее развитию.

На основе выявленного противоречия сформулирована проблема исследования, заключающаяся в поиске психолого-педагогических средств, нацеленных на развитие УПМ студентов педагогического вуза.

Цель статьи – состоит в обосновании развивающего потенциала индивидуального образовательного маршрута (ИОМ) как средства развития учебно-профессиональной мотивации студентов педагогического вуза.

Методологию исследования составили научные труды, отражающие сущность проблемы выявления особенностей психологического развития личности в юношеском возрасте (Л.И. Божович, Л.С. Выготский, Е.А. Климов, И.С. Кон, В.С. Мухина, Д.И. Фельдштейн и др.); теоретические основы в области учебно-профессиональной деятельности студентов (А.А. Вербицкий, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, А.Н. Лентьев, Е.И. Машбиц, Д.Б. Эльконин и др.); исследования, касающиеся раскрытия сущности и структурных составляющих УПМ студентов и ее развития на разных этапах обучения (Л.И. Божович, Н.Ю. Воронкова, Т.О. Гордеева, И.А. Зимняя, Н.С. Киселева, А.К. Маркова, В.А. Якунин, Т.И. Ильина и др.); реализация принципа индивидуализации в тьюторском сопровождении обучающихся как основа становления у них субъектной позиции (научная школа Т.М. Ковалевой); требования профессиональных стандартов^{7, 8} и федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования к профессиональной подготовке будущих педагогов и педагогов-психологов^{9, 10}.

Обзор научной литературы. В современных зарубежных исследованиях отмечена необходимость учета полимотивированности выбора

педагогической профессии обучающимися при проектировании и реализации образовательных программ, особенностей представлений о будущей профессии и мн. др. [Bergmark et al., 2018]; выявлены особенности мотивированного поведения у студентов, факторы, влияющие на его снижение [Veen van der, Peetsma, 2020]; выявлены особенности мотивации не только обучающихся разных возрастных групп, но и педагогов, раскрыта взаимосвязь выделенных переменных в образовании [Han, Yin, 2016].

Большинство отечественных исследователей, оставаясь в традициях психологии мотивации деятельности, стоят на позиции потребностной парадигмы детерминации деятельности человека, прочно связывая понятие деятельности с понятием мотива, который представляется чем-то объективным, отвечающим потребности, побуждающим к деятельности и направляющим ее¹¹.

В исследовании проблемы мотивационного профиля личности в образовании одной из актуальных в настоящее время является теория самодетерминации, авторами которой являются американские исследователи Э. Диси и Р. Райан [Deci, Ryan, 2008a; 2008b].

Последователь идей теории самодетерминации исследователь Т.О. Гордеева обосновывает эффективность применения теории самодетерминации в сфере образования, в частности в аспекте развития УПМ обучающихся (позитивный мотивационный профиль обучающихся формируется при обеспечении исключительно автономных университетских сред вместо «жестко» управляемых) [Гордеева, 2010а; 2010б; Гордеева, Сычев, Осин, 2013].

Учебно-профессиональная деятельность, интеллектуальная и социальная по сути, наиболее оптимально функционирует при сочетании доминирующей внутренней мотивации и продуктивных формах широких социальных

⁷ Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 октября 2013 г. № 544н (в ред. Приказа Минтруда РФ от 05.08.2016 № 422н).

⁸ Профессиональный стандарт «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 24 июля 2015 г. № 514н.

⁹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование. Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 февраля 2018 г. № 121. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/440301_V_3_15062021.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

¹⁰ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование. Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 февраля 2018 г. № 122. URL: <https://base.garant.ru/71897860/> (дата обращения: 10.09.2022).

¹¹ Меламед Д.Л. Особенности мотивации учебно-профессиональной деятельности разностатусных студентов вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. М., 2011. 26 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/osobennosti-motivatsii-uchebno-professionalnoi-deyatelnosti-raznostatusnykh-studentov-vuza> (дата обращения: 10.09.2022).

или внешних положительных мотивов [Гордеева, 2010б]. Данное положение о доминирующей внутренней мотивации в мотивационной структуре личностей студентов легло в основу настоящего исследования.

Оставаясь значимыми, традиционно широко изучаемыми как отечественной, так и зарубежной психолого-педагогической наукой, мотив и мотивация являются предметом споров и разногласий. Исследователи, предпринимающие активные попытки на пути к целостной непротиворечивой концепции феномена, отмечают несистемность изучения мотивации, неоднозначность трактовок и интерпретаций понятий [Афинская, 2021].

Эффективность реализации идей индивидуального подхода в повышении качества профессиональной подготовки студентов рассматривали в научных трудах как отечественные [Ковалева, 2014; 2017; 2019; 2021; Костюченко, 2016; и др.], так и зарубежные исследователи [Deci, Ryan, 2008a; 2008b; Han, Yin, 2016; Howard et al., 2021; Bureau et al., 2022]. Реализация индивидуализации позволяет формировать осмысленную картину мира студентов, автономность и самостоятельность, определять потенциальную направленность профессионального развития, что обеспечивается включением студентов в разработку и реализацию индивидуальных образовательных маршрутов.

ИОМ определяется учеными как целенаправленно проектируемая дифференцированная образовательная программа, обеспечивающая обучающемуся позиции субъекта выбора, разработки и реализации образовательной программы (С.В. Воробьева, Н.Г. Костюченко, Н.А. Лабунская, А.П. Тряпицына, Ю.Ф. Тимофеева и др.).

Одним из важнейших инструментов для реализации управления развитием формирования УПМ исследователи определяют рефлексию в аспекте ее функции – самоопределения личности [Ковалева, 2021; Кох, Орлов, 2020; и др.].

Считаем, что организация специальной рефлексивной среды в процессе индивидуализации будет являться эффективным инструментом развития УПМ посредством включения студентов в

деятельность с позиций анализа прошлого и настоящего опыта и соотнесения их с будущими устремлениями, то есть позволит планировать, реализовывать и оценивать деятельность в процессе саморазвития.

Анализ научных трудов в контексте предмета исследования позволил выявить недостаточную разработанность психолого-педагогического обеспечения в формировании и развитии УПМ студентов педагогических вузов.

Результаты. Анализ вышепредставленных научных трудов позволил выделить компоненты учебно-профессиональной мотивации студентов и их показатели: учебно-познавательный, учебно-профессиональный и личностный компоненты. Охарактеризуем показатели выделенных компонентов.

Учебно-познавательный компонент характеризуется познавательным интересом к учебной деятельности, отношением студентов к процессу обучения, осознанного личностным смыслом, объективной потребностью в знаниях, закреплёнными в структуре личности. Познавательная активность позволяет студенту стремиться к получению знаний, критично относиться к суждениям других и формировать независимость и самостоятельность собственных суждений и практической деятельности.

Учебно-профессиональный компонент характеризуется целостными представлениями студентов о выбранной профессии, определением ее достойной, значимой и перспективной для себя и для социума; активной деятельностью, направленной на приобретение профессии; усвоением научного знания и умением его применения в области решения профессиональных задач; осознанием себя будущим профессионалом.

Личностный компонент выступает стимулом профессионального саморазвития, самореализации, самообразования, характеризуется пониманием ценности получения знаний и овладения профессией как способов расширения личностных и жизненных, а также профессиональных представлений. Личностный компонент формирует отношение субъекта к деятельности, его интересы, принципы, систему ценностей,

сознательное отношение к действительности, личную значимость деятельности.

Обобщая результаты теоретического анализа по раскрытию сущности и структуры исследуемого феномена, можно отметить, что мотивация учебно-профессиональной деятельности представляется многоуровневой системой внутренних, внешних положительных и внешних отрицательных учебно-познавательных, учебно-профессиональных и личностных мотивов, взаимно влияющих в процессе функционирования и развития друг на друга, обуславливающих проявление учебной активности и активных действий по овладению профессией.

Высшее образование, будучи массовым, не всегда затрагивает индивидуальные образовательные потребности студентов, поэтому одним из возможных путей решения проблемы развития учебно-профессиональной мотивации студентов первого курса определена реализация индивидуализации. Анализ образовательной теории и практики в системе высшего педагогического образования позволил прийти к выводу о целесообразности интеграции идей индивидуализации и компетентностного подхода как одного из ведущих в системе высшего образования в повышении качества профессиональной подготовки будущих педагогов / педагогов-психологов в институте психолого-педагогического образования Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева [Шкерина Л.В., Шкерина Т.А., 2017; Shkerina, Savolainen, Zakhartsova, 2020].

Анализ результатов диагностирования мотивационного профиля обучающихся позволил выявить в основном внешнюю положительную мотивацию у студентов первого курса, что не является позитивным мотивационным комплексом личности, а также неосознание важности получения образования, отсутствие представлений о возможностях самореализации в выбранной профессиональной деятельности, невыраженность стремления к получению знаний и др.

Полученные результаты актуализировали необходимость обогащения содержания, форм, ме-

тодов, средств и технологий психолого-педагогического взаимодействия как в рамках общепрофессиональных дисциплин, так и в учебной практике: «Введение в профессию», которая реализуется в формате лабораторных занятий в университетской среде (психолого-педагогическое сопровождение разработки и реализации индивидуального образовательного маршрута для формирования и развития учебно-профессиональной мотивации студентов).

Проектной идеей выступило предположение, что развитие учебно-профессиональной мотивации студентов-первокурсников педагогического вуза будет результативным, если разработать и реализовать индивидуальный образовательный маршрут: характеризующийся структурой, отражающей компоненты учебно-профессиональной мотивации (личностный, учебно-профессиональный и учебно-познавательный); реализуемый поэтапно (аналитико-диагностический, проектировочный, реализационный и аналитико-рефлексивный); выстроенный с опорой на принципы: индивидуализации, непрерывности, профессиональной ориентированности, междисциплинарности, сознательности и активности, открытости, интерактивности; ориентированный на учет образовательных потребностей студентов, их представлений об образовательном процессе и его результатах, определение личностно и профессионально значимых смыслов деятельности.

Этапы разработки и реализации индивидуального образовательного маршрута представлены в таблице.

На аналитико-диагностическом этапе разработки траектории индивидуального личностного и профессионального развития особенно значимым считается создание ситуации «позитивной и мотивирующей атмосферы», психологического комфорта, который способствует готовности продолжать сотрудничество. В целом работа на данном этапе направлена прежде всего на развитие и стимулирование у студентов мотивации к дальнейшей образовательной деятельности с точки зрения сформированного ими образа будущего педагога / педагога-психолога.

**Этапы разработки и реализации индивидуального образовательного маршрута
студентов педагогического вуза
(реализации программы психолого-педагогического сопровождения)
Stages of development and implementation of an individual educational route
for students of a pedagogical university
(implementation of a program of psychological and pedagogical support)**

Этап (модуль) реализации проекта	Содержание этапа	Задачи этапа	Ожидаемые результаты
Аналитико-диагностический (оценочный) этап	– Фиксация первичного образовательного запроса обучающегося, его интересов, склонностей; – определение имеющегося у студентов начального объема знаний по теме заявленного интереса	– Сформировать представление об образовательных трендах; – предоставить возможность лучше узнать друг друга и себя; – развить умение вести дискуссию; – добиться понимания важности формирования и развития метакомпетенций	Зафиксированный образ будущего (образ педагога)
Проектировочный этап	– Организация сбора информации по развитию компетенций и личностных качеств относительно зафиксированного образа будущего	– Сформировать представление о видах образовательного целеполагания; – сформировать умение картировать собственные образовательные перспективы; – повысить уверенность в себе; – сформировать умение разработки индивидуальной траектории личностного и профессионального развития	Повышение уровня осознанности овладения профессией, профессиональное самоопределение, индивидуальный образовательный маршрут
Реализационный этап	– Осуществление студентами реальных действий, направленных на достижение целей, развитие личностных и профессиональных качеств; – участие в различных исследованиях и проектах; – представление полученных результатов	– Достижение студентами поставленных целей и развитие личностных и профессиональных качеств (участие в исследованиях, проектах, семинарах, тренингах)	Развитие учебно-профессиональной мотивации за счет лично значимых результатов проактивной деятельности, движение по индивидуальному образовательному маршруту
Аналитико-рефлексивный этап	– Анализ трудностей, возникших во время работы; – индивидуальная групповая рефлексия с целью получения каждым выступающим обратной связи с аудиторией	– Развитие адекватной самооценки студентов; – развитие умений анализа собственных способов действий и способов действий окружающих; – развитие аналитических умений	Получение каждым студентом обратной связи в процессе групповой рефлексии, корректировка индивидуального образовательного маршрута

Основными задачами проектировочного этапа являются поддержка самостоятельности и активности, а также помощь в выборе средств для достижения целей развития. Реализационный этап требует психологической поддержки и навигации студентов в пространстве осуществления запланированных на пути к личностным, образовательным и профессиональным целям. Работа завершается анализом выполненной и планированием будущей работы. Этот этап способствует развитию адекватной самооценки, умению анализи-

ровать как собственные способы действий, так и способы действий окружающих, понимать происходящие в себе и в окружающих изменения.

Формами организации работы со студентами в рамках реализации проекта стали групповые и индивидуальные тьюториалы: индивидуальные и групповые консультации; групповые занятия по определению структуры мотивов учебной и профессиональной деятельности; целеполаганию и др.; картирование индивидуальных образовательных перспектив; проектирова-

ние индивидуальных траекторий личностного и профессионального развития; самопрезентация полученных продуктов деятельности.

Групповые и индивидуальные тьюториалы реализовывались в рамках учебных занятий и во внеучебное время по договоренности в онлайн- и офлайн-форматах. Помимо непосредственной работы группы студентов с педагогом, реализация психолого-педагогического сопровождения подразумевает обогащение методического обеспечения и содержания дисциплин рефлексивными способами взаимодействия и заданиями, связанными с осознанием личностной значимости выбранной профессии.

Полученные результаты актуализируют необходимость организации в вузе психолого-педагогической работы со студентами как в области психолого-педагогического сопровождения реализации образовательной программы высшего образования, так и в области психологической поддержки обучающихся в стремлении к саморазвитию, развитию личности.

Заключение. В статье освещены теоретические основы реализации идей индивидуального подхода в повышении качества профессиональной подготовки будущих педагогов и педагогов-психологов, связанные с обеспечением формирования и развития их учебно-профессиональной мотивации. Представлена авторская концепция проектирования индивидуального образовательного маршрута, отражающая идею психолого-педагогического сопровождения студентов-первокурсников педагогического вуза в условиях теоретической и практической подготовки, обогащенной профессионально ориентированным, поликонтекстным, рефлексивным содержанием и технологиями. Перспективным направлением настоящего исследования является разработка модели тьюторского сопровождения развития учебно-профессиональной мотивации будущих специалистов с учетом их мотивационного профиля и анализа эффективности ее реализации на всех этапах их профессиональной подготовки.

Библиографический список

1. Афинская З.Н. Мотив и мотивация как антропологические категории // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. Симферополь, 2021. С. 49–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47135105> (дата обращения: 10.09.2022).
2. Бурлаченко Л.С. Трансформация профессиональной идентичности в условиях транзитивности профессионально-трудовой сферы современного общества // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. № 1. С. 36–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-professionalnoy-identichnosti-v-usloviyah-tranzitivnosti-professionalno-trudovoy-sfery-sovremennogo-obschestva> (дата обращения: 10.09.2022).
3. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Внутренняя и внешняя учебная мотивация студентов: ее источники и влияние на психологическое благополучие // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 35–45. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/2qgr5z65t0/76388979.pdf> (дата обращения: 10.09.2022).
4. Гордеева Т.О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Ч. 1: Проблемы развития теории // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010а. Т. 3 (12). DOI: 10.54359/ps.v3i12.906
5. Гордеева Т.О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Ч. 2: Вопросы практического применения теории // Психологические исследования. 2010б. Т. 3 (13). DOI: 10.54359/ps.v3i13.895
6. Днепровская Н.В. Оценка готовности российского высшего образования к цифровой экономике // Статистика и экономика. 2018. 15 (4). С. 16–28. DOI: 10.21686/2500-3925-2018-4-16-28
7. Ковалева Т.М. Работа с индивидуальной образовательной траекторией и индивидуальной образовательной программой: дидактический взгляд // Современная дидактика и качество образования: становление не классно-урочных систем обучения: матер. IX Всерос. науч.-метод. конф. (Красноярск, 18–19 января 2017 г.). Красноярск, 2017. С. 69–81. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37036376> (дата обращения: 10.09.2022).

8. Ковалева Т.М. Реализация принципа открытости при построении и применении образовательных технологий // Отечественная и зарубежная педагогика. 2014. № 4 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipa-otkrytosti-pri-postroenii-i-primenenii-obrazovatelnyh-tehnologiy> (дата обращения: 16.09.2022).
9. Ковалева Т.М. Тьюторское сопровождение студентов педагогического бакалавриата 1-го года обучения как антропопрактика // Исследователь / Researcher. 2018. № 1–2 (21–22). С. 139–142. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyutorskoe-soprovozhdenie-studentov-pedagogicheskogo-bakalavriata-1-goda-obucheniya-kak-antropopraktika> (дата обращения: 10.09.2022).
10. Ковалева Т.М. «Self skills» как особая группа компетентностей в образовании человека // Методологические ориентиры субъектов опережающего образования: сб. ст. Владивосток, 2021. С. 30–33. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46153979> (дата обращения: 20.02.2022).
11. Костюченко Н.Г. Проектирование индивидуально-образовательного маршрута как условие формирования профориентационной компетентности обучающихся // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее. Пенза, 2016. С. 310–315. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27489393> (дата обращения: 10.09.2022).
12. Кох И.А., Орлов В.А. Ценности и профессиональное самоопределение студенческой молодежи // Образование и наука. Екатеринбург. 2020. № 22 (2). С. 143–170. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-i-professionalnoe-samoopredelenie-studencheskoy-molodezhi> (дата обращения: 10.09.2022).
13. Шкерина Л.В., Шкерина Т.А. Новые дидактические принципы теоретической подготовки студентов // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2017. № 3 (41). С. 95–104. DOI: 10.25146/1995-0861-2017-41-3-09
14. Bergmark U., Lundström S., Manderstedt L., Palo A. Why become a teacher? Student teachers' perceptions of the teaching profession and motives for career choice // European Journal of Teacher Education. 2018. Is. 41 (3). P. 266–281. DOI: 10.1080/02619768.2018.1448784
15. Bureau J.S., Howard J.L., Chong J.X.Y., Guay F. Pathways to student motivation: A meta-analysis of antecedents of autonomous and controlled motivations // Review of Educational Research. 2022. Vol. 92, No. 1. P. 46–72. DOI: 10.3102/00346543211042426
16. Deci E.L., Ryan R.M. Facilitating optimal motivation and psychological well-being across life's domains // Canadian Psychology / Psychologie Canadienne. 2008a. No. 49 (1). P. 14–23. DOI: 10.1037/0708-5591.49.1.14
17. Deci E.L., Ryan R.M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development, and health // Canadian Psychology / Psychologie Canadienne. 2008b. No. 49 (3). P. 182–185. DOI: 10.1037/a0012801
18. Han J., Yin H. Teacher motivation: Definition, research development and implications for teachers (Edited by M. Boylan) // Cogent Education, 2016. Is. 3 (1). DOI: 10.1080/2331186X.2016.1217819
19. Howard J.L., Bureau J., Guay F., Chong J.X.Y., Ryan R.M. Student motivation and associated outcomes: A meta-analysis from self-determination theory // Perspectives on Psychological Science. 2021. Vol. 16, No. 6. P. 1300–1323. DOI: 10.1177/1745691620966789
20. Shkerina T.A., Savolainen G.S., Zakhartsova G.V. Teacher's professional competence: New challenges, realities and prospects. In: European Proceedings of Social and Behavioral Sciences, Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk: European Proceedings, 2020. P. 1016–1027. DOI: 10.15405/epsbs.2020.10.03.118
21. Veen I. van der, Peetsma T. Development of motivation in first-year students in Dutch senior secondary vocational education // Educational Psychology. 2020. Is. 40 (8). P. 917–940. DOI: 10.1080/01443410.2019.1695748

DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-61-3-348>

INDIVIDUAL EDUCATIONAL ROUTE AS A MEANS OF DEVELOPING EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL MOTIVATION OF PEDAGOGICAL UNIVERSITY STUDENTS

T.A. Shkerina (Krasnoyarsk, Russia)

A.I. Myshkovskaya (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Modern trends in the development of the system of higher and postgraduate education, as well as increased requirements for the personality of a professional and his/her trajectory of professional development, allow us to conclude that the leading role is obvious of the system of educational and professional motives in the structure of educational and professional activities of students at different stages of professional training at a university. The need to specify the scientific basis for optimizing the professional training of future teachers, including its psychological and pedagogical support, is being updated.

The purpose of the article is to substantiate the developing potential of an individual educational route as a means of development educational and professional motivation of students of a pedagogical university.

Methodology (materials and methods). The research methodology was compiled by scientific works that reflect the essence of the problem of identifying the characteristics of personal psychological development in adolescence (L.I. Bozhovich, L.S. Vygotsky, E.A. Klimov, I.S. Kon, V.S. Mukhina, D. I. Feldstein, etc.); theoretical foundations in the field of educational and professional activities of students (A.A. Verbitsky, E.F. Zeer, I.A. Zimnyaya, A.N. Leontiev, E.I. Mashbits, D.B. Elkonin, etc.); studies concerning the disclosure of the essence and structural components of educational and professional motivation of students and its development at different stages of education (L.I. Bozhovich, N.Yu. Voronkova, T.O. Gordeeva, T.I. Ilyina, I.A. Zimnyaya, N.S. Kiseleva, A.K. Markova, V.A. Yakunin, etc.); implementation of the principle of individualization in tutor support of students as the basis for the formation of their subject position (scientific school of T.M. Kovaleva); requirements of professional standards; and federal state educational standards of higher education for professional training of future teachers and educational psychologists.

Research results. The components of educational and professional motivation and their corresponding indicators have been developed in order to identify the features of the motivational profile of students at all stages of education.

The conceptual, content and technological aspects of an individual educational route have been developed as a means of developing educational and professional motivation of students of a pedagogical university, the implementation of which is currently being carried out at the Institute of Psychological and Pedagogical Education of the KSPU named after V.P. Astafyev in the context of the implementation of the Trajectory project.

Conclusion. The approach proposed in the article towards development of educational and professional motivation of students of a pedagogical university will improve the quality of professional training of future specialists, which is due to the social significance of a teacher profession for the development of society.

Keywords: *students of a pedagogical university, educational and professional motivation, individual educational route, psychological and pedagogical support of future specialists.*

Shkerina Tatyana A. – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of Psychology and Child Pedagogy, Institute of Psychological and Pedagogical Education, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: 0000-0003-4768-318X; e-mail: Shkerinat@mail.ru

Myshkovskaya Alexandra I. – PhD Candidate, Department of Philosophy, Economics and Law of the Faculty of History, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: alxndrasharon@gmail.com

---

References

1. Afinskaya Z.N. Motive and motivation as anthropolinguistic categories // Inostrannaya filologiya. Sotsialnaya i natsionalnaya variativnost yazyka i literatury (Foreign Philology. Social and National Variability of Language and Literature). 2021. P. 49–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47135105> (access date: 09.10.2022).

2. Burlachenko L.S. Transformation of professional identity in the conditions of transitivity of the professional and labor sphere of modern society // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika (Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics). 2020. No. 1. P. 36–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-professionalnoy-identichnosti-v-usloviyah-tranzitivnosti-professionalno-trudovoy-sfery-sovremennogo-obschestva> (access date: 09.10.2022).
3. Gordeyeva T.O., Sychev O.A., Osin E.N. Internal and external educational motivation of students: its sources and influence on psychological well-being // Voprosy psikhologii (Questions of psychology). 2013. No. 1. P. 35–45. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/2qgr5z65t0/76388979.pdf> (access date: 09.10.2022).
4. Gordeyeva T.O. Theory of self-determination: present and future. Part 1: Problems of theory development // Psikhologicheskie issledovaniya (Psychological Studies). 2010a. Vol. 3 (12). DOI: 10.54359/ps.v3i12.906
5. Gordeyeva T.O. Theory of self-determination: present and future. Part 2: Questions on practical application of the theory // Psikhologicheskie issledovaniya (Psychological Studies). 2010b. Vol. 3 (13). DOI: 10.54359/ps.v3i13.895
6. Dneprovskaya N.V. Assessing the readiness of Russian higher education for digital economy // Statistika i Ekonomika (Statistics and Economy). 2018. Is. 15 (4). P. 16–28. DOI: 10.21686/2500-3925-2018-4-16-28
7. Kovaleva T.M. Work with an individual educational trajectory and an individual educational program: a didactic view. In: Proceedings of the IX All-Russian Scientific and Methodological Conference “Modern didactics and the quality of education: the formation of non-classroom teaching systems” (Krasnoyarsk, January 18–19, 2017). Krasnoyarsk, 2017. P. 69–81. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37036376> (access date: 09.10.2022).
8. Kovaleva T.M. Implementation of the principle of openness in the construction and application of educational technologies // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika (National and Foreign Pedagogy). 2014. No. 4 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipa-otkrytosti-pri-postroenii-i-primenenii-obrazovatelnyh-tehnologiy> (access date: 09.16.2022).
9. Kovaleva T.M. Tutoring support for first-year students of pedagogical bachelor’s degree as an anthropopractice // Issledovatel (Researcher). 2018. No. 1–2 (21–22). P. 139–142. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyutorskoe-soprovozhdenie-studentov-pedagogicheskogo-bakalavriata-1-goda-obucheniya-kak-antropopraktika> (access date: 09.10.2022).
10. Kovaleva T.M. “Self skills” as a special group of competencies in human education. In: Methodological guidelines for subjects of advanced education: Collection of articles. Vladivostok, 2021. P. 30-33. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46153979> (access date: 20.02.2022).
11. Kostyuchenko N.G. Designing an individual educational route as a condition for the formation of career guidance competence of students. In: Proceedings of the 6th International scientific and practical conference “Science and education: Preserving the past, creating the future”. Penza: Nauka I Prosveshchenie, 2016. P. 310–315. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27489393> (access date: 09.10.2022).
12. Kokh I.A., Orlov V.A. Values and professional self-determination of student youth // Obrazovanie i nauka (Education and Science). 2020. No. 22 (2). P. 143–170. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-i-professionalnoe-samoopredelenie-studencheskoy-molodezhi> (access date: 09.10.2022).
13. Shkerina L.V., Shkerina T.A. New didactic principles of theoretical training of students // Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva (Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev). 2017. No. 3 (41). P. 95–104. DOI: 10.25146/1995-0861-2017-41-3-09.

14. Bergmark U., Lundström S., Manderstedt L., Palo A. Why become a teacher? Student teachers' perceptions of the teaching profession and motives for career choice // *European Journal of Teacher Education*. 2018. Is. 41 (3). P. 266–281. DOI: 10.1080/02619768.2018.1448784
15. Bureau J.S., Howard J.L., Chong J.X.Y., Guay F. Pathways to student motivation: A meta-analysis of antecedents of autonomous and controlled motivations // *Review of Educational Research*. 2022. Vol. 92, No. 1. P. 46–72. DOI: 10.3102/00346543211042426
16. Deci E.L., Ryan R.M. Facilitating optimal motivation and psychological well-being across life's domains // *Canadian Psychology / Psychologie Canadienne*. 2008a. No. 49 (1). P. 14–23. DOI: 10.1037/0708-5591.49.1.14
17. Deci E.L., Ryan R.M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development, and health // *Canadian Psychology / Psychologie Canadienne*. 2008b. No. 49 (3). P. 182–185. DOI: 10.1037/a0012801
18. Han J., Yin H. Teacher motivation: Definition, research development and implications for teachers (Ed. by M. Boylan) // *Cogent Education*, 2016. Is. 3 (1). DOI: 10.1080/2331186X.2016.1217819
19. Howard J.L., Bureau J., Guay F., Chong J.X.Y., Ryan R.M. Student motivation and associated outcomes: A meta-analysis from self-determination theory // *Perspectives on Psychological Science*. 2021. Vol. 16, No. 6. P. 1300–1323. DOI: 10.1177/1745691620966789
20. Shkerina T.A., Savolainen G.S., Zakhartsova G.V. Teacher's professional competence: New challenges, realities and prospects. In: *European Proceedings of Social and Behavioral Sciences, Krasnoyarsk Science and Technology City Hall*. Krasnoyarsk: European Proceedings, 2020. P. 1016-1027. DOI: 10.15405/epsbs.2020.10.03.118
21. Veen I. van der, Peetsma T. Development of motivation in first-year students in Dutch senior secondary vocational education // *Educational Psychology*. 2020. Is. 40 (8). P. 917–940. DOI: 10.1080/01443410.2019.1695748

УДК 378

АНАЛИЗ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕФИЦИТОВ И АДАПТАЦИОННЫХ ЗАТРУДНЕНИЙ ПЕДАГОГОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И СПОСОБОВ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

М.Г. Янова (Красноярск, Россия)

З.Г. Рязанова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. В статье анализируются и формулируются проблемы преодоления индивидуальных профессиональных дефицитов и адаптационных трудностей в профессии педагогов образовательных организаций. Выделяется проблема, обусловленная несоответствием требований к результатам подготовки молодых педагогов и их способностью преодолевать профессиональные дефициты и адаптационные трудности в профессии.

Цель статьи – выявить и обосновать содержательную и технологическую компоненты в подготовке студентов – будущих педагогов для решения обозначенных проблем в условиях действующих образовательных стандартов.

Методология исследования основывается на компетентностном и деятельностном подходах к обучению, нормативных документах в сфере высшего образования, научно-исследовательских работах зарубежных и отечественных ученых, признанных научным сообществом, опыте обучения студентов различных направлений подготовки; разработке диагностического инструментария для выявления индивидуальных профессиональных дефицитов и адаптационных трудностей педагогов в профессии и определении способов их преодоления.

Результаты. На основе деятельностного и компетентностного подходов сформулированы основные положения по решению проблемы преодоления индивидуальных профессиональных дефицитов и адаптационных трудностей педагогами в профессии.

Заключение. Предложенная в статье авторская концепция выявления индивидуальных профессиональных дефицитов и поиск путей преодоления адаптационных трудностей педагогов в профессии могут быть реализованы в процессе профессиональной деятельности. Результатом реализации может стать использование специального диагностического инструментария для выявления индивидуальных профессиональных дефицитов и адаптационных трудностей педагогов, разработанного с учетом новых требований, предъявляемых к подготовке учителя, на основе следующих принципов: цифровизация образования, описание результатов освоения в формате компетенций, проектирование учебной деятельности, творческой инновационности образовательного процесса, соответствие требованиям и уровню профессиональной подготовки педагогов, – а также в определении способов преодоления данных профессиональных дефицитов и трудностей.

Ключевые слова: *индивидуальные профессиональные дефициты, адаптационные трудности, выявление индивидуальных профессиональных дефицитов и преодоление трудностей педагогами, диагностика, мониторинг, методики.*

Янова Марина Геннадьевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой методики преподавания спортивных дисциплин и национальных видов спорта института физической культуры, спорта и здоровья им. И.С. Ярыгина, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: yanova@kspu.ru

Рязанова Зоя Григорьевна – старший преподаватель кафедры информатики и информационных технологий в образовании института математики, физики и информатики, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: ryazanovazg@mail.ru

Постановка проблемы. В статье разъясняется сущность и рассматриваются основные способы выявления индивидуальных профессиональных дефицитов и преодоления трудностей педагогами.

В современных социокультурных условиях одной из главных является задача повышения качества образования. От уровня профессиональной компетентности педагога зависит качество образования. Требованиями ФГОС обусловлена необходимость овладения современным учителем целым рядом компетентностей, а именно:

- в сфере условий и организации образовательного процесса;
- создании образовательной среды и использовании ее возможностей;
- организации взаимодействия субъектов образовательного процесса;
- сфере общения участников образовательного процесса; и другое.

Высокий уровень предъявляемых требований приводит к возникновению у педагогов различных затруднений, которые чаще всего являются последствием недостаточной сформированности базовых компетентностей. Особенно это касается молодых педагогов, начинающих свой путь в профессии.

Для осмысления сущности индивидуальных профессиональных дефицитов и адаптационных затруднений первым шагом рассмотрим индивидуальный профессиональный дефицит и изучим данный феномен в педагогическом аспекте.

Профессиональная компетентность педагога – это качество его профессиональных действий, обеспечивающих адекватное и эффективное решение профессионально значимых задач.

Если в конкретной педагогической ситуации педагог затрудняется совершить целесообразное профессиональное действие, обеспечивающее адекватное и эффективное решение профессионально значимой задачи, то соответствующей педагогической компетенцией он не обладает. Подобные профессиональные проблемы при разрешении конкретной педагогической

ситуации принято называть профессиональными затруднениями педагога.

Профессиональные затруднения – своеобразный индикатор «белых пятен» в арсенале профессиональных компетенций педагога.

Решить задачу преодоления педагогом профессиональных затруднений можно на основе мониторинга. Самая большая проблема при создании контента мониторинга связана с разработкой инструментария мониторинговых исследований. Используемые в настоящее время средства измерения, как правило, недостаточно качественны и порой не отражают достоверной картины, поэтому, учитывая специфику образовательно-воспитательного процесса конкретного учреждения образования, в данной статье предпринята попытка разработки мониторинговых диагностических процедур.

Цель статьи – выявить и обосновать содержательную и технологическую компоненты в подготовке студентов – будущих педагогов для решения обозначенных проблем в условиях действующих образовательных стандартов.

Методологию исследования составляют научные идеи и положения о проблемах, связанных с адаптацией в педагогической профессии молодых учителей, с поиском и разработкой приемов и методов «вхождения» молодых педагогов в профессию на принципах взаимного сотрудничества и взаимопомощи в преодолении адаптационных трудностей и профессиональных затруднений молодыми специалистами.

Обзор научной литературы проведен на основе анализа работ [Кошиев, 2021; Маркова, 1988; Митина, 1994; Олексюк, Боброва, 2013; Петунин, 2016], в которых классифицируются профессиональные трудности педагога в области постановки целей и задач деятельности с учетом требований ФГОС, трудности в области мотивации учебной деятельности школьников, недостаточная компетентность учителя в области обеспечения информационной основы учебной деятельности, в области организации учебной деятельности и другое.

Аргументы по формированию компетенций педагога в процессе профессиональной

деятельности рассмотрены в работах [Загрянная¹, 2006; Перенкова², 2003]. Различные идеи и подходы к решению проблемы рефлексии профессиональной деятельности педагога, профессиональные затруднения современных педагогов, которые возникают в процессе педагогической деятельности, изучаются в работах [Гуреев³, 2001; Кулюткин, Бездухов, 2002; Смирнова, Киселева, 2017; Фролов, 2006]. Процессы социально-психологической адаптации молодого педагога к профессиональной деятельности изучались многими учеными [Жуина, Лобанова, 2020; Козырева, 2013; Логинова, 2015; Хаустова, 2017; и др.]. В исследованиях [Амангельдиева и др., 2021; Шмигирилова, Рванова, Григоренко, 2021] анализируются выявленные профессиональные дефициты и приводятся рекомендации по их минимизации и преодолению). В работе М.Г. Яновой, В.А. Адольфа, В.В. Янова [2021] раскрываются основные факторы профессиональных затруднений и адаптационных трудностей в профессии педагога и предлагаются методики по преодолению педагогами выявленных трудностей в профессии.

Результаты исследования. Одно из основных условий достижения обозначенной цели лежит в плоскости реализации целенаправленных мероприятий по преодолению адаптационных трудностей и профессиональных затруднений.

Профессиональный дефицит в теории и практике педагогики рассматривается, с одной стороны, как переживание субъектом состояний напряжения, тяжести, неудовлетворенности в педагогической профессии, а с другой – как осознанные или неосознанные недостатки (ограничения) в профессиональной компетентности, которые препятствуют реализации профессиональных действий. Возникают такие состояния в результате действия внешних факторов деятельности и зависят от характера самих факторов,

степени подготовленности педагога к деятельности и отношения к ней.

Далее рассмотрим адаптационные трудности. Прежде всего, необходимо ответить на вопрос «Что такое профессиональная адаптация?». В представлении ученых (М.Д. Амангельдиева, К.Б. Батырбекова, В.И. Долгова, Д.В. Жуина, З.М. Кошиев, С.В. Смирнова, О.В. Петунин и др.) профессиональная адаптация означает процесс вхождения человека в профессию и гармоническое его взаимодействие с профессиональной средой. Профессиональная адаптация заключается в освоении профессиональных навыков, уяснении специфики работы. Молодой учитель, который начинает педагогическую деятельность, нередко теряется в новых условиях. Знаний, полученных в колледже или вузе, достаточно, а практического опыта не хватает. Педагог «погружается» в состояние, которое психологи описывают как «потрясение, вызванное реальностью». В течение периода обучения и освоения будущей специальности молодой человек имеет высокие ожидания развития профессионального пути, но начиная свой путь в профессии, молодой специалист осознает, что его ожидания нереалистичны и расходятся с его представлениями о профессии. Адаптация молодых педагогов к работе представляет собой процесс знакомства педагога с деятельностью организации и самой организацией, включение специалиста в новый трудовой коллектив и подразделяется на четыре основных вида: социально-психологическую адаптацию; социально-организационную адаптацию; психофизиологическую адаптацию и профессиональную адаптацию молодого педагога [Амангельдиева, Батырбекова, Дюшеева, 2021; Кошиев, 2021; Смирнова, Киселева, 2017; Петунин, 2016; Янова, Адольф, Янов, 2021].

Охарактеризуем их в кратком формате. Социально-психологическая адаптация молодого педагога предполагает приобретение и закрепление интереса к работе, постепенное накопление трудового опыта, установление и последующее налаживание деловых и личных контактов с коллегами, включение в общественную деятельность, проявление заинтересованности

¹ Загрянная Т.А. Становление научно-методической компетентности педагогов в процессе профессиональной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2006.

² Перенкова Е.В. Развитие способности учителя к самоанализу профессиональной деятельности в процессе методической работы: дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 187 с.

³ Гуреев А.П. Рефлексия профессиональной деятельности педагога как психолого-педагогическая проблема: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01, 13.00.08. Челябинск, 2001. 154 с.

в достижениях организации наряду с личными успехами. Социально-организационная адаптация молодых педагогов подразумевает процесс усвоения сотрудником роли и организационного статуса рабочего места в общей организационной структуре, а также понимание и принятие особенностей организационного механизма управления организацией (административно-правовые, социально-экономические, управленческие аспекты). Психофизиологическая адаптация молодого педагога представляет собой приспособление сотрудника к условиям труда, режимам труда и отдыха на рабочем месте. Данный вид адаптации напрямую зависит от состояния здоровья специалиста и воздействия внешних факторов: температуры, уровня шума, освещенности и т.д.

Понятие профессиональной адаптации ряд исследователей (И.А. Джигладзе, В.И. Долгова, А.В. Логинова, А.Г. Фролов и другие) связывают с овладением знаниями, умениями, навыками, нормами и функциями профессиональной деятельности. Данный феномен рассматривается как процесс вхождения человека в профессию и гармонизация взаимодействий его с профессиональной средой и деятельностью. Но более целесообразно под профессиональной адаптацией педагога понимать процесс интеграции в профессию, овладения мастерством, приложения профессиональных знаний, умений и навыков к конкретным ситуациям [Джигладзе, 2019; Долгова и др., 2015; Логинова, 2015; Фролов, 2006; Хаустова, 2017]. Адаптация к профессиональной деятельности восходит ко времени обучения в общеобразовательном учреждении и продолжается в ходе проведения профориентационных мероприятий, направленных на оптимальный выбор профессии, соответствующей способностям и склонностям будущего работника, а также в начальный период трудовой деятельности.

Изучение методических материалов и собственного опыта педагогов (наблюдение за практической деятельностью учителей и анализ ее результатов, беседы, опросы, анкетирование, контроль за ведением документации и другое), а также анализ практики внедрения ФГОС

показывают, что педагоги испытывают профессиональные дефициты и адаптационные затруднения, среди которых выделяют: трудности в области постановки целей и задач деятельности с учетом требований ФГОС, трудности в области мотивации обучающихся, недостаточную компетентность учителя в области организации цифрового образования и другие.

По мнению ряда исследователей, существует несколько групп дефицитов и затруднений педагогов при реализации ФГОС:

– *дефициты и затруднения педагогов в целеполагании*. Учителя часто испытывают трудности в формулировании цели своей педагогической деятельности с учетом требований ФГОС. Педагоги испытывают затруднения при постановке цели занятия, задач для педагога и обучающегося; согласовании действий участников; дезориентированы в ожиданиях результатов образовательного процесса и часто подходят к решению данной проблемы формально.

Педагогически грамотно поставленные цели занятия должны быть диагностируемыми, конкретными, четкими, осознанными, представляющими желаемый результат, реальными, побуждающими мотивацию, точными и пр.;

– *дефициты и затруднения в разработке и отборе содержания учебного материала, а именно:*

– трудности в поиске ценностного смысла изучаемого материала (знание не ради знания, а для жизни, решения повседневных жизненных задач);

– неумение выделять главное и сочетать принципы научности и доступности;

– неспособность систематизировать учебный материал на основе преемственности с предыдущим;

– неумение сочетать теорию с практикой и раскрывать практическую значимость знаний и другое.

Кроме выделенных дефицитов и затруднений, следует обратить внимание на трудности и барьеры общения педагога и обучающегося на современном этапе развития образования и общества в целом [Козырева, 2013; Олексюк,

Боброва, 2013; Петунин, 2006; Фролов, 2006; Янова, Адольф, Янов, 2021].

Говоря о дефицитах и трудностях в профессии, следует отметить, что педагоги испытывают серьезный дефицит средств и способов оценки метапредметных результатов, не готовы к самостоятельной разработке инструментов и процедур оценки предметных грамотностей и метапредметных результатов, не способны корректно использовать имеющиеся средства оценки, а именно:

– учителя недооценивают важность координации усилий педагогического коллектива, а также внеурочных ресурсов в достижении планируемых образовательных результатов;

– педагоги испытывают трудности в анализе эффективности урока (в том числе и собственного);

– педагоги неохотно используют формы и методы обучения, выходящие за рамки уроков: лабораторные эксперименты, полевая практика и т.п., не видя ресурса других образовательных форм и типов деятельностей (проектной, исследовательской) в получении нового образовательного результата;

– педагоги испытывают недостаток средств и технологий для включения в образовательный процесс всех учеников.

Обозначенные индивидуальные дефициты и профессиональные затруднения приводят к тому, что педагог начинает испытывать дискомфорт в профессии и утрачивает интерес к ней. Этим обусловлен поиск способов преодоления педагогом индивидуальных профессиональных дефицитов и адаптационных трудностей в профессии.

Прежде всего необходимо обратить внимание на разработку индивидуального маршрута профессионального развития педагога, который будет способствовать его становлению и закреплению в профессии.

С этой целью необходимо понимать, кто такой молодой педагог; как быстрее ему адаптироваться в профессии; какими компетенциями он должен обладать; какие трудовые операции составляют трудовое действие и другое. Представим диагностические мониторинговые методики по выявлению индивидуальных профессиональных дефицитов и адаптационных трудностей педагога в профессии и поиску решения по преодолению данных негативных факторов.

ПРОФИЛЬ МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА/ПЕДАГОГА

_____ (ФИО, должность, место работы)

Наставник: _____

_____ (ФИО, должность, место работы)

Дата заполнения:

Трудовое действие	Трудовые операции, составляющие трудовое действие	Сформированность трудовых действий		
		не проявляет	проявляет частично	проявляет в полной мере
Организация, осуществление контроля и оценки педагогом учебных достижений, текущих и итоговых результатов освоения основной образовательной программы обучающимися	Использует контрольно-измерительные материалы, позволяющие оценивать предметные умения обучающихся			
	Использует контрольно-измерительные материалы, позволяющие оценивать метапредметные умения обучающихся			
	Разрабатывает контрольно-измерительные материалы, позволяющие оценивать предметные, метапредметные умения и диагностировать личностные достижения обучающихся			
	Оценивает работу обучающихся, совместно с обучающимся, определяет критерии для оценки их работы			

Для проектирования индивидуального маршрута развития педагога необходимо выявить степень профессиональных затруднений путем собеседований и анкетирования.

Ниже приведен примерный список вопросов анкеты для разработки индивидуального маршрута педагога (указать необходимые к освоению компетенции и умения).

АНКЕТА МОЛОДОГО ПЕДАГОГА

Какие компетенции мне необходимо освоить (развить)?

Каких профессиональных результатов я планирую достичь?

Например. Мне необходимо (сформулируйте компетенции в соответствии с видами деятельности по требованиям стандарта):

1. Изучить успешный практический опыт педагогов для реализации образовательного процесса:

- уметь сформулировать...;
- быть способным организовать...;
- быть готовым осуществлять...

2. Осваивать (развивать) следующие компетенции:

- уметь...;
- быть способным...;
- быть готовым...

3. Выбирать... для организации педагогической деятельности.

4. Использовать... для достижения положительной результативности в обучении воспитанников.

Далее необходимо заполнить таблицу индивидуального маршрута профессионального развития, в которой педагог предлагает способы преодоления индивидуальных профессиональных дефицитов и адаптационных трудностей.

Приведем ряд рекомендаций для педагогов в контексте преодоления ими профессиональных дефицитов и адаптационных трудностей в профессии.

«КАК СТАТЬ УСПЕШНЫМ ПЕДАГОГОМ?»

(Рекомендации для молодых педагогов)

1. Стань творческим наставником для своих учеников. Будь диагностом и помощником в развитии личности ученика.

2. Умей радоваться даже незначительным успехам своих учеников и соперничать их неудачам.

3. Не будь авторитарным: сотворчество, сотрудничество и позитивная энергия дадут свои плоды.

4. Будь готов учиться и работать над собой на протяжении жизни.

ПЛАН УСТРАНЕНИЯ ДЕФИЦИТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Трудовые функции	Компетенции (трудовые действия), необходимые для меня в профессии	Планируемый результат формирования компетенции	Планируемые сроки	Формы работы по преодолению дефицитов	Формы представления результатов овладения компетенциями
Обучение (образовательный процесс)					
Воспитательная деятельность					
Развивающая деятельность					
Педагогическая деятельность по реализации программ					
Организационная деятельность					
Методическая деятельность					
Проектная деятельность					

МЕТОДИКА ВЫЯВЛЕНИЯ СУЩНОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕФИЦИТОВ И АДАПТАЦИОННЫХ ТРУДНОСТЕЙ

Дефицит означает	Профессиональный дефицит педагога	Индивидуальные трудности педагога
Недостаток чего-либо	Слабая сформированность компетенций	Испытывают трудности в анализе эффективности урока
Обеднение	Неэффективное осуществление образовательной деятельности	Затрудняются в разработке сценария урока
Обнищание	Неспособность успешно реализовывать те или иные направления профессиональной деятельности	Неумение ориентироваться на возраст и индивидуальные особенности обучающихся
Недостаточность	Дефицит в основах знаний, как вести диалог с обучающимися	Незнание основ педагогики сотрудничества
«Пробел» в чем-либо	недооценивают важность координации усилий педагогического коллектива и внеурочных ресурсов в достижении планируемых образовательных результатов обучающихся	Слабое знание подходов, которые приносят пользу ученикам в обучении
Убыток	Недооценивают важность координации усилий педагогического коллектива и внеурочных ресурсов в достижении планируемых собственных образовательных результатов	Незнание интерактивных и визуальных методик
Нехватка	Недостаточность знаний в ориентировании на личностный рост обучающегося	Неумение применять методы качественной обратной связи учителя
Мало	Недостаточность знаний характеристик в самоопределении личности	Неумение соотносить образовательные технологии с мотивами обучающихся
Уменьшение	Недостаточность знаний алгоритмов подготовки и проведения онлайн-уроков	Неумение применять методы проблемного обучения
Отсутствие	Дефициты образованности педагогов в вопросах воспитания	Незнание методов эмоционального контакта с учениками
Ограничение		Незнание подходов личностно ориентированного обучения

5. Постарайся, чтобы уроки не стали шаблонными и стандартными (скучными): ребенку должно быть интересно на уроке.

6. Каждый твой урок должен быть пусть маленьким, но шагом вперед. Мотивируй своих учеников на новые свершения.

7. Верь в ребенка. Дай ему крылья. Дай ему надежду. Дай почувствовать себя активным участником учебного процесса.

8. Учи трудиться и добывать необходимые знания, анализировать и принимать грамотные решения. Будь терпелив к ошибкам детей, учи их быть упорными и правдивыми. Создай условия для продуктивного и эффективного обучения.

9. Не стесняйся признаться в своем незнании какого-нибудь вопроса. Будь вместе с детьми в поиске.

10. Не унижай достоинство своих учеников: каждый из них личность.

11. Не бойся извиниться, если оказался неправ.

12. Входи в класс с улыбкой и начинай урок энергично!

13. Держи в поле зрения весь класс.

14. Прекращай урок со звонком.

15. Каждая встреча с учителем для учеников и их родителей должна стать полезной и результативной.

Заключение. Результаты педагогической деятельности, осуществляемой учителем, должны точно и объективно отслеживать не только отдельные стороны или проявления способностей ученика как в отношении освоения им системы знаний, так и в отношении освоения способов действий, но и давать целостное, а не разрозненное представление об учебных достижениях ребенка, о достижении им планируемых результатов обучения.

Диагностика профессиональных дефицитов и индивидуальных затруднений педагогов может включать два аспекта: самоанализ и самооценка и внешняя оценка. Результаты диагностики должны стать основой для индивидуального плана профессионального развития педагога.

Библиографический список

1. Амангельдиева М.Д., Батырбекова К.Б., Дюшеева С.Б. The main difficulties of young teachers // Молодой ученый. 2021. № 24 (366). С. 368–371. URL: <https://moluch.ru/archive/366/82214/> (дата обращения: 25.05.2022).
2. Джибладзе И.А. Особенности процесса профессиональной адаптации молодых педагогов // Форум молодых ученых. 2019. № 11 (39). С. 132–136.
3. Долгова В.И., Мельник Е.В., Моторина Ю.В. Адаптация молодых специалистов в образовательном учреждении // Концепт. 2015. Т. 31. С. 76–80.
4. Жуина Д.В., Лобанова Н.А. Особенности адаптации молодых педагогов к профессии (на примере Республики Мордовия) // Psychological Sciences / Мордовский гос. пед. ун-т. им. М.Е. Евсевьева. Саранск, 2020. № 06 (96).
5. Козырева О.А. Профессиональные деформации педагогов, работающих с детьми, имеющих ограниченные возможности здоровья // Современная наука. 2013. № 11–12. С. 41–42. URL: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--gn13--11/index.php/ru/---ep13--09/1046-a> (дата обращения: 20.04.2015).
6. Кошиев З.М. Психологическое обеспечение адаптации молодых сотрудников на предприятии // Молодой ученый. 2021. № 47 (389). С. 55–61. URL: <https://moluch.ru/archive/389/85550/> (дата обращения: 12.04.2022).
7. Кулюткин Ю.Н., Бездухов В.П. Ценностные ориентиры и когнитивные структуры в деятельности учителя. Самара: СамГПУ, 2002. 400 с.
8. Логинова А.В. Профессиональная деформация личности педагога и пути ее преодоления // Молодой ученый. 2015. № 11 (91). С. 1750–1752. URL: <https://moluch.ru/archive/91/19881/> (дата обращения: 25.05.2022).
9. Маркова А.К. Психологические особенности педагогической деятельности, общения и личности учителя // Школа и производство. М.: Наука, 1988. № 12. С. 6–9.
10. Митина Л.М. Учитель как личность и профессионал. М.: Дело, 1994. 216 с.
11. Олексюк З.Я., Боброва В.В. Профессиональные деструкции у педагогов-дефектологов. 2013. URL: <http://www.science-education.ru/pdf/2013/4/141.pdf> (дата обращения: 04.05.2015).
12. Петренко Е.И. Профессиональная адаптация молодого учителя в общеобразовательном учреждении // Молодой ученый. 2017. № 50. С. 256–260.
13. Петунин О.В. Профессиональные затруднения педагога при внедрении ФГОС общего образования // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24061> (дата обращения: 05.04.2022).
14. Смирнова С.В., Киселева А.К. Преодоление профессиональных дефицитов педагогов в системе дополнительного профессионального образования // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2017. № 3 (32). С. 29–34.
15. Фролов А.Г. Адаптации преподавателя к профессионально-педагогической деятельности в высшей школе [Электронный ресурс] // Образовательные технологии и общество. 2006. № 9 (2). С. 265–276. URL: http://elibrary.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/IEEE/Russian/2006/Nr%202/OTO_2006_2_03.pdf
16. Хаустова А.И. Виды и этапы адаптации педагогических работников к профессиональной деятельности // Молодой ученый. 2017. № 40 (174). С. 81–83. URL: <https://moluch.ru/archive/174/45875/> (дата обращения: 31.03.2022).
17. Шмигирилова И.Б., Рванова А.С., Григоренко О.В. Оценивание в образовании: современные тенденции, проблемы и противоречия (обзор научных публикаций) // Образование и наука. 2021. № 23 (6). С. 43–83. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-6-43-83
18. Янова М.Г., Адольф В.А., Янов В.В. Реализации целевой модели наставничества в образовательных организациях: учеб. пособие / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2021. 84 с.
19. Bessonova L., Dobrosmyslova S. Professional and personal competence as a condition for overcoming professional deformation of a social work specialist's personality // Modern Research of Social Problems. 2012. No. 1 (09).

DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-61-3-349>

ANALYSIS OF INDIVIDUAL PROFESSIONAL DEFICITS AND ADAPTATION DIFFICULTIES AMONG TEACHERS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS AND METHODS TO OVERCOME THEM

M.G. Yanova (Krasnoyarsk, Russia)

Z.G. Ryazanova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article analyzes and formulates the problems of overcoming individual professional deficits and adaptation difficulties in the profession of teachers of educational organizations. The problem is highlighted due to discrepancy between the requirements for results of training young teachers and their ability to overcome professional deficits and adaptation difficulties in the profession.

The purpose of the article is to identify and substantiate the content and technological components in the process of preparing students to solve the identified problems in the conditions of existing educational standards.

The methodology of the research consists of the analysis and generalization of organizational documents in the field of higher education, research works of international and Russian scientists recognized by the scientific community, the experience of teaching students in various fields of training; the development of diagnostic tools to identify individual professional deficits and adaptive difficulties of teachers in the profession and the definition of ways to overcome them.

Research results. On the basis of activity-based and competence-based approaches, the main provisions for solving the problem of overcoming individual professional deficits and adaptation difficulties by teachers in the profession are formulated.

Conclusion. The author's concept of identifying individual professional deficits and finding ways to overcome the adaptive difficulties of teachers in the profession, proposed in the article, can be implemented in the process of professional activity. The result of its implementation may be the use of special diagnostic tools to identify individual professional deficits and adaptive difficulties of teachers, developed taking into account the new requirements for teacher training; and based on the principles of: digitalization of education, description of the results of mastering in the format of competencies, design of educational activities, creative innovation of the educational process, compliance with the requirements and level of professional training of teachers, as well as in determining ways to overcome these professional deficits and difficulties.

Keywords: *individual professional deficits, adaptation difficulties, identification of individual professional deficits and overcoming difficulties by teachers, diagnostics, monitoring, methods.*

Yanova Marina G. – DSc (Pedagogy), Professor, Head of the Department of Methods of Teaching Sports Disciplines and National Sports, Institute of Physical Culture, Sports and Health named after I.S. Yarygin, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: yanova@kspu.ru

Ryazanova Zoya G. – Senior Lecturer, Department of Informatics and Information Technologies in Education, Institute of Mathematics, Physics and Informatics, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ryazanovazg@mail.ru

---

References

1. Amangeldyeva M.D. The main difficulties of young teachers // *Molodoy uchenyy (Young Researcher)*. 2021. No. 24 (366). P. 368–371. URL: <https://moluch.ru/archive/366/82214/> (access date: 25.05.2022).
2. Dzhibladze I.A. Features of professional adaptation of young teachers // *Forum molodykh uchenykh (Forum of Young Scientists)*. 2019. No. 11 (39). P. 132–136.
3. Dolgova V.I., Melnick E.V., Motorina U.V. Adaptation of young specialists in educational organization // *Kontsept (Concept)*. 2015. Vol. 31. P. 76–80.
4. Zhuina D.V., Lobanova N.A. Features of adaptation of young teachers to profession (on the example of Republic of Mordovia) // *Mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskiy zhurnal (International Scientific and Practical Journal)*. 2020. No. 6–2 (96).

5. Kozyreva O.A. Professional deformation of teachers, working with children with health restraints // *Sovremennaya nauka: Aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki (Modern Science: Topical Issues of Theory and Practice. Series: Humanitarian Sciences)*. 2013. No. 11–12. P. 41–42. <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--gn13--11/index.php/ru/---ep13--09/1046-a> (date of application: 20.04.2015).
6. Koshiev Z.M. Psychological provision of adaptation for young workers at an enterprise // *Molodoy uchenyy (Young Researcher)*. 2021. No. 47 (389). P. 55–61. URL: <https://moluch.ru/archive/389/85550/> (access date: 12.04.2022).
7. Kulyutkin V.N., Bezdukhov V.P. Value orientees and cognitive structures in teacher's activity. Samara: SamGPU, 2002. 400 p.
8. Loginova A.V. Professional deformation of teacher's personality and ways to overcome it // *Molodoy uchenyy (Young Researcher)*. 2015. No. 11 (91). P. 1750–1752. URL: <https://moluch.ru/archive/91/19881/> (access date: 25.05.2022).
9. Markova A.K. Psychological features of professional activity, communication and personality of a teacher // *Shkola i proizvodstvo (School and Manufacture)*. 1988. No. 12. P. 6–9.
10. Mitina L.M. Teacher as a person and professional. Moscow: Delo, 1994. 216 p.
11. Oleksyuk Z.Ya., Bobrova V.V. Professional destructions in teachers-speech pathologists // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya (Modern Issues of Science and Education)*. 2013. No. 4. P. 180. URL: <http://www.science-education.ru/pdf/2013/4/141.pdf> (access date: 04.05.2015).
12. Petrenko E.I. Adaptation of a young teacher in educational organization // *Molodoy uchenyy (Young Researcher)*. 2017. No. 50. P. 256–260.
13. Petunin O.V. Professional difficulties of a teacher in the implementation of the Federal State Educational Standard of General Education // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya (Modern Issues of Science and Education)*. 2016. No. 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24061> (access date: 05.04.2022).
14. Smirnova S.V., Kiseleva A.K. Overcoming professional deficits of teachers in the system of additional professional education // *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov (Scientific Support of the Personnel Development System)*. 2017. No. 3 (32). P. 29–34.
15. Frolov A.G. Teacher adaptation to professional and pedagogical activity in higher school // *Educational Technology & Society*. 2006. No. 9 (2). P. 265–276. URL: http://elibrary.lt/resursai/Uzsenio%20leidiniai/IEEE/Russian/2006/Nr%202/OTO_2006_2_03.pdf
16. Khaustova A.I. Kinds and periods of adaptation of pedagogical workers to professional activity // *Molodoy uchenyy (Young Researcher)*. 2017. No. 40 (174). P. 81–83. URL: <https://moluch.ru/archive/174/45875/> (access date: 31.03.2022).
17. Shmigirilova I.B., Rvanova A.S., Grigorenko O.V. Assessment in education: current trends, problems and contradictions (review of scientific publications) // *Obrazovanie i nauka (Education and Science)*. 2021. No. 23 (6). P. 43–83. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-6-43-83
18. Yanova M.G., Adolf V.A., Yanov V.V. Implementation of the target model of mentoring in educational organizations: Textbook. Krasnoyarsk: RIO KGPU im. V.P. Astafyeva, 2021. 84 p.
19. Bessonova L., Dobrosmyslova S. Professional and personal competence as a condition for overcoming professional deformation of a social work specialist's personality // *Modern Research of Social Problems*. 2012. No. 1 (09).

УДК 796.333

РАЗВИТИЕ ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ ШКОЛЬНИКОВ 9–14 ЛЕТ СРЕДСТВАМИ РЕГБИ

С.С. Баженов (Красноярск, Россия)

А.Н. Савчук (Красноярск, Россия)

Ю.Е. Ситников (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. В настоящее время возникает потребность в понимании значимости физической культуры как общественной и индивидуальной ценности, что позволяет обозначить новые тенденции в развитии общественного сознания и личностных мотиваций к освоению культурного наследия планеты [Миоги́на, Кузина, 2017, с. 74]. В статье проводится анализ и определяется степень использования индивидуальных человеческих способностей – основополагающих факторов, определяющих уровень культуры общественного сознания и развития.

Методологию исследования составляют теоретический анализ и обобщение данных научно-методической литературы зарубежных и отечественных ученых в сфере физической культуры, спорта, психологии и педагогики признанных научным сообществом, а также практического опыта подготовки молодого поколения к занятиям регби.

Результаты исследования. Функциональные возможности, предоставляемые человеку при занятиях физической культурой и спортом, имеют практически неограниченные возможности. Задачи, решаемые в исследовательской работе, указывают на необходимость проанализировать условия физической подготовки юных регбистов на современном этапе. В соответствии с анализом организации условий подготовки молодых спортсменов разработан комплекс общеразвивающих упражнений, предусмотренных средствами физического воспитания игрового вида спорта регби в рамках сенситивного периода развития молодого поколения.

Заключение. Опытно-экспериментальная работа достаточно аргументированно доказала гипотезу, что при занятиях физической культурой и спортом, в частности игровым видом спорта регби, необходимо учитывать благоприятные периоды развития основных физических качеств у детей в период сенситивного развития.

В исследовательской работе были рассмотрены материалы по обоснованию приведенных доводов в пользу применения комплексного подхода к тренировочному процессу юных регбистов в возрасте 9–14 лет.

Практическая значимость исследования заключается в том, что содержащийся в работе материал, а также методические рекомендации окажут помощь в осмысленном понимании учебно-воспитательного процесса по физической культуре и помогут спрогнозировать его развитие, что особенно важно в условиях школьного образования. Практическая значимость исследования определяется новой расстановкой акцентов и ориентиров в содержании физического воспитания школьников, выборе средств и методов организации педагогического процесса, ориентированного на интенсификацию и диверсификацию образования.

Ключевые слова: *сенситивные периоды школьников, возрастное развитие, регби, специальный комплекс физической подготовки, опытно-экспериментальная работа.*

Баженов Сергей Сергеевич – аспирант кафедры теоретических основ физического воспитания института физической культуры, спорта и здоровья им. И.С. Ярыгина, КГПУ им. В.П. Астафьева; исполняющий обязанности руководителя дирекции спортивных объектов, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: bagenov06@mail.ru

Савчук Александр Николаевич – кандидат педагогических наук, профессор кафедры теоретических основ физического воспитания института физической культуры, спорта и здоровья им. И.С. Ярыгина, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: savchuk.a.n@mail.ru

Ситников Юрий Евгеньевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры тактико-специальной подготовки, Сибирский юридический институт МВД России (Красноярск); e-mail: 10101966yura@mail.ru

Постановка проблемы. В системе общечеловеческих ценностей центральную роль отводят уровню здоровья и физического развития всего населения страны, региона, города, определяющего возможности по освоению всех остальных ценностей. По определению И.И. Круглик и И.П. Круглик, физическая культура – часть общечеловеческой культуры, ее особая самостоятельная жизнь. Физическая культура задействует в своем влиянии на человеческий организм жизненно важные стороны, полученные в виде задатков и способностей, которые развиваются под данным влиянием. Подобное понимание физической культуры дает возможность вывести ее определение как «целесообразную двигательную деятельность в форме физических упражнений, позволяющих эффективно развивать необходимые физические качества и способности, оптимизировав состояние своего здоровья» [Круглик И.И., Круглик И.П., 2012].

Цель статьи – рассмотреть общие направления развития физических качеств юных регбистов, направленных на формирование профессионально значимых компетенций для занятий регби, и возможные варианты разработки специального комплекса физических упражнений юных регбистов, направленных на улучшение физических качеств детей в возрасте 9–14 лет.

Методологию исследования составляют наблюдение, тестирование, анализ и обобщение данных научно-методической литературы ученых в сфере физической культуры, спорта, психологии и педагогики, а также опытно-экспериментальная работа.

Обзор научной литературы. Вопросами физического становления личности подрастающего поколения занимались такие ученые, как В.П. Филин, А.А. Гужаловский, В.И. Волков, В.И. Ляху, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, Б.Г. Ананьев, Н.С. Лейтес, О.А. Карабанова, И.А. Аршавский, Д.А. Фарбер и др. Ими были рассмотрены важнейшие подходы к пониманию базовых основ педагогического и физического воспитания молодого поколения.

За базовые постулаты в нашей работе мы взяли условия становления и развития физиче-

ских качеств у детей с 4 до 17 лет, предложенные В.П. Филиным, А.А. Гужаловским, В.И. Волковым и В.И. Ляху. Учеными были определены чувствительные периоды развития физических качеств личности (табл. 1).

Понятие «чувствительные периоды развития ребенка» было введено отечественным психологом Л.С. Выготским. Он ввел понятие «психологические системы», под которыми понимались целостные образования в виде различных форм межфункциональных связей (например, между мышлением и памятью, мышлением и речью). Л.С. Выготский пришел к выводу, что обучение ребенка должно предшествовать, забегать вперед, подтягивать и вести за собой развитие. Это утверждение стало аксиомой в детской психологии и педагогике [Выготский, 1991].

Важным открытием гениального ученого в детской психологии стало возрастное определение периодов в жизни ребенка, наиболее благоприятных для развития тех или иных функций индивидуума. Эти знания необходимы для педагогов и родителей, чтобы не упустить период, наиболее благоприятный для обучения ребенка, чтобы те «развивающиеся почки», которые представляют собой созревающие процессы в «зоне ближайшего развития», могли в полной мере развиться и обогатить физические, интеллектуальные, эмоциональные, социальные и культурные возможности в будущей жизни ребенка [Лункина, 2016].

Результаты исследования. Одной из форм оптимизации состояния здоровья детей в возрасте с 9 до 17 лет и формирования необходимых личностных качеств являются активные занятия физической культурой и спортом. Рассмотрим данный аспект на примере занятий игровым видом спорта – регби. Данный вид коллективного взаимодействия игроков команды предоставляет нам возможность в наглядной форме проанализировать основные факторы формирования ключевых компетенций у подрастающего поколения, направленных на подготовку к предстоящей профессиональной деятельности в группе, команде, в коллективе. Условия, при которых молодой человек приобретает указанные качества, условно

можно разделить на ряд составляющих: социальная адаптация в обществе; интерактивная интеграция в образовательном пространстве; коммуникативное взаимодействие в интернет-ресурсах и соцсетях; систематические занятия спортом в секциях, клубах, детских кружках.

Учитывая, что физиологические особенности детского организма формируются в ограниченный период, в интеллектуальном и физическом развитии – это с 4 до 17 (20) лет, то занятия физической культурой и спортом являются просто обязательным фактором становления личности подрастающего человека. Кроме того, систематические занятия спортом формируют универсальные психоэмоциональные и волевые качества – это настойчивость, целеустремленность, стремление добиться поставленной задачи [Desi, Ryan, 2009]. По мнению ряда ученых,

физические упражнения изменяют структуру мозга таким образом, чтобы сберечь функции памяти и навыки мышления. Исследование, проведенное в университете Британской Колумбии, показало, что регулярные физические нагрузки заставляют усиленно работать потовые железы и сердце, тем самым позволяя увеличить размер гиппокампа, области мозга, отвечающей за вербальную память и процесс обучения [Джим, 2021; Godman, 2018].

Проведем анализ представленных качеств (табл. 1), которые имеют под собой соответствующие характеристики для решения задач представленного исследования. С целью понимания предложенных характеристик в таблице указаны годы, наиболее благоприятные для воспитания (целенаправленного воздействия) различных физических качеств.

Таблица 1

**Сенситивные периоды развития физических качеств
(по В.П. Филину, А.А. Гужаловскому, В.И. Волкову, В.И. Ляху)**

Table 1

**Sensitive periods of development of physical qualities
(according to Filin V.P., Guzhalovsky A.A., Volkov V.I., Lyakh V.I.)**

№	Физические качества	Возрастные периоды	
		мальчики	девочки
1	Быстрота движений	7–9 лет	7–9, 10–11, 13–14 лет
2	Быстрота реагирования	7–14 лет	7–13 лет
3	Максимальная частота движений	4–6, 7–9 лет	4–6, 7–9 лет
4	Сила	13–14, 17–18 лет	10–11, 16–17 лет
5	Скоростно-силовые качества	14–15 лет	с 9 до 12 лет
6	Выносливость аэробная (общая)	8–9, 10–11, 12–13, 14–15 лет	9–10, 11–12 лет
7	Выносливость силовая (динамическая)	11–13, 15–16 лет	с 9 до 12 лет
8	Выносливость скоростная	После 12 лет	После 12 лет
9	Гибкость	С рождения до 13–14 лет	С рождения до 13–14 лет
10	Координационные способности	7–12 лет	7–12 лет
11	Способность к ориентированию в пространстве	7–10, 13–15 лет	7–10, 13–15 лет
12	Способность к динамическому равновесию	в 15 лет	в 17 лет
13	Способность к перестроению двигательных действий	7–11, 13–14, 15–16 лет	7–12 лет
14	Способность к ритму	7–13 лет	7–11 лет
15	Способность к расслаблению	10–11, 14–15 лет	10–12, 14–15 лет
16	Точность	10–11, 14–15 лет	10–11, 14–15 лет

В каждый указанный период происходит становление молодого организма на психофизическом, эмоциональном и физиологическом уровнях. По определению ряда исследователей, сенситивные и критические периоды развития достигают особой концентрации в детстве. Они могут иметь «тотальный» (сенситивные периоды в смысле К. Лоренца, кризисные периоды в понимании Л.С. Выготского) или парциальный характер. Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, Н.С. Лейтес, изучавшие данные феномены, связывали их с возрастным развитием, но не ограничивали их жестко определенными возрастными рамками, рассматривали их скорее как моменты яркого проявления феномена [Ананьев, 1977; Выготский, 1984; Лейтес, 1985; Сальников и др., 2018].

Развитие физических качеств у подрастающего поколения имеет определенные временные периоды и распределение темпов развития, при этом функциональные системы имеют спады и подъемы. Например, наиболее быстрые темпы развития абсолютной силы у мальчиков осуществляются в возрасте с 13 до 14 и далее с 17 до 18 лет, до 12 лет идет сравнительно медленный ее прирост.

Физиологические изменения у подрастающего поколения в период их сенситивного развития позволяют получить первоначальные знания, умения и навыки в области физической культуры, спорта, гигиены и социального взаимодействия. Данный процесс направлен на подготовку к предстоящей взрослой жизни и сосредоточен главным образом на всестороннем и гармоничном развитии всех функциональных систем организма и личности в целом.

Как видно из табл. 1, развитие физических качеств в разные годы жизни человека распределено неравномерно. В один период некоторые психофизические характеристики развиваются одинаково быстро-синхронно, в другие периоды жизни данные качества нарастают с разной интенсивностью, т.е. гетерохронно. Сенситивный период определяет границы оптимальных сроков развития психических функций и форм деятельности. Особым видом сенситивного периода являются критические фазы –

кратковременные периоды оптимальной готовности организма к усвоению специфических реакций в ответ на «ключевые раздражители», примером которых может служить импринтинг (К. Лоренц). В случаях депривации и дефицита раздражителей, адекватных сенситивному периоду, наблюдаются задержка и отставание в развитии соответствующей функции.

Регби, как спортивная дисциплина, относится к командным видам спорта, где взаимодействие между ее участниками является определяющим условием, оказывающим влияние на результат и положение в турнирной таблице выступления команды. Любой игрок в команде способен оказать личное влияние на конечный результат турнира, что обусловлено наличием хороших физических, психологических и интеллектуальных качеств каждого ее участника, определяет залог будущих побед и грядущих успехов. Работа по подготовке личностных качеств игроков является главной задачей тренерского состава при подготовке команды [Behzadnia, 2022].

В России количество желающих заниматься регби с каждым годом неуклонно растет. Многие образовательные организации на базе своих учреждений создают максимально благоприятные условия для развития данного вида спорта. С этой целью Министерство спорта Российской Федерации подготовило ряд соответствующих документов, регламентирующих деятельность и развитие детского регби в учреждениях образования. В данной связи 26 ноября 2020 г. состоялось заседание Высшего совета Федерации регби России, где Министр спорта Российской Федерации Олег Матыцин заверил присутствующих участников: «Министерство спорта продолжит поддерживать федерацию регби России в развитии студенческого и детско-юношеского спорта»¹. При этом Федерация регби России при поддержке Министерства спорта Российской Федерации и Министерства науки высшего образования Российской Федерации учредило Студенческую регбийную лигу, а образовательный

¹ Новости – Министерство спорта Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://minsport.gov.ru/press-centre/news/35476/> (дата обращения: 04.05.2022).

модуль по регби включен Министерством просвещения Российской Федерации в основные рабочие программы по физической культуре образовательных организаций.

Продолжая оказывать необходимое содействие в развитии видов спорта в стране, Министерство Просвещения Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный центр организационно-методического обеспечения физического воспитания», в 2019 г. разработали дополнительную профессиональную программу базового уровня по виду спорта регби для детей². Срок реализации программы предполагает обучение детей на протяжении шести лет, программа направлена прежде всего на удовлетворение их потребностей в двигательной активности и сосредоточена главным образом на качественном обучении молодых людей игре в регби [Leo et al., 2020].

Регби, как вид спорта, является одним из средств физического воспитания подрастающего поколения, аналогичных футболу, хоккею и прочим видам. Данные виды спорта имеют в основе контактный способ взаимодействия игроков команды, причем форма этого взаимодействия имеет определенно жесткий характер и наличие физических данных у его участников является просто обязательным условием. Регби появляется в Англии в начале XIX в. Это один из видов игры в футбол, что породило множество смежных видов, среди которых наиболее популярным стал регбилиг и регби-7. В основу игры положена борьба за мяч двух команд, каждая из которых имеет по 15 полевых игроков. На лицевой линии поля находятся H-образные ворота, а за лицевыми линиями поля расположены зачетные зоны команд. Основной задачей соперников являются результативные действия, совершаемые ими по отношению к воротам соперника – это может быть удар по мячу выше перекладины ворот или занос мяча в зачетную зону противника [Еськина, 2017].

² Дополнительная профессиональная программа базового уровня по виду спорта «Регби». М., 2019. URL: <https://xn-b1atfb1adk.xn-p1ai/files/ioe/documents/>

В соответствии с Всероссийским реестром видов спорта регби включает в себя ряд дисциплин – это регби, регби-7 и пляжное регби. В игре могут принимать участие дети обоих полов, не имеющие противопоказаний со стороны медицинских работников. К занятиям регби допускаются дети, сдавшие тестовые зачеты по общей физической подготовке.

К лицам, принимаемым на обучение, предъявляются общие требования – это минимальный возраст, определяемый девятью годами. Учебные группы занимающихся формируются по гендерной принадлежности, обучение осуществляется отдельно, учебные группы имеют минимальный состав 15 человек.

Рассматривая регби как средство физического воспитания молодого поколения и как систему формирования профессионально значимых качеств у юных спортсменов с учетом благоприятного периода развития у них физических качеств, необходимо обратить особое внимание на перечень применяемых упражнений с целью развития определенных психофизических качеств и умений. К ним можно отнести воспитание скоростно-силовой и общефизической выносливости, развитие моторики и координации движений. Развивая быстроту движений в тесной взаимосвязи с выработкой ловкости, мы обеспечиваем необходимые условия для овладения рациональной техникой передвижения регбистов, уделяя при этом особое внимание отработке естественных движений, выполняемых в игровой форме для развития общей выносливости [Deng et al., 2021; Kennerstedt, 2019].

Отличительной особенностью регби от других видов спорта является то, что занятия включают в себя взаимосвязь технической, тактической и психофизической подготовки, при этом арсенал тактико-технических действий в регби имеет существенно больший объем. Немаловажное значение при подготовке регбистов имеют общеразвивающие упражнения, которые направлены на развитие основных специальных физических качеств. При использовании различных методов обучения в игровых моментах игры в регби следует шире применять подводящие упражнения,

что способствует правильной отработке рациональных технических действий в игре и исключает трудоемкую работу по исправлению у юных спортсменов возникающих ошибок [Аршавский, 1967; Безруких и др., 2003; Burgegnio et al., 2022].

На данном этапе мы на теоретическом уровне рассмотрели общие условия развития физических качеств юных регбистов, направленных на формирование профессионально значимых компетенций. Мы проанализировали возможные варианты подбора упражнений с целью разработки специального комплекса физической подготовки юных регбистов, направленного на улучшение физических качеств детей в возрасте 9–14 лет. С целью верификации полученных данных был проведен педагогический эксперимент.

Организация педагогического эксперимента. Исследование проводилось на базе спортивного комплекса Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя школа № 133» г. Красноярск в период с января 2021 по сентябрь 2022 г. Для проведения эксперимента были организованы две группы ребят, занимающихся в спортивной секции регби, – контрольная и экспериментальная. Подбор исследуемых изначально был ограничен возрастными рамками – 11 лет, деление групп осуществлялось в произвольном порядке, что предоставило возможность обеспечить объективность проводимого исследования. В состав каждой группы входило по 15 мальчиков.

Занятие в группах осуществлялось в обычном тренировочном процессе в соответствии с дополнительной профессиональной програм-

мой базового уровня по виду спорта регби. Отличительной особенностью работы в экспериментальной группе являлся подход, обеспечивающий развитие тех физических качеств, которые были благоприятны в соответствии с их сенситивным периодом. Например, согласно табл. 1, в возрастном периоде с 9 до 14 лет происходит развитие таких физических качеств, как быстрота реагирования. Соответственно, при работе в экспериментальной группе основной упор будет сделан на подборе упражнений, развивающих данное качество у ребенка в совокупности со стандартными упражнениями, регламентирующими тренировочную деятельность в игровом виде спорта регби. В контрольной же группе занятия проводятся в обычном повседневном тренировочном режиме.

С целью реализации запланированных мероприятий нами были разработаны тестовые задания на предмет оценивания уровня физической и технической подготовленности детей в возрасте 11 лет на начало и окончание эксперимента.

Тестовые упражнения для оценки уровня подготовленности обучающихся контрольной и экспериментальной групп были представлены в следующем порядке:

- подъем туловища из положения лежа в положении сидя за 30 с;
- удары ногой по мячу с рук на точность. Испытуемый с расстояния 15 м должен попасть в квадрат со сторонами 5 на 5 м;
- челночный бег 3 x 10 м с мячом в руках.

Нормативы по предметным областям представлены в табл. 2.

Таблица 2

Тестовые упражнения для занимающихся регби в возрасте 11 лет

Table 2

Test exercises for rugby players aged 11

Уровень подготовленности	Удары ногой по мячу с рук на точность (кол-во раз)	Челночный бег 3 x 10 с мячом в руках (с)	Подъем туловища из положения лежа, в положение сидя (кол-во раз) за 30 с
Высокий	6	8,2	24
Средний	5	8,4	23
Низкий	4	8,7	22

Констатирующий эксперимент проводился в спортивном зале, полученные результаты вносились в соответствующую таблицу. По итогам нам удалось определить уровень подготовленности участников экспериментальной работы.

Средний уровень результатов сдачи тестовых упражнений исследуемых групп юных регбистов показал низкое значение, что фактически составило $21/30=70\%$. Соответственно в контрольной группе данный показатель составил $10/15=67\%$, в экспериментальной – $11/15=73\%$.

Таким образом, значительных отличий в цифровых показателях в процентном соотношении между группами нами выявлено не было, что указывает на тождественность двух исследуемых групп. Данное обстоятельство явилось основанием для проведения преобразующего эксперимента с целью получения результатов, определяемых целью исследования.

Для реализации задач опытно-экспериментальной работы нами был подготовлен специальный комплекс физических упражнений с целью развития физических качеств у юных регбистов в соответствии с табл. 1 и разработанной программой подготовки.

С учетом проведенного эксперимента нами был получен ряд изменений преобразующего характера. В экспериментальной группе средний суммарный уровень результатов сдачи тестовых упражнений после формирующего эксперимента выявил, что низкий показатель уровня физической и тактической подготовленности обучающихся на окончание проводимого исследования фактически снизился на 33% ($73-40=33\%$) с показателя на начало опытной работы – $11/15=73\%$ и до значения $6/15=40\%$ на окончание эксперимента.

В связи с тем что основные характеристики предмета исследования были найдены, представим результаты опытно-экспериментальной работы в графическом виде (рис. 1).

Рис. 1. Показатели уровня физической и тактической подготовленности обучающихся в экспериментальной группе на окончание эксперимента

Fig. 1. Indicators for the level of physical and tactical readiness among students in the experimental group at the end of the experiment

В контрольной группе средний суммарный уровень результатов сдачи тестовых упражнений юных регбистов на завершающем этапе эксперимента показал, что низкий уровень физической и тактической подготовленности обучающихся на окончание проводимого исследования снизился фактически незначительно на $67-60=7\%$

с показателя на начало опытно-экспериментальной работы $10/15=67\%$ и до значения $9/15=60\%$ на окончание эксперимента.

В связи с тем что основные характеристики предмета исследования были найдены, представим результаты опытно-экспериментальной работы в графическом виде (рис. 2).

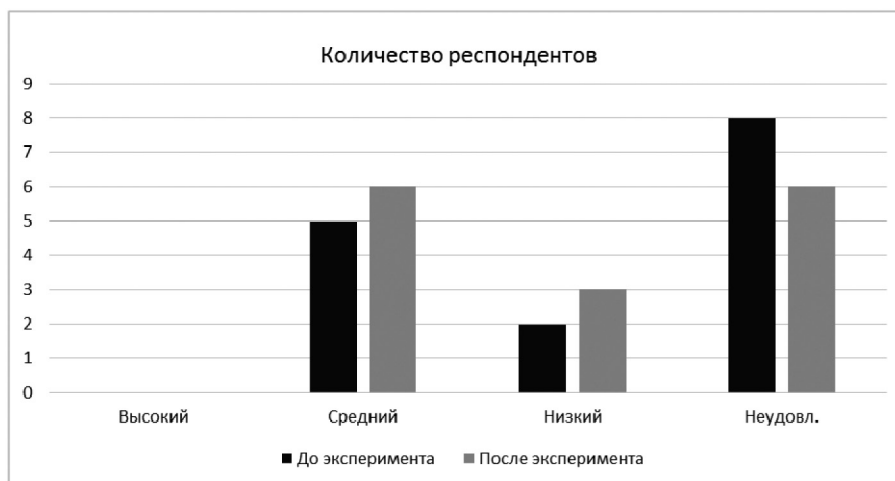

Рис. 2. Показатели уровня физической и тактической подготовленности обучающихся в контрольной группе на окончание эксперимента

Fig. 2. Indicators of the level of physical and tactical readiness among students in the control group at the end of the experiment

Достоверные различия между контрольной и экспериментальной группами в значениях среднего суммарного уровня результатов сдачи тестовых упражнений юных регбистов на завершающем этапе эксперимента показали, что уровень физической и тактической подготовленности обучающихся на окончание проводимого исследования имеет отличительные особенности

в 26 % ($33-7=26$ %), что указывает на верификацию выдвинутой гипотезы исследования: исходя из предположения о том, что для улучшения физических качеств ребенка необходимо использовать данные чувствительного периода развития детей на примере игрового вида спорта регби.

Данные результаты можно представить в графическом виде (рис. 3).

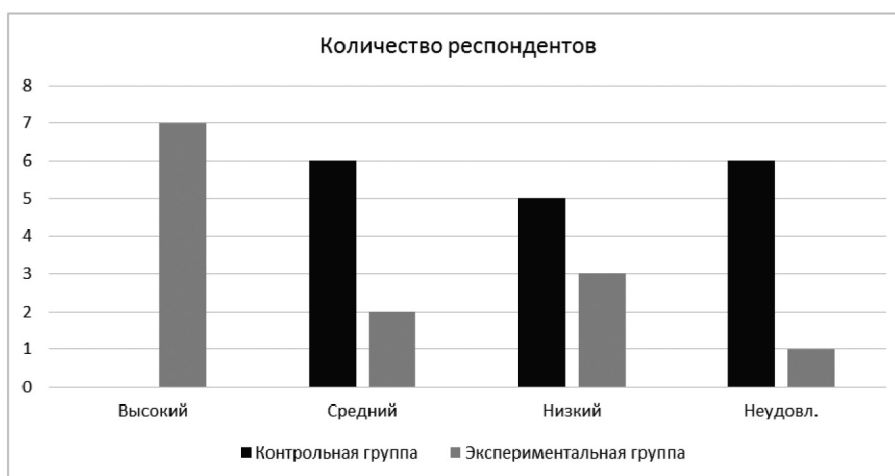

Рис. 3. Результаты отличительных особенностей в уровне физической и тактической подготовленности обучающихся в контрольной и экспериментальной группах на окончание эксперимента

Fig. 3. Results of distinctive features in the level of physical and tactical readiness among students in the control and experimental groups at the end of the experiment

Заключение. представленная работа достаточно обоснованно показала, что при занятиях физической культурой и спортом, в частности игро-

вым видом спорта регби, необходимо учитывать чувствительные периоды развития тех или иных физических качеств у детей в период их становления.

Актуальность данного исследования подтверждается тем, что Министерством просвещения Российской Федерации, Федеральным государственным бюджетным учреждением «Федеральный центр организационно-методического обеспечения физического воспитания» в 2019 г. была разработана дополнительная профессиональная программа базового уровня по виду спорта «регби для детей». С целью реализации данной программы в исследовательской работе была сделана попытка рассмотреть решение данного направления в развитии спорта через призму теории сенситивного периода становления детей в благоприятный временной интервал жизни ребенка.

Работа содержит достаточное количество информационного материала, являющегося доказательной базой, необходимой для применения в образовательной практике

в области физической культуры и спорта условий, обеспечивающих достижение высоких результатов с использованием модели подготовки юных спортсменов с учетом сенситивного периода их развития.

Практическая значимость работы состоит в том, что содержащийся в ней материал может оказать помощь педагогам в осмысленном понимании учебно-воспитательного процесса в образовательной организации и дает возможность спрогнозировать его развитие, что особенно важно в условиях современного образования. Практическая значимость исследования определяется новой расстановкой акцентов и ориентиров в содержании физического воспитания обучающихся, выборе средств и методов организации педагогического процесса, ориентированного на интенсификацию и диверсификацию образования.

Библиографический список

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977. 380 с.
2. Аршавский И.А. Очерки по возрастной физиологии. М.: Медицина, 1967. 474 с.
3. Безруких М.М., Сонькин В.Д., Фарбер Д.А. Возрастная физиология (Физиология развития ребенка): учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 416 с.
4. Выготский Л.С. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1991. 480 с.
5. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 4: Детская психология. 443 с.
6. Джим К. Безграничье. Прокачай мозг, запоминай быстрее / пер. с англ. А. Баннов. М.: АСТ, 2021. 384 с.
7. Еськина А.Ю. Хобби в нашей жизни // Молодой ученый СГСА: сб. ст. Самара, 2017. № 1 (5). С. 76–80.
8. Круглик И.И., Круглик И.П. Краткий словарь терминов по теории и методике физического воспитания и спорта для студентов физкультурных вузов [Электронный ресурс]: Психология, социология и педагогика. 2012. № 6. URL: <http://psychology.snauka.ru/2012/06/829/> (дата обращения: 26.05.2022).
9. Лейтес Н.С. Проблемы соотношения возрастного и индивидуального в способностях школьников // Вопросы психологии. 1985. № 1. С. 9–18.
10. Лункина Е.Н. Сенситивные периоды развития ребенка (по Л.С. Выготскому) // Медработник ДОУ № 2/2016. URL: <https://www.sfera-podpiska.ru/meddou/magazines/2016/medrabotnik-dou-2-2016> (дата обращения: 15.05.2022).
11. Миногина Е.В., Кузина В.Ю. Роль физической культуры и здорового образа жизни для студента // Проблемы педагогики. 2017. № 9 (32). С. 74–77.
12. Сальников В.А., Кайсин А.С., Суворов В.О., Алимжанов А.Е. Феномен сенситивности в тренировочном процессе юных спортсменов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2018. № 6 (160). С. 211–214.

13. Behzadnia B. The relationship between the cause-and-effect orientations of students and the interpersonal behavior of teachers with the satisfaction and frustration of basic needs of students, the intention to physical activity and well-being // *Physical Culture and Sports Pedagogy*. 2022. Vol. 6 (6). P. 613–632. DOI: 10.1080/17408989.2020.1849085
14. Burgegno R., García-González L., Abos A., Sevil-Serrano J. Motivational experience of students in the profiles of perceived behavior, supporting needs and hindering needs, in physical education // *Physical Culture and Sports Pedagogy*. 2022. Vol. 27 (5). P. 36–49. DOI: 10.1080/17408989.2022.2028757
15. Deng A., Zhang T., Chen A. Problems of studying aerobic and anaerobic concepts: interpretative understanding from the point of view of the theory of cognitive load // *Physical Culture and Sports Pedagogy*. 2021. Vol. 26 (6). P. 633–648. DOI: 10.1080/17408989.2020.1849595
16. Desi E.L., Ryan R.M. «What» and «why» achieving the goal: human needs and self-determination of behavior // *Psychological Research International Journal of Development of Psychological Theory*. 2009. Vol. 11 (4). P. 227–268. DOI: 10.1207/S15327965PLI1104_01
17. Godman H. Regular exercise changes the brain to improve memory, thinking skills. Harvard Health (blog), Harvard Health Publishing. 2018. April 5. URL: www.health.harvard.edu/blog/regular-exercise-changes-brain-improve-memory-thinking-skills-201404097110
18. Hasty P.A., Stringfellow A., Johnson G.L., Dixon C.E., Hollett N., Ward K. Exploring the concept of participation in physical education // *Physical Culture and Sports Pedagogy*. 2020. Vol. 27. P. 1–18. DOI: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17408989.2020.1861231?src=recsys>
19. Kennerstedt M. Physical education and the art of teaching: Transformative learning and teaching in physical culture and sports pedagogy // *Sport, Education and Society*. 2019. Vol. 24 (6). P. 611–623. DOI: 10.1080/13573322.2019.1574731
20. Leo F.M., Muratidis A., Pulido J.J., Lopez-Gajardo M.A., Sanchez-Oliva D. Perceived behavior of teachers and students' involvement in Physical Education: The mediating role of basic psychological needs and self-determining motivation // *Physical Culture and Sports Pedagogy*. 2020. Vol. 27. P. 59–76. URL: <https://www.tandfonline.com/toc/cpes20/27/1>

DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-61-3-350>

DEVELOPMENT OF PHYSICAL QUALITIES IN SCHOOLCHILDREN AGED 9–14 BY MEANS OF RUGBY

S.S. Bazhenov (Krasnoyarsk, Russia)

A.N. Savchuk (Krasnoyarsk, Russia)

Yu.E. Sitnikov (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem and purpose. Currently, there is a need to understand the importance of physical culture, both social and individual value, which makes it possible to identify new trends in the development of public consciousness and personal motivations for the development of the cultural heritage of the planet [Minogina, 2017, p. 74]. The article analyzes and determines the degree of use of individual human abilities – the fundamental factors determining the level of culture of social consciousness and development.

The methodology of the research consists of a theoretical analysis and generalization of the data of scientific and methodological literature of foreign and Russian scientists recognized by the scientific community in the field of physical culture, sports, psychology, and pedagogy, as well as practical experience in preparing the younger generation for rugby classes.

Research results. Functional capabilities provided to a person during physical education and sports have almost unlimited possibilities. The tasks solved in the research work indicate the need to analyze the conditions of physical training of young rugby players at the present stage. In accordance with the analysis of the conditions for training young athletes, a complex of general developmental exercises has been developed. These exercises are provided as a means of physical education through the rugby game sport within the sensitive period of development of the younger generation.

Conclusion. Experimental work has sufficiently proved the hypothesis that when practicing physical culture and sports, in particular, a game sport – rugby, it is necessary to take into account favorable periods of development of basic physical qualities in children during the period of sensitive development.

In the research work, materials were considered to substantiate the arguments in favor of using an integrated approach to the training process of young rugby players aged 9–14.

Practical significance of the research lies in the fact that the material contained in the work, as well as methodological recommendations, will help in a meaningful understanding of the educational process in physical culture and help predict its development, which is especially important in school education. The practical significance of the study is determined by the new placement of accents and guidelines in the content of physical education of schoolchildren, the choice of means and methods of organizing the pedagogical process focused on intensification and diversification of education.

Keywords: *physical culture and sport, sensitive periods, development of physical qualities, rugby, special physical training complex, experimental work.*

Bazhenov Sergey S. – PhD Candidate, Department of Theoretical Foundations of Physical Education, Institute of Physical Culture, Sports and Health named after I.S. Yarygin, KSPU named after V.P. Astafyev; Acting Head of the Directorate of Sports Facilities of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: bagenov06@mail.ru

Savchuk Aleksandr N. – PhD (Pedagogy), Professor, Department of Theoretical Foundations of Physical Education, Institute of Physical Culture, Sports and Health named after I.S. Yarygin, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: savchuk.a.n@mail.ru

Sitnikov Yuri E. – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of Tactical and Special Training, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: 10101966yura@mail.ru

---

References

1. Ananyev B.G. On the problems of modern human cognition. Moscow: Izd-vo Nauka, 1977. 380 p.
2. Arshavsky I.A. Essays on age physiology. Moscow: Izd-vo Meditsina, 1967. 474 p.
3. Bezrukh M.M., Sonkin V.D., Farber D.A. Age physiology (Physiology of child development): textbook. Moscow: Izdatelsky tsentr Akademiya, 2003. 416 p.

4. Vygotsky L.S. Pedagogical psychology. Edited by V.V. Davydov. Moscow: Pedagogika, 1991. 480 p.
5. Vygotsky L.S. Collection of works: in 6 volumes. Moscow: Pedagogika, 1984. Vol. 4: Childhood psychology. 443 p.
6. Jim K. Limitlessness. Pump your brain, remember faster. Translated from English by A. Bannov. Moscow: AST, 2021. 384 p.
7. Eskina A.Y. Hobby in our life // *Filologiya i lingvistika (Philology and Linguistics)*. 2017. No. 1 (5). P. 76–80.
8. Kruglik I.I., Kruglik I.P. Concise dictionary of terms on theory and methodology of physical education and sports for students of physical education universities // *Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika (Psychology, Sociology, and Pedagogy)*. 2012. No. 6. URL: <http://psychology.snauka.ru/2012/06/829/> (access date: 26.05.2022).
9. Leites N.S. Problems of the relationship between age and individual in the abilities of schoolchildren // *Voprosy psikhologii (Issues of Psychology)*. 1985. No. 1. P. 9–18.
10. Lunkina E.N. Sensitive periods of child development (according to L.S. Vygotsky) // *Medrabotnik DOU (Medical worker of preschool educational institution)*. 2016. No. 2. URL: <https://www.sfera-podpiska.ru/meddou/magazines/2016/medrabotnik-dou-2-2016> (дата обращения: 15.05.2022).
11. Minogina E.V., Kuzina V.Yu. The role of physical culture and a healthy lifestyle for a student // *Problemy pedagogiki (Problems of Pedagogy)*. 2017. No. 9 (32). P. 74–77.
12. Salnikov V.A., Kaysin A.S., Suvorov V.O., Alimzhanov A.E. Sensitivity phenomenon in the training process of young athletes // *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta (Scholarly Notes of the University named after P.F. Lesgaft)*. 2018. No. 6 (160). P. 211–214.
13. Behzadnia B. The relationship between the cause-and-effect orientations of students and the interpersonal behavior of teachers with the satisfaction and frustration of basic needs of students, the intention to physical activity and well-being // *Physical Culture and Sports Pedagogy*. 2022. Vol. 6 (6). P. 613–632. DOI: 10.1080/17408989.2020.1849085
14. Burgegno R., García-González L., Abos A., Sevil-Serrano J. Motivational experience of students in the profiles of perceived behavior, supporting needs and hindering needs, in physical education // *Physical Culture and Sports Pedagogy*. 2022. Vol. 27 (5). P. 36–49. DOI: 10.1080/17408989.2022.2028757
15. Deng A., Zhang T., Chen A. Problems of studying aerobic and anaerobic concepts: interpretative understanding from the point of view of the theory of cognitive load // *Physical Culture and Sports Pedagogy*. 2021. Vol. 26 (6). P. 633–648. DOI: 10.1080/17408989.2020.1849595
16. Desi E.L., Ryan R.M. “What” and “why” achieving the goal: human needs and self-determination of behavior // *Psychological Research International Journal of Development of Psychological Theory*. 2009. Vol. 11 (4). P. 227–268. DOI: 10.1207/S15327965PLI1104_01
17. Godman H. Regular exercise changes the brain to improve memory, thinking skills. Harvard Health (blog), Harvard Health Publishing, April 5, 2018. URL: www.health.harvard.edu/blog/regular-exercise-changes-brain-improve-memory-thinking-skills-201404097110
18. Hasty P.A., Stringfellow A., Johnson G.L., Dixon C.E., Hollett N., Ward K. Exploring the concept of participation in physical education // *Physical Culture and Sports Pedagogy*. 2020. Vol. 27. P. 1–18. DOI: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17408989.2020.1861231?src=recsys>.
19. Kennerstedt M. Physical education and the art of teaching: Transformative learning and teaching in physical culture and sports pedagogy // *Sport, Education and Society*. 2019. Vol. 24 (6). P. 611–623. DOI: 10.1080/13573322.2019.1574731
20. Leo F.M., Muratidis A., Pulido J.J., Lopez-Gajardo M.A., Sanchez-Oliva D. Perceived behavior of teachers and students’ involvement in Physical Education: The mediating role of basic psychological needs and self-determining motivation // *Physical Culture and Sports Pedagogy*. 2020. Vol. 27. P. 59–76. URL: <https://www.tandfonline.com/toc/cpes20/27/1>

УДК 796.034.6

МОДУЛЬНАЯ МЕТОДИКА ПОВЫШЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-КООРДИНАЦИОННОЙ ПОДГОТОВКИ ИГРОКОВ БАСКЕТБОЛЬНОЙ КОМАНДЫ

И.Ю. Пугачев (Тамбов, Россия)

М.Ю. Богданов (Тамбов, Россия)

В.Б. Парамзин (Краснодар, Россия)

С.В. Разновская (Петрозаводск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. Существует множество методик по пространственной подготовке баскетболистов, но среди них есть противоречивые, которые необходимо анализировать, находить их особенности и базовые составляющие, в том числе те, которые ориентированы на блочно-модульное управление готовностью квалифицированных атлетов-баскетболистов к достижению высоких спортивных результатов. *Цель* статьи – обосновать и разработать модульную методику повышения пространственно-координационной подготовки игроков баскетбольной программы.

Методологию исследования составляют модульный подход, фундаментальные работы по теории спорта (В.Н. Платонов, Л.П. Матвеев и др.). Применялись методы: мультимедиа-визуализация, оценка пространственной координации, прогнозирование, педагогический эксперимент.

Результаты исследования. Предполагалось, что использование контента внесения корректуры в процесс подготовки высококвалифицированных атлетов усилит пространственно-координационную подготовленность, позволит повысить результативность игры. Задачи исследования представились в разработке и определении возможности распространения модульной методики на генеральную совокупность системы подготовки современных баскетболистов. Сущностью рекомендуемых средств являлось включение комплекса специальных упражнений на развитие вестибулярного анализатора и системы управления движениями. Содержание методики составили гетерогенные средства активного и пассивного методов вестибулярной тренировки однонаправленного воздействия, чередуемого через два занятия.

Заключение. Верифицирована ассимиляция количества бросков от трехочковой линии, в связи с чем намечается тенденция повышения роли системы управления движениями. Результаты педагогического формирующего эксперимента повысили уровень пространственной координации игроков команды «БК Держава» г. Тамбова, что значительно улучшило ее результат по последним девяти матчам в чемпионате Ассоциации студенческого баскетбола.

Ключевые слова: методика, управление, готовность, квалифицированные атлеты, баскетбол, контроль, этап спортивного совершенствования.

Пугачев Игорь Юрьевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры игровых и циклических видов спорта, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; ORCID: 0000-0003-3849-2322; e-mail: pugachyov.i@yandex.ru

Богданов Михаил Юрьевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики физической культуры, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; ORCID: 0000-0002-9780-494X; e-mail: bobkotdok@mail.ru

Парамзин Вячеслав Борисович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической подготовки, Краснодарское высшее военное училище им. генерала армии С.М. Штеменко; ORCID: 0000-0001-7473-9877; e-mail: ValyocheG@yandex.ru

Разновская Светлана Викторовна – кандидат биологических наук, доцент кафедры теории и методики физического воспитания института физической культуры, спорта и туризма, Петрозаводский государственный университет; ORCID: 0000-0003-4135-6321; e-mail: sveta_r3000@mail.ru

Постановка проблемы. Ретроспективный анализ специальной литературы и других источников последних десятилетий показывает значительный прогресс в области спорта, в том числе баскетбола, на международном уровне. Современные условия и рамки, предъявляемые «International Olympic Committee» к уровню сферы маркетинговой зрелищности спорта, стимулируют с позиций профессионального сообщества поиск гетерогенных разумных взглядов к инновационной трансформации правил соревнований, усовершенствованию многогранных сторон готовности атлетов, контролю и оценке мобилизационной их формы, максимальной реализации [Koenigstorfer, Preuss, 2018; Kristiansen et al., 2018; Orłowski, Wicker, 2019; Skille, Fahlén, 2020; Shajie et al., 2020; Kinoshita et al., 2021; Hwang, Henry, 2021; Разновская и др., 2021 а, б; Яцик, 2022].

В настоящее время сложилась проблемная ситуация, обусловленная противоречием: с одной стороны, существуют научные взгляды, направленные на построение многолетней подготовки высококлассных атлетов при управлении их соревновательной готовностью, с другой – обоснованные теоретико-эмпирические теории не проявили себя «стабильностью побед», характеризуются различием мнений и дискуссионностью положений, что вызывает объективную необходимость постоянного их изучения с учетом тенденций прогресса познания.

Цель статьи – обосновать и разработать модульную методику повышения пространственно-координационной подготовки игроков баскетбольной программы.

Методологию исследования составляют положения всеобщей концепции, модульный подход, фундаментальные работы по теории спорта, положения по теории подготовки и соревновательной деятельности участников процесса (В.Н. Платонов, Л.П. Матвеев и др.), представляющие научную платформу теории спорта. Применялись методы: мультимедиа-визуализация, оценка пространственной координации, прогнозирование, педагогический эксперимент.

Обзор научной литературы. В публикациях, посвященных освоению планирования круглогодичной подготовки, ассимилирован существенный объем гипотетического и эмпирического контента. Аспекты периодизации процесса подготовки атлетов в контексте усовершенствования наиболее уязвимых сфер изучались в работе [Корягин, 2010].

В работе [Козина, 2009] автор концентрирует внимание на свойствах конструирования персональных программ подготовки игроков с учетом амплуа и эквивалентности параметрам интегральной коллективной готовности. Долголетний процесс в спорте экстраполирован через призму «управление», что разрешило системно прилагать средства и методы персонализации в совокупности с обобщенными кластерами [Елевич, 2008; Сысоев и др., 2021].

Результаты исследования. Применение метода мультимедиа-визуализации позиционных бросков мяча в корзину за 2011 и 2021 гг. по пяти рейтинговым играм лучших команд NBA за год («Чикаго Буллз», «Майами Хит») верифицировало заметное увеличение количества бросков от трехочковой линии и снижение рассредоточения бросков по площадке. Данные указывают на сингулярность модуля пространственной координации и системы управления движениями.

Для исследования профессиографической структуры соревновательной готовности игроков баскетбольной команды «БК Держава» нами с 2019 по 2022 г. проводилась мультимедиа-регистрация 12 показателей, составляющих дифференциацию атакующих передач (индивидуальных и командных); количество заброшенных мячей и их классификацию по очкам; число штрафных бросков и с игры; число перехватов и блокшотов; число подборов на «своем» и «чужом» щите; число потерь при передаче; число фолов. Моделирование и прогнозирование реализовывалось по ряду технологий [Дмитриев и др., 2004; Пугачев и др., 2019а; 2019б; 2020; 2021; Парамзин, 2021а; Разновская, 2021а; 2021б; 2021в; Агабеков и др., 2021; Васильченко, 2021]. Установлено, что воздействие параметров на итог матча варьируется в зависимости от рейтинга

в соревнованиях. Применяемая математико-биометрическая «цифровизация» с последующей обработкой данных кластерным анализом «SPSS Statistikcs 20, AMOS» (методами «К средних» и «одиночной связи») не позволила выявить отчетливые взаимосвязи и сформулировать искомую закономерность. Дальнейший мультимедиа-анализ показателей технико-тактических действий в нападении игроков (Джоэл Эмбиид, Кевин Дюрант, Яннис Антетокумпо, Леброн Джеймс, Стивен Карри, Джеймс Харден, Никола Йокич, Лука Дончич, Кави Леонард, Энтони Дэвис, Дамиан Лиллард, Девин Букер) сильнейших команд NBA по результатам анализа 20 рейтинговых игр 2022 г. выявил эффективность реализации действий «внезапным прорывистым дриблингом».

Экспериментальная проверка эффективности применения разработанной комплексной методики проводилась нами в педагогическом эксперименте на базе «БК Держава» с привлечением действующей команды игроков. Всего в исследовании приняло участие 16 спортсменов в возрасте 17–25 лет. Особенностью методики является реализация средств без контроля зрительного анализатора на фоне кумуляции эмоционального утомления. В экспериментальной группе (ЭГ) занятия проводились 3 раза в неделю длительностью 1 академический час (45 минут). Применялись повороты в различные стороны и на многомерное количество градусов на месте и в прыжках, гетерогенные прыжки с поворотами на 360° – 270° с приземлением на ограниченную поверхность; скатывания по наклонной плоскости; разновидности перекатов, разнонаправленных кувырков с последующим выполнением бросков мяча. В заключительной части занятия применялись пассивные статические упражнения: стойка на голове; антигравитационные (перевернутые) асаны фитнес-йоги с удержанием позы 15–45 с. Было проведено тестирование ЭГ до и после эксперимента. Использовались специальные тесты для определения уровня развития пространственно-координационной сферы: «Прыжки на 360° в ограниченном пространстве (авторская разработка)»; «Маятник – бросок – цель». Вестибулярная устойчивость оценивалась

по тестам: «Проба Шлемина»; «Проба Яроцкого»; «Проба Болобана». Авторская методика теста «Прыжки на 360° в ограниченном пространстве» представляла оценку количества результативных прыжков на 360° в диаметре круга 1,2 м без заступа за линию и внешнюю плоскость круга. Результаты эксперимента зафиксировали значительный прирост уровня пространственно-координационной подготовленности игроков. Самый большой прирост (102,2 %) наблюдался по тесту «Прыжки на 360° в ограниченном пространстве». Если до эксперимента количество специальных прыжков составляло $4,5 \pm 1,1$ раза, то после исследования результат составил $9,1 \pm 1,3$ раза. Значительный прирост параметра, видимо, вызван положительными адаптационными перестройками организма атлетов, вызванными оперативным приспособлением к новому тесту. Исследуя состояние вестибулярного аппарата и способность управлять индивидуальной моторикой по пробе Шлемина, заметили снижение отклонения от прямой линии после реализации кувырков и прыжка с цельным приземлением лишь с незначительным отставлением нижней конечности в сторону. Результат по этому тесту (пробе) улучшился на 93,3 % и составил $5,8 \pm 0,2$ балла (фоновый уровень был эквивалентен $3,0 \pm 0,9$ балла). После эксперимента значение по тесту Яроцкого увеличилось на 31,9 % и составило $38,8 \pm 3,3$ с. Динамика величин по тесту Болобана выявила результативное (34,0 %) снижение отклонения от прямой черты при ходьбе после реализации пяти поворотов в позе наклона вперед за 5 с в круге $\varnothing$ 70 см. До эксперимента значения пробы составляли $29,4 \pm 2,8$ см, после эксперимента – $19,4 \pm 2,7$ см. Из полученных результатов видно, что в конце педагогического эксперимента уровень пространственно-координационной подготовленности игроков достоверно повысился. Критерий Стьюдента (t) в исследуемых показателях колебался в пределах 2,44–2,61 усл. ед. и соответствовал значению $p < 0,05$. Коэффициент «полезности игры» спортсменов, участвующих в эксперименте, по ранжированию мнений экспертов-тренеров, вырос на 12,3 %. Команда за последние семь игр чемпионата Ассоциации

студенческого баскетбола вышла на 4-е место в турнирной таблице.

Заключение. Ретроспективный анализ сравнительной мультимедиа-визуализации позиционных бросков мяча в корзину за 2011 и 2021 гг. по пяти рейтинговым играм NBA за каждый год верифицировал сингулярность увеличения количества бросков от трехочковой линии и снижение рассредоточения бросков по площадке, что констатирует онтогенетическую тенденцию повышения надежности тонко координированных результативных действий спортсменов, соразмерности их усилий. Мультимедиа-анализом также определено, что построение системы подготовки российских команд с акцентом на «внезапном прорывивистом дриблинге» является прогнозом успешности достижения результата в многолетней спортивной подготовке. Разработанная

модульная методика развития пространственной координации атлетов включила комплекс специальных упражнений на развитие их вестибулярного анализатора и системы управления движениями. Содержание методики составили средства пассивного и активного метода вестибулярной тренировки. Особенностью методики является реализация средств без контроля зрительного анализатора на фоне прогрессирующего утомления и предварительного раздражения отолитового аппарата. Результаты эксперимента подтвердили эффективность модульной методики, верифицирован прирост ряда значимых показателей. Так, прирост в результатах тестов экспериментальной группы достоверно составил: «прыжки на 360° в ограниченном пространстве» – 102,2 %; «маятник – бросок – цель» – 33,8 %; «проба Шлемина» – 93,3 %; «проба Яроцкого» – 31,9 %.

Библиографический список

1. Агабеков Н.К. и др. Критерии диагностики профессиональных компетенций обучающихся в физкультурных вузах с преимущественным учетом параметров игровых и циклических видов спорта // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 9. С. 30–38. DOI: 10.5281/zenodo.5543813
2. Васильченко О.С. и др. Эффективность применения модернизированного метода «просеивания» в определении основных положений разработки комплексов контрольных тестов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 10 (200). С. 61–66. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2021.10.p61-666
3. Дмитриев Г.Г. и др. Модельные характеристики физической готовности выпускников военно-инженерных вузов к профессиональной деятельности // Материалы итоговой научной конференции института за 2003 г. СПб.: Военный институт физической культуры, 2004. С. 196–198. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27720220>
4. Елевич С.Н. Многолетняя подготовка баскетболистов высокой квалификации: монография. СПб.: Олимп, 2008. 216 с. URL: <http://lesgaft.sp.ru>
5. Козина Ж.Л. Индивидуализация подготовки спортсменов в игровых видах спорта: монография. Харьков: Точка, 2009. 396 с. URL: <https://www.tmfv.com.ua/journal/article/view/656>
6. Корягин В.М. Теоретико-методические основы системы подготовки юных баскетболистов // Теорія і методика фіз. виховання. 2010. № 10. С. 3–7. URL: <https://boOk.net>
7. Парамзин В.Б. и др. Анализ и основные направления реализации требований ФГОС во по дисциплине «физическая культура (подготовка)» в военно-образовательных учреждениях // Современный ученый. 2021а. № 2. С. 96–101. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44858385>
8. Парамзин В.Б. и др. Эффективность комплексного применения дыхательных упражнений в процессе адаптации обучающейся молодежи к условиям среднегорья на лыжных сборах // Современный ученый. 2021б. № 4. С. 18–24. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46407368>
9. Пугачев И.Ю. и др. Актуальность оценки уровня профессиональной работоспособности обучающихся на фоне утомления средствами физической культуры // Современный ученый. 2021. № 2. С. 123–128. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44858390>

10. Пугачев И.Ю. Инновационная технология разработки содержания физического воспитания человека на основе принципа «сжатия информации» // Инновации в образовании. 2019а. № 4. С. 130–141. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37183788>
11. Пугачев И.Ю. О необходимости учета параметров физической работоспособности обучающихся в рейтинге университетов // Инновации в образовании. 2020. № 3. С. 57–68. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42925959>
12. Пугачев И.Ю. Применение авторского принципа «сжатия информации» для эффективной реализации конкурентоспособности спортсменов высокого класса и спортивного резерва спортивной подготовки // Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации. 2019б. № 1. С. 295–297. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42492695>
13. Пугачев И.Ю., Османов Э.М., Кораблев Ю.Ю. Прогнозирование физической и психофизиологической работоспособности военнослужащих ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия им. адмирала флота советского союза Н.Г. Кузнецова» // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. № 11 (103). С. 155–166. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17054706>
14. Разновская С.В. и др. Динамика показателей ортостатической пробы у обучающихся в процессе спортивно-оздоровительных сборов в условиях среднегорья // Обзор педагогических исследований. 2021а. Т. 3, № 4. С. 45–49. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45767630>
15. Разновская С.В. и др. Медико-биологическое сопровождение подготовки спортсменов по смешанному стилю рукопашного боя // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021б. № 7 (197). С. 317–322. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2021.7.p317-321
16. Разновская С.В. и др. Перспективный подход реализации современных биометрических технологий в физической культуре и спорте // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021в. № 8 (198). С. 232–237. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2021.8.p232-237
17. Сысоев А.Н. и др. Критерии эффективности организационно-управленческой деятельности преподавателей кафедры физического воспитания вуза // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 11 (201). С. 451–456. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2021.11.p451-455
18. Яцик В.З. Конкретизация тестов для оценки приоритетных физических качеств спортсменов-горнолыжников методом «просеивания» // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 3 (205). С. 558–563. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2022.3.p558-563
19. Hwang B., Henry I. Identifying the field of Olympic education: a meta-narrative review // European Sport Management Quarterly. 2021. DOI: 10.1080/16184742.2021.1895861
20. Kinoshita K. et al. Social outcomes from participating in the Youth Olympic Games: the role of the service environment // European Sport Management Quarterly. 2021. DOI: 10.1080/16184742.2021.1889636
21. Koenigstorfer J., Preuss H. Perceived values in relation to the Olympic Games: development and use of the Olympic Value Scale // European Sport Management Quarterly. 2018. Vol. 18, No 5. P. 607–632. DOI: 10.1080/16184742.2018.1446995
22. Kristiansen E. et al. The Youth Olympic Games: a facilitator or barrier of the high-performance sport development pathway? // European Sport Management Quarterly. 2018. Vol. 18, No 1. P. 73–92. DOI: 10.1080/16184742.2017.1383499
23. Orłowski J., Wicker P. Monetary valuation of non-market goods and services: a review of conceptual approaches and empirical applications in sports // European Sport Management Quarterly. 2019. Vol. 19, No 4. P. 456–480. DOI: 10.1080/16184742.2018.1535609
24. Shajie K. et al. Spectators on the run: Factors affecting football attendance in Iranian football matches // Annals of Applied Sport Science. 2020. Vol. 8. No 1. P. 733. DOI: 10.29252/AASSJOURNAL.733
25. Skille E., Fahlén J. The role of sport organizations for local and national community – the case of Sámi sport organizations // European Sport Management Quarterly. 2020. Vol. 20, No 2. P. 250. DOI: 10.1080/16184742.2019.1610784

MODULAR METHOD FOR INCREASING SPATIAL COORDINATION TRAINING AMONG BASKETBALL TEAM PLAYERS

I.Yu. Pugachev (Tambov, Russia)

M.Yu. Bogdanov (Tambov, Russia)

V.B. Paramzin (Krasnodar, Russia)

S.V. Raznovskaya (Petrozavodsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. There are many techniques for spatial training of basketball players, but among them there are contradictory ones that need to be analyzed, their features and basic components found. Including those that are focused on block-modular management of the readiness of qualified basketball athletes to achieve high sports results.

The purpose of the article is to substantiate and develop a modular methodology for improving the spatial coordination training for basketball program players.

The methodology of the research consists of a modular approach, fundamental works on the theory of sports (V. N. Platonov, L. P. Matveev, etc.). Methods were used: multimedia visualization, assessment of spatial coordination, forecasting, pedagogical experiment.

Research results. It was assumed that the use of proofreading content in the process of training highly qualified athletes to strengthen spatial and coordination preparedness, will increase the effectiveness of the game. The objectives of the study were presented in the development and determination of the possibility of disseminating the modular methodology on the general set of the system for training modern basketball players. The essence of the recommended means was the inclusion of a set of special exercises for the development of the vestibular analyzer and the movement control system. The content of the technology consisted of heterogeneous means of active and passive methods of vestibular training, but of unidirectional impact, alternating after 2 sessions.

Conclusion. The assimilation of the number of shots from the three-point line has been verified, which marks the tendency to increase the role of the motion control system. The results of the pedagogical formative experiment increased the level of spatial coordination of the players of the team «BC Derzhava» of Tambov, which significantly improved her result in the last 9 matches in the championship of the College Basketball Association.

Keywords: *management, preparedness, qualified athletes, basketball, control, stage of sports improvement.*

Pugachev Igor Yu. – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of Game and Cyclic Sports, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia); ORCID: 0000-0003-3849-2322; e-mail: pugachyov.i@yandex.ru

Bogdanov Mikhail Yu. – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of Theory and Methodology of Physical Culture, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia); ORCID: 0000-0002-9780-494X; e-mail: bobkotdok@mail.ru

Paramzin Vyacheslav B. – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of Physical Training, Krasnodar Higher Military School named after General of the Army S.M. Shtemenko (Krasnodar, Russia); ORCID: 0000-0001-7473-9877; e-mail: ValyocheG@yandex.ru

Raznovskaya Svetlana V. – PhD (Biology), Associate Professor, Department of Theory and Methods of Physical Education, Institute of Physical Culture, Sports and Tourism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia); ORCID: 0000-0003-4135-6321; e-mail: sveta_r3000@mail.ru

---

References

1. Agabekov N.K. et al. Criteria for diagnosing professional competencies of students in Physical Education universities, taking into account the parameters of game and cyclical sports // *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik (Humanities Scientific Bulletin)*. 2021. No. 9. P. 30–38. DOI: 10.5281/zenodo.5543813
2. Vasilchenko O.S. et al. Efficiency of application of the modernized method of “seeding” in determining the basic provisions of development of complexes of control tests // *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta (Scientific Notes of the University named after P.F. Lesgaft)*. 2021. No. 10 (200). P. 61–66. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2021.10.p61-66

3. Dmitriev G.G. et al. Model characteristics of physical readiness for professional activities among graduates of military engineering universities. In: Proceedings of the Final Scientific Institute conference for 2003 year. St. Petersburg: Military Institute of Physical Training, 2004. P. 196–198. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27720220>
4. Elevich S.N. Long-term training of highly qualified basketball players: monograph. St Petersburg: Olimp, 2008. 216 p. URL: <http://lesgaft.sp.ru>
5. Kozina J.L. Individualization of athletes' training in team sports: monograph. Kharkov: Tochka, 2009. 396 p. URL: <https://www.tmfv.com.ua/journal/article/view/656>
6. Koryagin V.M. Theoretical and methodological foundations of the system for training young basketball players // Теорія і методика фіз. виховання (Theory and methodology of physical education). 2010. No 10. P. 3–7. URL: <https://boOk.net>
7. Paramzin V.B. et al. Analysis and main areas of implementation of the FSES requirements in the discipline “Physical Education (training)” in military educational institutions // Sovremennyy uchenyy (Modern Scientist). 2021a. No. 2. P. 96–101. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44858385>
8. Paramzin V.B. et al. Efficiency of the integrated application of respiratory exercises in the process of adaptation of student youth to the conditions of middle mountains at ski training camps // Sovremennyy uchenyy (Modern Scientist). 2021b. No. 4. P. 18–24. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46407368>
9. Pugachev I.Yu. et al. Relevance of assessing the level of professional performance of students on the background of fatigue by means of Physical Education // Sovremennyy uchenyy (Modern Scientist). 2021. No. 2. P. 123–128. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44858390>
10. Pugachev I.Yu. Innovation technology for the content development in physical training of a man on the basis of the principle of “information compression” // Innovatsii v obrazovanii (Innovations in Education). 2019a. No. 4. P. 130–141. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37183788>
11. Pugachev I.Yu. Need to account the parameters of students' physical health in the university rating // Innovatsii v obrazovanii (Innovations in Education). 2020. No. 3. P. 57–68. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42925959>
12. Pugachev I.Yu. Application of the author's principle of “information compression” for effective implementation of competitiveness among high-class athletes and Sports Reserve in sports training // Resursy konkurentosposobnosti sportmenov: teoriya i praktika realizatsii (Resources of Competitiveness of Athletes: Theory and Practice of Implementation). 2019b. No. 1. P. 295–297. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42492695>
13. Pugachev I.Yu., Osmanov E.M., Korablev Yu.Yu. Prediction of physical and psycho-physiological working capacity among personnel of military educational scientific center of Military naval academy named after Admiral of Soviet Union Fleet N.G. Kuznetsov // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki (Bulletin of Tambov University. Series: Humanities). 2011. No. 11(103). P. 155–166. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17054706>
14. Raznovskaya S.V. et al. Dynamics of orthostatic test indicators in students in the process of sports and health sessions in the conditions of middle mountains // Obzor pedagogicheskikh issledovaniy (Overview of Pedagogical Studies). 2021a. Vol. 3, No. 4. P. 45–49. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45767630>
15. Raznovskaya S.V. et al. Medical and biological support of training athletes in mixed style of hand-to-hand combat // Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta (Scientific Notes of the University named after P.F. Lesgaft). 2021b. No. 7 (197). P. 317–322. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2021.7.p317-321
16. Raznovskaya S.V. et al. A promising approach to the implementation of modern biometric technologies in physical culture and sports // Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta (Scientific Notes of the University named after P.F. Lesgaft). 2021c. No. 8 (198). P. 232–237. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2021.8.p232-237

17. Sysoev A.N. et al. Criteria for the effectiveness of organizational and managerial activities among teachers of a University Department of Physical Education // *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta* (Scientific Notes of the University named after P.F. Lesgaft). 2021. No. 11 (201). P. 451–456. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2021.11.p451-455
18. Yatsyk V.Z. et al. Specification of tests for evaluation of priority physical qualities in mountain-skiers athletes by sifting method // *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta* (Scientific Notes of the University named after P.F. Lesgaft). 2022. No. 3 (205). P. 558–563. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2022.3.p558-563
19. Hwang B., Henry I. Identifying the field of Olympic education: a meta-narrative review // *European Sport Management Quarterly*. 2021. DOI: 10.1080/16184742.2021.1895861
20. Kinoshita K. et al. Social outcomes from participating in the Youth Olympic Games: the role of the service environment // *European Sport Management Quarterly*. 2021. DOI: 10.1080/16184742.2021.1889636
21. Koenigstorfer J., Preuss H. Perceived values in relation to the Olympic Games: development and use of the Olympic Value Scale // *European Sport Management Quarterly*. 2018. Vol. 18, No 5. P. 607–632. DOI: 10.1080/16184742.2018.1446995
22. Kristiansen E. et al. The Youth Olympic Games: a facilitator or barrier of the high-performance sport development pathway? // *European Sport Management Quarterly*. 2018. Vol. 18, No 1. P. 73–92. DOI: 10.1080/16184742.2017.1383499
23. Orłowski J., Wicker P. Monetary valuation of non-market goods and services: a review of conceptual approaches and empirical applications in sports // *European Sport Management Quarterly*. 2019. Vol. 19, No 4. P. 456–480. DOI: 10.1080/16184742.2018.1535609
24. Shajie K. et al. Spectators on the run: Factors affecting football attendance in Iranian football matches // *Annals of Applied Sport Science*. 2020. Vol. 8, No 1. P. 733. DOI: 10.29252/AASSJOURNAL.733
25. Skille E., Fahlén J. The role of sport organizations for local and national community – the case of Sámi sport organizations // *European Sport Management Quarterly*. 2020. Vol. 20, No 2. P. 250. DOI: 10.1080/16184742.2019.1610784

УДК 796.015.1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕСТОВ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ АРМИЙ США, РОССИИ И ВЕНЕСУЭЛЫ

Д.А. Сальмерон Майорка (Каракас, Венесуэла)

А.И. Чикуров (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В любой армии мира большое значение имеет физическая подготовленность личного состава, что является одним из основных показателей уровня готовности вооруженных сил страны. Меняющиеся условия современных боевых действий требуют постоянной и системной модернизации оценки уровня физической подготовленности военнослужащих.

Цель исследования – выявить наиболее важные аспекты физической подготовки военнослужащих на основе сравнительного анализа тестов физической подготовленности, используемых в армиях США, Российской Федерации и Венесуэлы.

Методология исследования основывается на нормативно-правовых актах в сфере обороны США, Российской Федерации и Венесуэлы, анализе научных публикаций и опыте профессиональной деятельности по заявленной проблеме исследования.

Результаты исследования. Подробно изучив подходы к оценке физических качеств военнослужащих США, Российской Федерации и Венесуэлы, мы отметили, что такая страна, как Венесуэла, отличается своим подходом к уровню оценки подготовленности личного состава от двух других стран. В статье представлены актуальные на сегодняшний день средства оценки физических качеств военнослужащих армий США, Российской Федерации и Венесуэлы, таких как выносливость, сила, скорость, гибкость и координация. Данные качества являются фундаментальными для любой профессиональной деятельности, которая подразумевает или требует высокого уровня физической подготовленности, что также позволит определить необходимый уровень готовности военнослужащих армии Венесуэлы.

Заключение. В отличие от военных армии Венесуэлы, солдаты самых сильных армий мира проходят более комплексную подготовку, сохраняя при этом специфику профессиональной деятельности во всем ее проявлении.

Ключевые слова: *физическая подготовленность, скорость, выносливость, ловкость, гибкость, сила, армия.*

Сальмерон Майорка Давид Александр – аспирант, Сибирский федеральный университет (Красноярск); военный майор, Армия Венесуэлы (Каракас, Венесуэла); e-mail: salmeron160984@gmail.com

Чикуров Александр Игнатович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретических основ и менеджмента физической культуры и туризма института физической культуры, спорта и туризма, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия), e-mail: chikurov71@mail.ru

Постановка проблемы. Физическая подготовленность военнослужащих любой армии имеет первостепенное значение, поскольку от этого полностью зависит выполнение поставленных задач. История свидетельствует о том, насколько важна хорошая физическая подготовка солдат в конфликтах любого уровня. Вместе с тем меняющиеся условия современных

боевых действий делают актуальными постоянную и системную модернизацию и обновление оценки уровня физической подготовки военнослужащих. Тесты, позволяющие оценить уровень развития физических качеств, должны быть персонализированы для качества каждого военного и характера выполняемых им боевых задач, при этом быть универсальными,

позволяющими осуществить оценку физической подготовленности вооруженных сил в целом.

Цель исследования – выявить наиболее важные аспекты физической подготовки военнослужащих на основе сравнительного анализа тестов физической подготовленности, используемых в армиях США, Российской Федерации и Венесуэлы.

Методология исследования основывается на нормативно-правовых актах в сфере обороны стран США, Российской Федерации и Венесуэлы, анализе научных публикаций и опыта в профессиональной деятельности по заявленной проблеме исследования.

Анализ научной литературы. Актуальные аспекты физической подготовки военнослужащих армий различных государств изучались многими авторами (Л.В. Вайгачева, Н.А. Воронов, Р.Х. Кузина, Е.Н. Лямзин, Б.В. Овчинников, А.И. Румянцева, И.В. Подольская и др.).

Оценка физической подготовленности в армии США имеет большие традиции, принимая во внимание большой опыт ведения боевых действий. Большой опыт в области физического воспитания и современные научные исследования позволили разработать универсальные средства оценки физической подготовленности. Текущий армейский тест оценки физических качеств основывался в первую очередь на научных данных и экспертном мнении военных представителей. Отдельные тестовые задания по физической подготовленности армии США претерпели большие изменения, но основные причины для использования этих оценок остались прежними: это мотивационная подготовка и предоставление объективной оценки физических возможностей солдат, оценка эффективности программ физической подготовки [Knapik, East, 2014, p. 16].

С 1980 г. универсальной оценкой физической подготовленности армии США является армейский тест (APFT – Army physical fitness test), который определяет общий уровень готовности военнослужащего. Тест состоит из двухминутных сгибаний рук в упоре лежа и приседаний, а также бега на 2 мили (табл. 1). Первый

тест показывает уровень силовой выносливости, а результативность бега на 2 мили отражает аэробные способности [Корчагин и др., 2018а; 2018б]. В дальнейшем специалисты по физической подготовке армии США внесли несколько изменений в тест по физической подготовленности, адаптировав его к новым квалификационным требованиям, которые необходимы при выполнении боевых задач, наиболее заметным изменением является увеличение количества упражнений (с трех до шести).

Новый тест наиболее точно отражает уровень боевой готовности, определяя индивидуальные способности во всех аспектах физической готовности солдата к бою, включая силу, выносливость, скорость и координацию [Shchegolev, 2016].

Пересмотр армейского теста на пригодность идет вслед за заявлением Пентагона о том, что, и это подчеркивал в своем выступлении бывший министр Марк Т. Эспер, солдаты должны быть в хорошей физической и психологической форме, чтобы сражаться и побеждать в военных конфликтах высокой интенсивности [Bigelman1, et al., 2019; Корчагин, 2018а, 2018б; Willing..., 2009].

Новый тест физической и боевой готовности содержит шесть компонентов (табл. 2):

1. Силовая тяга (становая тяга).
2. Силовой бросок (бросок набивного мяча назад).
3. Сгибание-разгибание рук в упоре лежа (с отрывом рук в нижнем положении).
4. Спринт/перетаскивание/перенос (спринт 50 метров, тяга 50 метров саней 90 фунтов, 50 метров спринт, перенос двух гирь 40 фунтов 50 метров и 50 метров спринт).
5. Поднос колен к локтям (из виса на перекладине).
6. Двухмильный бег.

Солдаты, имеющие освобождение по состоянию здоровья, будут оцениваться в индивидуальном порядке. Чтобы помочь подразделениям подготовиться к новому тесту, армия США разработала программу сертификации и обучения для всех специалистов по физической подготовке.

Таблица 1

Армейский фитнес-тест для армии США

Table 1

UNITED STATES ARMY PHYSICAL FITNESS TEST (APFT)

Возраст (Age)	Мужчины (men)						Женщины (woman)					
	Отжимания (push ups) 2 мин		Приседания (sit-ups) 2 мин		Двухмильный бег (miles run), мин/сек		Отжимания (push ups) 2 мин		Приседания (sit-ups) 2 мин		Двухмильный бег (push ups) мин/сек	
	макс.	мин.	макс.	мин.	макс.	мин.	макс.	мин.	макс.	мин.	макс.	мин.
17–21	71	42	78	53	13:00	15:54	42	19	78	53	15:36	18:54
22–26	75	40	80	50	13:00	16:36	46	17	80	50	15:36	19:36
27–31	77	39	82	45	13:18	17:00	50	17	82	45	15:48	20:30
32–36	75	36	76	42	13:18	17:42	45	15	76	42	15:54	21:42
37–41	73	34	76	38	13:36	18:18	40	13	76	38	17:00	22:42
42–46	66	30	72	32	14:06	18:42	37	12	72	32	17:24	23:42
47–51	59	25	66	30	14:24	19:30	34	10	66	30	17:36	24:00
52–56	56	20	66	28	14:42	19:48	31	9	66	28	19:00	24:24
57–61	53	18	64	27	15:18	19:54	28	8	64	27	19:42	24:48
62+	50	16	63	26	15:42	20:00	25	7	63	26	20:00	25:00

Таблица 2

Армейский тест боевой формы для армии США

Table 2

United States Army Combat Fitness Test (ACFT)

[Spoehr, 2018, p. 1–10; Unhealthy and Unprepared, 2018, p. 10]

Баллы	Силовая становая тяга, фунты	Бросок набивного мяча, м	Отжимания (кол-во)	Спринт перетаскивание, мин/сек	Подтяжка ног (sit-up из виса)	Двух- мильный бег, мин/сек
1	2	3	4	5	6	7
100	340	13.5	70	1:40	20	12:45
99	330	13.2	68			13:00
98	320	13.0	66	1:41	19	13:15
97		12.8	64	1:42		13:30
96	310	12.5	62	1:43	18	13:40
95		12.3	60	1:44		13:50
94	300	12.1	58	1:45	17	14:00
93		11.9	56	1:46		14:10
92	290	11.8	54	1:47	16	14:20
91		11.6	52	1:48		14:30
90	280	11.5	50	1:49	15	14:40
89		11.3	49	1:50		14:50
88	270	11.2	48	1:51	14	15:00
87		11.0	47	1:52		15:10
86	260	10.9	46	1:53	13	15:20
85		10.7	45	1:54		15:30
84	250	10.6	44	1:55	12	15:40
83		10.4	43	1:56		15:50
82	240	10.3	42	1:57	11	16:00
81		10.1	41	1:58		16:10
80	230	10.0	40	1:59	10	16:20
79		9.8	39	2:00		16:30
78	220	9.7	38	2:01	9	16:40

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
77		9.5	37	2:02		16:50
76	210	9.4	36	2:03	8	17:00
75		9.2	35	2:04		17:10
74	200	9.1	34	2:05	7	17:20
73		8.9	33	2:06		17:30
72	190	8.8	32	2:07	6	17:40
71		8.6	31	2:08		17:50
70	180	8.5	30	2:09	5	18:00
69		8.3	28	2:16		18:10
68	170	8.0	26	2:23		18:20
67		7.5	24	2:30	4	18:35
66		7.0	22	2:37		18:50
65	160	6.5	20	2:45	3	19:00
64		6.2	18	2:55		20:10
63	150	5.9	16	3:05	2	20:20
62		5.6	14	3:15		20:30
61		5.3	12	3:25		20.45
60	140	4.6	10	3:35	1	21:07

Примечание

	Минимальный балл для солдата с высокой физической нагрузкой
	Минимальный балл для солдата с большой физической нагрузкой
	Минимальный балл для солдата с умеренной физической нагрузкой (минимум для армии)

Этот тест для оценки физической подготовки не требует оценки в зависимости от пола и возраста (табл. 2).

В настоящее время используются оба теста для оценки физической подготовленности с учетом возрастных и гендерных отличий, а также поставленных перед военнослужащим задач.

В Вооруженных Силах Российской Федерации нормативным основанием оценки и отбора военнослужащих в сфере физической подготовки является Приказ Министерства обороны Российской Федерации «Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации» от 21 апреля 2009 г. № 200.

В соответствии с главой 7 указанного Наставления при проверке физической подготовленности солдат срочной службы и военнослужащих по контракту оцениваются общие показатели физической подготовки: сила, выносливость, скорость [Willing..., 2009].

Результаты исследования. Целью аттестации по физической подготовке является определение физических, моральных, интеллектуаль-

ных и профессиональных условий военнослужащих как фундаментальных аспектов целостного процесса управления персоналом, составляющих основу для назначения должностей, переводов, вознаграждений, продвижения по службе и т.д. У штабных функционеров она проводится с учетом возраста и пола, а также содействует профилактике здоровья в учреждении, мотивируя профессиональных военнослужащих избегать малоподвижного образа жизни, ожирения и сердечно-сосудистых заболеваний [Никифоров, Полозов, 2018].

Для оценки физической подготовки военных применяются различные критерии, которые зависят от звания, рода войск, срока службы, а главное, категории военнослужащего. Так, для «срочников» и «контрактников» такие нормативы отличаются. Отдельно установлены нормы физической подготовки для женщин [Воронов, 2019].

Фактически для *военнослужащих срочной службы* применяются нормативы, разработанные для служащих по контракту до 30 лет (табл. 3).

Таблица 3

**Требования к физической подготовленности граждан,
поступающих на военную службу по контракту**

Table 3

Requirements for physical fitness of citizens entry military service under a contract

Упражнения Exercises	Минимальные требования для категорий военнослужащих			
	Мужчины		Женщины	
	до 30 лет	старше 30 лет	до 25 лет	старше 25 лет
Сила (Power) Сгибание и разгибание рук в упоре лежа (Flexion and extension of the arms in the lying position)	45	40	12	10
Наклоны туловища вперед (Torso forward bends)	–	–	25	20
Подтягивание на перекладине (Pull-ups on the bar)	10	8	–	–
Быстрота Rapidity Бег на 60 м (60 m run)	9,8	10,0	12,9	13,9
Бег на 100 м (100 m run)	15,1	15,8	19,5	20,5
Челночный бег 10 x 10 м (Shuttle run 10 x 10 m)	28,5	29,5	38,0	39,0
Выносливость (Endurance) Бег на 3 км (3 km run)	14,30	15,15	–	–
Бег на 1 км (1 km run)	4,20	4,45	5,20	5,45
Лыжная гонка на 5 км (Ski race 5 km)	28,00	29,00	–	–

Проверку физической подготовки проводят при температуре воздуха в интервале от + 15° до + 35°С с благоприятными метеорологическими условиями (отсутствие сильного дождя, снега, порывистого ветра) [Воронов, 2018а; 2018б]. Испытания по специальной физической подготовке рекомендовано проводить в таком порядке: ловкость, быстрота, силовые упражнения, рукопашный бой, выносливость, групповые упражнения в составе подразделения.

Нормативы физической подготовки для военнослужащих по контракту. Контрактная служба – это фактически профессиональная армия. Поэтому у военнослужащих должен быть более высокий уровень физической подготовки по сравнению с солдатами срочной службы. Нормативы требуется сдавать перед подписанием контракта. Требования к физподготовке

отличаются в зависимости от того, где служит контрактник:

- в воздушно-десантных, десантно-штурмовых, разведывательных, специальных подразделениях и морской пехоте;
- в боевых подразделениях и боевом обеспечении, управлении соединениями;
- в частях материального обеспечения, медицинского и ремонтного обслуживания;
- на надводных и подводных боевых кораблях;
- в музыкальных частях;
- в учебных центрах для служащих по контракту.

Кроме того, на военную службу по контракту имеют право поступать женщины в возрасте от 19 до 35 лет. Поэтому для них существуют отдельные нормативы (табл. 3). Для женщин

старше 25 лет установлены более щадящие нормативы. При этом при сдаче нормативов как у мужчин, так и у женщин должен проводиться медицинский контроль [Воронов, 2018а; 2018б]. Его выполняет медицинский работник, присутствующий в месте проведения испытаний путем измерения артериального давления и частоты сердечных сокращений (пульса).

Для офицеров также должны проводиться периодические проверки физической формы. Происходит это с такой же периодичностью, как и для рядовых, – два раза в год. При этом обязательной является регулярная (ежедневная) физическая подготовка. Существует комплекс упражнений, которые каждый военнослужащий должен выполнять во время утренней зарядки. Офицеры в возрасте старше 30 лет должны:

- отжиматься от пола не менее 30 раз;
- подтягиваться не менее 8 раз;
- бегать на 100 метров за 16 секунд;
- пробежать кросс 3 километра за 15 минут.

В армии Российской Федерации метод оценки физической подготовленности войск зависит от звания, типа военной службы, пола и возраста, включая различные виды деятельности в зависимости от их категории в армии, а именно тесты, отражающие боевые способности в оценке

таких аспектов, как выносливость, ловкость, сила, навыки рукопашного боя, скорость и командная работа.

В венесуэльской армии аспекты физической подготовки направлены на оценку служебной квалификации профессиональных военнослужащих, они позволяют противостоять неотъемлемым требованиям военной жизни.

Для мотивации к занятиям по физической подготовке разработан ряд тестов для определения физического состояния профессиональных военнослужащих Боливарианской армии Венесуэлы.

Квалификация солдат венесуэльской армии рассчитывается на основе следующих упражнений: аэробная подготовка – бег 2400 метров, силовая выносливость – сгибание и разгибание рук в упоре лежа, приседания (табл. 4). Оценка физической подготовки профессиональных военнослужащих учитывает возраст и пол, за исключением плавания, в котором нет различия по полу и возрасту, и будет рассчитываться на основе следующих относительных значений:

- аэробная сила, 2400 метров – 50 %;
- сгибание и разгибание локтей – 20 %;
- упражнения на пресс – 20 %;
- плавание – 10 %.

Таблица 4

Тест физической подготовленности венесуэльской армии
Nracaffan, Caracas, DC, 2005, p. 7–13

Table 4

Physical Fitness Test of the Venezuelan Army

Возраст	Мужчины						Женщины					
	Отжимания (push ups) 2 мин		Приседания (sit-ups) 2 мин		Двухмильный бег (miles rum), мин/сек		Отжимания (push ups) 2 мин		Приседания (sit-ups) 2 мин		Двухмильный бег (push ups), мин/сек	
	макс.	мин.	макс.	мин.	макс.	мин.	макс.	мин.	макс.	мин.	макс.	мин.
До 25	35	23	48	36	09:20	16:00	28	16	34	22	12:15	18:55
26–28	33	21	43	31	09:45	16:25	25	13	30	18	12:40	19:20
29–31	31	19	38	26	10:30	17:10	22	10	28	16	13:25	20:05
32–34	29	17	33	21	10:55	17:35	19	7	26	14	13:50	20:30
35–37	27	15	28	16	11:25	18:05	16	4	20	8	14:20	21:00
38–40	25	13	23	11	11:55	21:55	13	2	18	6	14:50	21:30
41–43	23	11	18	6	12:30	25:50	11	1	16	4	15:25	22:05
44–46	21	9	13	1	13:00	29:40						
47–50	18	6	8	1	13:40	33:40						

Плавание будет оцениваться в 50-метровом бассейне, за каждый метр плавания начисляется по 2 балла.

Оценка военных армии Венесуэлы очень похожа на тесты, использовавшиеся ранее в Соединенных Штатах (APFT). Не проводятся отличия в зависимости от их функций в армии или их категории.

Заключение. Сравнивая оценки уровня физической подготовленности военных трех стран, можно сделать вывод, что в армиях США и России просматривается более дифференцированный подход к оценке развития физических качеств во всем его многообразии, что, скорее всего, отражает наиболее точную специфику их профессиональной деятельности

и способствует более эффективному выполнению поставленных перед военнослужащими этих армий задач. В отличие от военных армии Венесуэлы, солдаты самых сильных армий мира проходят более комплексную подготовку, сохраняя при этом специфику профессиональной деятельности во всем многообразии. Узкая направленность тестов для оценки боеготовности военнослужащих Боливарианской армии не отражает уровня развития всей палитры физических качеств, проявляемых при выполнении специальных задач. Венесуэльская армия должна принять во внимание опыт армий других стран и включить в оценку физической готовности своих военнослужащих тесты, которые используют передовые армии мира.

Библиографический список

1. Вайгачева Л.В., Кузина Р.Х., Овчинников Б.В., Румянцева А.И., Подольская И.В. Физическая пригодность в иностранной армии: путь к здоровью и устойчивости / Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова МО РФ. СПб., 2019.
2. Воронов Н.А. Поддержание двигательного режима в жизни человека // Нацразвитие: матер. конф. ГНИИ. 2018а. Июнь. С. 103–105.
3. Воронов Н.А. Спорт как основа здорового образа жизни // Проблемы теории и практики современной науки: сб. науч. ст. / науч. ред. Т.А. Колесникова. М., 2018б. С. 17–20.
4. Воронов Н.А. Физическая подготовка в жизни военнослужащего // Дневник науки: электр. науч. журнал. 2019. № 6. С. 3–5.
5. Корчагин И.В., Фофанов А.М., Мужчиль О.А. Семь принципов физической подготовки военнослужащих армии США, заложенных в Наставлении Сухопутных войск (FM-7-22) // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2018а. № 4. С. 68–73. EDN YSZKFV
6. Корчагин И.В., Мужчиль О.А., Бомбина М.Ю. Становление и развитие физической подготовки в вузах вооруженных сил Соединенных Штатов Америки // Актуальные проблемы реализации образовательного процесса в вузах и общеобразовательных организациях МО РФ: сб. науч. ст. межвуз. науч.-практ. конф. СПб.: ВИФК, 2018б. С. 88–92. EDN: VNBABS
7. Лямзин Е.Н. Сравнительный анализ моделей физической подготовки курсантов в высших учебных заведениях иностранных армий // Вестник адъютанта. 2020. № 4 (10). С. 9. EDN PIRRNK
8. Никифоров А.В., Полозов А.А. Особенности оценки физической подготовленности военнослужащих в армиях иностранных государств // Бағдар Ориентир. 2018. № 1. С. 73.
9. Приказ Министра обороны РФ от 21 апреля 2009 г. № 200 «Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации».
10. Bigelman K.A., East W.B., Thomas D.M., Turner D., Hertling M. The new army combat fitness test: An opportunity to improve recruitment and retention // Obesity (Silver Spring). 2019. Vol. 27 (11). P. 1772–1775.
11. Knapik J.J., East W.B. History of United States army physical fitness and physical readiness testing // US Army Medical Department Journal. 2014. P. 5–19. URL: http://www.cs.amedd.army.mil/amedd_journal.aspx

12. Manual de Educación Física Militar (RC 21-20-11). Comandancia General del Ejército, Caracas, Venezuela. 1961.
13. Normas y procedimientos para la evaluación y calificación de la aptitud física del personal militar profesional de la fuerza armada nacional. Caracas, Dc, 2005. P. 2–13.
14. Shchegolev V.A. Military sports specialist training in armed forces of the NATO leading nations (based on public foreign sources) // Theory and Practice of Physical Culture. 2016. No. 2. P. 61–65.
15. Spoehr T. The looming national security crisis: Young Americans unable to serve in the military // Backgrounder. 2018. No. 3282. P. 1–10. URL: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2018-02/bg3282.pdf>.
16. Unhealthy and unprepared: National Security depends on promoting healthy lifestyles from an early age. A Report by «Council For a Strong America» (Mission: Readiness). 2018. 10 p. URL: <https://strongnation.s3.amazonaws.com/documents/484/389765e0-00-49a2>
- 17 Willing and unable to serve. A Report by «Mission: Readiness. Military Leaders for Kids». 2009. 12 p. URL: <http://cdn.missionreadiness.org/mr-ready-willing-unable.pdf>

DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-61-3-352>

COMPARATIVE ANALYSIS OF PHYSICAL FITNESS TESTS IN THE ARMIES OF THE USA, RUSSIA AND VENEZUELA

**D.A. Salmerón Mayorca (Caracas, Venezuela),
A.I. Chikurov (Krasnoyarsk, Russia)**

Abstract

Statement of the problem. In any army in the world, the physical fitness of personnel is of great importance, which is one of the main indicators of the readiness level of the country's armed forces. The changing conditions of modern warfare require constant and systematic modernization of the assessment in the level of physical fitness of military personnel.

The purpose of the study is to consider the most important aspects of physical training of military personnel based on a comparative analysis of physical fitness tests used in the armies of the United States, the Russian Federation and Venezuela.

The research methodology is based on regulatory legal acts in the field of defense of the USA, the Russian Federation and Venezuela, the analysis of scientific publications and professional experience on the stated research problem.

Research results. Having studied in detail the approaches to assessing the physical qualities of military personnel in the United States, the Russian Federation and Venezuela, we noted that a country like Venezuela differs in its approach to the level of assessment of the readiness of personnel from the other two countries. This article presents the current means of assessing physical qualities of military personnel in the armies of the United States, the Russian Federation and Venezuela in the context of such aspects of the theory of physical education as endurance, strength, speed, flexibility, and coordination. These aspects are fundamental for any professional activity that implies or requires a high level of physical fitness, which can also allow determining the necessary level of readiness of the Venezuelan army soldiers.

Conclusion. Unlike the military of the Venezuelan army, soldiers of the most powerful armies in the world undergo more comprehensive training and at the same time maintain the specifics of professional activity in all its manifestations.

Keywords: *physical readiness, speed, endurance, agility, flexibility, strength, army.*

Salmerón Mayorca D.A. – PhD Candidate, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); Military Major, Ejército de Venezuela, Sector Fuerte Tiuna Caracas Postal District, Distrito Capital (Caracas, Venezuela); e-mail: salmeron160984@gmail.com

Chikurov Aleksandr I. – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of Theoretical Foundations and Management of Physical Culture and Tourism, Institute of Physical Culture, Sports and Tourism, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: chikurov71@mail.ru

---

References

1. Vaigacheva L.V., Kuzina R.H., Ovchinnikov B.V., Rummyantseva A.I., Podolskaya I.V. Physical Fitness In A Foreign Army: The Path To Health And Stability of the Kirov Military Medical Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation, St. Petersburg, 2019.
2. Voronov N.A. Maintenance of motor mode in the life of a person // Conference materials of the GNII "National Development", June 2018. Collection of selected articles. 2018a. P. 103–105.
3. Voronov N.A. Sport as the basis of a healthy lifestyle // Problems of theory and practice of modern science. Collection of scientific articles. Scientific editor T.A. Kolesnikova. Moscow, 2018b. P. 17–20.
4. Voronov N.A. Physical training in the life of a serviceman // Electronic scientific journal "Diary of Science". 2019. No. 6. p. 3–5.
5. Korchagin I.V., Fofanov A.M., Menzhil O.A. Seven principles of physical training of US Army servicemen laid down in the Instruction of the Ground Forces (FM-7-22) // Actual problems of physical and special training of power structures. 2018a. No. 4. P. 68–73. EDN YSZKFV

6. Korchagin I.V., Menzhil O.A., Bombina M.Yu. Formation and development of physical training in universities of the armed forces of the United States of America // Actual problems of the implementation of the educational process in universities and educational organizations of the Ministry of Defense of the Russian Federation: Collection of scientific articles of the interuniversity scientific and practical conference. St. Petersburg: VIFK, 2018b. P. 88–92. EDN: VNBABS
7. Lyamzin E.N. Comparative analysis of models of physical training of cadets in higher educational institutions of foreign armies // Bulletin of adjunct. 2020. No. 4 (10). P. 9. EDN PIRRNK
8. Nikiforov A.V., Polozov A.A. Features of assessing the physical fitness of military personnel in the armies of foreign states. Bagdar Landmark (Kazakhstan), No. 1, January 2018. P. 73.
9. Order of the Minister of Defense of the Russian Federation No. 200 dated April 21, 2009 “On approval of the Manual on Physical Training in the Armed Forces of the Russian Federation”.
10. Bigelman K.A., East W.B., Thomas D.M., Turner D., Hertling M. The new army combat fitness test: An opportunity to improve recruitment and retainment // Obesity (Silver Spring). 2019. Vol. 27 (11). P. 1772–1775.
11. Knapik J.J., East W.B. History of United States army physical fitness and physical readiness testing // US Army Medical Department Journal. 2014. P. 5–19. URL: http://www.cs.amedd.army.mil/amedd_journal.aspx
12. Manual de Educación Física Militar (RC 21-20-11), Comandancia General del Ejército, Caracas, Venezuela, 1961.
13. Normas y procedimientos para la evaluación y calificación de la aptitud física del personal militar profesional de la fuerza armada nacional. Caracas, Dc, 2005. P. 2–13.
14. Shchegolev V.A. Military sports specialist training in armed forces of the NATO leading nations (based on public foreign sources) // Theory and Practice of Physical Culture. 2016. No. 2. P. 61–65.
15. Spoehr T. The looming national security crisis: Young Americans unable to serve in the military // Backgrounder. 2018. No. 3282. P. 1–10. URL: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2018-02/bg3282.pdf>
16. Unhealthy and unprepared: National Security depends on promoting healthy lifestyles from an early age. A Report by “Council For a Strong America” (Mission: Readiness). 2018. 10 p. URL: <https://strong-nation.s3.amazonaws.com/documents/484/389765e0-00-49a2>
17. Willing and unable to serve. A Report by “Mission: Readiness. Military Leaders for Kids”. 2009. 12 p. URL: <http://cdn.missionreadiness.org/mr-ready-willing-unable.pdf>

УДК 378

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТРЕНАЖЕРА ДЛЯ ТРЕНИРОВКИ ПЛАВАТЕЛЬНОГО ГРЕБКА СПОРТСМЕНА

А.А.И. Свейдан (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Теоретический анализ данных, представленных в ранее осуществленных исследованиях, позволил констатировать необходимость более детального обращения к теме, по мнению большинства специалистов являющейся актуальной с точки зрения спортивных достижений в соревновательной деятельности пловцов, применения в рамках спортивной подготовки специальных технических устройств (тренажеров) для научно обоснованного методического сопровождения тренировочного процесса. Недостаточность в разработках и показателях эффективности применения тренажеров позволила сформулировать проблему, тему и цель исследования.

Цель статьи – рассмотрение одного из специальных устройств (тренажера) для тренировки гребка и выявление его преимуществ в тренировочном процессе пловца. *Задачи* исследования включали рассмотрение элементов устройства и способов его работы, проведение электромиографического анализа мышц плеча и рук во время тренировки на суше и под водой при плавании кролем.

Методология исследования. В основе методологии исследования лежит комплекс адекватных ему методов: теоретический анализ и обобщение литературы, анализ интернет-ресурсов, педагогическое наблюдение. Экспериментальная часть исследования проведена при использовании специального тренировочного устройства (тренажера).

Результаты исследования. В качестве результата осуществленной исследовательской деятельности следует считать краткое описание устройства тренажера для тренировки плавательного гребка, включая блоки узлов и инструментальные методы управления движениями для регулируемого сопротивления. Кроме того, в статье представлен электромиографический анализ мышц плеча и рук во время тренировки на суше и под водой при выполнении движений при плавании кролем.

Заключение. Представленный в статье материал, полученный лично автором, может быть использован при организации спортивной подготовки пловцов в рамках тренировочного процесса на протяжении всего годового цикла.

Ключевые слова: квалифицированные пловцы, тренировка тренировки на суше и под водой, плавательный гребок, тренажер, электромиография, мышцы плеча и рук.

Свейдан Аус Акрам Исса – соискатель кафедры теоретических основ физического воспитания института физической культуры, спорта и здоровья им. И.С. Ярыгина, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: awssweidan90@gmail.com

Постановка проблемы. Теоретический анализ данных, представленных в ранее осуществленных исследованиях, позволил констатировать необходимость более детального обращения к теме, по мнению большинства специалистов являющейся актуальной с точки зрения спортивных достижений в соревновательной деятельности пловцов, применения в рамках спортивной подготовки специальных технических устройств (тренажеров)

для научно обоснованного методического сопровождения тренировочного процесса. Недостаточность в разработках и показателях эффективности применения тренажеров, позволила сформулировать проблему, тему и цель исследования.

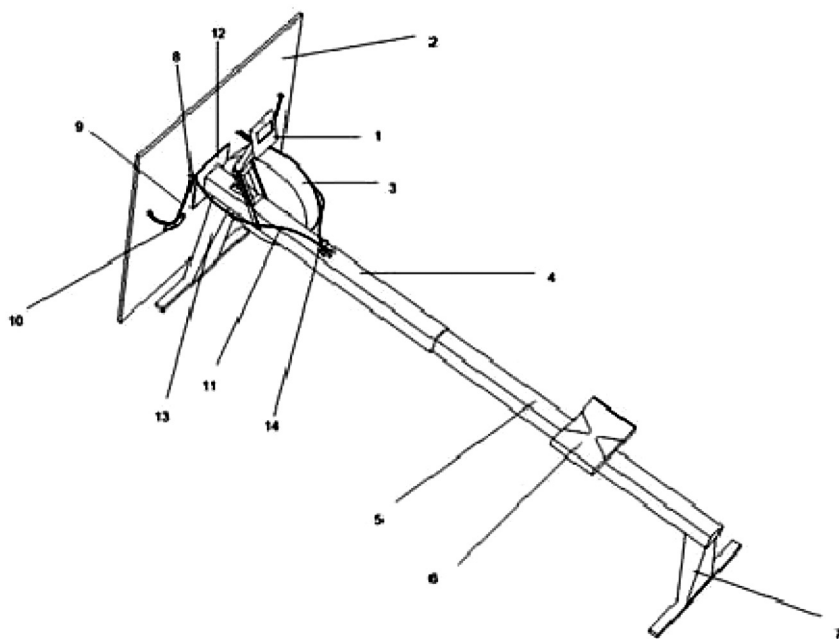
Цель статьи – рассмотрение одного из специальных устройств (тренажера) для тренировки гребка и выявление его преимуществ в тренировочном процессе пловца. *Задачи*

исследования: рассмотреть элементы устройства и способ его работы, провести электромиографический анализ мышц плеча и рук во время тренировки на суше и под водой при плавании кролем.

Методология исследования. В основе методологии исследования лежит комплекс адекватных ему методов: теоретический анализ и обоб-

щение литературы, анализ интернет-ресурсов, педагогическое наблюдение.

Предлагаемый тренажер (рис.) является устройством, имитирующим плавательный гребок и включающим в себя регулируемый механизм сопротивления, позволяющий человеку выбирать один из нескольких уровней сопротивления при работе на тренажере [Гузман, 2013, с. 122].

Рис. Поперечное сечение устройства для тренировки гребка: 1 – экран отображения результатов; 2 – поддерживающая платформа; 3 – система сопротивления; 4 – соединительный элемент; 5 – рельсы; 6 – передвижное сиденье; 7 – опора; 8 – винт; 9 – резиновые канаты; 10 – лопатка; 11 – железная проволока; 12 – соединительный элемент между устройством и платформой; 13 – верхняя передняя база; 14 – ручки
Fig. Cross section of stroke training device: 1 – results display screen; 2 – support platform; 3 – resistance system; 4 – connecting element; 5 – rails; 6 – mobile seat; 7 – support; 8 – screw; 9 – rubber ropes; 10 – blade; 11 – iron wire; 12 – connecting element between the device and the platform; 13 – upper front base; 14 – handles

Этот тренажер позволяет заниматься в изометрической тренировке, сопротивление которой создается весом тела пловца и силой тяжести. Это достигается путем того, что руки пловца присоединены к жесткому железному тросу, прикрепленному к лопатке, что позволяет пловцу висеть в положении, в котором максимальное сокращение мышц происходит под разными углами. Таким образом, задействуются мышцы, ответственные за создание двигательной силы в кроле. Создание имитатора добавляет дополнительные уровни сопротивления к машине путем конфигурирования различных компонентов

механизма сопротивления. Кроме того, тренажер позволяет быстро и легко регулировать уровни сопротивления. В то же время он не оказывает никакого сопротивления в период восстановительной части движения при выполнении упражнения во избежание причинения вреда спортсмену.

Анализ научных публикаций. Качественное проведение тренировок на суше важно для пловцов, триатлетов. Для этого используются специальные тренажеры, предназначенные для увеличения мышечной силы и выносливости [Дакал, 2018; Клочков, 2018; Прибыток, 2020;

Bogdashkin, Morozov, 2020; Kozin et al., 2020]. При этом способы использования данных тренажеров и методика тренировок на суше могут быть изменены в зависимости от соревновательного сезона.

Традиционные тренировки на выносливость улучшают способность выполнять длительную малую нагрузку, а также упражнения с большим количеством повторений [Кравцов, 2010, с. 215]. Однако они незначительно влияют на мышечную и анаэробную силы [Макаров, Макарова, 2020, с. 17]. Тренировки с отягощением (силовые тренировки), наоборот, способствуют выполнению больших нагрузок, упражнений при максимальном усилии [Гилев, Максимов, 2011, с. 12]. В результате этих различий каждый тренировочный режим приводит к различным физиологическим и анатомическим изменениям в тренированных мышцах [Там же, с. 24].

Результаты исследования. Электромиографический анализ мышц плеча и рук во время тренировки на суше и под водой при плавании кролем [Лобузова, 2021, с. 1912]. На суше: во время маневров на суше гравитация была единственным сопротивлением спортсменов. Теоретически это повлияет на фазы восстановления и на последнюю половину отталкивания [Гордон, 2011, с. 53]. Активность подлопаточной мышцы наблюдалась в течение всей фазы подтягивания с пиковой активностью в середине (48 % от максимального мышечного тестирования). Во время восстановления не было никакой активности, за исключением минимального количества у одного человека.

Двуглавая мышца находилась в тонусе постоянно, но также были зафиксированы два пика активности: один в середине восстановления, а другой в середине подтягивания [Кузнецов, Холодов, 2016, с. 217]. В обоих случаях локтевые суставы были согнуты под углом 90°. Надостная и подостная мышцы были сильно и непрерывно напряжены во всех фазах, за исключением последней половины подтягивания. Пик активности, приближающийся к максимальным мышечным 60 % теста, был очевиден во время последней половины восстановления, когда рука пере-

ходила от 90° отведения к полному отведению над головой.

Активность средней дельтовидной мышцы была сходна с надостной и подостной мышцами и приближалась к 60 % активности при окончательном восстановлении [Маклауд, 2011, с. 70]. Ключичная часть, большая грудная мышца показали очень слабую напряженность на всех этапах теста на суше с пиками от 15 до 20 %. Это было связано с отсутствием сопротивления во время проведения тестирования. Широчайшая мышца спины функционировала с последней четверти подтягивания, останавливаясь в середине восстановления.

Передняя зубчатая мышца имела самый высокий уровень активности, ее показатель равнялся 76 % в начале и середине фазы восстановления. Нижняя трапециевидная мышца была протестирована у одного человека, и было обнаружено, что она непрерывно активна, начиная с конца фазы подтягивания, весь период восстановления и на начале следующей фазы подтягивания [Nuber et al., 1986; Kartal, 2020; Mahanthesh, Mackolil, 2021; Morozova, Popova, 2021; Quagliarotti et al., 2021].

Под водой: средний цикл работы руки во время фристайла составлял примерно 1,65 секунды за цикл, причем от 30 до 35 % времени уходило на восстановительную стадию плавания, а остальное – на прохождение. Деятельность надостной и подостной мышц была аналогичной таковой на суше. Обе были активны на протяжении всей фазы восстановления, начиная с подъема локтя, при выполнении плечом начального отведения и внешнего вращения и заканчивая началом фазы отталкивания. Средняя дельтовидная мышца проявила некоторую активность и сохраняла ее до полного восстановления, когда рука была над головой.

Передняя зубчатая мышца была непостоянна, хотя снова было обнаружено, что она активна на протяжении всей фазы восстановления с большей активностью на ранних и поздних этапах. Как и в наземном исследовании, пик активности наблюдался во время входа руки в воду и на ранней стадии подтягивания.

Функция широчайшей мышцы спины достигла своего максимума на стадии отталкивания, когда предплечье было согнуто до 90°, а рука переместилась из положения внешнего вращения в положение внутреннего вращения. У некоторых спортсменов небольшое количество активности также наблюдалось в середине периода восстановления.

Точно так же было отмечено, что большая грудная мышца активна в фазе подтягивания, причем пики активности наблюдаются во время прогрессирования внутренней ротации. Два спортсмена также показали непрерывную активность на стадии восстановления.

Активность двуглавой мышцы была непостоянной и находилась на низком уровне на всех стадиях гребка. Небольшое повышение активности наблюдалось у двух человек в середине восстановления, когда рука была повернута наружу [Аикин, Аикина, 2019; Антонов и др., 2021; Ермаханова и др., 2019; Штин и др., 2020; Bhatti et al., 2020; Çetinkaya et al., 2021; Ijaz et al., 2022].

Современные данные свидетельствуют о том, что одновременная тренировка силы и выносливости может быть полезной стратегией для большинства конкурентоспособных пловцов. Увеличение мышечной силы и мощности верхней части тела способны привести к улучшению способности генерировать движущую силу в воде, увеличению длины гребка и/или скорости гребка, что способствует увеличению скорости свободного плавания. Сила и мощь нижней части тела могут способствовать более быстрому старту и поворотам. Как на суше, так и в воде силовые тренировки могут быть полезны для выполнения плавания. Хорошо спланированная и периодизированная программа си-

ловых тренировок способна адекватно дополнять тренировки по плаванию в течение всего сезона, обеспечивать надлежащее долгосрочное развитие спортсмена, ограничивать риск травм и в конечном итоге максимизировать результаты соревнований. В качестве результата осуществленной исследовательской деятельности следует считать краткое описание устройства тренажера для тренировки плавательного гребка, включая блоки узлов и инструментальные методы управления движениями для регулируемого сопротивления. Кроме того, в статье представлен электромиографический анализ мышц плеча и мышц рук во время тренировки на суше и под водой при выполнении движений при плавании кролем.

Заключение. Спланированная и периодизированная программа силовых тренировок должна адекватно дополнять тренировки по плаванию в течение всего сезона, обеспечивать надлежащее долгосрочное развитие спортсмена, ограничивать риск травм и в конечном итоге максимизировать результаты соревнований. Современные данные свидетельствуют о том, что одновременная тренировка силы и выносливости может быть полезной стратегией для большинства конкурентоспособных пловцов. Увеличение мышечной силы и мощности верхней части тела должно привести к улучшению способности генерировать движущую силу в воде, увеличению длины гребка и/или скорости гребка, а также увеличению скорости свободного плавания. Сила и мощь нижней части тела могут способствовать более быстрому старту и поворотам [Кравцов, 2010, с. 112]. Как на суше, так и в воде силовые тренировки могут быть полезны для выполнения плавания.

Библиографический список

1. Аикин В.А., Аикина Л.И. Тренажеры для специальной силовой подготовки пловцов // Пути повышения результативности современных научных исследований: Междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 6–9.
2. Антонов А.В., Гринь Г.Р., Мальцева А.А., Марьин А.А. Использование тренажеров в подготовке спортсменов-пловцов // Актуальные вопросы в педагогических, медико-биологических и психологических аспектах физической культуры и спорта: межвуз. сб. ст. науч.-практ. конф. СПб., 2021. С. 11–15.

3. Гилев Г.А., Максимов Н.Е. Повышение результативности пловцов с использованием сочетаний упражнений различной интенсивности. М., 2011. 44 с.
4. Гордон С.М. Техника спортивного плавания. М., 2011. 77 с.
5. Гузман Р. Плавание. Упражнения для обучения и совершенствования техники всех стилей / пер. В. Боженова. М., 2013. 178 с.
6. Дакал Н.А. Использование элементов подводного плавания для ускорения процесса обучения плаванию студентов // Актуальные научные исследования в современном мире. 2018. № 5–3 (37). С. 23–26.
7. Ермаханова А.Б., Нурмуханбетова Д.К., Омурзакова Л.М., Бухарбеков Б.Б., Ананьева С. Применение средств фитнеса в учебно-тренировочном процессе подготовки спортивного резерва в артистическом (синхронном) плавании // Теория и методика физической культуры. 2019. № 3 (57). С. 110–114.
8. Ключков М.Р. Совершенствование техники плавания способом кроль на груди на основе применения средств специальной силовой подготовки // СтРИЖ: студ. электр. журнал. 2018. № 4–1 (21). С. 134–138.
9. Кравцов А. Методика срочного контроля и коррекции техники плавания в соревновательных и тренировочных упражнениях. М., 2010. 311 с.
10. Кузнецов В.С., Холодов Ж.К. Теория и методика физической культуры и спорта: учебник. 13-е изд. М.: Академия, 2016. 380 с.
11. Лобузова М.А. Современные представления тренеров по плаванию об организации и содержании занятий плаванием в разновозрастных учебных группах // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 32. С. 1907–1913.
12. Макаров А.Л., Макарова Е.В. Процесс становления навыка плавания у студентов и обоснование метода одновременного обучения спортивным способам плавания // Аграрная наука и образование на современном этапе развития: опыт, проблемы и пути их решения: в 2 т.: матер. X Международ. науч.-практ. конференции. Ульяновск, 2020. С. 16–18 .
13. Маклауд Й. Анатомия плавания. М.: Советский спорт, 2011. С. 68–71.
14. Прибыток А.К. Совершенствование техники поворотов в спортивном плавании // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 13. С. 538–542.
15. Штин Н.И., Савченко О.А., Пахомов К.А. Применение современных тренажерных средств в ходе обучения курсантов по дисциплинам кафедры военно-прикладного плавания ВИФК // Итоговая науч.-практ. конф. проф.-препод. состава Военного института физической культуры за 2019 г., посвященная Дню российской науки / Министерство обороны Российской Федерации. СПб., 2020. С. 258–262.
16. Bhatti M.M., Marin M., Zeethaan A., Ellahi R., Abdelsalam S.I. Swimming of motile gyrotactic microorganisms and nanoparticles in blood flow through anisotropically tapered arteries // *Frontiers in Physics*. 2020. Is. 8. 95 p. DOI: 10.3389/fphy.2020.00095
17. Bogdashkin A.E., Morozov S.N. World records analysis in fin swimming. In: *The XIV Annual International Conference for Students and Young Researchers: Modern University Sport Science*. М., 2020. P. 50–53.
18. Çetinkaya G., Güngör A., Aras D. Impact of the “Chalk” on perceived visual quality and the willingness to climb: a research on sports climbing // *Pedagogy Phys. Cult. Sports*. 2021. Is. 25 (1). P. 15–3. DOI: 10.15561/26649837.2021.0103
19. Ijaz S., Batool M., Mehmood R. et al. Biomechanics of swimming microbes in atherosclerotic region with infusion of nanoparticles // *Arabian Journal for Science and Engineering*. 2022. Is. 47. P. 6773–6786. DOI: 10.1007/s13369-021-06241-y

20. Kartal A. The relationships between dynamic balance and sprint, flexibility, strength, jump in junior soccer players // *Pedagogy Phys. Cult. Sports*. 2020. Is. 24 (6). P. 285–289. DOI: 10.1519/JSC.0b013e318291b8c7
21. Kozin S.V., Safronov D.V., Kozina Z.L., Kniaz H.O., Proskurnia O., Prontenko K., Lahno O., Goncharenko V., Kholodnyy A. Comparative biomechanical characteristics of one-arm hang in climbing for beginners and qualified athletes // *Acta Bioeng. Biomech*. 2020. Is. 22 (1). P. 57–67. DOI: 10.37190/ABB-01440-2019-03
22. Mahanthesh B., Mackolil J. Flow of nanoliquid past a vertical plate with novel quadratic thermal radiation and quadratic Boussinesq approximation: Sensitivity analysis // *Int. Commun. Heat Mass Transf.* 2021. Is. 120. P. 105040. DOI: 10.1016/j.icheatmasstransfer.2020.105040
23. Morozova E.N., Popova S.N. Use of bases of synchronous swimming in the improving technique of swimming with students. In: *Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference «Physical education, sports, physical rehabilitation and recreation: problems and prospects of development»*. Krasnoyarsk, June 01, 2021. Krasnoyarsk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev», 2021. P. 209–212.
24. Nuber G.W., Jobe F.W., Perry J., Moynes D.R., Antonelli D. Fine wire electromyography analysis of muscles of the shoulder during swimming, American orthopedic society for sport medicine // *American Journal of Sports Medicine*. 1986. Vol. 14. P. 7–11. DOI:10.1177/036354658601400102
25. Quagliarotti C., Cortesi M., Martina P., Fantozzi S. Swimming with a wetsuit mitigates the increase in fatigue and reduces drag (trunk incline) in well trained triathletes. In: *Proceedings of the 26th European College of Sport Science Congress*. 2021. Vol. 120. P. 41–66. URL: https://www.researchgate.net/publication/354543674_Swimming_with_a_Wetsuit_Mitigates_the_Increase_in_Fatigue_and_Reduces_Drag_Trunk_Incline_in_Well_Trained_Triathletes

FEATURES OF USING SIMULATOR FOR TRAINING ATHLETE'S SWIMMING STROKE

A.A.I. Sweidan (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The theoretical analysis of the data presented in the previously carried out studies in the field of the current topic allowed us to state the need for a more detailed treatment of the topic. According to most experts, this topic is relevant from the point of view of sports achievements in competitive swimmers' activities, i.e., the use of special technical devices (simulators) for scientifically based methodological support of a training process in the framework of sports training. The insufficiency in scientific developments and performance indicators for the use of simulators allowed us to formulate the problem, topic and purpose of the study.

The purpose of the article is to consider one of the special devices (simulator) for stroke training and to identify its advantages in the training process of a swimmer.

Research methodology. The research methodology is based on a set of methods adequate to it: theoretical analysis and generalization of literature, analysis of Internet resources, pedagogical observation. The experimental part of the study was carried out using a special training device (simulator).

Research results. As a result of the research activity carried out, a brief description of the simulator for training swimming stroke, including blocks of nodes and instrumental methods of motion control for adjustable resistance, should be considered. In addition, the article presents an electromyographic analysis of shoulder muscles and arm muscles during training on land and under water when performing crawl swimming movements.

Conclusion. The material presented in the article, obtained personally by the author, can be used in organizing sports training of swimmers as part of a training process throughout the entire annual cycle.

Keywords: *qualified swimmers, training on land and under water, swimming stroke, simulator, electromyography, shoulder and arm muscles.*

Sweidan Aws Akram Issa – PhD Candidate, Department of Theoretical Foundations of Physical Education, Institute of Physical Culture, Sports and Health named after I.S. Yarygin, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: awssweidan90@gmail.com

---

References

1. Aikin V.A., Aikina L.I. Simulators for special strength training of swimmers. In: Proceedings of the International scientific and practical conference "Ways to improve the effectiveness of modern scientific research". Kazan: OOO "Omega Sayns", 2019. P. 6–9.
2. Antonov A.V., Grin G.R., Maltseva A.A., Maryin A.A. The use of simulators in training of swimmers. In: Interuniversity collection of articles of the scientific and practical conference "Topical issues in pedagogical, biomedical and psychological aspects of physical culture and sports". St. Petersburg, 2021. P. 11–15.
3. Gilev G.A., Maksimov N.E. Improving the performance of swimmers using combinations of exercises of different intensity // *Kultura fizicheskaya i zdorovie (Physical Culture and Health)*. 2011. No. 2. P. 43–44.
4. Gordon S.M. *Technique of sports swimming*. Moscow, 2011. 77 p.
5. Guzman R. *Swimming. Exercises for teaching and improving techniques of all styles*. Minsk: Popurri, 2013. 286 p.
6. Dakal N.A. The use of elements of scuba diving to accelerate the process of teaching students to swim // *Aktualnye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire (Topical Scientific Research in the Modern World)*. 2018. No. 5–3 (37). P. 23–26.
7. Ermakhanova A.B., Nurmukhanbetova D.K., Omurzakova L.M., Bukharbekov B.B., Ananyeva S. The use of fitness tools in the training process of preparing a sports reserve in artistic (synchronous) swimming // *Teoriya i metodika fizicheskoy kultury (Theory and Methodology of Physical Culture)*. 2019. No. 3 (57). P. 110–114.
8. Klochkov M.R. Improving the technique of swimming by crawling on the chest on the basis of the use of special strength training // *Student electronic magazine StRIZH*. 2018. No. 4–1 (21). P. 134–138.
9. Kravtsov A. *Methods of urgent control and correction of swimming technique in competitive and training exercises*. Moscow: Divizion, 2010. 88 p.

10. Kuznetsov V.S., Kholodov Zh.K. Theory and methodology of physical culture and sports: textbook. Moscow: Akademia, 2016. 380 p.
11. Lobuzova M.A. Modern ideas of swimming coaches about the organization and content of swimming classes in different age groups // *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie* (Innovation. Science. Education). 2021. No. 32. P. 1907–1913.
12. Makarov A.L., Makarova E.V. The process of formation of swimming skills among students and the justification of the method of simultaneous training in sports swimming methods. In: Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference “Agrarian science and education at the present stage of development: experience, problems and ways to solve them”. In 2 volumes. Ulyanovsk, 2020. P. 16–18.
13. MacLeod I. Anatomy of swimming. Moscow: Soviet Sport, 2011. P. 68–71.
14. Pribytok A.K. Improving the technique of turns in sports swimming // *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie* (Innovation. Science. Education). 2020. No. 13. P. 538–542.
15. Shtin N.I., Savchenko O.A., Pakhomov K.A. The use of modern training equipment during the training of cadets in the disciplines of the Department of Military-applied swimming of the VIFK. In: Collection of articles of the Final scientific and practical conference of the teaching staff of the Military Institute of Physical Culture for 2019, dedicated to the Day of Russian Science. St Petersburg: Voennyi institut fizicheskoy kultury, 2020. P. 258–262.
16. Bhatti M.M., Marin M., Zeehaan A., Ellahi R., Abdelsalam S.I. Swimming of motile gyrotactic microorganisms and nanoparticles in blood flow through anisotropically tapered arteries // *Frontiers in Physics*. 2020. Is. 8. 95 p. DOI: 10.3389/fphy.2020.00095
17. Bogdashkin A.E., Morozov S.N. World records analysis in fin swimming. In: The XIV Annual International Conference for Students and Young Researchers: Modern University Sport Science. M., 2020. P. 50–53.
18. Çetinkaya G., Güngör A., Aras D. Impact of the «Chalk» on perceived visual quality and the willingness to climb: a research on sports climbing // *Pedagogy Phys. Cult. Sports*. 2021. Is. 25 (1). P. 15–3. DOI: 10.15561/26649837.2021.0103
19. Ijaz S., Batool M., Mehmood R. et al. Biomechanics of swimming microbes in atherosclerotic region with infusion of nanoparticles // *Arabian Journal for Science and Engineering*. 2022. Is. 47. P. 6773–6786. DOI: 10.1007/s13369-021-06241-y
20. Kartal A. The relationships between dynamic balance and sprint, flexibility, strength, jump in junior soccer players // *Pedagogy Phys. Cult. Sports*. 2020. Is. 24 (6). P. 285–289. DOI: 10.1519/JSC.0b013e318291b8c7
21. Kozin S.V., Safronov D.V., Kozina Z.L., Kniaz H.O., Proskurnia O., Prontenko K., Lahno O., Goncharenko V., Kholodny A. Comparative biomechanical characteristics of one-arm hang in climbing for beginners and qualified athletes // *Acta Bioeng. Biomech*. 2020. Is. 22 (1). P. 57–67. DOI: 10.37190/ABB-01440-2019-03
22. Mahanthesh B., Mackolil J. Flow of nanoliquid past a vertical plate with novel quadratic thermal radiation and quadratic Boussinesq approximation: Sensitivity analysis // *Int. Commun. Heat Mass Transf.* 2021. Is. 120. P. 105040. DOI: 10.1016/j.icheatmasstransfer.2020.105040
23. Morozova E.N., Popova S.N. Use of bases of synchronous swimming in the improving technique of swimming with students. In: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference “Physical education, sports, physical rehabilitation and recreation: problems and prospects of development”. Krasnoyarsk, June 01, 2021. Krasnoyarsk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev”, 2021. P. 209–212.
24. Nuber G.W., Jobe F.W., Perry J., Moynes D.R., Antonelli D. Fine wire electromyography analysis of muscles of the shoulder during swimming, American orthopedic society for sport medicine // *American Journal of Sports Medicine*. 1986. Vol. 14. P. 7–11. DOI:10.1177/036354658601400102
25. Quagliarotti C., Cortesi M., Martina P., Fantozzi S. Swimming with a wetsuit mitigates the increase in fatigue and reduces drag (trunk incline) in well trained triathletes. In: Proceedings of the 26th European College of Sport Science Congress. 2021. Vol. 120. P. 41–66. URL: https://www.researchgate.net/publication/354543674_Swimming_with_a_Wetsuit_Mitigates_the_Increase_in_Fatigue_and_Reduces_Drag_Trunk_Incline_in_Well_Trained_Triathletes

УДК 159.9

ПОДХОДЫ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Н.А. Богульская (Красноярск, Россия)

М.М. Кучеров (Красноярск, Россия)

В.Б. Туговиков (Красноярск, Россия)

А.С. Сабилло (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. В современном мире информация и информационно-коммуникационные технологии играют большую роль во всех сферах жизни общества и государства. При этом Интернет не только дает новые возможности, но и может оказывать деструктивное воздействие на пользователей, в основном на молодежь. *Цель исследования* – выявление возможностей обеспечения информационно-психологической безопасности в интернет-пространстве.

Методология исследования основана на подходах к автоматической фильтрации контента социальных медиа.

Результаты исследования. Анализируются и сравниваются подходы к автоматизации обнаружения запрещенного контента в Интернете. Обосновывается выбор метода для проведения вычислительного эксперимента и сделаны выводы по результатам его проведения.

Заключение. В статье приведены результаты исследований по проблеме автоматизированной процедуры обнаружения и фильтрации в интернет-пространстве запрещенного законодательством РФ контента.

Ключевые слова: Интернет, молодежь, информационно-психологическая безопасность, автоматическая фильтрация, алгоритмы классификации.

Богульская Нина Александровна – кандидат физико-математических наук, доцент института космических и информационных технологий, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: nbogulskaya@sfu-kras.ru

Кучеров Михаил Михайлович – кандидат физико-математических наук, доцент института космических и информационных технологий, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: mkuchеров@sfu-kras.ru

Туговиков Виктор Борисович – кандидат физико-математических наук, доцент института космических и информационных технологий, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: vtugovikov@sfu-kras.ru

Сабилло Ангелина Сергеевна – студентка института космических и информационных технологий, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: sabilo2000@mail.ru

Постановка проблемы. Информационно-психологическая безопасность личности – это состояние защищенности человека от негативных информационных воздействий и внедрения деструктивной информации в сознание или подсознание индивида, позволяющих специальными средствами и методами воздействовать на психику и, как следствие, определять его поведение [Жириев, 2007].

Информационно-психологическое воздействие на личность как инструмент достижения определенных целей существует столько, сколько существует человечество. Подобные воздействия предпринимаются не только для рекламы товаров, создания брендов и т.д., но и для утверждения авторитета в коллективах, сообществах отдельными его членами. Это касается и учебных заведений. Однако большая часть обучающейся

молодежи не обладает личностной зрелостью в юношеском возрасте и требует к себе, помимо организационных моментов учебного процесса, дополнительного внимания по развитию личностных качественных характеристик: способностей, самосознания, сознания, жизненной позиции [Селезнева, Белая, Грузинцев, 2021].

Если еще в начале XXI в. монополия на воздействие на массовое сознание людей принадлежала средствам массовой информации и деятелям культуры, то в настоящее время человечество переживает этап бурного и неконтролируемого роста числа объектов информационно-психологического воздействия на сознание людей. Основной целью такого воздействия в подавляющем большинстве случаев является максимальное извлечение прибыли за счет монетизации популярности, раскрутки товаров и услуг и т.п. К этому стремятся как отдельные блогеры, так и крупные медийные корпорации. Известно, что наиболее эффективным способом привлечения внимания к тому или иному событию или объекту является агрессивный контент, который призван пробуждать в человеке чувство страха, агрессии, неприятия, иные негативные эмоции, выводящие личность из состояния спокойствия и душевного равновесия. При этом создателей такого информационного продукта не интересуют педагогические и воспитательные аспекты информационно-психологического воздействия подобного контента на детей и подростков. IT-инфраструктуру для достижения политических и военных целей используют и специальные подразделения разведок всех стран мира, центры специальных психологических операций при силовых ведомствах.

На защиту граждан Российской Федерации, а в первую очередь подрастающего поколения, призвано встать законодательство. Так, на уровне Конституции Российской Федерации уже заложены нормы, которые определяют правовые основы защиты от негативного информационного воздействия, принципы законности, баланс интересов личности, общества, государства и, конечно же, бизнеса. В контексте данной статьи следует отметить, что положения Конституции РФ

направлены на противодействие распространению следующих видов информации:

- контент, рассчитанный на разжигание ненависти, вражды и насилия;
- заведомо ложная реклама, прочая противоречащая традиционным устоям ложная информация;
- информация, посягающая на честь и достоинство граждан;
- информация, которая оказывает негативное воздействие на здоровье и духовно-нравственное состояние людей.

Следующим по значимости документом является Доктрина информационной безопасности, утвержденная указом Президента РФ № 464 от 05.12.2016. Данный документ среди основных целей определяет необходимость нейтрализации информационно-психологических воздействий, направленных против таких важных исторических основ, как патриотизм, любовь к родине, защита Отечества (ст. 21 д). Доктрина в качестве участников процесса обеспечения защиты от вредоносного информационно-психологического воздействия определяет: средства массовой информации, операторов связи, владельцев телекоммуникаций, социальных сетей, разработчиков программного обеспечения, связанных с развлекательным и информационным контентом, и т.д.

Одним из основных уровней обеспечения конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации является развитие законодательной базы, направленной на обеспечение информационно-психологической безопасности личности [Конституция РФ]. Так, российские законодатели утвердили ряд поправок в Федеральный закон № 149-ФЗ от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В частности, статья 10.6 закона № 149-ФЗ посвящена конкретизации порядка принятия мер по ограничению доступа к информации, размещенной с нарушением требований российского законодательства [РФ. Законы № 149-ФЗ, 2006]. В целях повышения ответственности за распространение вредоносного контента и информации, оказывающей негативное воз-

действие на личность человека, особенно молодых людей, вводятся новые меры ответственности в Гражданский и Уголовный кодекс РФ [РФ. Законы № 195-ФЗ, № 63-ФЗ, 2022; № 530-ФЗ, 2020].

Обзор научной литературы. Проблема автоматического распознавания текстов имеет глубокую историю [Леонтьева, 2006]. Обеспечение информационно-психологической безопасности личности возможно в двух аспектах. К первому из них относится ограничение доступа к деструктивной информации, ко второму – формирование внутренней защиты личности от восприятия разрушительной информации или ее нейтрализации и обесценивания [Пантелеев, 2014]. Типичным примером первого из подходов служит блокировка доступа к нежелательным сайтам, при которой происходит сопоставление IP-адресов с их доменными именами и закрывается доступ к сайту. В этих целях возможно применение указанных выше законодательных мер.

Блокирование контента, который может представлять угрозу информационно-психологической защищенности личности, имеет запаздывающий характер. Сайт с деструктивным содержанием должен просуществовать некоторое время и быть посещаемым, после чего он будет признан как опасный в информационном плане. Проблема состоит в том, чтобы разработать такое программное обеспечение, которое позволило бы обнаруживать угрозы в реальном масштабе времени.

Проблемой методологии автоматического анализа текстов служат неопределенность смыслового восприятия текста, невозможность найти однозначное соответствие между содержанием исходного текста и результатом его понимания субъектом. По мнению Н.Н. Леонтьевой, обрабатываемый в процессе автоматического понимания текста массив должен быть снабжен гипертекстовой системой, причем в уже имеющихся программах обработки гипертекстовые связи проставляются, как правило, человеком [Леонтьева, 2006].

В работе [Maasberg et al., 2020] обращается внимание на патологические черты личности как один из трех основных факторов, предраспо-

лагающих людей к злонамеренному опасному поведению наряду с подходящей возможностью (ситуацией) и состоянием внутреннего кризиса. Они составляют так называемую «темную триаду»: макиавеллизм, нарциссизм и психопатия. По мнению одного из источников [Дробницкий, 1974], на всем протяжении развития морального сознания внутренним стержнем и структурой его изменения является возникающий конфликт между возвышенным идеалом и практическим расчетом, нравственным долгом и непосредственным желанием, который существует всегда и проявляется во всех сторонах жизни. Таким образом, циничное поведение авторов и распространителей сетевой агрессии объясняется дефектом морального сознания, проявления которого представляют угрозу информационно-психологической защищенности личности.

На практике применяется в основном статистический контент-анализ по отдельным лексическим единицам, гипотетически связанным с информационной опасностью текста. Как отмечалось [Ермаков, 2002], трудности достижения необходимого качества прикладных систем объясняются дефицитом включения лингвистической составляющей в алгоритмы, доминированием статистических методов.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что сочетание контент-анализа, контекст-анализа и классификации эмоциональной тональности позволяет создать предпосылку для алгоритмизации процедуры компьютерного анализа текста.

Методология исследования основана на подходах к автоматической фильтрации контента социальных медиа. Используются теоретические методы исследования: анализ, синтез, систематизация научных идей.

Результаты исследования. В статье выполнены анализ и сравнение подходов, позволяющих автоматизировать процесс фильтрации запрещенного контента социальных медиа. Обосновывается выбор метода для проведения вычислительного эксперимента и сделаны выводы по результатам его проведения.

Согласно закону № 149-ФЗ размещение на страницах сайтов нецензурной лексики должно

ограничиваться [РФ. Законы № 149-ФЗ, 2006]. Алгоритм работы блокировки текста при этом достаточно прост: цикл сравнивает фразу со словами из словаря нецензурной лексики, который заранее был составлен из различных словарей русской нецензурной лексики [Ковалев, 2005; Мокиенко, Никитина, 2007].

Но часто нецензурная лексика отсутствует, при этом текст содержит явную или скрытую агрессию, оскорбления. В этом случае можно создать классификатор тональности текста.

Все эмоции можно разделить на два больших класса: негативные и позитивные. Если классификатор покажет, что текст относится к позитивному классу эмоций, то его можно публиковать или пропускать при мониторинге контента. Если же классификатор укажет негативную тональность, необходимо вручную проверить текст на наличие агрессии или оскорблений одного пользователя в сторону другого и при необходимости заблокировать данный пост, комментарий или сообщение [Худякова, Давыдов, Васильев, 2012].

Несмотря на достаточно большое число алгоритмов и методов классификации эмоций в тексте, все они основываются всего на двух подходах к созданию модели представления текста и двух подходах к непосредственному распознаванию эмоций [Котельников, Окулов, 2012; Turney, 2002].

Подход на основе словарей, в котором для представления текста используются специальные словари, в основном это словари эмоциональной лексики, а также словари синонимов, антонимов, акронимов. При этом в модели представления текста остаются только те слова исходного текста, которые присутствуют в словарях эмоциональной лексики, возможно, расширенных словами из словарей синонимов, антонимов и акронимов [Ковалев, 2005].

Подход на основе корпусов, при котором модель представления текста создается на основе статистического анализа текстового корпуса (коллекции), содержащего тексты, заранее размеченные в соответствии с решаемой задачей. При этом каждому слову может быть присвоена эмоциональная оценка, обозначающая, например, его тональность, определяемую на основе отно-

шения количества положительных и отрицательных текстов, в которые входит данное слово.

При распознавании (классификации) эмоций применяются два основных подхода: лексический и на основе машинного обучения. Оба подхода используют модель представления текста, построенную либо при помощи словарей, либо на основе корпусов.

Лексический подход предполагает, что эмоции, выраженные в тексте, можно определить путем подсчета эмоциональных оценок слов, входящих в данный текст. Окончательное решение осуществляется при помощи некоторой функции, например разности между суммами эмоциональных оценок слов положительной и отрицательной тональностей.

На основе некоторых данных в процессе машинного обучения осуществляется автоматическое построение классифицирующей функции. Машинное обучение является традиционным подходом в задаче текстовой классификации [Pang, Lee, Vaithyanathan, 2002; Tang et al., 2010]. Данные, на которых происходит обучение, могут представлять собой размеченную коллекцию текстов (обучение с учителем) или, например, словарь слов с эмоциональными оценками, который используется для автоматической разметки текстов (обучение без учителя).

Известны несколько эффективных алгоритмов классификации тональности текста, например наивный байесовский классификатор [Шагин, 2022; Наивный..., 2022], метод опорных векторов, сверточные нейронные сети [Lai et al., 2015]. Для вычислительного эксперимента был выбран наивный байесовский классификатор [Tan et al., 2009]. Программа была написана на языке Python. Наивный байесовский классификатор делает вывод об агрессивности или позитивности анализируемого текста с помощью вероятностной функции, где высчитывает вероятность тональности отдельного слова, основываясь на его вхождении в позитивные или негативные фразы обучающей коллекции.

Первым этапом алгоритма является лемматизация исходного текста – приведение слов к их лемме. Лемма – это нормальная (словар-

ная) форма слова. Для глаголов и деепричастий леммой является инфинитив, для прилагательных – единственное число, именительный падеж, мужской род, для существительных – единственное число, именительный падеж.

Следующей и достаточно трудоемкой задачей стало составление обучающей коллекции, на основе которой классификатор учится и делает выводы о тональности анализируемого текста. Эта коллекция содержит фразы, которые часто можно встретить в виде комментариев и постов пользователей социальных сетей, фразы из обыденной жизни и непосредственную оценку позитивности или агрессивности каждой фразы.

Исходя из результатов работы, можно сделать вывод, что метод машинного обучения с учителем во многом зависит от качества размеченной обучающей коллекции. Поэтому главной задачей данной работы было создание четкой, грамотной и отнесенной к нужной тематике словаря и обучающей текстовой коллекции.

Заключение. Статья содержит обоснование актуальности проблемы мониторинга контента социальных медиа. Приведены ссылки, которые

подтверждают, что законодательство РФ обязывает блокировать запрещенный контент. В работе сделаны обзор и сравнение подходов к автоматизации процесса анализа эмоциональной окраски текста. Обосновывается выбор метода классификации для проведения вычислительного эксперимента. Для вычислительного эксперимента был выбран наивный байесовский классификатор. Программа была написана на языке Python. Вычислительный эксперимент показал зависимость качества классификации от объема и качества обучающей коллекции.

Как показывает практика, многие социальные сети и сайты не имеют систем фильтрации агрессивного текстового контента, несмотря на то, что такой контент должен быть заблокирован по законодательству РФ. Поэтому продолжение исследований в данном направлении актуально и будет иметь практическое применение владельцами социальных сетей и цифровых образовательных сред. А знакомство с информационными технологиями детей и подростков должно начинаться с усвоения правил поведения в интернет-пространстве.

Библиографический список

1. Доктрина информационной безопасности (утверждена указом Президента РФ № 464 от 05.12.2016).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
3. Российская Федерация. Законы: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ: редакция от 30 декабря 2021 г.: с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 1 января 2022 г. // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_docLAW_61798/a3c3ba9a7_c2ac9aa487df2d4172734dd5139376f5/ (дата обращения: 20.06.2022).
4. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: редакция от 11 июня 2022 г. // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_docLAW_34661/d40cbd099d17057d9697b15ee8368e49953416ae/ (дата обращения: 20.06.2022).
5. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: редакция от 25 марта 2022 года // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d350878ee36f956a74c2c86830d066eafce20149/ (дата обращения: 20.06.2022).
6. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 30.12.2020 № 530-ФЗ // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372700/ (дата обращения: 20.06.2022).
7. Дробницкий О.Г. Понятие морали. М.: Наука, 1974. 386 с.

8. Ермаков А.Е. Компьютерная лингвистика и анализ текста // Мир ПК. 2002. № 9. URL: <http://www.ospr.ru/peworld/2002/09/163968> (дата обращения: 20.05.2022).
9. Ковалев Г.Ф. Русский мат – следствие уничтожения табу // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации: сб. науч. тр. Воронеж: ВГУ, 2005, С. 184–197.
10. Котельников Е.В., Окулов С.М. Обзор подходов для автоматического распознавания эмоций в текстах // Научные итоги года. 2012. № 2. С. 96–101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-podhodov-dlya-avtomaticheskogo-raspoznaniya-emotsiy-v-tekstah/viewer> (дата обращения: 20.05.2022).
11. Леонтьева Н.Н. Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы. М.: Академия, 2006. 304 с.
12. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 384 с.
13. Наивный байесовский классификатор. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Наивныйбайесовский_классификатор (дата обращения: 20.06.2022).
14. Пантелеев А.Ф. Анализ текста как средство обеспечения информационной безопасности личности // Информационная безопасность регионов: научно-практический журнал. 2014. № 1 (14). С. 32–38.
15. Селезнева Н.Т., Белая А.А., Грузинцев А.В. Психологические факторы использования личностью сетевых коммуникаций // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2021. № 4 (58). С. 44–53. URL: <https://elibrary.ru/download/elibrary4741159157857491.pdf>
16. Хириев А.Т. Теоретико-методологические основы информационной безопасности личности. 2007 (на правах рукописи). URL: <https://www.daaudit.ru/news-pubs/pub-2-1.html>
17. Худякова М.В., Давыдов С., Васильев В.Г. Классификация отзывов пользователей с использованием фрагментных правил. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по матер. ежегодной Междунар. конфр. «Диалог». Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г. М.: Изд-во РГГУ, 2012. Вып. 11 (18): в 2 т. Т. 2: Доклады специальных секций.
18. Шагин А. Наивный байесовский классификатор. URL: <https://medium.com/nuances-of-programming/наивный-байесовский-алгоритм-все-что-нужно-о-нем-знать-85f6e04c3b74> (дата обращения: 20.06.2022).
19. Lai S., Xu L., Liu K., Zhao J. Recurrent convolutional neural networks for text classification. In: Proceedings of the Twenty-Ninth AAAI Conference on Artificial Intelligence. January 25–31, 2015. Austin, Texas USA, 2015. Is. 29 (1). P. 2267–2273.
20. Maasberg M., Van Slyke C., Ellis S., Beebe N. The dark triad and insider threats in cyber security // Communications of the ACM. 2020. Vol. 63, No. 12. P. 64–80. URL: <https://cacm.acm.org/magazines/2020/12> (access date: 20.05.2022).
21. Pang B., Lee L., Vaithyanathan S. Sentiment classification using machine learning techniques. In: Proceedings of the ACL-02 Conference on «Empirical methods in natural language processing». Association for Computational Linguistics, 2002. Vol. 10. P. 79–86.
22. Tan S., Cheng X., Wang Y., Xu H. Adapting naive Bayes to domain adaptation for sentiment analysis. In: Boughanem, M., Berrut, C., Mothe, J., Soule-Dupuy, C. (eds) Advances in Information Retrieval. ECIR 2009. Lecture Notes in Computer Science. Vol. 5478. P. 337–349. Springer, Berlin, Heidelberg. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-642-00958-7_31
23. Tang X. Yang C., Wong Y., Wei C. Understanding online consumer review opinions with sentiment analysis using machine learning // Pacific Asia Journal of the Association for Information Systems. 2010. No. 3 (2). P. 73–89.
24. Turney P.D. Thumbs up or thumbs down? Semantic orientation applied to unsupervised classification of reviews. In: Proceedings of the 40th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, Philadelphia, Pennsylvania, 2002. P. 417–424.

DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-61-3-354>

APPROACHES TO ENSURING INFORMATION SECURITY AND PSYCHOLOGICAL SAFETY IN SOCIAL MEDIA

N.A. Bogulskaya (Krasnoyarsk, Russia)

M.M. Kucherov (Krasnoyarsk, Russia)

V.B. Tugovikov (Krasnoyarsk, Russia)

A.S. Sabilo (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. In the modern world, information and information technologies play an important role in all spheres of society and the state. At the same time, the Internet not only provides new opportunities, but can also have a destructive effect on users, mainly young people.

The purpose of the study is to identify the possibilities of ensuring information security and psychological safety in the Internet space.

The research methodology is based on approaches to automatic filtering of social media content.

Research results. Approaches to detecting prohibited content on the Internet are analyzed and compared. The choice of a method for conducting a computational experiment is substantiated and conclusions are drawn based on the results of its implementation.

Conclusion. The article presents results of the research on the problem of an automated procedure for detecting and filtering content prohibited by the legislation of the Russian Federation on the Internet.

Keywords: *Internet, youth, information security, psychological safety, automatic filtering, classification algorithms.*

Bogulskaya Nina A. – PhD (Physics and Mathematics), Associate Professor, Institute of Space and Information Technologies, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: nbogulskaya@sfu-kras.ru

Kucherov Mikhail M. – PhD (Physics and Mathematics), Associate Professor, Institute of Space and Information Technologies, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: mkucherov@sfu-kras.ru

Tugovikov Viktor B. – PhD (Physics and Mathematics), Associate Professor, Institute of Space and Information Technologies, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vtugovikov@sfu-kras.ru

Sabilo Angelina S. – BA Student, Institute of Space and Information Technologies, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: sabilo2000@mail.ru

---

References

1. Information Security Doctrine approved by the Decree of the RF President No. 464 dated 05.12.2016.
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by a nationwide vote on 12/12/1993 with amendments approved during the All-Russian vote on 07/01/2020).
3. Russian Federation. Laws: Federal Law No. 149-FZ dated July 27, 2006: edition of December 30, 2021: with amendments and additions that came into force on January 1, 2022. In: Consultant Plus: legal reference system. URL: <http://www.consultant.ru/document/consdocLAW61798/a3cba9a7c2a-c9aa487df2d4172734 dd51 39376f5/>
4. Russian Federation. Laws. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law No. 195-FZ of December 30, 2001: edition of June 11, 2022. In: Consultant Plus: reference legal system. URL: [http://www.consultant.ru/ document/cons doc LAW 34661/ d40cbd099d17057 d9697b15ee8368e49953416ae](http://www.consultant.ru/document/cons doc LAW 34661/ d40cbd099d17057 d9697b15ee8368e49953416ae)
5. Russian Federation. Laws. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ: edition of March 25, 2022. In: Consultant Plus: reference legal system. URL: <http://www.consultant.ru/document/consdocLAW10699/ d350878ee36f956a74c2c86830d066eafce20149/>
6. Russian Federation. Laws. Federal Law of December 30, 2020No. 530-FZ. In: Consultant Plus: reference legal system. URL: <http://www.consultant.ru/ document/cons doc LAW 372700/>

7. Drobnitsky O.G., The concept of morality. Moscow: Nauka, 1974. 386 p.
8. Ermakov A.E. Computer Linguistics and Text Analysis // Mir PK (World of Personal Computers). 2002. No. 9. URL: <http://www.osp.ru/peworld/2002/09/163968>
9. Kovalev G.F. Russian obscene words – a consequence of the abolition of taboos. In: Cultural taboos and their influence on the result of communication: Collection of scientific papers. Voronezh: VGU, 2005. P. 184–197.
10. Kotelnikov E.V., Okulov S.M. Review of approaches for automatic recognition of emotions in texts // Nauchnye itogi goda: dostizheniya, proekty, gipotezy (Scientific Annual Results: Achievements, Projects, Hypotheses). 2012. No. 2. P. 96–101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-podhodov-dlya-avtomaticheskogo-raspoznaniya-emotsiy-v-tekstah/viewer>
11. Leontyeva N.N. Automatic understanding of texts: systems, models, resources. Moscow: Akademia, 2006. 304 p.
12. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Russian profanity. A short but expressive dictionary. Moscow: Olma Media Grupp, 2007. 384 p.
13. Naive Bayes classifier. In: Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Naive_Bayes_classifier
14. Panteleyev A.F. Text analysis as a way of ensuring privacy // Informatsionnaya bezopasnost regionov (Information Security of Regions). 2014. No. 1 (14). P. 32–38.
15. Selezneva N.T., Belaya A.A., Gruzintsev A.V. Psychological factors in the use of network communications by a person // Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva (Bulletin of the KSPU named after V.P. Astafyev). 2021. No. 4 (58). P. 44–53. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47411591_57857491.pdf
16. Khiriev A.T. Theoretical and methodological foundations of privacy (PhD Thesis Manuscript). 2007. URL: <https://www.daaudit.ru/news-pubs/pub-2-1.html>
17. Vasilyev V.G., Khudyakova M.V., Davydov S. Sentiment classification by fragment rules. In: Proceedings of the International Conference “Dialogue”. Bekasovo, 30 May – 3 June 2012. Moscow: Izdatelstvo RGGU, 2012. Is. 11 (18), vol. 2. P. 66.
18. Shagin A. Naive Bayes classifier. URL: <https://medium.com/nuances-of-programming/наивный-байесовский-алгоритм-все-что-нужно-о-нем-знать-85f6e04c3b74> (access date: 20.06.2022).
19. Lai S., Xu L., Liu K., Zhao J. Recurrent convolutional neural networks for text classification. In: Proceedings of the Twenty-Ninth AAAI Conference on Artificial Intelligence. January 25–31, 2015. Austin, Texas USA, 2015. Is. 29 (1). P. 2267–2273.
20. Maasberg M., Van Slyke C., Ellis S., Beebe N. The dark triad and insider threats in cyber security // Communications of the ACM. 2020. Vol. 63, No. 12. P. 64–80. URL: <https://cacm.acm.org/magazines/2020/12> (access date: 20.05.2022).
21. Pang B., Lee L., Vaithyanathan S. Sentiment classification using machine learning techniques. In: Proceedings of the ACL-02 Conference on “Empirical methods in natural language processing”. Association for Computational Linguistics, 2002. Vol. 10. P. 79–86.
22. Tan S., Cheng X., Wang Y., Xu H. Adapting naive Bayes to domain adaptation for sentiment analysis. In: Boughanem, M., Berrut, C., Mothe, J., Soule-Dupuy, C. (eds) Advances in Information Retrieval. ECIR 2009. Lecture Notes in Computer Science. Vol. 5478. P. 337–349. Springer, Berlin, Heidelberg. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-642-00958-7_31
23. Tang X., Yang C., Wong Y., Wei C. Understanding online consumer review opinions with sentiment analysis using machine learning // Pacific Asia Journal of the Association for Information Systems. 2010. No. 3 (2). P. 73–89.
24. Turney P.D. Thumbs up or thumbs down? Semantic orientation applied to unsupervised classification of reviews. In: Proceedings of the 40th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, Philadelphia, Pennsylvania, 2002. P. 417–424.

УДК 159.9.072

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ СОМАТИЧЕСКИМ ЗДОРОВЬЕМ ДО И ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

Н.Н. Вишнякова (Красноярск, Россия)

И.О. Логинова (Красноярск, Россия)

А.Н. Наркевич (Красноярск, Россия)

Ю.А. Тяжельников (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. В статье акцентируется внимание на одной из приоритетных задач государства – сохранение и укрепление здоровья населения. Цель исследования – выявление особенностей психологического благополучия студенческой молодежи с различным соматическим здоровьем в допандемийный и пандемийный период, связанный с COVID-19. Гипотеза исследования была построена на предположении, что у обучающихся второй и третьей групп диспансерного наблюдения с низким уровнем психологического благополучия в период пандемии, связанной с COVID-19, психологическое благополучие будет ниже, чем в допандемийный период, а у обучающихся первой группы диспансерного наблюдения психологическое благополучие не изменится.

Методологической базой исследования послужили концепция психологического благополучия К. Рифф и подходы к пониманию диспансерного наблюдения на основе законодательной базы в области здравоохранения.

Материалы и методы. Представленные результаты эмпирического исследования получены на выборке студентов медицинского университета. Исследование осуществлялось в два этапа: первый этап – в допандемийный период; второй этап – в пандемийный период. Исследование проводилось с использованием специально разработанного модуля психологической диагностики [https://krasgmu.ru/index.php?page\[common\]=psy](https://krasgmu.ru/index.php?page[common]=psy), который позволяет осуществлять сбор данных, автоматическую обработку, получать статистические данные по определенной совокупности респондентов. В автоматизированном режиме использовалась методика «Шкалы психологического благополучия» («The scales of psychological well-being») К. Рифф. В исследовании приняли участие 311 студентов КрасГМУ на каждом из этапов исследования.

Результаты. Обнаружено отсутствие значимых различий у представителей первой группы диспансерного наблюдения, что позволяет предположить связь соматического здоровья и способности сохранять психологическое благополучие в трудных жизненных ситуациях (например, в условиях пандемии Covid-19). Выявлены заметные различия по ряду параметров у представителей второй и третьей групп диспансерного наблюдения, указывающие на то, что респонденты с соматическими заболеваниями труднее переживают пандемийный период (подтверждается снижением на втором этапе количества респондентов, демонстрирующих высокий уровень по шкале «Автономия» и «Управление окружающей средой» в обеих группах, а также снижением количества респондентов третьей группы диспансерного наблюдения, принадлежащих к среднему уровню по шкале «Управление окружающей средой» и среднему и высокому уровню по шкале «Наличие цели в жизни»). Зафиксировано отсутствие значимых различий по шкалам «Позитивные отношения с окружающими», «Личностный рост», «Самопринятие» во всех трех группах, что свидетельствует об устойчивости этих показателей психологического благополучия в пандемийный период.

Заключение. Сделан вывод, что именно респонденты с хроническими соматическими заболеваниями труднее переживают пандемийный период. Полученные данные указывают на необходимость разработки специальных программ психологического сопровождения обучающихся с соматическими заболеваниями в период эпидемиологического режима.

Ключевые слова: психологическое благополучие личности, хронические соматические заболевания, группы диспансерного наблюдения, допандемийный период, период пандемии, Covid-19.

Вишнякова Нина Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии и психотерапии с курсом последипломного образования, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; ORCID: 0000-0001-6173-0638; AuthorID: 620135; e-mail: vishnina@mail.ru

Логина Ирина Олеговна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой клинической психологии и психотерапии с курсом последипломного образования, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; ORCID: 0000-0002-9551-1457; AuthorID: 517070; e-mail: loginova70_70@mail.ru

Наркевич Артем Николаевич – доктор медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой медицинской кибернетики и информатики, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; ORCID: 0000-0002-1489-5058; AuthorID: 620143; e-mail: narkevichart@gmail.com

Тяжелников Юрий Александрович – кандидат медицинских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; AuthorID: 784687; e-mail: sargon72@yandex.ru

Постановка проблемы. Одной из приоритетных задач государства всегда была задача формирования, сохранения и укрепления здоровья населения, особенно молодежи. Свидетельством этого является серия документов:

– Постановление Правительства РФ № 916 от 29 декабря 2001 г. «Об общероссийской системе мониторинга состояния физического здоровья населения, физического развития детей, подростков и молодежи»;

– Приказ Минздрава России от 3 декабря 2012 г. № 1006н «Об утверждении порядка проведения диспансеризации определенных групп взрослого населения»;

– Приказ Министерства Здравоохранения Российской Федерации от 30 сентября 2015 г. № 683н «Об утверждении порядка организации и осуществления профилактики неинфекционных заболеваний и проведения мероприятий по формированию здорового образа жизни в медицинских организациях»).

Согласно вышеперечисленным нормативно-правовым актам особое внимание уделяется выявлению тех факторов, которые оказывают негативное влияние на здоровье, а также тех, которые способствуют положительной динамике в соматическом статусе. Приоритетное значение имеет выявление факторов развития психосоматических и хронических неинфекционных заболеваний. Документы, регламентирующие организацию диспансерного наблюдения и определение принадлежности к группам диспансерного наблюдения, ориентируют работников

здравоохранения на раннее выявление и коррекцию заболеваний, своевременное лечение, профилактику осложнений и замедление темпов прогрессирования этих заболеваний [Болотова, Концевая, Ковригина, 2020]. Для этого изданы и обновлены порядки по диспансеризации определенных групп взрослого населения.

Сегодня в литературе нет методологически непротиворечивого определения здоровья в целом. Наиболее широко распространен целостный холистический подход, который рассматривает здоровье как совокупный итог влияния всех возможных условий и факторов жизненной среды [Цветкова, Антонова, Дубровский, 2019]. В рамках этой трактовки здоровья актуальным является изучение ресурсов, способствующих поддержанию высоких показателей здоровья. В настоящее время в клинко-психологических исследованиях соматический статус пациента соотносится с параметрами психологического благополучия, определяя возможности его качества жизни [Вишнякова, Логина, Кононенко, 2019; Данилова, Панина, 2020]. Так, имеется довольно обширный перечень исследований психологического благополучия пациентов хирургического, эндокринологического (диабет, гипопитуитаризм, гипо- или гипертиреоз и др.), психиатрического (депрессивные состояния, пищевые расстройства, ПТСР и др.) профиля [Millevert, Hees, Fodjo et. al., 2021; Slagboom, Deijen, Bunderen et al., 2019]. Показано, что некоторые психологические особенности позволяют одним больным достаточно успешно адаптироваться к новым условиям жизни с хроническим заболеванием.

У других на фоне неадаптивного отношения к болезни развиваются психопатологические состояния, требующие психологической и медикаментозной терапии. Психологические особенности таких пациентов характеризуются в первую очередь потерей субъектности, низкой степенью самоконтроля и рефлексии по поводу своей болезни, развитием депрессивных тенденций [Зураева, Джелиева, 2018]. При оценке ресурсов здоровья и показателей благополучия студенческой молодежи наиболее значимым ресурсом является наличие цели в жизни, просоциальная направленность как ресурс поддержания субъективного благополучия также имеет место, но в меньшей степени, чем цель в жизни [Веселова, Коржова, Рудыхина, 2020].

Однако в период пандемии учеными активно обсуждается проблема психологического благополучия не только пациентов соматического неинфекционного профиля, но и студенческой молодежи, находящейся на самоизоляции [Волкова, Цветкова, Шадрин и др., 2021], в контексте ответственности и ценностных ориентаций [Кудинов и др., 2021], а также во взаимосвязи ответственности личности и такого психологического феномена, как психологическое благополучие [Михеева, 2020; Нестик, 2020]. Исследование психологического благополучия личности в условиях вынужденной самоизоляции указывает на увеличение стрессовой и эмоциональной нагрузки, поскольку отсутствует понимание длительности изоляции, возможных последствий, нет исчерпывающей информации о вирусе и способах борьбы с ним. В период пандемии коронавируса люди многих профессий вынуждены осуществлять профессиональную деятельность в непривычных условиях, в частности в дистанционном режиме, что может являться фактором, снижающим уровень психологического благополучия личности [Сорокоумова, Чердымова, Пучкова и др., 2020; Wang, Zhao, Feng et. al., 2020].

Действительно, пандемия приносит много неопределенности, что затрудняет удовлетворение даже базовых потребностей людей [Fiedorowicz, 2020]. Хотя большое количество людей во всем мире демонстрирует устойчивость к

глубоким потерям, стрессу и страху, связанным с COVID-19, вирус, вероятно, усугубит существующие расстройства психического здоровья и будет способствовать возникновению новых расстройств, связанных со стрессом, для многих [Horesh, Brown, 2020; Mackolil, Mackolil, 2020].

Цель статьи – выявить особенности психологического благополучия студенческой молодежи с различным соматическим здоровьем в допандемийный и пандемийный период, связанный с COVID-19. Гипотеза исследования была построена на предположении, что у обучающихся второй и третьей групп диспансерного наблюдения с низким уровнем психологического благополучия в период пандемии, связанной с COVID-19, психологическое благополучие будет ниже, чем в допандемийный период, а у обучающихся первой группы диспансерного наблюдения психологическое благополучие не изменится.

Методы и организация исследования. Исследование было организовано в соответствии с этическими стандартами биоэтического комитета ФГБОУ ВО КрасГМУ им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого Минздрава России, разработанными на базе Хельсинской декларации Всемирной ассоциации «Этические принципы проведения научных медицинских исследований с участием человека» с поправками 2000 г. и «Правилами надлежащей клинической практики», утвержденными Приказом Минздрава РФ от 1 апреля 2016 г. № 200н. Все респонденты, участвующие в исследовании, подписали информированное согласие на участие в нем.

Исследование проводилось в период проведения планового медицинского осмотра на базе университетской клиники семейной медицины КрасГМУ в отделении общей врачебной практики. В исследовании приняли участие 622 студента КрасГМУ.

Исследование осуществлялось в два этапа:

– первый этап – период с сентября 2019 по январь 2020 г. включительно (допандемийный период, 311 человек);

– второй этап – период с сентября 2020 по январь 2021 г. (пандемийный период, 311 человек).

Поскольку многие исследователи в нестабильных (кризисных) условиях акцентируют внимание на динамике именно психологического благополучия как маркера успешного проживания этого периода, мы посчитали целесообразным использование методики «Шкалы психологического благополучия» («The scales of psychological well-being») [Riff, Keyes, 1995]. Исследование проводилось с использованием специально разработанного модуля психологической диагностики [https://krasgmu.ru/index.php?page\[common\]=psy](https://krasgmu.ru/index.php?page[common]=psy), который позволяет осуществлять сбор данных, автоматическую обработку, получать статистические данные по определенной совокупности респондентов.

На момент реализации первого этапа исследования студенты обучались на 2-х и 3-х курсах, на момент второго этапа – 3-х и 4-х курсах соответственно. Из выборки на момент формирования настоящего материала исключены те обучающиеся, которые по различным причинам не смогли принять участие во втором этапе (отчисление, болезнь, академический отпуск и т.п.).

На основе анализа медицинской документации основная выборка была распределена на группы диспансерного наблюдения согласно приказу № 1006н от 03.12.2012 г. «Об утвержде-

нии порядка проведения диспансеризации определенных групп взрослого населения».

Критериями включения в исследование явились следующие характеристики:

- возраст от 18 лет до 25;
- соответствие данных диагноза общепринятым критериям по МКБ-10; ремиссия на период исследования;
- отсутствие тяжелой сопутствующей патологии (психические заболевания, ЧМТ, опухоли ГМ, эпилепсия);
- подписанное информированное согласие.

Наиболее часто встречающиеся нозологические характеристики респондентов, имеющих соматическое заболевание и принадлежащих ко 2-й группе диспансерного наблюдения, Н52.1 (45,5 %), Н52.2 (20,9 %), М95.9 (16,4 %).

Наиболее часто встречающиеся нозологические характеристики респондентов, имеющих соматическое заболевание и принадлежащих 3-й группе диспансерного наблюдения, К29.7 (42,6 %), J45.0 (23,7 %), N11.9 (6,0 %).

Распределение студентов по полу в каждой группе представлено в табл. 1.

Значимых различий в группах сравнения по полу на первом и втором этапах исследования не было выявлено.

Таблица 1

Распределение респондентов по полу в трех группах

Table 1

Distribution of respondents by gender in three groups

Пол	I группа		II группа		III группа	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Мужской	28	28,0	29	26,4	22	21,8
Женский	72	72,0	81	73,6	79	78,2

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ результатов по методике «Шкалы психологического благополучия» позволил определить уровень психологического благополучия студентов, принадлежащих к трем группам диспансерного наблюдения.

Сравнительный анализ результатов исследования на первом и втором этапах в первой группе диспансерного наблюдения свидетельствует, что:

– по шкале «Позитивные отношения с окружающими» результаты достаточно стабильны:

у 63 % исследуемых на первом этапе и 62 % исследуемых на втором этапе выявлены высокие и средние значения, однако у 37 % респондентов этой группы на первом этапе и у 38 % респондентов на втором этапе обнаружены низкие значения по данной шкале. Данный факт указывает на то, что для первых характерно наличие близких, доверительных отношений с окружающими, они испытывают желание проявлять заботу о других людях, умеют находить компромиссы во взаимоотношениях, способны к эмпатии,

Таблица 2

**Распределение результатов исследования для испытуемых,
принадлежащих к первой группе диспансерного наблюдения
на первом и втором этапах исследования**

Table 2

**Distribution of research results for subjects belonging to the first group
of dispensary observation at the first and second stages of the study**

Шкалы ПБ	Первый этап			Второй этап		
	Уровень	Количество испытуемых		Уровень	Количество испытуемых	
		абс.	%		абс.	%
Позитивные отношения с окружающими	низкий	37	37	низкий	38	38
	средний	53	53	средний	54	54
	высокий	10	10	высокий	8	8
Автономия	низкий	25	25	низкий	26	26
	средний	57	57	средний	58	58
	высокий	18	18	высокий	16	16
Управление окружающей средой	низкий	26	26	низкий	27	27
	средний	57	57	средний	58	58
	высокий	17	17	высокий	15	15
Личностный рост	низкий	28	28	низкий	29	29
	средний	61	61	средний	62	62
	высокий	11	11	высокий	9	9
Наличие цели в жизни	низкий	19	19	низкий	20	20
	средний	67	67	средний	68	68
	высокий	14	14	высокий	12	12
Самопринятие	низкий	24	24	низкий	25	25
	средний	61	61	средний	62	62
	высокий	15	15	высокий	13	13

а для вторых не характерно наличие близких доверительных отношений, они замкнуты и испытывают трудности в проявлении теплоты и заботы по отношению к другим людям;

– по шкале «Автономия» в данной группе высокие и средние значения получены у 75 % испытуемых на первом этапе и у 74 % испытуемых на втором этапе, что говорит об их независимости и способности противостоять социальному давлению, они способны регулировать свое поведение и оценивать себя, руководствуясь собственными убеждениями и стандартами. У 25 % респондентов на первом этапе и у 26 % респондентов на втором этапе выявлены низкие значения, которые указывают на то, что они ориентированы на мнение других и озабочены ожиданиями и оценками других;

– по шкале «Управление средой» для 74 % респондентов на первом этапе и 73 % респондентов на втором этапе характерны высокие

и средние значения, указывающие, что эти испытуемые в различных жизненных обстоятельствах умеют самостоятельно выбирать и эффективно использовать собственные возможности, а также создавать условия для удовлетворения личностных потребностей. У 26 и 27 % испытуемых соответственно выявлены низкие значения по данной шкале. Можно констатировать их неспособность в управлении окружающей средой, они ощущают невозможность изменения или улучшения условий собственной жизни;

– по шкале «Личностный рост» полученные результаты свидетельствуют о высоком и среднем уровне психологического благополучия у 72 % респондентов на первом этапе и 71 % респондентов на втором. Полагаем, что эта категория студентов реализует собственный потенциал, стремится к совершенствованию. У 28 и 29 % испытуемых соответственно обнаруживаются незаинтересованность жизнью и переживание личностной стагнации.

– по шкале «Наличие цели в жизни» у 81 % студентов на первом этапе обнаружены высокие и средние значения и у 80 % респондентов на втором этапе. Из этого следует, что наличие целей в жизни и чувство осмысленности жизни присущи значительному большинству студентов, принадлежащих к первой группе диспансерного наблюдения. И все же 19 и 20 % респондентов соответственно имеют низкие значения, что говорит о том, что для них характерно ощущение бессмысленности, недостатка целей, отсутствия жизненных ориентиров, которые бы придали жизни смысл. Интересно, что на наличие целей у представителей данной группы «ковидные» ограничения практически никак не повлияли;

– по шкале «Самопринятие» высокие и средние значения имеют 76 % респондентов исследуемой группы на первом этапе и 75 % на втором. Они признают все многообразие своих личностных особенностей и принимают как положительные, так и отрицательные стороны собственной личности. Соответственно 24 % испытуемых этой группы на первом этапе и 25 % на втором имеют низкие значения по данной шкале, что указывает на обеспокоенность некоторыми чертами собственной личности, недовольство ими и стремление быть другим.

В табл. 3 представлены результаты исследования психологического благополучия у представителей второй группы диспансерного наблюдения.

Таблица 3

Распределение результатов исследования для испытуемых, принадлежащих ко второй группе диспансерного наблюдения на первом и втором этапах исследования

Table 3

Distribution of research results for subjects belonging to the second group of dispensary observation at the first and second stages of the study

Шкалы ПБ	Уровень	Количество испытуемых		Уровень	Количество испытуемых	
		абс.	%		абс.	%
Позитивные отношения с окружающими	низкий	37	33,64	низкий	39	35,45
	средний	65	59,09	средний	66	60
	высокий	8	7,27	высокий	5	4,55
Автономия	низкий	15	13,64	низкий	17	15,45
	средний	76	69,09	средний	78	70,9
	высокий	19	17,27	высокий	15	13,65
Управление окружающей средой	низкий	28	25,45	низкий	31	28,18
	средний	67	60,91	средний	70	63,64
	высокий	15	13,64	высокий	9	8,18
Личностный рост	низкий	34	30,91	низкий	34	30,9
	средний	67	60,91	средний	68	61,82
	высокий	9	8,18	высокий	8	7,28
Наличие цели в жизни	низкий	23	20,91	низкий	23	20,9
	средний	67	60,91	средний	70	63,64
	высокий	20	18,18	высокий	17	15,46
Самопринятие	низкий	24	21,82	низкий	25	22,73
	средний	70	63,64	средний	71	64,54
	высокий	16	14,55	высокий	14	12,73

Следует отметить, что полученные результаты на первом и втором этапах исследования психологического благополучия во второй группе диспансерного наблюдения примерно такие же, как и в первой группе. Можно говорить о том, что сохраняется тенденция к доминированию респондентов с высокими и средними показателями по всем шкалам на первом и вто-

ром этапах исследования. Однако исключение составляют сдвиги показателей по шкалам «Автономия» и «Управление окружающей средой» в сторону снижения на втором этапе исследования в данной группе.

Данные, полученные при исследовании третьей группы диспансерного наблюдения, представлены в табл. 4.

Таблица 4

Распределение результатов исследования для испытуемых, принадлежащих к третьей группе диспансерного наблюдения на первом и втором этапах исследования

Table 4

Distribution of research results for subjects belonging to the third group of dispensary observation at the first and second stages of the study

Шкалы ПБ	Уровень	Количество испытуемых		Уровень	Количество испытуемых	
		абс.	%		абс.	%
Позитивные отношения с окружающими	низкий	42	41,58	низкий	43	42,57
	средний	54	53,47	средний	55	54,46
	высокий	5	4,95	высокий	3	2,97
Автономия	низкий	12	11,88	низкий	15	14,85
	средний	68	67,33	средний	71	70,3
	высокий	21	20,79	высокий	15	14,85
Управление окружающей средой	низкий	20	19,80	низкий	23	22,77
	средний	63	62,38	средний	67	66,33
	высокий	18	17,82	высокий	11	10,9
Личностный рост	низкий	24	23,76	низкий	24	23,76
	средний	62	61,39	средний	65	64,36
	высокий	15	14,85	высокий	12	11,88
Наличие цели в жизни	низкий	25	24,75	низкий	27	26,73
	средний	58	57,43	средний	65	64,36
	высокий	18	17,82	высокий	9	8,91
Самопринятие	низкий	37	36,63	низкий	37	36,63
	средний	62	61,39	средний	63	62,38
	высокий	2	1,98	высокий	1	0,99

Анализ результатов в третьей группе диспансерного наблюдения свидетельствует, что на фоне более выраженных соматических проблем меняется картина психологического благополучия. Так, на первом этапе исследования для этой группы респондентов высокие и средние показатели психологического благополучия по шкале «Позитивные отношения с окружающими» составили 58,5 % и низкие – 41,6 %. По шкале «Автономия» нормативные – 89,1 % и низкие – 11,9 %. По шкале «Управление

средой» нормативные – 80,2 %, низкие – 19,8 %. По шкале «Личностный рост» нормативные – 76,2 % и низкие 23,8 %. По шкале «Цели в жизни» нормативные значения составили 75,2 % и низкие – 24,8 %. По шкале «Самопринятие» нормативные – 63,4 % и низкие – 36,6 %. А вот на втором этапе исследования в третьей группе диспансерного наблюдения обнаруживается значительное снижение показателей по шкалам «Автономия», «Управление окружающей средой» и «Наличие цели в жизни».

На первом этапе исследования использовался критерий Краскела – Уоллиса (межгрупповые различия считались статистически значимыми при $p < 0,05$), статистически значимых различий между группами диспансерного наблюдения не обнаружено. Хотя следует отметить тенденцию к снижению психологического благополучия от первой к третьей группе (с 25 до 33,7 %).

Также результаты первого этапа исследования показывают, что у части объективно здоровых респондентов и у части студентов, имеющих в анамнезе хроническое соматическое заболевание (то есть независимо от наличия соматического заболевания), наблюдается низкий уровень психологического благополучия [Логинава, Вишнякова, Наркевич, 2020]. Данный факт

несколько противоречит традиционному представлению о состоянии здоровья как факторе психологического благополучия. Однако полученные данные не противоречат результатам анализа психологического благополучия врачей и медицинского персонала в условиях пандемии COVID-19, поскольку представленная выборка относится к этой профессиональной группе [Первичко, Конюховская, 2020].

Статистический анализ различий в результатах исследования первого и второго этапов рассматривался нами на основании критерия Мак-Немара, применяемого для анализа связанных измерений в случае изменения реакции с помощью дихотомической переменной. Результаты статистического анализа представлены в табл. 5.

Таблица 5

Результаты анализа различий допандемийного и пандемийного периодов для связанных выборок в группах диспансерного наблюдения

Table 5

Results of the analysis of differences between pre-pandemic and pandemic periods for related samples in the dispensary observation groups

Шкалы ПБ	Уровень	I группа	II группа	III группа
		p	p	p
Автономия	низкий	0,318	0,158	0,084
	средний	0,318	0,158	0,084
	высокий	0,158	0,046	0,015
Управление окружающей средой	низкий	0,318	0,084	0,084
	средний	0,318	0,084	0,046
	высокий	0,158	0,015	0,009
Наличие цели в жизни	низкий	0,318	1,000	0,158
	средний	0,318	0,084	0,009
	высокий	0,158	0,084	0,003

Полученные данные позволяют констатировать:

1) отсутствие значимых различий у представителей первой группы диспансерного наблюдения, что дает возможность предположить связь соматического здоровья и способности сохранять психологическое благополучие в трудных жизненных ситуациях (например, в условиях пандемии Covid-19);

2) заметные различия по ряду параметров у представителей второй и третьей групп диспансерного наблюдения, указывающие на то,

что респонденты с соматическими заболеваниями труднее переживают пандемийный период (подтверждается снижением на втором этапе количества респондентов, демонстрирующих высокий уровень по шкале «Автономия» и «Управление окружающей средой» в обеих группах, а также снижением количества респондентов третьей группы диспансерного наблюдения, принадлежащих к среднему уровню по шкале «Управление окружающей средой» и среднему и высокому уровню по шкале «Наличие цели в жизни»);

3) отсутствие значимых различий по шкалам «Позитивные отношения с окружающими», «Личностный рост», «Самопринятие» во всех трех группах, что свидетельствует об устойчивости этих показателей психологического благополучия в пандемийный период.

Ранее сравнительный анализ показателей психологического благополучия в группах больных, различающихся тяжестью клинической картины заболевания ревматоидным артритом, установил статистически значимое различие только по показателю психологического благополучия «Автономия» [Лебедева, Балабанова, Лебедева и др., 2020].

Заключение. У людей с низким уровнем психологического благополучия и имеющих в анамнезе острые и хронические соматические заболевания в результате длительной социаль-

ной дистанции и соблюдения мер безопасности в период пандемии, связанной с COVID-19, со стороны психологического здоровья с большей вероятностью могут развиваться тревога и депрессия, а также другие симптомы дистресса. В данном случае одним из факторов риска возникновения обострений хронических соматических заболеваний и психосоматических расстройств может являться низкий уровень психологического благополучия личности [Lai, Ma, Wang et al., 2020]. В условиях продолжающихся противоэпидемических мероприятий необходимо оказывать психологическую помощь данной категории лиц.

Полученные данные свидетельствуют об актуальности разработки специальных программ психологического сопровождения в период эпидемиологического режима.

Библиографический список

1. Болотова Е.В., Концевая А.В., Ковригина И.В. Динамика факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний в зависимости от статуса диспансерного наблюдения за трехлетний период // *Фундаментальная и клиническая медицина*. 2020. № 5 (2). С. 39–47. DOI: 10.23946/2500-0764-2020-5-2-39-47
2. Веселова Е.К., Коржова Е.Ю., Рудыхина О.В. Взаимосвязь показателей субъективного благополучия студентов с внутриличностными и социально-психологическими ресурсами здоровья // *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. 2020. Вып. 3. С. 766–773. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2020-3-32
3. Вишнякова Н.Н., Логинова И.О., Кононенко И.О. Psychological well-being of medical university students as research objective in the prism of the dispensary account status // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2019. Т. 8, № 5А. С. 150–158. DOI: 10.34670/AR.2020.46.5.017
4. Волкова О.В., Цветкова О.А., Шадрин А.Ю., Рупека А.В. Актуальные проблемы в сфере психологического здоровья студенчества: вызов пандемии COVID-19 // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. № 23 (3). С. 661–672. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-661-672>
5. Данилова М.А., Панина Н.Т. Теоретическое осмысление феномена «Психологическое благополучие» // *Тенденции развития науки и образования*. 2020. № 60–7. С. 20–25. DOI: 10.18411/lj-04-2020-134
6. Зураева А.М., Джелиева З.Т. Психотерапевтическая работа с больными, имеющими хронические заболевания // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. Тольятти. 2018. Т. 7, № 2 (23). С. 367–369.
7. Кудинов С.И., Кудинов С.С., Кудинов В.С. Особенности отношения к режиму самоизоляции в период пандемии у студентов с разными показателями ответственности и ценностных ориентаций // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. № 23 (1). С. 174–182. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-174-182>

8. Лебедева В.В., Балабанова Е.С. Лебедева Н.Ю., Соколова Т.А., Муравьев Ю.В. Взаимосвязь психологического благополучия и уровня субъективного контроля при ревматоидном артрите с разной клинической картиной (предварительные данные) // Школа Науки. 2020. № 9 (34). С. 15–19. DOI: 10.5281/zenodo.4066834
9. Логинова И.О. Вишнякова Н.Н., Наркевич А.Н. Психологические реакции людей с различной устойчивостью жизненного мира в период пандемии COVID-19 // Сибирское медицинское обозрение. 2020. № 6. С. 101–107.
10. Михеева Л.А. Ответственность личности в период ранней взрослости как предиктор перфекционизма и психологического благополучия // Вестник Омского университета. Сер.: Психология. 2020. № 4. С. 76–82. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.76-82
11. Нестик Т.А. Психологические последствия пандемии и ресурсы жизнеспособности в условиях глобальных рисков // Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества. М., 2020. С. 808–813.
12. Первичко Е.И., Конюховская Ю.Е. Психологическое благополучие врачей и медицинского персонала в условиях пандемии COVID-19: обзор зарубежных исследований // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2020. Т. 11, № 3. С. 595–608. DOI:10.34883/PI.2020.11.3.016
13. Сорокоумова Е.А., Чердымова Е.И., Пучкова Е.Б., Темнова Л.В., Бонкало Т.И., Вошева Н.А., Гребенникова В.М. Понимание ситуации самоизоляции в период пандемии COVID-19 как фактор психологического благополучия специалиста // Здравоохранение Российской Федерации. 2020. № 64 (6). С. 358–363.
14. Цветкова Л.А., Антонова Н.А., Дубровский Р.Г. Концептуальные основы изучения и измерения здоровья и благополучия человека с позиций психологической науки // Фундаментальные проблемы в исследованиях психического здоровья человека и общества // Вестник РФФИ. 2019. № 4 (104). С. 69–73. DOI: 10.22204/2410-4639-2019-104-04-69-75
15. Fiedorowicz J.G. New challenges in the COVID-19 pandemic // Journal of Psychosomatic Research. 2020. Vol. 133. P. 110–123. DOI: 10.1016/j.jpsychores.2020.110123
16. Horesh D., Brown A.D. Covid-19 response: Traumatic stress in the age of Covid-19: A call to close critical gaps and adapt to new realities // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2020. Vol. 12(4). P. 331–335. DOI: 10.1037/tra0000592
17. Lai J., Ma S., Wang Y., Cai Z., Hu J., Wei N., Wu J., Du H., Chen T., Li R., Tan H., Kang L., Yao L., Huang M., Wang H., Wang G., Liu Z., Hu S. Factors associated with mental health outcomes among health care workers exposed to coronavirus disease 2019 // JAMA Network Open. 2020. Vol. 3 (3). P. 203976. DOI: 10.1001 / jamanetworkopen.2020.3976
18. Mackolil J., Mackolil J. Addressing psychosocial problems associated with the COVID-19 lockdown // Asian Journal of Psychiatry. 2020. 51. e102156. DOI: 10.1016/j.ajp.2020.102156
19. Millevvert C., Hees S.V., Fodjo J.N.S., Wijnvliet V., Villeta E.F.M., Rosso B., Gil-Nagel A., Weckhuysen S., Colebunders R. Impact of COVID-19 on the lives and psychological well-being of persons with epilepsy during the third trimester of the pandemic: Results from an international, online survey // Epilepsy & Behavior. 2021. Vol. 116. e107800. DOI: 10.1016/j.yebeh.2021.107800
20. Riff C., Keyes C.L.M. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69. P. 719–727.
21. Slagboom T.N.A., Deijen J.B., Bunderen C.C.V., Knoop H.A., Drent M.L. Psychological well-being and illness perception in patients with hypopituitarism // Pituitary. Feb 19. DOI: 10.1007/s11102-021-01131-w. Epub ahead of print. PMID: 33606176
22. Wang Y., Zhao X., Feng Q., Liu L., Yao Y., Shi J. Psychological assistance during the coronavirus disease 2019 outbreak in China // Journal of Health Psychology. 2020. No. 25 (6). P. 733–737. DOI: 10.1177/1359105320919177

DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-61-3-355>

FEATURES OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING IN STUDENTS WITH DIFFERENT SOMATIC HEALTH BEFORE AND DURING THE COVID-19 PANDEMIC

N.N. Vishnyakova (Krasnoyarsk, Russia)

I.O. Loginova (Krasnoyarsk, Russia)

A.N. Narkevich (Krasnoyarsk, Russia)

Yu.A. Tyazhelnikov (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article focuses on one of the priority tasks of the state – the preservation and strengthening of the health of the population. *The purpose of the study* was to identify the features of the psychological well-being in students with different somatic health in the pre-pandemic and pandemic period associated with COVID-19. The hypothesis of the study was based on the assumption that students of the second and third groups of dispensary observation with a low level of psychological well-being during the pandemic associated with COVID-19 will have lower psychological well-being than in the pre-pandemic period, and students of the first group of dispensary observation will have psychological well-being not changed.

The methodological basis of the study was the concept of psychological well-being by C. Riff and approaches to understanding dispensary observation based on the legislative framework in the field of healthcare.

Materials and methods. The presented results of an empirical study were obtained on a sample of medical university students. The study was carried out in 2 stages: stage 1 – in the pre-pandemic period, stage 2 – in the pandemic period. The study was conducted using a specially developed module for psychological diagnostics [https://krasgmu.ru/index.php?page\[common\]=psy](https://krasgmu.ru/index.php?page[common]=psy), which allows for data collection, automatic processing, and obtaining statistical data on a specific population of respondents. In an automated mode, the technique of “The scales of psychological well-being” by C. Riff was used. The study involved 311 students of KrasSMU at each stage of the study.

Research results. No significant differences were found in the representatives of the first group of dispensary observation, which suggests a relationship between somatic health and the ability to maintain psychological well-being in difficult life situations (for example, during the Covid-19 pandemic). Noticeable differences were found in a number of parameters among representatives of the second and third groups of dispensary observation, indicating that for the respondents with somatic diseases it is more difficult to survive the pandemic period (confirmed by a decrease in the second stage of the number of respondents demonstrating a high level on the scale “Autonomy” and “Environmental Management” in both groups, as well as a decrease in the number of respondents in the third group of dispensary observation, belonging to the average level on the “Environment Management” scale and the average and high level on the “Goal in life” scale). The absence of significant differences on the scales “Positive Relations with Others”, “Personal Growth”, “Self-Acceptance” in all three groups was recorded, indicating stability of these indicators of psychological well-being during the pandemic period.

Conclusion. It is concluded that it is the respondents with chronic somatic diseases who are more difficult to survive the pandemic period. The data obtained indicate the need to develop special programs for the psychological support of students with somatic diseases during the epidemiological regime.

Keywords: *psychological well-being of an individual, chronic somatic diseases, dispensary observation groups, pre-pandemic period, pandemic period, Covid-19.*

Vishnyakova Nina N. – PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Clinical Psychology and Psychotherapy with Postgraduate Course, Professor V.F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: 0000-0001-6173-0638; AuthorID: 620135; e-mail: vishnina@mail.ru

Loginova Irina O. – DSc (Psychology), Professor, Head of the Department of Clinical Psychology and Psychotherapy with Postgraduate Course, Professor V.F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: 0000-0002-9551-1457; AuthorID: 517070; e-mail: loginova70_70@mail.ru

Narkevich Artem N. – DSc (Medicine), Associate Professor, Head of the Department of Medical Cybernetics and Informatics, Professor V. F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University (Krasnoyarsk, Russia), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1489-5058>; AuthorID: 620143; e-mail: narkevichart@gmail.com

Tyazhelnikov Yurii A. – PhD (Medicine), Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Professor V.F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University (Krasnoyarsk, Russia); AuthorID: 784687; e-mail: sargon72@yandex.ru

References

1. Bolotova Ye.V., Kontsevaya A.V., Kovrigina I.V. Dynamics of risk factors for cardiovascular diseases depending on the status of dispensary observation over a three-year period // *Fundamentalnaya i klinicheskaya meditsina (Fundamental and Clinical Medicine)*. 2020. No. 5 (2) P. 39–47. DOI: 10.23946/2500-0764-2020-5-2-39-47
2. Veselova Ye.K., Korzhova Ye.YU., Rudykhina O.V. Interrelation of indicators of students' subjective well-being with intrapersonal and socio-psychological health resources // *Gertsenovskiy chteniya: psikhologicheskiye issledovaniya v obrazovanii (Hertzen Readings: Psychological Research in Education)*. 2020. Is. 3. P. 766–773. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2020-3-32
3. Vishnyakova N.N., Loginova I.O., Kononenko I.O. Psychological well-being of medical university students as research objective in the prism of the dispensary account status // *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya (Psychology. Historical and Critical Reviews and Contemporary Research)*. 2019. Vol. 8, No. 5A. P. 150–158. DOI: 10.34670/AR.2020.46.5.017
4. Volkova O.V., Tsvetkova O.A., Shadrina A.YU., Rupeka A.V. Topical problems in the field of psychological health of students: the challenge of the COVID-19 pandemic // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Kemerovo State University)*. 2021. No. 23 (3). P. 661–672. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-661-672>
5. Danilova M.A., Panina N.T. Theoretical understanding of the phenomenon “Psychological well-being” // *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya (Trends in the Development of Science and Education)*. 2020. No. 60 (7). P. 20–25. DOI: 10.18411/lj-04-2020-134
6. Zurayeva A.M., Dzhelilyeva Z.T. Psychotherapeutic work with patients with chronic diseases // *Azimuth nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya (Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology)*. 2018. Vol. 7, No. 2 (23). P. 367–369.
7. Kudinov S.I., Kudinov S.S., Kudinov V.S. Features of attitude to the regime of self-isolation during the pandemic among students with different indicators of responsibility and value orientations // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Kemerovo State University)*. 2021. No. 23 (1). P. 174–182. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-174-182>
8. Lebedeva V.V., Balabanova E.S., Lebedeva N.Yu., Sokolova T.A., Muravyev Yu.V. The relationship of psychological well-being and the level of subjective control during rheumatoid arthritis with different clinical presentations (preliminary data) // *Shkola Nauki (School of Science)*. 2020. No. 9 (34). P. 15–19. DOI: 10.5281/zenodo.4066834
9. Loginova I.O., Vishnyakova N.N., Narkevich A.N. Psychological reactions of people with different life stability world during the COVID-19 pandemic // *Sibirskoye meditsinskoye obozreniye (Siberian Medical Review)*. 2020. No. 6. P. 101–107.
10. Mikheyeva L.A. Personal responsibility during early adulthood as a predictor of perfectionism and psychological well-being // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Psikhologiya” (Bulletin of the Omsk University. Series: Psychology)*. 2020. No. 4. P. 76–82. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.76-82
11. Nestik T.A. Psychological consequences of the pandemic and resources of viability in the context of global risks. In: *Proceedings of the Conference “Globalistics-2020: Global problems and the future of mankind”*. Moscow, 2020. P. 808–813.
12. Pervichko Ye.I., Konyukhovskaya Yu.Ye. Psychological well-being of doctors and medical personnel in the context of the COVID-19 pandemic: a review of foreign studies // *Psikhiatriya, psikhoterapiya i klinicheskaya psikhologiya (Psychiatry, Psychotherapy, and Clinical Psychology)*. 2020. Vol. 11, No. 3. P. 595–608. DOI: 10.34883/PI.2020.11.3.016
13. Sorokoumova Ye.A., Cherdymova Ye.I., Puchkova Ye.B., Temnova L.V., Bonkalo T.I., Vosheva N.A., Grebennikova V.M. Understanding the situation of self-isolation during the COVID-19 pandemic as

- a factor in the psychological well-being of a specialist // *Zdravookhraneniye Rossiyskoy Federatsii (Healthcare of the Russian Federation)*. 2020. No. 64 (6). P. 358–363.
14. Tsvetkova L.A., Antonova N.A., Dubrovskiy R.G. Conceptual foundations for studying and measuring human health and well-being from the standpoint of psychological science // *Fundamentalnyye problemy v issledovaniyakh psikhicheskogo zdorovya cheloveka i obshchestva. Vestnik RFFI (Fundamental Problems in the Study of Human Mental Health and Society. Vestnik RFBR)*. 2019. No. 4 (104). P. 69–73. DOI: 10.22204/2410-4639-2019-104-04-69-75
  15. Fiedorowicz J.G. New challenges in the COVID-19 pandemic // *Journal of Psychosomatic Research*. 2020. Vol. 133. P. 110–123. DOI: 10.1016/j.jpsychores.2020.110123
  16. Horesh D., Brown A.D. Covid-19 response: Traumatic stress in the age of Covid-19: A call to close critical gaps and adapt to new realities // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2020. Vol. 12 (4). P. 331–335. DOI: 10.1037/tra0000592
  17. Lai J., Ma S., Wang Y., Cai Z., Hu J., Wei N., Wu J., Du H., Chen T., Li R., Tan H., Kang L., Yao L., Huang M., Wang H., Wang G., Liu Z., Hu S. Factors associated with mental health outcomes among health care workers exposed to coronavirus disease 2019 // *JAMA Netw Open*. 2020. Vol. 3 (3). P. 203976. DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2020.3976
  18. Mackolil J., Mackolil J. Addressing psychosocial problems associated with the COVID-19 lockdown // *Asian Journal of Psychiatry*. 2020. 51. e102156. DOI: 10.1016/j.ajp.2020.102156
  19. Millevert C., Hees S.V., Fodjo J.N.S., Wijtvlit V., Villeta E.F.M., Rosso B., Gil-Nagel A., Weckhuysen S., Colebunders R. Impact of COVID-19 on the lives and psychological well-being of persons with epilepsy during the third trimester of the pandemic: Results from an international, online survey // *Epilepsy & Behavior*. 2021. Vol. 116. e107800. DOI: 10.1016/j.yebeh.2021.107800
  20. Riff C., Keyes C.L.M. The structure of psychological well-being revisited // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69. P. 719–727.
  21. Slagboom T.N.A., Deijen J.B., Bunderen C.C.V., Knoop H.A., Drent M.L. Psychological well-being and illness perception in patients with hypopituitarism // *Pituitary*. 2019. Feb 19. DOI: 10.1007/s11102-021-01131-w. Epub ahead of print. PMID: 33606176
  22. Wang Y., Zhao X., Feng Q., Liu L., Yao Y., Shi J. Psychological assistance during the coronavirus disease 2019 outbreak in China // *Journal of Health Psychology*. 2020. No. 25 (6). P. 733–737. DOI: 10.1177/1359105320919177

УДК 159.922

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ О КРИТЕРИЯХ НОРМАТИВНОГО ОЦЕНИВАНИЯ¹

Н.В. Лукьянченко (Красноярск, Россия)

Л.С. Захарова (Красноярск, Россия)

М.И. Аликин (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. Несмотря на выраженный общественный и научный интерес к специфике жизнедеятельности молодых людей в меняющемся мире и декларируемую готовность к пониманию их собственных ориентиров, представления современных подростков о критериях нормативного оценивания не получили должного исследовательского внимания. В связи с этим было проведено исследование представлений о критериях нормативного оценивания подростков, имеющих разный опыт взаимодействия с принятыми в обществе нормативными регуляторами.

Методология исследования основана на понимании положительных (предмет гордости) и негативных (делинквентность и девиантность) границ как ключевых определителей нормы. Методом анкетирования выявлялись представления подростков о том, как определяют критерии недопустимого, недостойного и предмета гордости они сами, их сверстники и взрослые. Выборку исследования составили 260 респондентов: подростки женского и мужского пола, учащиеся городских общеобразовательных школ; подростки женского пола, ставшие жертвами сексуального насилия; подростки мужского пола, совершившие противоправные действия насильственного характера; воспитанницы закрытого образовательного учреждения.

Результаты. Анкетный опрос позволил определить основные категории используемых подростками оценочных критериев: «Криминогенность», «Личностная слабость/ресурсность», «Этика», «Отношения», «Социальная неуспешность/успешность». При анализе результатов исследования определились тенденции, характеризующие с точки зрения соотношения оценочных критериев разных категорий выборку в целом и каждую из групп респондентов. Общие тенденции: наименьшая субъективная понятность для подростков мнения о критериях нормативного оценивания сверстников в сравнении с мнением взрослых и друзей. Оценка своей позиции как более нетерпимой, чем позиции других субъектов, в отношении криминогенных действий; приоритетность представленности категории «Криминогенность» в оценке недопустимого, категории «Этика» в оценке неприемлемого и категории «Социальная успешность» в оценке предмета гордости; меньшая, чем у специализированно-приоритетных, представленность категорий «Отношения» и «Личностная слабость/ресурсность» во всех градациях нормативного оценивания. Тенденции, характеризующие представления отдельных групп респондентов: у подростков мужского пола, совершивших противоправные действия насильственного характера, критерии категории «Этика» представлены гораздо более весомо, чем у остальных подростков, а приоритетными для гордости являются проявления позитивного отношения; в представлениях подростков женского пола, ставших жертвами сексуального насилия, социальная успешность как основа для гордости представлена более, чем у других подростков, положительный полюс категории «Личностная слабость/ресурсность» полностью отсутствует в критериях нормативного оценивания, а критерии категории «Этика» отсутствуют в характеристиках своего мнения и мнения сверстников о предмете гордости; воспитанницам закрытого образовательного учреждения представляется, что им понятны мнения разных субъектов о том, что недопустимо, и эти мнения имеют сходный характер, социальная успешность как предмет гордости важна для них самих гораздо больше, чем для окружающих, а неуспешность не рассматривается ни самими воспитанницами, ни окружающими как что-то неприемлемое.

Заключение. Результаты исследования открывают перспективы разработки психологически обоснованных технологий диалога с современными подростками.

Ключевые слова: подростки, социальные нормы, критерии нормативного оценивания, представления.

¹ Исследование выполнено за счет средств Российского научного фонда совместно с Красноярским краевым фондом поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 22-28-20026, <https://rscf.ru/project/22-28-20026/>

Лукьянченко Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики института социального инжиниринга, Сибирский государственный университет им. академика М.Ф. Решетнева (Красноярск); Scopus Author ID 57218951114; ORCID ID 0000-0003-2813-9461; e-mail: Luk.nv@mail.ru

Захарова Лидия Станиславовна – заведующая отделением психолого-педагогической помощи, Краевой центр семьи и детей (Красноярск); ORCID ID 0000-0002-4229-6132; e-mail: zls-24@mail.ru

Аликин Марк Игоревич – аспирант кафедры психологии и педагогики института социального инжиниринга, Сибирский государственный университет им. академика М.Ф. Решетнева (Красноярск); Scopus Author ID 57218956484; ORCID ID 0000-0003-0737-4454; e-mail: pm2486@mail.ru

Постановка проблемы. Нормирование – важнейший аспект жизнедеятельности общества в целом, социальных групп и каждого человека. Необходимость исследования вопросов, с ним связанных, как справедливо указывает Э.А. Нурмухаметов, «вызвана объективным требованием социальной жизни, так как нормативность вносит упорядоченность в отношения людей и социальные связи. Люди в ходе общественной практики начинают осознавать социальную значимость и необходимость нормативности» [Нурмухаметов, 2013, с. 96]. Социальные нормы, по словам М.И. Бобневой, «используются как условие и детерминанты собственного социального развития личности» [Бобнева, 1978, с. 2].

В контексте освоения социального нормирования подростковый возраст рассматривается в качестве ключевого. Общим положением стало его определение как переходного от детства к взрослости с важнейшей задачей формирования готовности к взрослым («правильным») образцам функционирования. В условиях институализированной возрастной дискретности и трактовки взрослости как зрелости с ведущим радикалом «ответственность» такое понимание порождает соответствующие модусы отношения к подросткам. Один из них определяет внимание к подростку как к «созревающему» или перемещающемуся более или менее удачно к положительному полюсу шкалы соответствия представлениям о социальной ответственности. Другой, кажущийся альтернативным вариант отношения проявился в действиях Греты Тунберг и реакции на них весьма солидных лиц и организаций: взрослые должны проявить максимальную ответственность в том, какой мир они передадут детям [Gould et al., 2020]. В основе своей эти две

позиции являются вариациями общей установки на оценку «соответствия/несоответствия» некоторым абсолютным образцам, в первом случае реализуемой в отношении подростков, во втором – взрослых. Авторитетные специалисты психологии и социологии развития обращают внимание на то, что такие представления и установки, характерные для стабильных обществ, уже мало соответствуют актуальным социальным трансформациям [Поливанова, 2016; Kleef van et al., 2019]. Особенностью современной ситуации являются ценностно-нормативная неопределенность [Eriksson et al., 2021], нарушенность характерных для стабильного общества механизмов передачи норм и ценностей младшему поколению от старшего [Собкин, Калашникова, 2019; Lahmi et al., 2020], отсутствие общественного заказа на определенную желательную жизненную траекторию подростка [Хломов, 2014].

Квалифицируя отношение к детству в отечественной науке, в том числе в психологическом дискурсе, как патерналистское, К.Н. Поливанова констатирует, что созрела ситуация необходимости изменения методологического основания восприятия детства. В подвижном поликультурном мире противопоставление детства и взрослости как имеющих четкие границы отрезков на моношкале уже архаично. Детство имеет свою внутреннюю логику и в отношениях со взрослым миром может претендовать на понимание и диалог, а не только оценивание в параметрах сформированности. Ребенок в таком случае полагается не столько как «child as becoming» (ребенок, становящийся в перспективе будущей взрослости), сколько как «child as being» (ребенок как таковой «здесь и сейчас») [Поливанова, 2016]. Такое понимание далеко не простое дело, особенно если детство стремительно

меняется и «наши дети растут в реалиях совершенно новых» [Поливанова, 2016, с. 7], а «данных о состоянии детства в России, в отличие от западных стран, крайне мало» [Там же].

Что касается подросткового возраста, то в исследованиях можно отметить определенную тенденциозность, связанную как с восприятием его в качестве маргинального, так и с превалированием в качестве предмета рассмотрения ценностных предпочтений или желаемых личностных характеристик [Авдулова, Уханова, 2018; Молчанов и др., 2020; Montero-Carretero et al., 2021 Sobral, Fraduela, 2018; Vega et al., 2021, Zulfiqar, 2020]. При этом собственно взаимодействие с окружающим миром, его нормы-регуляторы, как они представляются подросткам, практически не получили внимания исследователей.

Это можно увидеть в обсуждениях проблемы девиантности, которая в традиционном рассмотрении определяется как отклонение от неких подразумеваемых взрослым миром нормативов. Говоря об относительности трактовок девиации, Г. Беккер отмечает, что те, кто воспринимается как «аутсайдеры» нормативности, предъявляемые нормы и осуждение за несоответствие им в своей системе координат также могут рассматривать как аутсайдерство, не принимая правила и не считая тех, кто дает на их основе оценку, компетентными или имеющими легитимное право ее выносить [Беккер, 2018].

Г.С. Кожухарь, говоря о молодежном насилии как форме девиантности, указывает: «С позиций социально-психологического подхода это – социальная проблема, порождаемая взаимодействием социальных индивидов в социокультурном контексте, а не только результат межличностных отношений или индивидуальной патологии» [Кожухарь, 2014, с. 230]. Важным аспектом социокультурного контекста являются представления субъектов о норме и критериях ее оценивания [Gomila, Paluck, 2020, Molho et al., 2020].

Вышесказанное определяет актуальность и цель исследования – изучение представлений современных подростков о критериях нормативного оценивания. *Задачи* исследования: определение основных семантических групп

(категорий) критериев нормативного оценивания у современных подростков; выявление общих и специфических тенденций соотношения основных категорий нормативного оценивания в представлениях подростков с разным опытом взаимодействия с принятыми в обществе нормативными регуляторами.

Методическое обеспечение и база исследования. В исследовании использовался метод анкетирования, при составлении которого учитывалось следующее. Норма есть нечто подразумеваемое, ее оформление происходит за счет «окантовки» тем, что воспринимается как ненормативное как в негативном аспекте, так и в положительном (вызывает гордость). Для негативного аспекта традиционно выделяют степени нарушения – делинквентность и девиантность. В соответствии с этим были сформулированы вопросы: «Что можно считать недопустимым?», «Что можно считать недостойным?» и «Чем можно гордиться?». Поскольку подростковый возраст является возрастом соотнесения себя с другими и нормообразование тесно связано с этими процессами, адресация вопросов для респондентов также оформилась как множественная. На каждый из приведенных вопросов предлагалось ответить в вариантах: по твоему мнению, по мнению твоих друзей, по мнению сверстников, по мнению взрослых. Вопросы предлагались в открытом варианте. Ответы респондентов имели свободный, авторский характер.

Первоначально свободные ответы респондентов подверглись качественному анализу, позволившему объединить их в несколько категорий, а затем подсчитывалось процентное соотношение ответов каждой категории для каждого вопроса в каждой из групп респондентов.

В исследовании приняли участие подростки 12–15 лет. Общий объем выборки 260 человек. 67 участников исследования – учащиеся городских общеобразовательных школ. Из них 32 женского пола (группа 1), 35 мужского пола (группа 2). Еще три группы респондентов определены в соответствии с разным опытом взаимодействия с принятыми в обществе нормативными регуляторами: 1) по опыту участия в кримино-

генных ситуациях: 13 подростков женского пола, подвергшихся сексуальному насилию (группа 3) и 38 подростков мужского пола, совершивших противоправные действия насильственного характера (группа 4); 2) по характеру образовательной среды: 142 воспитанницы Мариинской гимназии, являющейся закрытым образовательным учреждением (группа 5). Согласно исследованиям [Кондратьев, 2005], система межличностных отношений в закрытых учреждениях, их восприятия и нормативных регуляторов имеет выраженные отличительные особенности.

Результаты исследования. Качественный анализ позволил определить ответы респондентов в обобщенные категории: «Криминогенность», «Личностная слабость/ресурсность»; «Этика», «Отношения», «Социальная неуспешность/успешность». Все категории, кроме «Криминогенности», биполярны, имеют отрицательный и положительный полюса. К категории «Криминогенность» были отнесены такие определители: убийство, воровство, проституция, продажа наркотиков, драки, физическое насилие, издевательство над животными, браконьерство, бандитизм, терроризм, педофилия, взяточничество, хулиганство, порча чужого имущества. В категории «Личностная слабость/ресурсность» к негативному полюсу отнесены зависимости (алкоголизм, курение, употребление наркотиков), самоповреждающее поведение, аморальность, лицемерие, истеричность, трусость, демонстрация слабости, легкомысленность, отсутствие ума; к положительному полюсу: способность «проявлять себя», храбрость, честность, уравновешенность, ум, чувство юмора, «умение общаться», доброта. В категории «Этика» к негативному полюсу отнесены: дисциплинарные нарушения в учебном учреждении, грубость, «неприличный» внешний вид, «обзывание», употребление ненормативной лексики, «раздевание на камеру», поздние прогулки, проявление неуважения к окружающим, нарушение чужого пространства; к положительному полюсу: соблюдение норм поведения в общественных местах, вежливость, проявление уважения, неодобрение других вне их присутствия. В катего-

рии «Отношения» к негативному полюсу отнесены определители: предательство, измена своему партнеру, национализм, сексизм, гомофобия, «донжуанизм», зависть, унижение достоинства людей, осуждение людей; к положительному полюсу: помощь людям, друзьям, животным, дружба, щедрость, спасение девушки, защита ребенка, волонтерство, хорошие родственные связи. В категории «Социальная неуспешность/успешность» к негативному полюсу отнесены плохая успеваемость, отсутствие образования; к положительному полюсу: хорошая учеба, спортивные успехи, собственные подделки, достижение поставленных социальных целей, подвиг, материальное благополучие [Захарова, Лукьянченко, 2018].

Для каждой группы респондентов подсчитывалось процентное соотношение представленности критериев каждой категории в ответах на вопросы о недопустимом, недостойном и предмете гордости в мнении самих подростков и их представлениях о мнении друзей, сверстников и взрослых.

На рис. 1, 2, 3 отражены данные подростков женского пола, учащихся городских общеобразовательных школ.

Обращает на себя внимание большое число ответов «не знаю» на вопросы о мнении других людей. Особенно объемна их представленность в рубрикации «по мнению сверстников». Меньше всего пустых ответов поступило на вопрос о мнении взрослых в отношении недопустимого.

В ответах на вопрос о недопустимом наибольшую представленность имеет категория «Криминогенность», в ответах на вопрос о недостойном – категория «Этика», в ответах на вопрос о предмете гордости первенство делят категории «Социальная успешность» и «Отношения».

Категория «Отношения» занимает второе место по частоте встречаемости в критериях недопустимого и недостойного, а в определении предмета гордости, как уже сказано, делит первое и второе места с социальной успешностью.

Интересно, что ответы категории «Криминогенность» в недопустимом больше всего представлены в характеристике собственного мнения

Рис. 1. Соотношение основных категорий оценочных критериев в отношении недопустимого у подростков женского пола, учащихся городских общеобразовательных школ (группа 1)
 Fig. 1. The ratio of categories of evaluation criteria regarding unacceptable things among female adolescents studying at urban secondary schools (group 1)

Рис. 2. Соотношение основных категорий оценочных критериев в отношении недостойного у подростков женского пола, учащихся городских общеобразовательных школ (группа 1)
 Fig. 2. The ratio of the main categories of evaluation criteria regarding unworthy things among female adolescents studying at urban secondary schools (group 1)

Рис. 3. Соотношение основных категорий оценочных критериев в отношении предмета гордости у подростков женского пола, учащихся городских общеобразовательных школ (группа 1)
 Fig. 3. The ratio of the main categories of evaluation criteria in relation to the source of pride among female adolescents studying at urban secondary schools (group 1)

респондентов. Иными словами, респондентки в общей тенденции полагают, что другие люди менее нетерпимы в вопросах преступления закона, чем они сами. Наименьшую нетерпимость к криминогенности они отмечают в позиции взрослых. Почти в такой же мере, как кримино-

генные действия, неприемлемыми для взрослых, как полагают девочки, являются проявления личностной слабости.

На рис. 4, 5, 6 отражены данные подростков мужского пола, учащихся городских общеобразовательных школ.

Рис. 4. Соотношение основных категорий оценочных критериев в отношении недопустимого у подростков мужского пола, учащихся городских общеобразовательных школ (группа 2)
 Fig. 4. The ratio of the main categories of evaluation criteria regarding unacceptable things among male adolescents studying at urban secondary schools (group 2)

Рис. 5. Соотношение основных категорий оценочных критериев в отношении недостойного у подростков мужского пола, учащихся городских общеобразовательных школ (группа 2)
 Fig. 5. The ratio of the main categories of evaluation criteria regarding unworthy things among male adolescents studying at urban secondary schools (group 2)

Рис. 6. Соотношение основных категорий оценочных критериев в отношении предмета гордости у подростков мужского пола, учащихся городских общеобразовательных школ (группа 2)
 Fig. 6. The ratio of the main categories of evaluation criteria in relation to the source of pride among male adolescents studying at urban secondary schools (group 2)

У группы подростков мужского пола, так же как у девочек, часто встречается вариант «не знаю» в ответах на вопросы о мнении других людей. Меньше всего таких ответов в характеристике позиций взрослых и друзей в отношении недопустимого. Вместе с тем нулевой ответ нередок у мальчиков и в характеристике собственного мнения.

В ответах о недопустимом первое место по представленности занимает категория «Криминогенность», в ответах о недостойном – категория

«Этика», в ответах о предмете гордости – категория «Социальная успешность». В ответах на вопрос о недопустимом у мальчиков наряду с криминогенностью весомо представлены проявления личностной слабости и нарушений этики. Категория «Отношения» занимает второе место по представленности в ответах на вопросы о недостойном и предмете гордости. На рис. 7, 8, 9 отражены данные группы подростков женского пола, ставших жертвами сексуального насилия.

Рис. 7. Соотношение основных категорий оценочных критериев в отношении недопустимого у подростков женского пола, ставших жертвами сексуального насилия (группа 3)
 Fig. 7. The ratio of the main categories of evaluation criteria regarding unacceptable things among female adolescents who have become victims of sexual violence (group 3)

Рис. 8. Соотношение основных категорий оценочных критериев в отношении недостойного у подростков женского пола, ставших жертвами сексуального насилия (группа 3)
 Fig. 8. The ratio of the main categories of evaluation criteria in relation to unworthy things among female adolescents who have become victims of sexual violence (group 3)

Рис. 9. Соотношение основных категорий оценочных критериев в отношении предмета гордости у подростков женского пола, ставших жертвами сексуального насилия (группа 3)
 Fig. 9. The ratio of the main categories of evaluation criteria in relation to the source of pride among female adolescents who have become victims of sexual violence (group 3)

Отраженные на рис. 7, 8, 9 данные позволяют определить следующие тенденции, характеризующие представления группы девочек, ставших жертвами сексуального насилия.

Как видим, категория «Криминогенность» у девочек, ставших жертвами сексуального насилия, занимает первое место по представленности в ответах о недопустимом только в характеристике собственного мнения. Все остальные субъекты в представлениях девочек гораздо менее не терпимы к криминогенным действиям. Для сверстников неприемлемыми в гораздо большей степени являются проявления негативного отношения, а для взрослых – личностной слабости.

В ответах на вопрос о недостойном с категорией «Этика» конкурирует категория «Отношения», доля первое-второе места в характеристи-

ке собственного мнения и занимая первые места в характеристике мнения сверстников и друзей. Критерии категории «Этика» полностью отсутствуют в характеристиках своего мнения и мнения сверстников о предмете гордости.

Высока представленность категории «Социальная успешность» в ответах на вопрос о предмете гордости, особенно в указании о своем мнении и мнении взрослых. Здесь она не только занимает первые места, но и составляет более половины ответов. Обращает на себя внимание то, что ответы с положительным полюсом категории «Личностная слабость/ресурсность» полностью отсутствуют у этой группы респондентов.

На рис. 10, 11, 12 отражены данные подростков мужского пола, совершивших противоправные действия насильственного характера.

Рис. 10. Соотношение основных категорий оценочных критериев в отношении недопустимого у подростков мужского пола, совершивших противоправные действия насильственного характера (группа 4)
 Fig. 10. The ratio of the main categories of evaluation criteria in relation to unacceptable things among male adolescents who have committed unlawful acts of violent nature (group 4)

Рис. 11. Соотношение основных категорий оценочных критериев в отношении недостойного у подростков мужского пола, совершивших противоправные действия насильственного характера (группа 4)
 Fig. 11. The ratio of categories of evaluation criteria in relation to unworthy things among male adolescents who have committed unlawful acts of violent nature (group 4)

Рис. 12. Соотношение основных категорий оценочных критериев в отношении предмета гордости у подростков мужского пола, совершивших противоправные действия насильственного характера (группа 4)
 Fig. 12. The ratio of the main categories of evaluation criteria in relation to the source of pride among male adolescents who have committed unlawful acts of violent nature (group 4)

Рассмотрение данных группы подростков мужского пола, совершивших противоправные действия насильственного характера, определяет следующие тенденции. Так же как у респондентов других групп, в ответах этой группы в отношении недопустимого наибольшую представленность имеет категория «Криминогенность», а в отношении недостойного – категория «Этика».

Интересна особенность представлений подростков, совершивших противоправные действия: самая весомая в сравнении с другими группами представленность категории «Этика» в ответах о недостойном поведении и ее значительный перевес в соотношении с категорией «Отношения» в характеристике своего мнения, мнения друзей и мнения взрослых. Эта катего-

рия также весомо представлена в ответах о недопустимом, по мнению самих респондентов.

Характеризующие свое мнение и мнение друзей ответы о предмете гордости содержат весомую долю категории «Отношения», большую, чем у категории «Социальная успешность». В ответах о мнении сверстников и взрослых категория «Социальная успешность» более выражена. Это контрастирует с данными группы нормативных мальчиков, у которых в характеристике мнений всех субъектов категория «Социальная успешность» вдвое весомее, чем «Отношения».

На рис. 13, 14, 15 отражены данные подростков женского пола, воспитанниц закрытого образовательного учреждения «Мариинская гимназия».

Рис. 13. Соотношение основных категорий оценочных критериев в отношении недопустимого у подростков женского пола, воспитанниц Мариинской гимназии (группа 5)
 Fig. 13. The ratio of the main categories of evaluation criteria in relation to unacceptable things among female adolescents studying at the Mariinsky Gymnasium (group 5)

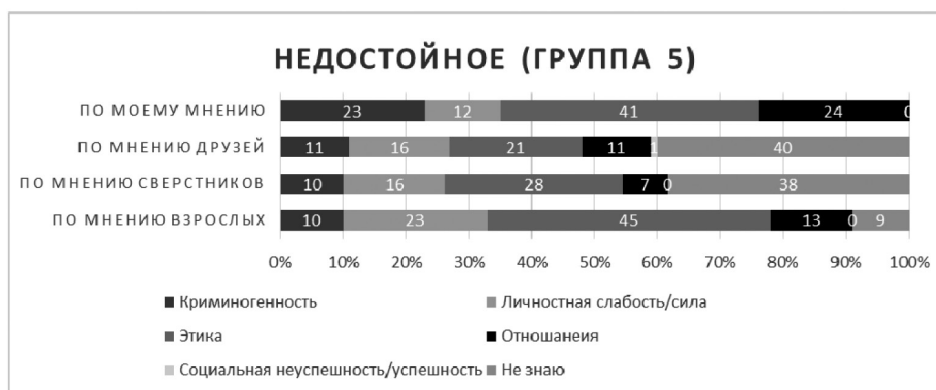

Рис. 14. Соотношение основных категорий оценочных критериев в отношении недостойного у подростков женского пола, воспитанниц Мариинской гимназии (группа 5)

Fig. 14. The ratio of the main categories of evaluation criteria in relation to unworthy things among female adolescents studying at the Mariinsky Gymnasium (group 5)

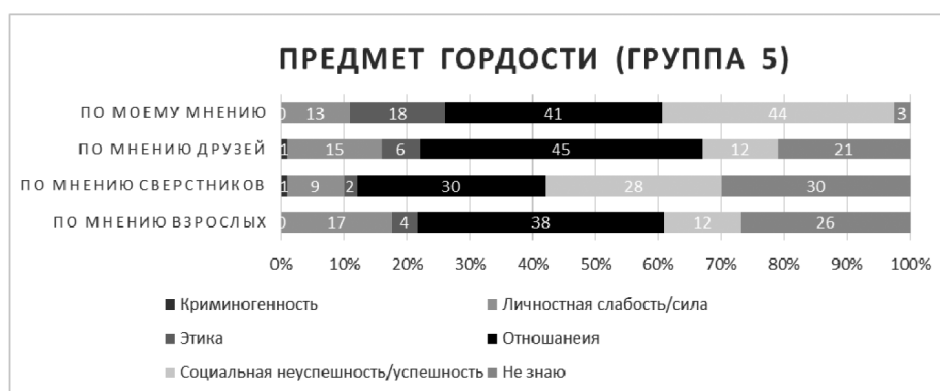

Рис. 15. Соотношение основных категорий оценочных критериев в отношении предмета гордости у подростков женского пола, воспитанниц Мариинской гимназии (группа 5)

Fig. 15. The ratio of the main categories of evaluation criteria in relation to the source of pride among female adolescents studying at the Mariinsky Gymnasium (group 5)

При анализе данных группы воспитанниц Мариинской гимназии обращает внимание близкая к нулевой представленность ответов «не знаю» в характеристиках мнений всех субъектов о недопустимом. Соотношение представленности всех категорий в мнениях разных субъектов, как оно видится респонденткам, схожее. Иными словами, воспитанницы гимназии считают, что им понятны взгляды сверстников и взрослых о том, что недопустимо. Эти взгляды не имеют особенных различий и схожи с мнением самих девочек. Ответы «не знаю» часты в отношении мнения других людей о недостойном и предмете гордости. Но в отношении собственного мнения по этим вопросам они практически отсутствуют.

Первое место по представленности в ответах на вопрос о недопустимом занимает катего-

рия «Криминогенность», в ответах на вопрос о недостойном – категория «Этика».

Социальная неуспешность, как представляется гимназисткам, не является предметом осуждения ни в чьих глазах: эта категория совершенно не представлена в ответах на вопросы о недопустимом и недостойном. В представлениях гимназисток социальная успешность как предмет гордости менее важна для друзей и взрослых, чем позитивные проявления отношений. А в их собственном мнении о предмете гордости категория «Социальная успешность» делит с категорией «Отношения» приоритетное место.

Анализ результатов исследования позволил определить тенденции, характеризующие с точки зрения соотношения оценочных критериев разных категорий выборку в целом и каждую из групп респондентов.

К общим тенденциям относятся следующие.

Наибольшее количество ответов «не знаю» получили вопросы о мнении сверстников.

Категория «Криминогенность» имеет наибольшую представленность в характеристике собственного мнения о недопустимом (своя позиция представляется как наиболее нетерпимая к криминогенным действиям в сравнении с позициями других субъектов).

Выделенные категории критериев нормативного оценивания можно разделить на «специальные» и «универсальные». Специальные доминируют в какой-либо одной градации нормирования: «Криминогенность» в оценке недопустимого; «Этика» в оценке недостойного и «Социальная успешность» в оценке предмета гордости. К универсальным можно отнести категории «Отношения» и «Личностная слабость/ресурсность». Они присутствуют в ответах по каждой градации нормирования, но в меньшей степени, чем доминирующие специальные, в некоторых случаях конкурируя с ними за приоритетность.

Тенденции, характеризующие представления отдельных групп респондентов, можно выделить следующие.

В совокупности критериев нормативного оценивания у подростков мужского пола, совершивших противоправные действия насильственного характера, критерии категории «Этика» представлены гораздо более весомо, чем у остальных подростков, а в качестве предмета гордости респонденты данной группы более склонны рассматривать проявления позитивного отношения. Иными словами, эти подростки полагают, что необходимо быть требовательным в вопросах соблюдения кодексов правил поведения, а лучшим, что может украшать поведение человека, являются помогающие действия. Социальные достижения не столь важны. На наш взгляд, такие особенности представлений перекликаются с данными исследований, свидетельствующих о том, что высокая агрессивность, экстремистские проявления характерны для субъектов, ориентированных на жесткое социальное нормирование и фаталистическое мировосприятие, которые снижают тревогу неопределенности и социальной конкуренции

и позволяют поддерживать высокий уровень самоуверенности [Тихонова и др., 2017; Gelfand et al., 2013; Hogg, 2021; Strom et al., 2013].

В представлениях подростков женского пола, ставших жертвами преступлений, наоборот, социальная успешность как основа для гордости представлена более, чем у других подростков. С одной стороны, это можно рассматривать как компенсаторную реакцию, с другой – это может составлять психологическую основу социальной неуверенности и связанного с ней комплекса жертвы. Важной особенностью является то, что положительный полюс категории «Личностная слабость/ресурсность» полностью отсутствуют в представлениях этой группы респондентов, а критерии категории «Этика» полностью отсутствуют в характеристиках своего мнения и мнения сверстников о предмете гордости.

Воспитанницам закрытого образовательного учреждения представляется, что им понятны мнения разных субъектов о том, что недопустимо, и эти мнения имеют сходный характер. Социальная неуспешность, как представляется гимназисткам, не является предметом осуждения ни в чьих глазах: эта категория совершенно отсутствует в их представлениях о недопустимом и недостойном. Социальная успешность как предмет гордости важна, по мнению гимназисток, для них самих гораздо больше, чем для окружающих.

Заключение. Результаты исследования, на наш взгляд, открывают перспективы разработки психологически обоснованных технологий диалога с современными подростками. Вместе с тем они являются основанием для постановки исследовательских вопросов: о социальных и индивидуально-личностных факторах, влияющих на представления подростков о критериях нормирования, и о влиянии характера представлений о нормативном оценивании на поведение подростков в различных социальных контекстах. В отношении участников противоправных действий правомерно ставить вопросы о том, являются ли специфические для них представления о критериях нормативного оценивания предикторами попадания в криминогенные ситуации или они оформились как следствие прохождения через опыт такого участия.

Библиографический список

1. Авдулова Т.П., Уханова Д.П. Представления о справедливости и стили воспитания родителей как фактор морального развития подростков // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 2. С. 81–92. DOI: 10.17759/sps.2018090206
2. Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. М.: Элементарные формы, 2018. 272 с.
3. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978. 312 с.
4. Захарова Л.С., Лукьянченко Н.В. Оценочные представления современных подростков // Психология в системе социально-производственных отношений: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (20 апреля 2019 г., Красноярск) / СибГУ им. М.Ф. Решетнева. Красноярск, 2019. С. 5–9.
5. Кожухарь Г.С. Феноменология разных форм психологического насилия в молодежной среде: зарубежные исследования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Т. 6, № 2. С. 230–245. DOI: 10.17759/psyedu.2014060220
6. Кондратьев М.Ю. Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб., 2005. 304 с.
7. Молчанов С.В., Алмазова О.В., Пряжников Н.С. Взаимосвязь способов морального самооправдания личности со склонностью к риску в подростковом возрасте // Психологические исследования. 2020. Т. 13, № 74, С. 3. URL: <http://psystudy.ru>. DOI: 10.54359/ps.v13i74.162
8. Нурмухаметов Э.А. К вопросу о нормативом поведении подростка в условиях школьного обучения [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. Т. 5, № 4. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65844.shtml
9. Поливанова К.Н. Детство в меняющемся мире [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5, № 2. С. 5–10. DOI: 10.17759/jmfp.2016050201
10. Собкин В.С., Калашникова Е.А. Особенности межпоколенных различий в жизненной позиции подростков // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 3. С. 19–39. DOI: 10.17759/sps.2019100302
11. Тихонова А.Д., Дворянчиков Н.В., Эрнст-Винтила А., Бовина И.Б. Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13, № 3. С. 32–40. DOI: 10.17759/chp.2017130305
12. Хломов К.Д. Подросток на перекрестке жизненных дорог: социализация, анализ факторов изменения среды развития [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Hlomov.phtml>
13. Eriksson K. [et al.] Perceptions of the appropriate response to norm violation in 57 societies // Nature Communication. 2021. Vol. 12. Article ID 1481. 11 p. DOI: 10.1038/s41467-021-21602-9
14. Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and extremism // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69, No. 3. P. 495–517. DOI: 10.1111/josi.12026
15. Gomila R., Paluck E.L. The social and psychological characteristics of norm deviants: A field study in a small cohesive university campus // Journal of Social and Political Psychology. 2020. Vol. 8, No. 1. P. 220–245. DOI: 10.5964/jspp.v8i1.1134
16. Gould D., Nalepa J., Mignano M. Coaching Generation Z // Athletes, Journal of Applied Sport Psychology. 2020. Vol. 32, No. 1. P. 104–120. DOI: 10.1080/10413200.2019.1581856
17. Hogg M.A. Uncertain self in a changing world: A foundation for radicalisation, populism, and autocratic leadership // European Review of Social Psychology. 2021. Vol. 32. P. 235–268. DOI: 10.1080/10463283.2020.1827628
18. Kleef G. van, Gelfand M., Jetten J. The dynamic nature of social norms: new perspectives on norm development, impact, violation, and enforcement // Journal of Experimental Social Psychology. 2019. Vol. 84. Article ID 103860. 5 p. DOI: 10.1016/j.jesp.2019.05.002

19. Lahmi A., Rasyid A., Ritonga M. The role of parents in forming morality adolescents puberty in globalization era // International Journal of Future Generation Communication and Networking. 2020. Vol. 13. P. 3991–3996. URL: <https://www.researchgate.net/publication/348355178>
20. Molho C., Tybur J.M., Van Lange P., Balliet D. Direct and indirect punishment of norm violations in daily life // Nature Communication. 2020. Vol. 11. Article ID: 3432 (2020). 9 p. DOI: 10.1038/s41467-020-17286-2
21. Montero-Carretero C., Pastor D., Santos-Rosa F.J., Eduardo Cervello E. School climate, moral disengagement, and empathy as predictors of bullying in adolescents // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. Article ID 656775. 11 p. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.656775
22. Sobral R., Fraguera J. Moral reasoning in adolescent offenders: A meta-analytic review // Psicothema. 2018. Vol. 30, No. 3. P. 289–294. DOI: 10.7334/psicothema2017.378
23. Strom I.F., Thoresen S., Wentzel-Larsen T. et al. Violence, bullying and academic achievement: A study of 15-year-old adolescents and their school environment // Child Abuse and Neglect. 2013. Vol. 37, No. 4. P. 243–251. DOI: 10.1016/j.chiabu.2012.10.010
24. Vega A., Cabello R., Megías-Robles A., Gómez-Leal R., Pablo Fernández-Berrocal P. Emotional intelligence and aggressive behaviors in adolescents: A systematic review and meta-analysis // Trauma, Violence, & Abuse. 2021. P. 1173–1183. DOI: 10.1177/1524838021991296
25. Zulfiqar N. Association between severity of adolescents' peer problems and moral judgment development // Pakistan Journal of Psychological Research. 2020. Vol. 35, No. 1. P. 23–35. DOI: 10.33824/PJPR.2020.35.1

DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-61-3-356>

IDEAS OF ADOLESCENTS ABOUT THE CRITERIA OF NORMATIVE ASSESSMENT

N.V. Lukyanchenko (Krasnoyarsk, Russia)

L.S. Zakharova (Krasnoyarsk, Russia)

M.I. Alikin (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem and purpose. Despite the expressed public and scientific interest in the specifics of the life of young people in a changing world and the declared readiness to understand their own guidelines, the ideas of modern adolescents about the criteria for normative assessment have not received due research attention. In this regard, a study was made of ideas about the criteria for normative assessment of adolescents with different experience of interaction with normative regulators accepted in society.

The research methodology is based on understanding of positive (priority) and negative (delinquency and deviance) boundaries as key determinants of the norm. The questionnaire method revealed adolescents' ideas about how they themselves, their peers and adults determine the criteria for unacceptable and unworthy things and for a source of pride. The study sample consisted of 260 respondents: female and male adolescents, students of urban secondary schools; female adolescent – victims of sexual violence; male adolescents who have committed unlawful acts of violent nature; female students of a closed educational institution.

Research results. The questionnaire survey made it possible to determine the main categories of evaluation criteria used by adolescents: "Criminal potential", "Personal weakness/resource", "Ethics", "Relationships", "Social failure/success". When analyzing the results of the study, trends were identified that characterize the sample as a whole and each of the groups of respondents in terms of the ratio of evaluation criteria for different categories. General trends: the least subjective understanding for adolescents of opinions about the criteria for normative evaluation of peers in comparison with the opinions of adults and friends. Evaluation of one's position as more intolerant than the positions of other subjects in relation to criminogenic actions; the priority of the representation of the category "Criminal potential" in the assessment of the unworthy, the category "Ethics" in the assessment of the unacceptable and the category "Social Success" in the assessment of the subject of pride; lower representation of the categories "Relationships" and "Personal weakness/resourcefulness" than in the specialized priority categories in all gradations of normative assessment. Trends that characterize the views of certain groups of respondents: among male adolescents who have committed unlawful acts of violent nature, the criteria of the "Ethics" category are presented much more heavily than among other adolescents, and manifestations of a positive attitude are a priority for pride; in the views of female adolescents who have been victims of sexual violence, social success as a basis for pride is represented more than in other adolescents, the positive pole of the category "Personal weakness / resourcefulness" is completely absent in the criteria for normative assessment, and the criteria for the category "Ethics" are absent in the characteristics of one's own opinion and the opinion of peers about a source of pride. Female students of a closed educational institution think they understand the opinions of different subjects about what is unacceptable, and these opinions are of a similar nature. Social success as a source of pride is important for them much more than for others, and failure is not considered either by the students themselves or people around them as something unacceptable.

Conclusion. The results of the study open up prospects for the development of psychologically based technologies for dialogue with modern adolescents.

Keywords: *adolescents, social norms, normative assessment criteria, ideas.*

Lukyanchenko Natalya V. – PhD (Psychology), Associate Professor, Head of Department of Psychology and Pedagogy, Institute of Social Engineering, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); Scopus Author ID 57218951114; ORCID ID 0000-0003-2813-9461; e-mail: Luk.nv@mail.ru

Zakharova Lidiya S. – Head of the Department of Psychological and Pedagogical Assistance, KGBU SB "Regional Center for Family and Children", (Krasnoyarsk, Russia); ORCID ID 0000-0002-4229-6132; E-mail: zls-24@mail.ru

Alikin Mark I. – PhD Candidate, Department of Psychology and Pedagogy, Institute of Social Engineering, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); Scopus Author ID 57218956484; ORCID ID 0000-0003-0737-4454; e-mail: pm2486@mail.ru

---

References

1. Avdulova T.P., Ukhanova D.P. Ideas about justice and parenting styles as a factor in the moral development of adolescents // *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* (Social Psychology and Society). 2018. Vol. 9, No. 2. P. 81–92. DOI: 10.17759/sps.2018090206
2. Bekker G. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. Moscow: Elementarnye formy, 2018. 272 p.
3. Bobneva M.I. *Social norms and regulation of behavior*. Moscow: Nauka, 1978. 312 p.
4. Zakharova L.S., Lukyanchenko N.V. Estimated representations of modern adolescents. In: Proceedings of the International scientific and practical conference “Psychology in the system of social and production relations” (April 20, 2019, Krasnoyarsk). Krasnoyarsk: SibGU im. M.F. Reshetnev, 2019. P. 5–9.
5. Kozhukhar G.S. Phenomenology of different forms of psychological violence in the youth environment: foreign studies // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* (Psychological Science and Education psyedu.ru). 2014. Vol. 6, No. 2. P. 230–245. DOI: 10.17759/psyedu.2014060220
6. Kondratiev M.Yu. *Social psychology of closed educational institutions*. St. Petersburg: Piter, 2005. 299 p.
7. Molchanov S.V., Almazova O.V., Pryazhnikov N.S. The relationship between the methods of moral self-justification of a person with a tendency to take risks in adolescence // *Psikhologicheskie issledovaniya* (Psychological research). 2020. Vol. 13, No. 74. P. 3. URL: <http://psystudy.ru>. DOI: 10.54359/ps.v13i74.162
8. Nurmukhametov E.A. To the question of the normative behavior of a teenager in the conditions of school education // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* (Psychological Science and Education psyedu.ru). 2013. Vol. 5, No. 4. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65844.shtml
9. Polivanova K.N. Childhood in a changing world // *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* (Modern Foreign Psychology). 2016. Vol. 5, No. 2. P. 5–10. DOI: 10.17759/jmfp.2016050201
10. Sobkin V.S., Kalashnikova E.A. Features of intergenerational differences in the life position of adolescents // *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* (Social Psychology and Society). 2019. Vol. 10, No. 3. P. 19–39. DOI: 10.17759/sps.2019100302
11. Tikhonova A.D., Dvoryanchikov N.V., Ernst-Vintila A., Bovina I.B. Radicalization in the adolescent and youth environment: in search of an explanatory scheme // *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya* (Cultural and Historical Psychology). 2017. Vol. 13, No. 3. P. 32–40. DOI: 10.17759/chp.2017130305
12. Khlomov K.D. A teenager at the crossroads of life’s roads: socialization, analysis of factors of change in the development environment // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* (Psychological Science and Education psyedu.ru). 2014. No. 1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Hlomov.phtml>
13. Eriksson K. [et al.] Perceptions of the appropriate response to norm violation in 57 societies // *Nature Communication*. 2021. Vol. 12. Article ID 1481. 11 p. DOI: 10.1038/s41467-021-21602-9
14. Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69, No. 3. P. 495–517. DOI: 10.1111/josi.12026
15. Gomila R., Paluck E.L. The social and psychological characteristics of norm deviants: A field study in a small cohesive university campus // *Journal of Social and Political Psychology*. 2020. Vol. 8, No. 1. P. 220–245. DOI: 10.5964/jspp.v8i1.1134
16. Gould D., Nalepa J., Mignano M. Coaching Generation Z // *Athletes, Journal of Applied Sport Psychology*. 2020. Vol. 32, No. 1. P. 104–120. DOI: 10.1080/10413200.2019.1581856
17. Hogg M.A. Uncertain self in a changing world: A foundation for radicalisation, populism, and autocratic leadership // *European Review of Social Psychology*. 2021. Vol. 32. P. 235–268. DOI: 10.1080/10463283.2020.1827628
18. Kleef G. van, Gelfand M., Jetten J. The dynamic nature of social norms: new perspectives on norm development, impact, violation, and enforcement // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2019. Vol. 84. Article ID 103860. 5 p. DOI: 10.1016/j.jesp.2019.05.002

19. Lahmi A., Rasyid A., Ritonga M. The role of parents in forming morality adolescents puberty in globalization era // *International Journal of Future Generation Communication and Networking*. 2020. Vol. 13. P. 3991–3996. URL: <https://www.researchgate.net/publication/348355178>
20. Molho C., Tybur J.M., Van Lange P., Balliet D. Direct and indirect punishment of norm violations in daily life // *Nature Communication*. 2020. Vol. 11. Article ID: 3432 (2020). 9 p. DOI: 10.1038/s41467-020-17286-2
21. Montero-Carretero C., Pastor D., Santos-Rosa F.J., Eduardo Cervello E. School climate, moral disengagement, and empathy as predictors of bullying in adolescents // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article ID 656775. 11 p. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.656775
22. Sobral R., Fraguera J. Moral reasoning in adolescent offenders: A meta-analytic review // *Psicothema*. 2018. Vol. 30, No. 3. P. 289–294. DOI: 10.7334/psicothema2017.378
22. Strom I.F., Thoresen S., Wentzel-Larsen T. et al. Violence, bullying and academic achievement: A study of 15-year-old adolescents and their school environment // *Child Abuse and Neglect*. 2013. Vol. 37, No. 4. P. 243–251. DOI: 10.1016/j.chiabu.2012.10.010
24. Vega A., Cabello R., Megías-Robles A., Gómez-Leal R., Pablo Fernández-Berrocal P. Emotional intelligence and aggressive behaviors in adolescents: A systematic review and meta-analysis // *Trauma, Violence, & Abuse*. 2021. P. 1173–1183. DOI: 10.1177/1524838021991296
25. Zulfiqar N. Association between severity of adolescents' peer problems and moral judgment development // *Pakistan Journal of Psychological Research*. 2020. Vol. 35, No. 1. P. 23–35. DOI: 10.33824/PJPR.2020.35.1

УДК 159.9

ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНЫХ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ В ПРОЦЕССЕ ГРУППОВОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ ТЕХНИК

М.В. Сафонова (Красноярск, Россия)

Ю.Н. Желонкина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. Жизнь в современных реалиях динамична и противоречива, молодым людям постоянно приходится преодолевать разного рода сложности (возрастные кризисы, выбор профессионального пути и его становление, межличностные отношения, вопросы, связанные с финансами, повседневные бытовые стрессы и др.). В период пандемии для российской молодежи существенными факторами стали страх заражения себя и близких; опасность (недоверие к системе здравоохранения) [Козлова, Костригин, 2020].

Условия современной жизни только подчеркивают актуальность проблемы совладающего поведения. В ситуации когда общий уровень напряжения и стресса достаточно высок, важно оказывать молодым людям психологическую помощь в формировании разнообразных и эффективных копинг-стратегий. Мы считаем целесообразным применять для решения этой задачи групповую работу, которая позволяет охватить сразу достаточное количество участников, обеспечивает поддержку и обмен опытом, что важно для молодых людей. Для того чтобы групповые консультации были действенными, важно понимать проблемное поле совладающего поведения, актуальные и потенциальные запросы на психологическую помощь со стороны молодых людей. Мы считаем, что один из путей решения этой задачи – изучение и нахождение действенных и эффективных техник и приемов психологической помощи в формировании копинг-стратегий у молодых людей.

Цель статьи – представить результаты формирующего эксперимента, динамику выбора копинг-стратегии у молодых людей после проведенной групповой работы с применением арт-терапевтических техник.

Методологическую основу исследования составили идеи зарубежных психологов в области изучения копинг-стратегий: Л. Мэрфи, Р. Лазарус, С. Фолкман, Дж. Амирхан, Е. Хэйм, Э. Скиннер и др. Идеи отечественных исследователей в области изучения копинг-стратегий: Л.И. Анцыферова, Н.Е. Водопьянова, В.А. Бодров, С.К. Нартова-Бочавер, Е.В. Битюцкая, Т.Л. Крюкова, Е.И. Рассказова, Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин и др., – а также отечественные исследования в области изучения арт-терапии: А.И. Копытин, М.В. Киселева, Е.А. Медведева, Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева, Е.В. Тарарина и др.

В исследовании приняли участие студенты в возрасте от 18 до 28 лет в количестве 30 человек. В качестве диагностического инструментария выбраны опросник «Копинг-стратегии» Ричарда Лазаруса и опросник «Соре» (Е.И. Рассказова, Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин). В формирующем эксперименте (групповое консультирование) участвовали респонденты в количестве 10 человек.

Результаты. В данной выборке снизился уровень напряженности копинг-стратегии «Конфронтация». Произошло снижение высокого уровня напряженности по копинг-стратегиям «Самоконтроль», когда преодоление проблемы происходит за счет подавления и сдерживания эмоций, и стратегии «Бегство-избегание», когда человек уклоняется от проблемы, отрицая ее. Можно выделить, что среди эмоциональных копингов увеличился выбор стратегии «оптимизм», среди поведенческих – «сотрудничество», среди когнитивных – «относительность».

Заключение. Полученные данные и их анализ позволяют говорить о важности и актуальности темы совладания со стрессом. Программа групповых консультаций, включающая арт-терапевтические техники, способствует формированию разнообразных копинг-стратегий поведения, обеспечивающих результативное совладание со стрессом. Полученные изменения дают основания продолжать исследование в данном направлении.

Ключевые слова: копинг-стратегии, совладающее поведение, молодые люди, арт-терапия, групповое консультирование.

Сафонова Марина Вадимовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии начального образования факультета начальных классов, КГПУ им. В.П. Астафьева; SPIN-код: 8787-9993; AuthorID: 430620; ORCID: 0000-0002-7925-274X; e-mail: marina.safonova@mail.ru

Желонкина Юлия Николаевна – магистрант факультета начальных классов, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: juliazhelon8@mail.ru

Постановка проблемы. Человек ежедневно учится взаимодействовать с миром. Это взаимодействие может быть достаточно гармоничным, вызывать положительные эмоции, а может приводить к конфликтам, напряжению, стрессовым и кризисным ситуациям. Взаимодействие с миром происходит по определенным правилам поведения в различных ситуациях, они могут быть заложены в культуре и сформированы личным опытом. Выбор стратегий выхода из стрессовых ситуаций зависит от ресурсов, которыми обладает человек: знания, жизненный опыт, способности, здоровье, творчество, социальная поддержка и т.п.

В зарубежной и отечественной психологии активно изучается поведение, направленное на преодоление трудностей, и проводятся исследования, посвященные анализу копинг-стратегий или «coping behavior» (совладающее поведение) [Човдырова, Пяткина, 2021; Альперович, 2020; Михайлова, 2018; Суховой и др., 2018; Хотинец, Коробейникова, 2016]. Интерес к таким стратегиям поведения проявился относительно недавно, в конце XX в., и, несмотря на это, в изучении копинг-стратегий уже сформировались и сложились научные подходы.

Согласно мнению Р. Лазаруса и С. Фолкмана, совладающее поведение – это «...постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия, прилагаемые человеком для того, чтобы справиться со специфическими внешними и/или внутренними требованиями, которые чрезмерно напрягают или превышают ресурсы человека» [Lazarus, Folkman, 1984].

Современные зарубежные авторы, изучающие совладающее поведение, рассматривают данную проблему в различных аспектах, в том числе гендерном [Graves et al., 2021]. Как в России, так и в других странах появились исследования копинг-стратегий, применяемых молодыми

людьми во время пандемии [Fluharti, Funcourt, 2021; El-Mon cher et al., 2022]. Г. Аскарлова и Э.З. Усманова отмечают, что совладание может идти по трем направлениям: преодоление трудностей, уменьшение отрицательных последствий или избегание этих трудностей [Аскарлова, Усманова, 2021]. Е.В. Битюцкая, М.Л. Мельников, И.В. Чебыкина указывают на отличия копинг-стратегий и психологической защиты [Мельникова, Чебыкина 2020; Битюцкая, 2011; 2014]. Изучаются копинг-стратегии подростков и юношей, связанные с обучением [Хломов и др., 2020]. Анализируя копинг-стратегии молодых людей, Е.В. Сухова рассматривает асоциальные стратегии и их последствия [Сухова, 2014]. Т.Л. Крюкова отмечает ряд субъектных характеристик как главный отличительный признак совладающего поведения [Крюкова, 2008].

В настоящее время существует большое разнообразие классификаций копинг-стратегий у разных авторов: проблемно-фокусированные и эмоционально-фокусированные стратегии (Р. Лазарус, С. Фолкман), три группы копинг-стратегий: первая – это поиск социальной поддержки, вторая – разрешение проблем и третья – избегание (Дж. Амирхан), классификация «семейства копингов» [Skinner, Edge, 2002] и др.

Главная задача совладания – обеспечить человеку психологическую адаптацию к ситуации, решение проблемы или восстановление психологического благополучия. В разнообразном спектре копинг-стратегий можно выделить те, которые способствуют успешному преодолению трудной ситуации, возвращению к оптимальному физическому и психоэмоциональному состоянию (поиск социальной поддержки, сотрудничество, поиск решения проблемы). Ряд копинг-стратегий можно рассматривать как дезадаптивные, приводящие к снижению психологического и физического благополучия человека: прием

Таблица 1

Критерии совладания со стрессовой ситуацией в поведении субъекта

Table 1

Criteria for coping with a stressful situation in the behavior of a subject

Критерий	Характеристика
Осознанность	Человек осознает совладающее поведение и выбирает тот или иной способ действий в стрессовой ситуации. Осознанное поведение отличается от реактивного и защитного поведения
Контролируемость	Способствует устранению, трансформации или приспособлению к трудной ситуации
Неразрывная связанность и направленность на трудную (стрессовую) ситуацию	Адекватность ситуации, моменту времени (своевременность)
Регуляция уровня стресса	Человек способен самостоятельно регулировать уровень стресса, прибегая для этого к определенным техникам
Значимость	Последствия выбора такого поведения важны для психологического благополучия субъекта
Социально-психологическая обусловленность совладания	Принадлежность как к индивидуальному, так и групповому субъекту
Возможность обучения этому виду поведения	Подготовка, «закаливание» перед жизненными трудностями

алкоголя, наркотиков, самоповреждающие реакции (например, выдергивание волос, кусание ногтей), они могут давать временное облегчение состояния стресса, но в долговременной перспективе ведут к повышению уровня депрессии, тревоги, ухудшению состояния здоровья.

По мнению С.А. Хазовой, стиль совладающего поведения активно формируется в юношеском возрасте, на начальном этапе взросления. При этом основным критерием, по которому копинг-стратегии присваиваются личностью, является их эффективность в решении тех или иных проблемных ситуаций [Хазова, 2013].

Для работы над формированием и развитием адаптивных копинг-стратегий авторы используют различные технологии. Например, Т.И. Аврамова в русле концепции гештальт-подхода (гештальттренинг) использует конгруэнтный, аутентичный профессиональный диалог психолога с членами группы как средство повышения использования продуктивных копингов и снижение использования непродуктивных. С.А. Лякина предлагает применять для формирования копинг-стратегий когнитивно-поведенческую терапию, игровую терапию и элементы психодрамы. Основным средством работы над формированием адаптивных копинг-

стратегий поведения у О.Н. Ежовой является социально-психологический тренинг, направленный на развитие саногенного мышления, интеграцию личностных особенностей, коррекцию психических состояний с помощью медитативных техник [Аврамова, 2018; Лякина, 2019; Ежова¹, 2003].

Мы придерживаемся позиции, что большой потенциал при формировании эффективных копинг-стратегий у молодежи имеет психологическое консультирование, а именно групповое консультирование с применением арт-терапевтических техник (изотерапия, мандалотерапия, сказкотерапия, метафорические ассоциативные карты) [Будрина, 2020; Тереньева, 2018; Тарарина, 2017; Копытин, 2014; Зинкевич-Евстигнеева, 2006].

Общение в группе – естественная потребность молодых людей. В рамках группы происходит самопознание, сообщается новая информация, расширяется репертуар копинг-стратегий,

¹ Ежова О.Н. Формирование у педагогов адаптивных копинг-стратегий поведения как условие сохранения и поддержания их психического здоровья: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Самар. гос. пед. ун-т. Самара, 2003. 28 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovaniye-u-pedagogov-adaptivnykh-koping-strategii-povedeniya-kak-uslovie-sokhraneniya-i->

гармонизируется эмоциональное состояние, нормализуется уровень психологического благополучия. Группа предоставляет возможность обсуждения актуальных проблем, связанных со стрессом, тревогой, сложной жизненной ситуацией. Группа представляет собой защищенное, вполне реальное поле деятельности, где можно воссоздавать ситуации из жизни, проектировать себя и свой жизненный путь.

Выбор арт-терапевтических техник как основного инструмента работы обусловлен тем, что их применение позволяет смоделировать, пережить, осознать стрессовую ситуацию, проблеме в экологичной и безопасной форме. Приемы арт-терапии позволяют погрузиться в проблему настолько, насколько человек сам готов ее пережить [Терентьева, 2018].

В ходе занятий арт-терапией молодые люди получают возможность отвлечься от свойственных им переживаний, могут «взглянуть» на свои чувства, отраженные в рисунках или глине, либо в любом другом виде декоративно-прикладного творчества, со стороны, рассказать, переработать и переосмыслить свой опыт. Благодаря тому что при работе с арт-терапевтическими техниками сочетаются вербальные и невербальные способы работы, укрепляется свое «Я» и эффективность психологического воздействия повышается. Терапия искусством позволяет молодежи ощутить и раскрыть внутренние ресурсы, справиться со своими возрастными изменениями, «нелегким» характером [Будрина, 2020].

Для успешной адаптации и результативной деятельности в нашем нестабильном мире важно, чтобы молодые люди могли понять, осознать, структурировать и принять сложные социальные, экономические, технологические условия жизни. На основе сложившейся субъективной картины мира осуществляется регуляция собственного поведения и деятельности, поэтому так важно, чтобы картина мира была реалистичной и лабильной, допускала включение новых элементов. Формирование поведенческих, когнитивных, эмоциональных копинг-стратегий можно назвать эффективным средством, которое помогает молодому человеку поддержи-

вать стабильность в кризисных ситуациях и быть способным справляться с различными стрессовыми жизненными обстоятельствами.

Методы и материалы исследования. В качестве методов исследования были выбраны опросник «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса, опросник «Копинг-механизмы» Э. Хейма, опросник «Соре» (Е.И. Рассказова, Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин), опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко). Выборку исследования составили молодые люди в возрасте от 18 до 28 лет, студенты Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета в количестве 30 человек. В качестве диагностического инструментария выбраны опросник «Копинг-стратегии» Ричарда Лазаруса и опросник Соре (Е.И. Рассказова, Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин). В формирующем эксперименте (групповое консультирование) участвовали респонденты в количестве 10 человек. В качестве статистических методов использовались сравнение средних, сравнение выборок, Т-критерий Вилкоксона для оценки сдвига различий.

Обсуждение результатов. Констатирующий эксперимент показал, что респонденты используют разнообразные копинг-стратегии (дистанцирование, самоконтроль, конфронтация, принятие ответственности, бегство-избегание, поиск социальной поддержки, планирование решения проблемы и положительная переоценка), но имеют разный уровень их напряженности, т.е. адаптивный и неадаптивный варианты копинга, а также уровень пограничного состояния.

Для оказания помощи в формировании эффективных копинг-стратегий нами была разработана и проведена программа групповых консультаций, целью которой является формирование разнообразных и эффективных копинг-стратегий.

Программа групповых консультаций направлена на решение четырех основных задач: стабилизировать эмоциональное состояние молодых людей; помочь овладеть способами саморегуляции; повысить уровень сформирован-

ности и адаптивности копинг-стратегий у молодых людей; повысить уровень психологического благополучия. Программа включает 10 консультаций и состоит из следующих блоков: стабилизация текущего состояния, анализ жизненных сфер, работа над формированием разнообразных и эффективных копинг-стратегий, ресурсная поддержка, целеполагание, гармонизация эмоционального состояния.

Для работы были выбраны арт-терапевтические техники, работа с метафорическими ассоциативными картами, медитативные и дыхательные техники. Например, на этапе представления себя была использована техника работы с метафорическими ассоциативными картами «Какой Я?», направленная на актуализацию внутренних противоречий и ресурсов. Участникам предлагалось из предложенных карт-трафаретов выбрать сосуд, чем-то похожий на себя, и рассказать о нем. Затем из карт-фонов предлагалось выбрать наполнение сосуда и ответить на вопросы: «Как ты себя чувствуешь с таким наполнением? Чем еще ты хотел наполнить свой сосуд? На что в твоей жизни это похоже?». Такая техника позволяет участникам не только проговорить свои переживания, но и найти ресурсы для решения проблемы, ответы на волнующие их вопросы.

Одним из методов, применяемых в ходе группового консультирования, стала мандала-

терапия, описанная еще К.Г. Юнгом. Мандала представляет собой рисунок или образ в круге, несет смысл определенного «контейнера», в который можно поместить любые эмоции, состояния, переживания, а благодаря наличию плотных границ мандалы, эмоции выгружаются и остаются в круге. Мандала позволяет выплеснуть переживания в безопасную фигуру (круг) на бумаге и в то же время актуализирует и балансирует их, помогает быстро справиться с негативными эмоциями. Участники консультаций создавали свои мандалы, выражая свое состояние, чаще всего это выглядело как хаотичная штриховка, спирали, разные линии.

Помимо изотерапии и метафорических карт, в программе групповых консультаций применялся такой подход к медитации, как майндфулнесс. Майндфулнесс – это эффективная практика, которая помогает справиться с потоком навязчивых переживаний, развивает навыки осознанности, помогает регулировать стресс и мыслить более позитивно. Также на консультациях были реализованы техники «колесо жизненного баланса», коллаж, создание комфортного и безопасного места, дыхательные упражнения, обсуждение притч, коллективная сказка, навыки совладания, ресурсные техники (письменные, арт-терапевтические, с метафорическими ассоциативными картами) и др.

Таблица 2

Распределение респондентов по уровням копинга до и после формирующего эксперимента по методике Р. Лазаруса, %

Table 2

Distribution of respondents by coping levels before and after the formative experiment according to the method of R. Lazarus, %

№	Копинг-стратегии	Уровень до			Уровень после		
		низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий
1	Конфронтация	10	80	10	20	70	10
2	Дистанцирование	0	80	20	0	80	20
3	Самоконтроль	0	30	70	0	60	40
4	Поиск социальной поддержки	0	70	30	0	80	20
5	Принятие ответственности	40	60	0	40	60	0
6	Бегство-избегание	10	10	80	10	50	40
7	Планирование решения проблемы	0	50	50	0	60	40
8	Положительная переоценка	0	30	70	0	60	40

После проведения формирующего эксперимента анализ результатов по методике «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса показал увеличение количества респондентов с низким уровнем напряженности по копинг-стратегии «конфронтация». Уменьшилось количество респондентов с высоким уровнем напряженности по копинг-стратегиям «самоконтроль», «поиск социальной поддержки», «бегство-избегание», «планирование решения проблемы», «положительная переоценка», что говорит о снижении у них уровня

напряженности по данным стратегиям. После формирующего эксперимента максимальное количество респондентов, у которых снизился уровень напряженности, наблюдается по копингам «бегство-избегание», «самоконтроль», «положительная переоценка». Такие изменения потенциально благоприятно сказываются на психологическом благополучии молодых людей, так как способствуют появлению нового взгляда и нового мнения испытуемых на некоторые аспекты собственной жизни.

Таблица 3

Распределение респондентов по видам копинга до и после формирующего эксперимента по методике Э. Хейма, %

Table 3

Distribution of respondents by types of coping before and after the forming experiment according to the method of E. Heim, %

Копинг-стратегии Варианты копинг-поведения	До			После		
	Когнитивные	Эмоциональные	Поведенческие	Когнитивные	Эмоциональные	Поведенческие
Адаптивные	30	60	30	30	80	30
Неадаптивные	30	40	20	0	10	10
Относительно адаптивные	40	0	50	70	10	60

После проведения формирующего эксперимента повторное прохождение методики «Копинг-механизмы» Э. Хейма показало, что среди когнитивных копинг-механизмов увеличился выбор относительно адаптивных, среди которых чаще выбирается механизм «относительность» – это форма поведения, направленная на оценку трудностей по сравнению с другими. Выбор неадаптивных копинг-стратегий соответственно уменьшился.

Увеличилось количество респондентов, выбирающих адаптивные варианты среди эмоциональных копинг-механизмов. Чаще всего таким копинг-механизмом является «оптимизм», который говорит об уверенности, что выход есть в любой ситуации, даже достаточно сложной.

Среди поведенческих механизмов стало больше относительно адаптивных вариантов: «отвлечение» – погружение в любимое дело – сохранилось на прежнем уровне, добавилось «сотрудничество» как адаптивный вариант, данное

поведение говорит о том, что личность вступает в сотрудничество со значимыми и более опытными людьми, ищет поддержки в социальном окружении, а также может сама предлагать поддержку близким людям в преодолении трудностей.

Методика «Соре» показывает количество и разнообразие репертуара копинг-стратегий, которые свойственны и выбираемы испытуемыми. Анализируя результаты по данной методике, мы констатируем, что наиболее предпочитаемыми у молодых людей остаются «позитивное переформулирование и личностный рост» и «активное совладание». Выбирают меньше или не выбирают совсем копинги «обращение к религии» и «использование “успокоительных”».

Количество копинг-стратегий, по которым наблюдаются изменения, шесть. Участники групповых консультаций реже стали выбирать стратегию «поведенческий уход от проблемы», увеличилось число участников, выбирающих такие виды копинга, как «использование эмоциональной

Таблица 4

**Распределение респондентов по выбираемым копинг-стратегиям
до и после формирующего эксперимента
по методике Е.И. Рассказовой, Т.О. Гордеевой, Е.Н. Осина, %**

Table 4

**Distribution of respondents according to the chosen coping strategies
before and after the forming experiment according
to the methodology of E.I. Rasskazova, T.O. Gordeeva, E.N. Osina, %**

№	Копинг-стратегии	Выбор стратегий							
		Нет		Изредка		Иногда		Часто	
		до	после	до	после	до	после	до	после
1	Позитивное переформулирование и личностный рост	0	0	10	10	50	50	40	40
2	Мысленный уход от проблемы	0	0	60	60	40	40	0	0
3	Концентрация на эмоциях и их активное выражение	0	0	60	60	40	40	0	0
4	Использование инструментальной социальной поддержки	0	0	60	60	30	30	10	10
5	Активное совладание	0	0	10	10	60	40	30	50
6	Отрицание	20	20	60	60	20	20	0	0
7	Обращение к религии	70	70	20	20	0	0	10	10
8	Юмор	10	0	40	30	20	20	30	50
9	Поведенческий уход от проблемы	30	40	60	50	10	10	0	0
10	Сдерживание	0	0	60	60	40	40	0	0
11	Использование эмоциональной социальной поддержки	10	10	50	40	30	30	10	20
12	Использование «успокоительных»	60	60	30	40	10	0	0	0
13	Принятие	0	0	30	20	50	60	20	20
14	Подавление конкурирующей деятельности	0	0	60	50	40	50	0	0
15	Планирование	0	0	0	10	100	90	0	0

социальной поддержки», т.е. молодые люди показывают желание найти эмоциональную, моральную поддержку, понимание и сочувствие в процессе решения проблемной или стрессовой ситуации. Чаще стала применяться копинг-стратегия «юмор», которая, по мнению целого ряда ученых (А. Маслоу, Г. Олпорт, Л.С. Выготский), способствует снижению стресса, разрядке обстановки в напряженной или кризисной ситуации, снятию сверхзначимости произошедших событий для их адекватного осмысления.

Копинг-стратегию «Принятие» выбирают после формирующего эксперимента на 10 % больше испытуемых, что может быть связано с пониманием необходимости принятия реальности произошедшего в стрессовой ситуации. Тоже можно сказать и о копинге «Подавление

конкурирующей деятельности», его также выбирают на 10 % больше респондентов, можно предположить появление нового взгляда у испытуемых на отвлечение другими видами активности в пользу избегания такого отвлечения и концентрации на стрессовой ситуации с тем, чтобы активнее справиться с ней.

Копинг-«планирование» до формирующего эксперимента «иногда» использовали все испытуемые, после проведения занятий их число уменьшилось на 10 %, и испытуемые делают выбор этого копинга «изредка». Можно отметить, что по группе испытуемых наблюдается снижение уровня напряженности по копингу «планирование решения проблемы» (Методика Лазаруса) после формирующего эксперимента у 20 % испытуемых.

Таблица 5

**Распределение респондентов по уровням копинга
до и после формирующего эксперимента по методике К. Рифф, %**

Table 5

**Distribution of respondents by coping levels
before and after the forming experiment according to the C. Riff method, %**

№	Шкала психологического благополучия	До		После	
		Низкий	Высокий	Низкий	Высокий
1	Позитивные отношения	20	20	10	30
2	Автономия	20	20	10	20
3	Управление средой	20	20	20	20
4	Личностный рост	20	10	10	30
5	Цели в жизни	20	10	20	30
6	Самопринятие	20	40	20	40
7	Психологическое благополучие	20	80	20	80

На данном этапе методика проводилась повторно с целью выявления изменений уровней шести основных компонентов модели психологического благополучия, в которую входят «Автономия», «Управление средой», «Личностный рост», «Позитивные отношения с другими», «Самопринятие», «Цели в жизни».

Анализируя результаты, можно констатировать, что не изменились показатели по двум составляющим («Управление средой», «Самопринятие»), а также по общей шкале психологического благополучия. Увеличение испытуемых с высоким уровнем наблюдается по четырем шкалам. По шкале «Позитивные отношения» увеличение испытуемых с высоким уровнем на 10 % указывает на переосмысление испытуемыми своих отношений с другими, необходимости компромиссов для поддержания и укрепления связей с окружающими, молодые люди понимают, что человеческие отношения строятся на взаимных уступках, они способны сопереживать, допускают наличие привязанностей и близких отношений.

По шкале «Автономия» респондентов с низким уровнем стало на 10 % меньше после проведения занятий. Изменения могут быть связаны с новым пониманием того, как можно самостоятельно регулировать свое поведение, уметь оценить себя в соответствии с личными критериями.

По шкале «Личностный рост» испытуемых с высоким уровнем стало на 20 % больше после формирующего эксперимента и уменьшилось

на 10 % испытуемых с низким уровнем. Это свидетельствует о том, что участники консультаций воспринимают себя «растущими», идущими по пути самореализации людьми, открытыми новому опыту, реализовывают свой потенциал, ощущают способность устанавливать новые отношения.

По шкале «Цели в жизни» число респондентов с высоким уровнем увеличилось на 20 %. Это говорит о том, что испытуемые имеют намерения и цели, считают, что прошлая и настоящая жизнь имеет смысл.

Изменение по шкалам компонентов психологического благополучия указывает на появление нового взгляда и нового мнения испытуемых на некоторые аспекты собственной жизни. По-новому происходят прочтение высказываний, предложенных в методике, и выбор соответствующего отношения «согласен», «не согласен» и др. Можно предположить, что появившееся во внутреннем плане новое знание перейдет во внешний план в последующих жизненных ситуациях.

Согласно расчету Т-критерия Вилкоксона, между показателями уровня сформированности копинг-стратегий в экспериментальной группе до и после формирующего эксперимента на 95 % вероятности интенсивность сдвигов в типичном направлении превышает интенсивность сдвигов в нетипичном направлении, следовательно, групповое психологическое консультирование явилось действенным инструментом психологической помощи.

Выводы

1. Молодые люди для совладания с трудными, вызывающими стресс и напряжение ситуациями используют разнообразные копинг-стратегии, как помогающие справиться с проблемой (самоконтроль, принятие ответственности, поиск социальной поддержки, планирование решения проблемы и положительная переоценка, активное совладание, юмор, подавление конкурирующей деятельности), так и менее результативные, приносящие временное облегчение, но не решающие проблему (дистанцирование, конфронтация, прием успокоительных, уход от проблемы). Используемые стратегии имеют разный уровень напряженности, т.е. адаптивный и неадаптивный варианты копинга, а также уровень пограничного состояния. В целом можно говорить о недостаточно сформированных у молодых людей стратегиях эффективного совладания со стрессом, что негативно сказывается на их психологическом благополучии и способности решать жизненные задачи.

2. Хорошим потенциалом в решении проблемы формирования копинг-стратегий у молодежи обладает групповое психологическое консультирование с применением техник арт-терапии. Общение в группе удовлетворяет потребность в общении, поддержке, способствует обмену опытом, информация, получаемая в ходе обсуждения актуальных проблем, связанных со стрессом, тревогой, сложной жизненной ситуацией, благодаря динамичности процесса

групповой работы усваивается лучше, расширяется репертуар копинг-стратегий, гармонизируется эмоциональное состояние, нормализуется уровень психологического благополучия. Применение арт-терапевтических техник как основного инструмента работы позволяет смоделировать, пережить, осознать стрессовую ситуацию, проблему в экологичной и безопасной форме.

3. Исследование показало, что групповое консультирование с применением арт-терапевтических техник оказывает благоприятное влияние на формирование копинг-стратегий поведения у молодых людей. Нами разработана программа и получены результаты, указывающие на положительную динамику процессов совладания. Расширился репертуар совладающего поведения за счет копинг-стратегий, позволяющих решать проблемную ситуацию (позитивное переформулирование и личностный рост, активное совладание, использование эмоциональной социальной поддержки), они используются на адаптивном уровне. Изменения по шкалам компонентов психологического благополучия указывает на появление нового взгляда и нового мнения испытуемых на некоторые аспекты собственной жизни.

Исследование может быть продолжено, в том числе в направлении изучения гендерных особенностей, которые могут быть учтены для достижения высокой результативности группового консультирования, в апробации консультативных встреч в онлайн-формате.

Библиографический список

1. Аврамова Т.И. Возможности развития копинг-стратегий у студентов средствами гештальттренинга // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-razvitiya-koping-strategiy-u-studentov-sredstvami-geshalttreninga>
2. Альперович В.Д. Копинг-стратегии субъекта в связи с образами трудной жизненной ситуации в метафорах и социальной фрустрированностью // Экспериментальная психология. 2020. Т. 11, № 3. С. 143–155. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130311>
3. Аскарлова Г., Усманова Э.З. Основные подходы к изучению копинг-стратегий в трудных жизненных ситуациях // Scientific progress. 2021. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyepodhody-k-izucheniyu-koping-strategiy-v-trudnyh-zhiznennyh-situatsiyah>
4. Битюцкая Е.В. Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2011. № 1. С. 100–110. URL: <http://psy.msu.ru/people/bityutskaya/bityutskaya2011.pdf>

5. Битюцкая Е.В. Факторная структура русскоязычной версии методики «опросник способов копинга» // Вопросы психологии. 2014. № 5. С. 138–150. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22658572>
6. Будрина Е.С. Арт-терапия в работе с молодежью // Мир науки и искусства: сб. матер. Регион. науч.-практ. конф. студ., аспирантов, учащихся и молодых ученых / Перм. гос. нац. исследов. ун-т. Пермь, 2020. С. 13–22. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/mir-nauki-i-iskusstva.pdf>
7. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Практикум по сказкотерапии. СПб.: Речь, 2006. 310 с. URL: <https://klex.ru/689>
8. Козлова Л.В., Костригин А.А. Стресс, вызванный угрозой заражения коронавирусом, и преобладающие копинг-стратегии у молодежи // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2020. № 4. С. 33–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stress-vyzvannyu-ugrozoy-zarazheniya-koronavirusom-i-preobladayushchie-koping-strategii-u-molodezhi>
9. Копытин А.И. Методы арт-терапии в преодолении последствий травматического стресса. М.: Когито-Центр, 2014. 208 с. URL: <https://klex.ru/jpz>
10. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: современное состояние, проблемы и перспективы // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2008. № 4. С. 147–153. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-sovladayuschego-povedeniya-sovremennoe-sostoyanie-problemy-i-perspektivy>
11. Лякина С.А. Формирование эффективных копинг-стратегий как фактор коррекции прокрастинации в подростковом возрасте. Белгород, 2019. 102 с. URL: http://95.167.109.86/bitstream/123456789/38025/1/Lyakina_Formirovanie_19.pdf
12. Мельникова М.Л., Чебыкина И.В. Копинг-стратегии и защитные механизмы личности студентов-педагогов // Педагогическое образование в России. 2020. № 2. С. 84–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koping-strategii-i-zaschitnye-mehanizmy-lichnosti-studentov-pedagogov>
13. Михайлова Е.С. К вопросу о копинг-стратегиях человека // Молодой ученый. 2018. № 48 (234). С. 257–258. URL: <https://moluch.ru/archive/234/54317/>
14. Сухова Е.В. Понятие «копинг-стратегии» и пример асоциальных копинг-стратегий // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 76–83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-koping-strategii-i-primer-asotsialnyh-koping-strategiy>
15. Суховой А.В., Коваленко С.В., Носов Е.Н. Копинг-ресурсы и копинг-стратегии как единая система воздействия в поведении личности // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58 (1). С. 363–367 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koping-resursy-i-koping-strategii-kak-edinaya-sistema-vozdeystviya-v-povedenii-lichnosti>
16. Тарарина Е.В. Шкатулка мастера: практикум по арт-терапии. М.: Вариант, 2017. 208 с.
17. Терентьева А.Н. Арт-терапия как копинг-стратегия в условиях экстремальной ситуации службы в органах внутренних дел // Психология и педагогика служебной деятельности. 2018. № 3. С. 71–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/art-terapiya-kak-koping-strategiya-v-usloviyah-ekstremalnoy-situatsii-sluzhby-v-organah-vnutrennih-del>
18. Хазова С.А. Копинг-ресурсы субъекта: основные направления и перспективы исследования // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2013. № 19. С. 188–191. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koping-resursy-subekta-osnovnye-napravleniya-i-perspektivy-issledovaniya>
19. Хломов К.Д., Бочавер А.А., Корнеев А.А. Копинг-стратегии и образовательная среда подростков // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 2. С. 180–199. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110211>
20. Хотинец В.Ю., Коробейникова Я.П. Психологические механизмы продуктивного копинг-поведения в проблемных коммуникативных ситуациях // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 4.

- С. 59–73. URL: https://www.researchgate.net/profile/Vera-Khotinets/publication/315511029_PSYCHOLOGICAL_MECHANISMS_OF_PRODUCTIVE_COPING-BEHAVIOR_IN_PROBLEM_COMMUNICATIVE_SITUATIONS/links/5e4baa11299bf1cdb933e326/PSYCHOLOGICAL-MECHANISMS-OF-PRODUCTIVE-COPING-BEHAVIOR-IN-PROBLEM-COMMUNICATIVE-SITUATIONS.pdf
21. Човдырова Г.С., Пяткина О.А. Копинг-стратегии личности при адаптации к стрессу // Психопедagogика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26, № 1 (84). С. 41–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koping-strategii-lichnosti-pri-adaptatsii-k-stressu>
  22. El-Mon cher A.H. et al. University students in quarantine, psychosocial consequences and coping strategies during the COVID-19 pandemic: A cross-examination in Egypt // Journal of American College Health. 2022. Vol. 70, No. 3. P. 679–690. URL: https://www.researchgate.net/publication/349736539_University_students_under_lockdown_the_psychosocial_effects_and_coping_strategies_during_COVID-19_pandemic_A_cross_sectional_study_in_Egypt
  23. Fluharti M., Fancourt D. How people coped with the COVID-19 pandemic patterns and predictors of coping strategies among adults in the UK // BMC psychology. 2021. Vol. 9, No. 1. P. 1–12. URL: <https://bmcp psychology.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40359-021-00603-9>
  24. Graves B.S. et al. Gender differences in stress perception and coping among college students // PLoS One. 2021. No. 16 (8). URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0255634>
  25. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal and coping. N.Y.: Springer Publishing Company, 1984. 460 p. URL: https://www.academia.edu/37418588/_Richard_S_Lazarus_PhD_Susan_Folkman_PhD_Stress_BookFi
  26. Skinner E.A., Edge K. Parenting, motivation, and the development of coping. Lincoln: University of Nebraska Press, 2002. P. 77–143. URL: https://www.researchgate.net/publication/11265613_Parenting_motivation_and_the_development_of_children's_coping

DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-61-3-357>

DEVELOPMENT OF EFFECTIVE COPING-STRATEGIES AMONG YOUNG PEOPLE IN THE CONTEXT OF GROUP COUNSELLING WITH THE HELP OF ART-THERAPY TECHNIQUES

M.V. Safonova (Krasnoyarsk, Russia)

Y.N. Zhelonkina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Life in the modern reality is dynamic and contradictory, young people constantly have to overcome different kinds of difficulties (age crises, choice of their professional way and its development, interpersonal relations, questions of finance, everyday life stresses, etc.). In the period of the pandemic essential factors for the Russian youth were the fear infecting themselves and their loved ones; danger (mistrust of the health care system) [Kozlova, 2020].

The conditions of modern life only emphasize the relevance of the problem of coping behavior. In a situation when the general level of tension and stress is quite high, it is important to provide psychological assistance to young people in the formation of diverse and effective coping strategies. We consider expedient to use group work to solve this problem. This helps reach a sufficient number of participants and provide support and exchange of experience that are important to young people. For group consultations to be effective, it is important to understand the problem field of coping behavior and actual and potential demands of young people for psychological aid. We believe that one of the ways to solve this problem is to study and find effective and efficacious techniques of psychological help in forming coping strategies in young people.

The purpose of the article is to present the results of the forming experiment, dynamics of the choice of coping strategy in young people after the carried out group work with application of art therapeutic techniques.

The theoretical and methodological basis of research was made by the ideas of foreign psychologists in the field of studying of coping strategies: L. Murphy, R. Lazarus, S. Folkman, J. Amirhan, E. Haim, E. Skinner, etc. Ideas of Russian researchers in the field of studying coping strategies: L.I. Antsyferova, N.E. Vodopyanova, V.A. Bodrov, S.K. Nartova-Bochaver, E.V. Bityutskaya, T.L. Kryukova, E.I. Rasskazova, T. O. Gordeeva, E.N. Osin, etc. and also Russian studies in the field of art therapy: A.I. Kopytin, M.V. Kiseleva, E.A. Medvedeva, T.D. Zinkevich-Evstigneeva, E.V. Tararina, etc..

The study involved 30 students from 18 to 28 years old. Richard Lazarus' "Coping Strategies" questionnaire and the "Cope" questionnaire (E.I. Rasskazova, T.O. Gordeeva, E.N. Osin) were chosen as diagnostic tools. Respondents, numbering 10 persons, took part in the forming-up experiment (group counseling).

Research results. Tension level of the coping strategy "Confrontation" decreased in this group. There was a decrease of a high level of tension of the coping strategies "Self-control" when overcoming of the problem occurs at the expense of suppression and restraint of emotions, and the strategy "Escape-avoidance" when the person evades the problem, denying it. It is possible to point out that among emotional coping strategies, "optimism" increased, among behavioral ones – "cooperation" increased, among cognitive ones – "relativity" increased.

Conclusion. The obtained data and their analysis allow us to speak about the importance and relevance of the topic of coping with stress. The program of group consultations, including art therapeutic techniques, promotes the formation of various coping strategies of behavior, providing effective coping with stress. The obtained changes give reasons to continue the research in this direction.

Keywords: *coping strategies, coping behavior, young people, art therapy, group counseling.*

Safonova Marina V. – PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology of Elementary Education, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); SPIN-code: 8787-9993; AuthorID: 430620; ORCID: 0000-0002-7925-274X; e-mail: marina.safonova@mail.ru

Zhelonkina Yulia N. – MA Candidate (Elementary Grades), KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: juliazhelon8@mail.ru

---

References

1. Avramova T.I. Possibilities of development of coping strategies in students by means of gestalt training // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya (Problems of Modern Pedagogical Education). 2018. No. 59 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-razvitiya-koping-strategiy-u-studentov-sredstvami-geshtaltraininga>
2. Alperovich V.D. Coping strategies of a subject in connection with images of a difficult life situation in metaphors and social frustration // Eksperimentalnaya psikhologiya (Experimental Psychology). 2020. Vol. 11, No. 3. P. 143–155. DOI: <https://doi.org/10.17759/expsy.2020130311>
3. Askarova G., Usmanova E.Z. Main approaches to the study of coping strategies in difficult life situations // Scientific Progress. 2021. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-izucheniyu-koping-strategiy-v-trudnyh-zhiznennyh-situatsiyah>
4. Bityutskaya E.V. Modern approaches to the study of coping with difficult life situations // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya (Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology). 2011. No. 1. P. 100–110. URL: <http://psy.msu.ru/people/bityutskaya/bityutskaya2011.pdf>
5. Bityutskaya E.V. Factor structure of the Russian version of the “Coping Methods Questionnaire” technique // Voprosy Psichologii (Issues of Psychology). 2014. No. 5. P. 138–150. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22658572>
6. Budrina E.S. Art therapy in work with youth. In: Proceedings of the regional scientific and practical conference of university students, postgraduate students, high school students and young scientists “The World of Science and Art”. Perm: Perm State National Research University, 2020. P. 13–22. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/mir-nauki-i-iskusstva.pdf>
7. Zinkevich-Evstigneeva T.D. A workshop on storytelling therapy. St. Petersburg: Rech, 2006. 310 p. URL: <https://klex.ru/689>
8. Kozlova L.V., Kostargin A.A. Stress caused by the threat of coronavirus infection and predominant coping strategies in young people // Vestnik po pedagogike i psikhologii Yuzhnoy Sibiri (Bulletin on Pedagogy and Psychology of South Siberia). 2020. No. 4. P. 33–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stress-vyzvanny-ugrozoy-zarazheniya-koronavirusom-i-preobladayushchie-koping-strategii-u-molodezhi>
9. Kopytin A.I. Methods of art therapy in overcoming the consequences of traumatic stress. Moscow: Kogito-Tsentr, 2014. 208 p. URL: <https://klex.ru/jpz>
10. Kryukova T.L. Psychology of coping behavior: current state, problems and prospects // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika (Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics). 2008. No. 4. P. 147–153. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-sovladayushchego-povedeniya-sovremennoe-sostoyanie-problemy-i-perspektivy>
11. Lyakina S.A. Formation of effective coping strategies as a factor of correction of procrastination in adolescence. MA Thesis. Belgorod, 2019. 102 p. URL: http://95.167.109.86/bitstream/123456789/38025/1/Lyakina_Formirovanie_19.pdf
12. Melnikova M.L., Chebykina I.V. Coping strategies and defensive mechanisms of personality of students – future teachers // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii (Pedagogical Education in Russia). 2020. No. 2. P. 84–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koping-strategii-i-zaschitnye-mehanizmy-lichnosti-studentov-pedagogov>
13. Mikhaylova E.S. To the question of coping strategies of a person // Molodoy uchenyy (Young Scientist). 2018. No. 48 (234). P. 257–258. URL: <https://moluch.ru/archive/234/54317/>
14. Sukhova E.V. The concept of “coping strategies” and an example of asocial coping strategies // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya (Applied Legal Psychology). 2014. No. 1. P. 76–83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-koping-strategii-i-primer-asotsialnyh-koping-strategiy>

15. Sukhovey A.V., Kovalenko S.V., Nosov E.N. Coping resources and coping strategies as a single system of influence in the behavior of personality // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya (Problems of Modern Pedagogical Education). 2018. No. 58 (1). P. 363–367. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koping-resursy-i-koping-strategii-kak-edinaya-sistema-vozdeystviya-v-povedenii-lichnosti>
16. Tararina E.V. Master's box. Practice in art therapy. Moscow: Variant, 2017. 208 p.
17. Terentyeva A.N. Art therapy as coping strategy in the extreme situation of service in the internal affairs bodies // Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatel'nosti (Psychology and Pedagogy of Service Activity). 2018. No. 3. P. 71–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/art-terapiya-kak-koping-strategiya-v-usloviyah-ekstremalnoy-situatsii-sluzhby-v-organah-vnutrennih-del>
18. Khazova S.A. Coping resources of a subject: main directions and prospects for research // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova (Bulletin of N.A. Nekrasov KSU). 2013. No. 19. P. 188–191. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koping-resursy-subekta-osnovnye-napravleniya-i-perspektivy-issledovaniya>
19. Khlomov K.D., Bochaver A.A., Korneev A.A. Coping strategies and educational environment of teenagers // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo (Social Psychology and Society). 2020. Vol. 11, No. 2. P. 180–199. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110211>
20. Khotinets V.Y., Korobeinikova Y.P. Psychological mechanisms of productive coping behavior in problem communicative situations // Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal). 2016. Vol. 37, No. 4. P. 59–73. URL: https://www.researchgate.net/profile/Vera-Khotinets/publication/315511029_PSYCHOLOGICAL_MECHANISMS_OF_PRODUCTIVE_COPING-BEHAVIOR_IN_PROBLEM_COMMUNICATIVE_SITUATIONS/links/5e4baa11299bf1cdb933e326/PSYCHOLOGICAL-MECHANISMS-OF-PRODUCTIVE-COPING-BEHAVIOR-IN-PROBLEM-COMMUNICATIVE-SITUATIONS.pdf
21. Chovdyrova G.S., Pyatkina O.A. Coping strategies of personality in adaptation to stress // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh (Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies). 2021. Vol. 26, No. 1 (84). P. 41–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koping-strategii-lichnosti-pri-adaptatsii-k-stressu>
22. El-Mon cher A.H. et al. University students in quarantine, psychosocial consequences and coping strategies during the COVID-19 pandemic: A cross-examination in Egypt // Journal of American College Health. 2022. Vol. 70, No. 3. P. 679–690. URL: https://www.researchgate.net/publication/349736539_University_students_under_lockdown_the_psychosocial_effects_and_coping_strategies_during_COVID-19_pandemic_A_cross_sectional_study_in_Egypt
23. Fluharti M., Fancourt D. How people coped with the COVID-19 pandemic patterns and predictors of coping strategies among adults in the UK // BMC psychology. 2021. Vol. 9, No. 1. P. 1–12. URL: <https://bmcp psychology.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40359-021-00603-9>
24. Graves B.S. et al. Gender differences in stress perception and coping among college students // PLoS One. 2021. No. 16 (8). URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0255634>
25. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal and coping. N.Y.: Springer Publishing Company, 1984. 460 p. URL: https://www.academia.edu/37418588/_Richard_S_Lazarus_PhD_Susan_Folkman_PhD_Stress_BookFi_
26. Skinner E.A., Edge K. Parenting, motivation, and the development of coping. Lincoln: University of Nebraska Press, 2002. P. 77–143. URL: https://www.researchgate.net/publication/11265613_Parenting_motivation_and_the_development_of_children's_coping

УДК 159.9

АНАЛИЗ ЗАТРУДНЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ РАННЕГО И ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА, В ВОПРОСАХ ВОСПИТАНИЯ, РАЗВИТИЯ И ОБУЧЕНИЯ РЕБЕНКА¹

Л.В. Арамачева (Красноярск, Россия)

Е.Ю. Дубовик (Красноярск, Россия)

О.М. Вербианова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы и цель. Авторы изучают специфику затруднений современных родителей, воспитывающих детей раннего и дошкольного возраста, в вопросах воспитания, обучения и развития детей для своевременного оказания психолого-педагогической, методической и консультационной помощи.

Цель статьи – проанализировать консультационные запросы современных родителей, воспитывающих детей раннего и дошкольного возраста по вопросам детского развития, охарактеризовать типичные трудности родителей, связанные с развитием и воспитанием ребенка.

Методологию исследования составляют положения научных исследований Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, рассматривающие закономерности психического развития ребенка, исследования Е.О. Смирновой, Р.В. Овчаровой, характеризующие отношения детей дошкольного возраста с близкими взрослыми как фактор детского развития; работы А.Я. Варги, А.С. Спиваковской, Ю.Б. Гиппенрейтер, обосновывающие важность сопровождения семьи в обеспечении психологического благополучия ребенка и преодолении имеющихся трудностей.

Метод исследования: анкетирование, контент-анализ консультационных запросов родителей. В ходе анкетирования выявлялись запросы родителей к психологу по вопросам детского развития, их затруднения, связанные с обучением и воспитанием ребенка. Анализировались также представления родителей о своих детях (характере, потребностях, интересах, переживаниях и др.). Ответы родителей на вопросы анкеты, подвергались контент-анализу.

Результаты исследования. Результаты проведенного исследования показали: представления родителей о детях связаны с их эмоционально положительным, ценностным отношением к ребенку. К типичным затруднениям родителей детей раннего возраста в процессе воспитания и обучения ребенка относятся вопросы, связанные с речевым развитием (недостаточный словарный запас, замедление темпов развития речи); с негативными поведенческими проявлениями (капризы, истерики, упрямство); с трудностями адаптации к детскому саду. Речевое развитие ребенка в качестве основной проблемной зоны детского развития отметили также большинство родителей детей дошкольного возраста (недостатки звукопроизношения, связанной монологической речи). Вместе с тем родителям детей данной возрастной группы свойственны затруднения в воспитании и обучении ребенка, связанные с его нежелательным поведением (непослушание, истерики, капризы). Многие родители выделяют в качестве проблемной области развития ребенка эмоционально-волевою сферу (агрессивное поведение, тревожность, страхи).

Заключение. В целом проведенное исследование показало, что родители детей раннего и дошкольного возраста осознанно относятся к процессу воспитания детей, готовы к взаимодействию со специалистами в области дошкольного образования, но недооценивают значимость собственного участия в обеспечении развития ребенка. Полученные результаты дают возможность обосновать направления и содержание оказания психолого-педагогической помощи современным родителям путем организации различных форм психологического консультирования и просвещения.

Ключевые слова: родители, дети раннего возраста, дети дошкольного возраста, консультационные запросы, затруднения в процессе воспитания, обучения ребенка.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Красноярского краевого фонда науки по проекту № 2022031008473 «Разработка и апробация информационно-методического портала как средства психолого-педагогического сопровождения современных родителей на основе диагностики их потребностей и затруднений».

Арамачева Людмила Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики детства института психолого-педагогического образования, КГПУ им. В.П. Астафьева; ORCID:0000-0001-8484-6545; e-mail: ludvik_76@mail.ru

Дубовик Евгения Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии института психолого-педагогического образования КГПУ им. В.П. Астафьева; ORCID: 0000-0001-6249-8383; e-mail: duevur2015@mail.ru

Вербианова Ольга Михайловна – кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики детства института психолого-педагогического образования, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: verbianova@kpspu.ru

Постановка проблемы и цель исследования. В современных исследованиях в области психологии актуализируются вопросы поиска и научного обоснования действенных способов оказания психолого-педагогической помощи семьям, воспитывающим детей [Свадьбина, Денисова, 2017; Орлов, 2020; Немова, Свадьбина, 2013].

Известно, что каждый родитель встречается с разными трудными задачами и вопросами при воспитании детей. Воспитание ребенка – непростая задача для родителей, требующая их терпеливости, готовности преодолевать многие сложности, связанные с ростом и развитием ребенка [Возрастно-психологический..., 2007; Еманова, 2021]. Далеко не всегда родители имеют достаточный ресурс, чтобы самостоятельно найти правильное решение в воспитании. Поддерживающую помощь может оказать психолог-консультант в рамках консультативной работы.

Современные родители понимают значимость профессиональной психологической поддержки, обеспечивающей благополучие семьи [Арамачева, Дубовик, Захарова, 2021]. Для оказания адресной психологической помощи семьям с детьми необходимо выявить наиболее характерные для родителей проблемы и определить подходы к их решению. В то же время в имеющихся научных исследованиях вопросы систематизации родительских затруднений, обусловленных современной действительностью, практически не освещены, что актуализирует необходимость настоящего исследования.

Цель исследования – на основе анализа содержания родительских запросов на оказание консультационной помощи по вопросам воспитания, развития, обучения детей раннего и дошкольного возраста выявить наиболее характерные затруднения и определить направления

психологической работы в рамках психологического консультирования и просвещения.

Методологическую основу исследования составили научные концепции, отражающие общие и специфические закономерности психического развития детей раннего и дошкольного возраста, представленные в трудах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Н.М. Печоры, С.В. Аксаиной, В.Н. Белкиной; исследования Е.О. Смирновой, Р.В. Овчаровой, характеризующие отношения детей раннего и дошкольного возраста с близкими взрослыми как фактор развития ребенка; работы А.Я. Варги, А.С. Спиваковской, Ю.Б. Гиппенрейтер, Т.Д. Малкиной-Пых, В.Ю. Марцинковской, обосновывающие значимость психологического сопровождения семьи для обеспечения полноценного психического и личностного развития ребенка [Возрастно-психологический..., 2007].

Теоретический обзор. В настоящее время в психологических исследованиях отмечается возрастание интереса к проблеме поиска эффективных способов оказания психолого-педагогической помощи семьям с детьми [Возрастно-психологический..., 2007; Абульханова-Славская, Иваницкий, Мудрик, 2000].

Практика показывает, что специфика развития современного общества обуславливает возникновение большого количества социально-психологических проблем детства и родительства. В настоящее время родителям приходится иметь дело с множеством трудностей, с которыми им не всегда удается справиться без посторонней помощи [Арамачева, Дубовик, 2021; Вербианова, 2016]. Специфику затруднений современных родителей в процессе воспитания и обучения ребенка можно рассмотреть в контексте возрастно-психологического подхода [Возрастно-психологический..., 2007].

Консультативная практика в настоящее время характеризуется различной частотой обращений родителей по вопросам воспитания детей разного возраста. Большую часть при этом составляют родители детей от одного года до семи лет. В этом возрастном диапазоне родители обращаются с наиболее широким спектром проблем. При этом практика показывает, что часто родители обращаются не столько с самой проблемой, сколько с ее отсроченным действием. Так, проблемы, с которыми приходят на консультацию родители четырех-, семилетних детей, часто являются отголоском особенностей развития ребенка в раннем детстве.

Возрастно-психологический подход в оказании консультативной помощи родителям детей раннего и дошкольного возраста связан прежде всего с прогнозированием особенностей и результатов психологического развития ребенка в том или ином возрасте, в тех или иных условиях и обстоятельствах жизни [Белкина, 2019; Еманова, 2021; Печора, Пантюхина, Голубева, 1996; Мухина, 1996].

Исторически психологическое консультирование родителей в психологии выступает как действенная форма повышения родительской компетентности в решении проблем, связанных с воспитанием и развитием ребенка [Гордон, 2010].

Различные теоретические концепции представляют специфические подходы к консультативной работе с родителями. Положения психоаналитического направления делают акцент на раннем опыте взаимодействия родителей с детьми и на необходимости анализа возможной психической травматизации в детском возрасте (С. Холл, А. Фрейд, К. Хорни). Гуманистическая концепция, где подчеркивается роль активной позиции личности, отдает предпочтение овладению родителями способностью слушать, слышать и понимать детей. Данный способ общения рассматривается как эффективная модель взаимоотношений взрослого с ребенком [Гордон, 2010]. Основатели бихевиористской парадигмы (Б. Скиннер, Дж. Тибо, Г. Келли) подчеркивают значимость анализа и оптимизации поведения родителя в изменении детского поведения [Smith, 2010; Kaplan, 2013; Mayuri, Divya, Kiran, 2017]. В работах отечественных психологов А.Я. Варги, А.С. Спиваковской,

А.И. Захарова отдельное внимание уделяется организации родительского консультирования как необходимого условия повышения эффективности психокоррекционных мероприятий с детьми.

Анализ практики работы психологической службы в образовательных и социальных организациях показывает, что в настоящее время осуществляется трансформация способов оказания психологической помощи родителям с учетом современных вызовов [Арамачева, Дубовик, Захарова, 2021; Вербианова, 2016].

Материалы и методы исследования. Исследование осуществлялось на базах дошкольных образовательных организаций Красноярска. В выборку вошли родители детей раннего и дошкольного возраста (60 чел.). В рамках реализации эмпирической работы была разработана анкета для родителей, воспитывающих детей раннего и дошкольного возраста. Вопросы анкеты предполагали формулировку родителями запросов к психологу по проблемам детского развития, а также фиксацию затруднений, связанных с развитием, обучением и воспитанием ребенка. Ряд вопросов анкеты был направлен также на изучение представлений родителей о своих детях (характере ребенка, его потребностях, интересах, переживаниях и др.). Данные вопросы позволили более глубоко исследовать взаимосвязи между изучаемыми явлениями. В анкете использовались вопросы открытого и закрытого характера. Развернутые ответы родителей на открытые вопросы анкеты подвергались контент-анализу.

Контент-анализ ответов родителей состоял из нескольких этапов обобщения: ответы ранжировались по частоте встречаемости, из них выделялись наиболее часто встречающиеся «неслучайные» (даны тремя или большим количеством испытуемых), затем ответы анализировались качественно. Частота (вес) представленных в группе ответов позволила использовать условную групповую «меру» выраженности изучаемого параметра описания.

Результаты исследования, обсуждение. Приведем результаты исследования, полученные в ходе диагностики родителей детей раннего возраста (табл. 1).

Таблица 1

**Анализ ответов родителей детей раннего возраста,
характеризующих их знания и представления о своих детях**

Table 1

**Analysis of responses from parents of young children characterizing
their knowledge and ideas about their children**

Вопрос анкеты	Количество ответов родителей (Σ 243)	Мера	«Неслучайные» ответы					
Чем интересуется ребенок? В какие игры, игрушки любит играть?	43	0,17	Любит играть в машинки 8 (0,18)	Любит, когда ему читают книги 5 (0,11)	Играет в ролевые игры с игрушками (виды профессией) 5 (0,11)	Подвижные игры на улице 5 (0,11)	Рисование 3 (0,06)	Игры с песком 3 (0,06)
Ребенок чувствует себя счастливым, когда...	36	0,14	Гуляет в парке с родителями 8 (0,22)	Играет с родителями 6 (0,16)	Когда находится рядом с мамой 5 (0,14)	Когда ему дают сладости 4 (0,11)	–	–
Ребенок переживает, когда...	31	0,12	Прием у врача 4 (0,12)	Незнакомая обстановка 3 (0,09)	Если мамы нет рядом 3 (0,09)	Когда ругают 3 (0,09)	Когда родитель не дает реакцию на капризы 3 (0,09)	Громкий шум 3 (0,09)
По характеру мой ребенок...	97	0,39	Веселая 10 (0,1)	Любопытный, любознательный 10 (0,1)	Активный 8 (0,08)	Добрый 6 (0,06)	Ласковый 5 (0,05)	Упрямый 4 (0,04)

Анализ результатов анкетирования позволяет сделать выводы

1. Родители детей раннего возраста проявляют заинтересованность в развитии и воспитании своих детей. Об этом свидетельствует общее количество консультационных запросов (доля родителей, которые отметили, что не испытывают никаких затруднений, связанных с развитием и воспитанием детей, незначительна – 4,8 %).

2. Среди общего числа запросов преобладают запросы (28,6 %), связанные с речевым развитием ребенка (респонденты отмечают, что обеспокоены запаздыванием появления активной речи у ребенка). Преобладание такого рода обращений родителей согласуется с современными данными в области детской психологии, свидетельствующими, что уровень развития речи современных детей дошкольного возраста можно охарактеризовать как неудовлетворительный. Обеспокоенность родителей в данной ситуации (именно на этапе раннего детства, когда активная

речь только формируется) имеет положительное значение, т.к. означает готовность к более глубокому анализу особенностей развития ребенка, направленность на сотрудничество со специалистами при решении данной проблемы.

3. Значительная доля родительских запросов связана:

– с негативными поведенческими проявлениями ребенка (капризы, истерики, упрямство)» – 23,8 %;

– с трудности адаптации к детскому саду» – 23,8 %.

Данные ответы мы связываем с особенностями социальной ситуации развития детей («кризис 3 лет»). Поведение ребенка в этот период, как правило, сопровождается нежелательными для родителей проявлениями. Кроме того, многие дети проходят в настоящее время адаптационный период, что также связано с определенными особенностями поведения детей, иногда трудного для родителей.

4. Анализ представлений родителей о своих детях, их характере и увлечениях методом контент-анализа показал:

– родители понимают важность организации игровой деятельности развития ребенка, взаимодействуют с детьми в игровой деятельности (ответы на вопрос «Чем увлекается ребенок?»: «любит, когда ему читают», «любит подвижные игры, игры с ролью»);

– на вопрос «В каких ситуациях ребенок чувствует себя счастливым?» абсолютное большинство родителей ответили: «когда находится рядом с близкими», «когда играет (гуляет) с родителями», – что означает осознание родителями значимости своего общения и взаимодействия с ребенком для его эмоционального благополучия. Данный вывод подтверждают ответы родителей на вопрос «В каких ситуациях ребенок переживает?». Самые популярные ответы: «когда рядом нет мамы», «когда в разлуке с родителями», «когда мама ругает».

На вопрос «Каковы особенности характера ребенка? (Напишите пять прилагательных, характеризующих ребенка в большей степени.)» преобладают ответы: веселый, добрый, любознательный, активный. Все 100 % ответов содержат положительные характеристики ребенка.

5. В целом результаты проведенного исследования показали включенность родителей в процесс воспитания своих детей, желание участвовать в жизни ребенка, что дает возможность специалистам дошкольного образования вовлекать их в образовательный процесс и предлагать различные формы психологического консультирования и просвещения: очные (групповые и индивидуальные), дистанционные (онлайн-консультации, вебинары), демонстрация наглядной информации (постеры, буклеты) и др.

Приведем результаты исследования, полученные в ходе диагностики родителей детей дошкольного возраста (табл. 2).

Таблица 2

Анализ ответов родителей детей дошкольного возраста, характеризующих их знания и представления о своих детях

Table 2

Analysis of the responses from parents of preschool children characterizing their knowledge and ideas about their children

Вопрос (стимульная фраза)	Количество ответов (ассоциаций) (Σ 285)	Мера	«Неслучайные» ответы (ассоциации)					
			Рисованием	Конструированием	Любит играть в игры, игрушки	Любит заниматься спортом (каратэ, футбол)	Любит петь (танцевать)	Любит смотреть мультфильмы
Ребенок интересуется (увлекается)...	35	0,12	8 (0,22)	7(0,2)	6 (0,17)	4 (0,11)	4 (0,11)	3 (0,08)
Ребенок чувствует себя счастливым, когда...	34	0,11	12 (0,35)	7 (0,2)	5 (0,14)	4 (0,11)	3 (0,08)	-
Ребенок переживает, когда...	40	0,14	7 (0,17)	5 (0,1)	4 (0,12)	3 (0,07)	3 (0,07)	3 (0,07)
В какие игры любит играть ребенок?	36	0,12	12 (0,33)	11 (0,3)	5 (0,13)	3 (0,08)	-	-
Ребенку присущи особенности характера...	140	0,49	27 (0,19)	15 (0,1)	8 (0,05)	8 (0,05)	5 (0,03)	3 (0,02)

Резюмируя полученные результаты, констатируем следующее.

– Представления родителей о детях связаны с их эмоционально положительным, ценностным отношением к ребенку (ребенок в большинстве ответов характеризуется как: «добрый», «активный», «умный»). Родители осознают значимость детско-родительских отношений в обеспечении эмоционального благополучия ребенка (на вопрос «В каких ситуациях ребенок чувствует себя счастливым?» самый частый ответ: «Когда проводит время с родителями»; на вопрос «В каких ситуациях ребенок переживает?» значительная часть родителей ответила: «Когда родители ссорятся, ругаются»).

– В ответах родителей на вопросы анкеты практически не прослеживается их стремление к взаимодействию с детьми на фоне основного вида детской деятельности – игры. Из-за высокой занятости родители пытаются заменить личное участие в жизни ребенка различными подарками, игрушками и сладостями, тем самым неосознанно компенсируя недостаток общения.

– Приоритетными для родителей областями развития ребенка являются: речевое развитие (70 %); эмоционально-волевое (60 %); физическое (60 %) и познавательное (53 %). Следует отметить, что родители акцентируют внимание на сферах речевого и эмоционально-волевого развития ребенка, которое связывают с имеющимися трудностями развития и поведения детей.

– Так, речевое развитие ребенка в качестве проблемной зоны детского развития отметили 43 % испытуемых («ребенок «плохо» говорит»; «не выговаривает звуки»; «не умеет пересказывать пережитые события» и др.). Значительная доля родителей (33 %) отмечают затруднения в воспитании и обучении ребенка, связанные с его нежелательным поведением (неподслушивание, истерики, капризы). Многие родители выделяют в качестве проблемной области развития ребенка – эмоционально-волевою сферу (агрессивное поведение, тревожность, страхи).

Таким образом, большинство родителей осознанно относятся к процессу воспитания детей, готовы к взаимодействию со специалистами в области дошкольного образования, но недооценивают значимость собственного участия в обеспечении развития ребенка.

Полученные результаты позволяют определить направления оказания психолого-педагогической помощи родителям путем организации психологического консультирования и просвещения. При этом направлениями работы будут: информирование родителей о возрастно-психологических особенностях ребенка; о значимости детско-родительских отношений в обеспечении психологического благополучия ребенка дошкольного возраста; обучение действенным способам общения и взаимодействия с ребенком на основе совместной игровой деятельности.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А., Иваницкий А.М., Мудрик А.В. Проблемы комплексного изучения человека, психологии и педагогики в грантах РФФИ // Вестник Российского гуманитарного научно-го фонда. 2000. № 2. С. 43–50. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41316267>
2. Арамачева Л.В., Дубовик Е.Ю., Захарова А.А. Изучение представлений детей старшего дошкольного возраста о родителях // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2021. № 3 (57). С. 77–89. DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.25146/1995-0861-2021-57-3-292>
3. Белкина В.Н. Психология раннего и дошкольного детства: учеб. пособие для академического бакалавриата. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. 170 с.
4. Вербианова О.М. К вопросу о воспитании ребенка в молодой семье // Психолого-педагогические и социальные условия развития и воспитания ребенка / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2016. С. 16–24. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26052818_95805642.pdf

5. Возрастно-психологический подход в консультировании детей и подростков: учеб. пособие / Г.В. Бурменская, Е.И. Захарова, О.А. Карабанова, Н.Н. Лебедева, А.Г. Лидерс. Изд. 2-е, расширенное. М.: Моск. психолого-социальный ин-т, 2007. 480 с. DOI: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=49838>
6. Гордон Т. Курс эффективного родителя. Как воспитать в детях чувство ответственности / пер. с англ. Н. Усовой. М.: Ломоносовъ, 2010. 510 с. URL: <https://www.chitalkino.ru/gordon-t/kurs-effektivnogo-roditelya>
7. Еманова С.В. Педагогика и психология раннего и дошкольного возраста: учеб. пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2021. 142 с.
8. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: учебник для студ. вузов. 4-е изд., стереотип. М.: Академия, 1999. 456 с.
9. Немова О.А., Свадьбина Т.В. Семейное воспитание в условиях общества потребления // Социология. 2013. № 3. С. 35–42.
10. Орлов М.О. Общество потребления как источник социальных и духовных рисков // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 43–46. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-43-461>
11. Печора К.Л., Пантюхина Г.В., Голубева Л.Г. Дети раннего возраста в дошкольных учреждениях: кн. для воспитателя детсада. М., 1996. 144 с.
12. Свадьбина Т.В., Денисова Н.А. Духовно-нравственное самочувствие семьи в условиях роста прекариатизации российского общества // Вестник Мининского университета. 2017. № 1 (18). С. 21–26. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/viewFile/339/340>
13. Kaplan E.A. Motherhood and representation: The mother in popular culture and melodrama. Routledge, 2013. 268 p.
14. Mayuri K., Divya V., Kiran K. Parenting styles as perceived by parents and children // International Journal of Science and Research (IJSR). 2017. Is. 8, vol. 6. P. 978–982. URL: https://www.researchgate.net/publication/324522257_Parenting_Styles_as_Perceived_by_Parents_and_Children
15. Smith R. Total parenting // Educational Theory. 2010. Vol. 60, No. 3. P. 357–369. DOI: 10.1111/j.1741-5446.2010.00363

DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-61-3-358>

ANALYSIS OF DIFFICULTIES MODERN PARENTS FACE IN TERMS OF UPBRINGING, DEVELOPMENT AND EDUCATION OF CHILDREN OF EARLY AND PRESCHOOL AGE

L.V. Aramacheva (Krasnoyarsk, Russia)

E.Yu. Dubovik (Krasnoyarsk, Russia)

O.M. Verbianova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The authors study the specifics of the difficulties of modern parents raising children of early and preschool age, in matters of upbringing, education and development of children, for the timely provision of psychological, pedagogical, methodological and consulting assistance.

The purpose of the article is to analyze the consulting requests of modern parents raising children of early and preschool age on issues of child development, to characterize the typical difficulties of parents associated with the development and upbringing of a child.

Research methodology. The methodology of the study consists of the provisions of scientific research by Vygotsky L.S., Leontiev A.N., considering the patterns of mental development of a child, research by Smirnova E.O., Ovcharova R.V., characterizing the relationship of preschool children with close adults as a factor of child development; works by Varga A.Ya., Spivakovskaya A.S., Gippenreiter Yu.B., substantiating the importance of support for families to ensure psychological well-being of a child and overcome existing difficulties.

Research method: questionnaire, content analysis of parents' consultation requests.

Research results. The results of the study showed that parents' ideas about children are associated with their emotionally positive, value-based attitude towards a child. Typical difficulties of parents of young children in the process of raising and educating a child include issues related to speech development (insufficient vocabulary, slow down in speech development); with negative behavioral manifestations (whims, tantrums, stubbornness); with difficulties adapting to kindergarten. The speech development of a child as the main problem area of child development was also noted by the majority of parents of preschool children (shortcomings of sound pronunciation, coherent monological speech). At the same time, parents of children of this age group are characterized by difficulties in upbringing and educating a child associated with his/her undesirable behavior (disobedience, tantrums, whims). Many parents single out the emotional–volitional sphere (aggressive behavior, anxiety, fears) as a problem area of a child's development.

Conclusion. In general, the study showed that parents of children of early and preschool age are consciously involved in the process of raising children, are ready to interact with specialists in the field of preschool education, but underestimate the importance of their own participation in ensuring the development of a child. The results obtained make it possible to substantiate the directions and content of psychological and pedagogical assistance to modern parents by organizing various forms of psychological counseling and education.

Keywords: *parents, young children, preschool children, consulting requests, difficulties in the process of upbringing, teaching a child.*

Aramacheva Lyudmila V. – PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology of Childhood, Institute of Psychological and Pedagogical education, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: 0000-0001-8484-6545; e-mail: ludvik_76@mail.ru

Dubovik Evgeniya Y. – PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology, Institute of Psychological and Pedagogical Education, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: 0000-0001-6249-8383; e-mail: duevur2015@mail.ru

Verbianova Olga M. – PhD (Biology), Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology of Childhood, Institute of Psychological and Pedagogical Education, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: verbianova@kspu.ru

---

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K.A., Ivanitsky A.M., Mudrik A.V. Problems of complex study of man, psychology and pedagogy in grants of Russian Humanitarian Scientific Doudnation // Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda (Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation). 2000. No. 2. P. 43–50. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41316267>
2. Aramacheva L.V., Dubovik E.Yu., Zakharova A.A. Studying the ideas of older preschool children about parents // Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva (Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev). 2021. No. 3 (57). P. 77–89. DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.25146/1995-0861-2021-57-3-292>
3. Belkina V.N. Psychology of early and preschool childhood: textbook. 2nd ed. Moscow: Izdatelstvo Yurayt, 2019. 170 p.
4. Verbianova O.M. On the question of raising a child in a young family. In: Psychological, pedagogical and social conditions for the development and upbringing of a child. Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astafyeva, 2016. P. 16–24. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26052818_95805642.pdf
5. Age-psychological approach in counseling children and adolescents: Textbook / G.V. Burmenskaya, E.I. Zakharova, O.A. Karabanova, N.N. Lebedeva, A.G. Leaders. 2nd edition. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute, 2007. 480 p. URL: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=49838>
6. Gordon T. The effective parent course. How to foster a sense of responsibility in children. Translated from English by N. Usovoy. Moscow: Lomonosov, 2010. 510 p. URL: <https://www.chitalkino.ru/gordon-t/kurs-effektivnogo-roditelya>
7. Emanova S.V. Pedagogy and psychology of early and preschool age: textbook. Kurgan: Kurgan State University, 2021. 142 p.
8. Mukhina V.S. Age psychology: phenomenology of development, childhood, adolescence: Textbook for University students. 4th Edition. Moscow: Izdatelsky Tsentr Akademia, 1999. 456 p.
9. Nemova O.A., Svadbina T.V. Family education in a consumer society // Sotsiologiya (Sociology). 2013. No. 3. P. 35–42.
10. Orlov M.O. Consumer society as a source of social and spiritual risks // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika (News of Saratov University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy). 2020. Vol. 20, is. 1. P. 43–46. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-43-461>
11. Pechora K.L., Pantyukhina G.V., Golubeva L.G. Young children in preschool institutions: Book for kindergarten teachers. Moscow: Prosveshchenie, 1996. 144 p.
12. Svadbina T.V., Denisova N.A. The spiritual and moral well-being of a family in the context of growing precariatization of Russian society // Vestnik Mininskogo universiteta (Bulletin of Mininsky University). 2017. No. 1 (18). P. 21–26. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/viewFile/339/340>
13. Kaplan E.A. Motherhood and representation: The mother in popular culture and melodrama. Routledge, 2013. 268 p.
14. Mayuri K., Divya V., Kiran K. Parenting styles as perceived by parents and children // International Journal of Science and Research (IJSR). 2017. Is. 8, vol. 6. P. 978–982. URL: https://www.researchgate.net/publication/324522257_Parenting_Styles_as_Perceived_by_Parents_and_Children
15. Smith R. Total parenting // Educational Theory. 2010. Vol. 60, No. 3. P. 357–369. DOI: 10.1111/j.1741-5446.2010.00363

УДК 159.9.07

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ РОДИТЕЛЯМ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА)¹

Е.В. Улыбина (Красноярск, Россия)

О.М. Вербианова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. Изменения, активно происходящие в обществе, отражаются на потребности населения в получении квалифицированной психологической помощи. Наметилась тенденция в повышении ориентированности современных родителей на просвещение по вопросам развития, воспитания и обучения детей. Встает вопрос о конкретизации содержания необходимой психологической помощи родителям, а также возможностях ее получения в условиях активно развивающегося города-миллионника. *Цель* – оценка объемов и содержания потенциально необходимой психологической помощи родителям города Красноярск и соответствие им реальных масштабов и возможностей ее получения.

Методологию исследования составляют концепция психического развития ребенка Д.Б. Эльконина, положение о внутренней картине семьи Э.Г. Эйдемиллера, теория структурной семейной терапии С. Минухина.

Материалы и методы. Анализ и обобщение теоретических источников зарубежных и отечественных ученых, мониторинг рынка психолого-педагогических услуг для родителей города Красноярск в информационных и навигационных системах, социальных сетях, анонимное анкетирование родителей, воспитывающих детей дошкольного возраста.

Результаты исследования. Выявлена низкая осведомленность родительской общественности Красноярск о возможных поводах обращения к специалистам-психологам, различных способах получения психологической помощи (очно, дистанционно), расположении организаций, оказывающих психолого-педагогические услуги. Уточнены основные каналы получения родителями информации, а также условия, определяющие их выбор в пользу конкретной организации или специалиста (место расположения, рекомендации, время ожидания приема, стоимость и формат услуги). Проведен обзор организаций Красноярск, оказывающих услуги психолого-педагогического спектра.

Заключение. Проанализированы возможности получения родителями психологической помощи в городе Красноярск, выявлены слабая осведомленность родителей о возможностях получения помощи в направлении психологического сопровождения детей, а также потребности и специфика данного вида помощи. Сделан вывод о том, что для удовлетворения потребности родителей, проживающих в городе-миллионнике, в услугах, связанных с обучением, воспитанием и развитием детей, необходимо создание единого организационного, научно-методического и информационно-аналитического пространства предоставления психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи.

Ключевые слова: психолого-педагогическая помощь, консультирование родителей, запрос на консультирование, родительская компетентность, психологическое здоровье, психологический центр, педагог-психолог.

Улыбина Екатерина Владимировна – старший преподаватель кафедры психологии и педагогики детства института психолого-педагогического образования, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: fyodorova_90@inbox.ru

Вербианова Ольга Михайловна – кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики детства института психолого-педагогического образования, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: verbianova@kspu.ru

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Красноярского краевого фонда науки по проекту № 2022031008473 «Разработка и апробация информационно-методического портала как средства психолого-педагогического сопровождения современных родителей на основе диагностики их потребностей и затруднений».

Постановка проблемы и цель. В ситуации активно происходящих в обществе политических, эпидемиологических и социально-экономических изменений все большее количество людей в нашей стране и мире испытывает личностный дискомфорт, трудности в межличностных отношениях, самореализации. Данная ситуация активно проникает в семейные отношения и процесс осуществления родительских функций. Эти изменения определяют вектор устремленности современных родителей к получению знаний, сведений психолого-педагогического характера, позволяющих повысить осознанность воспитательных воздействий; возрастает активность родителей в решении проблем посредством обращения в центры оказания консультативной психологической помощи. Таким образом, в контексте чрезвычайной необходимости получения родителями психологической, педагогической, методической помощи важно определить целевые ориентиры, содержание и формы такой помощи и ее доступности. Особый интерес приобретает изучение этого вопроса в условиях проживания населения в урбанистической среде, насчитывающей более 1 млн жителей. Цель исследования – оценка объемов и содержания потенциально необходимой психологической помощи родителям города Красноярск и соответствие им реальных масштабов и возможностей ее получения.

Теоретический обзор проблемы. Согласно докладу ВОЗ о положении дел в области охраны психического здоровья в мире, главным курсом современного общества является повышение уровня психического здоровья населения путем эффективной защиты психического здоровья и профилактики психических расстройств посредством сети оказания доступных, недорогостоящих и качественных услуг и поддержки [MhGAP..., 2022]. По мнению современных исследователей, около 20 % жителей Российской Федерации нуждаются в психологической помощи. Обостряется ситуация с нарастанием всеобщей тревоги и эмоционального напряжения, ввиду нестабильности

в политическом устройстве, социальных перемены и неблагоприятной эпидемиологической ситуации [Бузин, Бузина, 2022; Бойко и др., 2020]. При этом особо остро вопрос получения психологической помощи встает в городах-миллионниках [Бузин, Бузина, 2022].

Вслед за высокой потребностью в получении психологической помощи возрастает и количество предложений по оказанию услуг. Высокая конкуренция на рынке влечет за собой изменение форматов психологических консультаций, расширение перечня услуг и способов их получения [Мальцева, 2018]. В практику специалистов активно входит интернет-консультирование. Самыми популярными сегодня являются консультации через сообщения и форум (46 %), на втором месте – консультации по Skype (37 %), на третьем – психологические тренинги (17 %) [Вилюжанина, 2020]. Современные технологии приближают консультацию онлайн к формату личного общения.

На фоне повышения количества обращений к специалистам, оказывающим услуги психологического профиля, наблюдаются специфические особенности категорий лиц, получающих услуги такого рода. Существуют культурные и гендерные различия готовности людей обращаться за помощью [Wong, 2016; Lei, Pellitteri, 2017; Taylor, Fitzsimmons-Craft, Graham, 2020; Аникина и др., 2020]. В целом, специфика обращений взрослого населения направлена на избавление от тревоги и стресса, работу с самосознанием, выработку механизмов адаптации к новым условиям [Ribeiro et al., 2021]. Повышение психологического напряжения населения прямым образом сказывается на семейном благополучии и детско-родительских отношениях.

Рост темпов жизни, с которым приходится мириться родителям, сокращение их свободного времени, усложнение материального положения семей приводят к ухудшению их физического и психологического здоровья. Данный факт отражается на качестве воспитания детей, а также благоприятности отношений детей и родителей. Ребенок попадает в ситуацию полной зависимости от настроения, эмоций, физического

состояния родителей, что сказывается на их психологическом состоянии. В связи с этим все более актуальной становится потребность семьи в профессиональной психологической помощи [Баранова, 2012].

Современная семья во многом не справляется со своими социальными функциями. Установлены такие факты, как падение воспитательной функции семьи [Раззакова, Матчанова, 2016], престижа семейных ценностей, рост числа разводов [Wijayati et al., 2021], снижение рождаемости [Синельников, 2022], увеличение количества неблагополучных и так называемых проблемных семей [Olsson, Låftman, Modin, 2019; Khasmohammadi et al., 2020; Филатова, 2014] и т.д. Из указанных проблем следует вывод о необходимости оказания психологической помощи семье в выполнении различных ее функций, в том числе и в кризисных ситуациях ее развития [Lee, 2005; Володина, 2018; Акрамова, 2020]. Таким образом, можно наметить основные задачи психологической помощи семье. Они связаны в первую очередь с воспитанием родительской ответственности, повышением психолого-педагогической компетентности, популяризацией знаний по вопросам развития и обучения ребенка [Ланцбург, 2000].

Если провести анализ ключевых запросов родителей, то можно установить, что больше всего родителей волнуют особенности возрастного и индивидуального развития детей (кризисы, нормативность тех или иных поведенческих особенностей, интеллектуальных способностей) [Вербианова, Арамачева, Дубовик, 2022], вопросы, связанные с предупреждением вторичных психологических осложнений у детей с ослабленным соматическим и нервно-психическим здоровьем [Лучшие... 2017]. Среди основных проблем, испытываемых родителями, – проблемы в обучении, поведении, коммуникативные трудности, проблемы адаптации и мотивации детей [Алешко, 2015]. В законе об образовании РФ закреплено право семей на поддержку в направлении организации обучения, воспитания и развития детей, также гарантируется возможность получения родителями необходимой профессиональной

консультативной помощи². Однако существуют серьезные противоречия между предписаниями и их реализацией на практике. Так, системе общего образования достаточно проблематично охватить всех субъектов помощью с учетом кадрового дефицита, уровня квалификации и функциональной загруженности педагогов-психологов на местах. При этом часть нагрузки от муниципальных, краевых и федеральных организаций берут на себя частные структуры, оказывающие спектр медико-психолого-педагогических, а также социальных услуг.

Возросло количество обращений за психологической помощью, однако многие акцентируют внимание на личностных проблемах [Бондаренко и др., 2021], при этом дело с консультированием по вопросам, связанным с развитием и воспитанием ребенка, обстоит не так однозначно, отмечается низкий охват семей данного рода услугами [Шац, Овчинникова, 2019]. Для детального изучения данного феномена необходимо определить потребности родителей.

Методологию исследования составляют концепция психического развития ребенка Д.Б. Эльконина, позволяющая выполнить анализ истории и современного состояния детства; положение о внутренней картине семьи Э.Г. Эйдемиллера, раскрывающее различие представлений и взглядов членов семьи на структуру семьи, ее ценности, отношения; а также теория структурной семейной терапии С. Минухина, где работа с семьей рассматривается как активный способ решения проблем каждого из ее членов.

Материалы и методы исследования. В качестве процедуры сбора данных в детских садах города Красноярска с целью определения потребностей семей в получении психологической помощи было проведено анонимное анкетирование родителей, воспитывающих детей дошкольного возраста, в количестве 110 человек (77 % – матери и 23 % – отцы). Анкетирование проводилось с горожанами, проживающими в пяти территориальных муниципальных единицах (районах города), достаточно

² Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ.

разнородных по численности и составу населения, а также профессиональной занятости. Одновременно проводился мониторинг рынка психолого-педагогических услуг для родителей города Красноярска в информационных и навигационных системах по поисковым запросам «консультирование родителей», «детский психолог», «психологическая помощь родителям».

Результаты исследования, обсуждение.

Большинство родителей (около 75 %) отмечают, что они не имеют информации относительно наличия и дислокации центров психологической помощи по месту проживания, но хотели бы, чтобы психолог был в штате образовательного учреждения. Содержательный анализ ответов показал, что население Красноярска слабо информировано о деятельности центров консультирования. 86 % родителей считают, что психологическую помощь можно получить только при наличии существенных психических и психологических проблем в развитии ребенка, этим они объясняют отсутствие фактов собственного обращения к специалистам психолого-педагогического профиля. Более половины (54 %) родителей предполагают, что консультацию педагога-психолога возможно получить только на платной основе или по направлению врача или педагогического совета при образовательном учреждении.

Также в процессе анкетирования изучались наиболее популярные среди родителей каналы получения помощи в вопросах обучения, воспитания и развития ребенка. Так, большинство респондентов (68 %) предпочитают получать советы и рекомендации по воспитанию ребенка от друзей, коллег, которые уже имеют детей, собственных родителей (19 %), активным ресурсом помощи матерям и отцам (отмечают 13 % опрошенных) служит интернет-пространство: форумы, социальные сети, тематические сайты, чаты, каналы в мессенджерах. При этом стоит отметить, что опрошенные имеют скудную и разрозненную информацию о национальных и государственных проектах поддержки родителей, всероссийских сайтах психологической помощи.

Проанализированы важные, по мнению родителей, условия выбора места получения первичной психологической консультации. Респондентам предлагалось проранжировать позиции по степени значимости.

1. Близость места получения услуги к адресу проживания семьи. В качестве ключевого условия территориальный признак выбрали 29 % родителей.

2. Наличие рекомендаций референтного окружения (педагогов воспитателей, учителей, родственников, знакомых). Таким мнением руководствуется 24 % опрошенных.

3. Доступность получения услуги (простота записи, короткий срок ожидания). Решающим фактором получение консультации от специалиста «здесь и сейчас» определяют 20 % респондентов.

4. Стоимость услуги (ценовая политика) и материальное положение семьи в данный период считают главным основанием для обращения в центр оказания психологической помощи 8 % опрошенных.

5. Большинство родителей, вопреки всеобщей тенденции переноса консультирования в онлайн, ориентировано на личные очные встречи со специалистами. Лишь только 7 % родителей высказали предпочтения в пользу дистанционного формата получения услуги.

Примечательно, что мало кто из участников анкетирования отметил, что в первую очередь ориентируется на профиль и квалификацию специалиста, стаж и опыт его работы (7 %). Также в комментариях родителей отмечается, что вероятность повторной консультации будет определяться их личным впечатлением от первой встречи – доверием, которое вызвал психолог, установившимся контактом со взрослым и ребенком.

Помимо анкетирования родителей относительно необходимости получения психолого-педагогической поддержки в воспитании детей, параллельно были проанализированы имеющиеся ресурсы оказания такой помощи семье в городе-миллионнике. Наиболее популярными средствами информирования населения об услугах являются информационные сайты в сети

Интернет, доступные по поисковым запросам, страницы в социальных сетях, каналы в мессенджерах, телевидение, пресса, а также так называемое «сарафанное радио», когда информация передается «из уст в уста».

Согласно изучению интернет-сайтов, страниц в социальных сетях организаций города следует отметить, что предлагаемые форматы оказания услуг достаточно разнообразны: индивидуальные консультации для родителей, индивидуальные занятия с детьми, групповые коррекционно-развивающие занятия, работа с парами «родитель – ребенок», видеолекции, онлайн- и офлайн-мероприятия для семей и детских коллективов. У родителей явно имеется возможность подобрать наиболее удобный формат с учетом индивидуальных особенностей проблем и вопросов, режима и графика занятости. В ходе анализа оказываемых услуг выявлены наиболее популярные направления: подготовка детей к школе, коррекционная работа (психологическая, а также логопедическая, дефектологическая помощь), развивающая деятельность, консультирование.

В штат государственных и частных психологических центров помощи семье в разном составе входят, помимо педагогов-психологов, такие специалисты, как семейный психолог, клинический психолог, нейропсихолог, репетитор, реабилитолог, педагог дополнительного образования, учитель-логопед, учитель-олигофренопедагог. В качестве сопровождения предлагаются юридические услуги, социальная помощь семье и детям. Из представленного перечня следует, что технически у родителей присутствует возможность обращения за консультативной помощью к разнопрофильным специалистам, получения рекомендаций комплексной направленности. Однако не всегда данного рода помощь оказывается доступной. Территориальное расположение центров психолого-педагогической помощи в городе очень неоднородно. При наличии муниципальных организаций в каждом районе центры получения внеочередной помощи (преимущественно коммерческие организации) все же сконцентрированы ближе к центру города.

В геоинформационной системе 2ГИС на июнь 2022 г. представлена информация о следующем распределении центров психолого-педагогической помощи по районам города: Ленинский – 4, Кировский – 3, Свердловский – 9, Октябрьский – 8, Центральный и Железнодорожный – 12, Советский – 7. Однако при детальном рассмотрении причин такой неравномерности, становится очевидно, что количество центров помощи определяется такими факторами, как: численность населения, наличие новостроек и, соответственно, количество молодых семей, воспитывающих детей. Так, в районах с низкой долей населения и отсутствием активного строительства видимо наблюдается меньшая потребность родителей в психолого-педагогической помощи.

Также можно отметить некоторые территориальные и организационные различия в цене, которые традиционно наблюдаются в сфере услуг. Более дорогими являются частные услуги, которые расположены в центральных районах города. Так, муниципальные организации оказывают услуги населению чаще всего на безвозмездной основе. В частных организациях ценовой диапазон оплаты астрономического часа работы специалиста (из публично опубликованных прайсов) начинается от 250 рублей за участие в групповой форме, от 650 рублей за индивидуальный формат. Стоимость услуги варьируется с учетом территориального расположения организации, квалификации и профиля специалиста, стажа работы, финансовых издержек.

Заключение. Родители отмечают потребность в психологическом консультировании и просвещении, имеют актуальные запросы, но в настоящий момент считают, что у них нет серьезного основания для беспокойства, и не хотят тратить на это время. Тем не менее практика консультирования показывает, что из незначительных проблем со временем могут появиться и более серьезные трудности в развитии и воспитании ребенка. Родители, с одной стороны, не видят перспективы развития проблемы, а с другой – не считают возможным обратиться за консультативной помощью, в силу малой осведомленности о работе центров консультирования.

Следовательно, необходимо активно подключать систему популяризации психологического просвещения, повышения доступности и разнообразия услуг психолого-педагогического спектра. В вопросе обеспеченности населения Красноярска возможностями получения помощи можно выделить ряд особенностей: все районы города в разной степени охвачены услугами, как правило, они сконцентрированы в центральной части города, в районах новостроек, где присутствует большое количество молодых семей; присутствуют организации муниципального и государственного ведомства, осуществляющие психологические услуги бесплатно, то есть эти услуги доступны для населения; есть ряд частных учреждений, которые включают широкий спектр психолого-педагогических услуг; стоимость коммерческих услуг варьируется, но в определенной удаленности от центра города можно найти более дешевые тарифы, что тоже обеспечивает их доступность.

Также согласно потребностям современных семей необходимо реализовать работу в следующих направлениях: просвещение родителей в

направлении возрастных особенностей развития ребенка; популяризация необходимости повышения родительской компетентности, самообразования; информирование о работе и функциях имеющихся центров консультативной помощи районов, города, края, России, о важности и своевременности получения разноплановой консультативной помощи по вопросам развития, воспитания и обучения детей. Таким образом, для концентрации внимания к проблемам, связанным с психологическим сопровождением детей и родителей, важно ведение планового просвещения населения. Родителей следует мотивировать не только к проявлению активности по поводу поиска возможностей и получению психологической помощи, но и к осознанию, конкретизации собственных потребностей, связанных с сопровождением ребенка. Для удовлетворения данных потребностей необходимо создание единого организационного, научно-методического и информационно-аналитического пространства предоставления психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи родителям.

Библиографический список

1. Акрамова Ф.А. Психологическая помощь семье как необходимый фактор поддержки и укрепления семей // Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов: сб. ст. XI Уральского демографического форума: в 2 т. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2020. Т. II. С. 5–10.
2. Алешко В.С. Становление и региональная специфика деятельности психолого-медико-педагогических комиссий Хабаровского края // Деятельность психолого-медико-педагогических комиссий в современных условиях развития образования: матер. Всерос. науч.-практ. конференции (Новосибирск, 23–25 сентября 2015 г.) / под ред. С.В. Алехиной; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т.; Моск. гор. психол.-пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. 196 с.
3. Аникина В.О., Попова А.Г., Васильева Н.Л. Субъективные факторы обращения за психологической помощью мужчин // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 5. С. 26.
4. Баранова Е.В. Психологическая помощь семье, находящейся в кризисе // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-ayaromosch-semie-nahodyascheysya-v-krizise>
5. Бойко О.М., Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. Психологическое состояние людей в период пандемии COVID-19 и мишени психологической работы. Психологические исследования 2020. № 13 (70). URL: <http://psystudy.ru>
6. Бондаренко Ю.С., Килинская Н.В., Бучкова А.И. Опыт психодиагностической и консультативной работы горячей линии в условиях пандемии в Приднестровье // Психология и психотехника. 2021. № 3. С. 58–73. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36238

7. Бузин В.Н., Бузина Т.С. Оценка населением доступности психологической помощи: социологическое исследование // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. Т. 68, № 1. DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-1-13
8. Вербианова О.М., Арамачева Л.В., Дубовик Е.Ю. Анализ консультативных обращений современных родителей, воспитывающих детей дошкольного возраста // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2022. № 1 (59). С. 47–54.
9. Вилюжанина Т.А. Особенности психологического консультирования онлайн // Вестник Донецкого национального университета. Сер.: Д: Филология и психология. 2020. № 1. С. 123–132.
10. Володина Ю.А. Модели психологической помощи в работе с «трудными» детьми в неблагополучных семьях // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. 2018. № 1 (10). С. 111–113.
11. Кириченко М.В. Анализ потребностей населения в психологических услугах // Актуальные проблемы психологического знания. 2010. № 4 (17). С. 128–136.
12. Ланцбург М.Е. Психологическая помощь семье в период ожидания ребенка и первого года его жизни // Психотерапия и клиническая психология: методы, обучение, организация: мат. Росс. конф. 26–28 мая 1999, СПб.; Иваново, 2000. С. 312–320.
13. Лучшие практики субъектов Российской Федерации по развертыванию сети центров (служб) оказания психолого-педагогической, диагностической и консультативной помощи родителям с детьми дошкольного возраста, в том числе от 0 до 3 лет, и детьми с особыми образовательными потребностями: сб. матер. / сост. Э.Ф. Алиева, Т.В. Гаврикова, О.Р. Радионова. М.: Федер. ин-т развития образования, 2017. 414 с.
14. Мальцева Т.В. Анализ востребованности психологической помощи у сотрудников органов внутренних дел // Психологическая работа в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава: состояние, проблемы и пути решения: сб. матер. Первой Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 30 ноября 2017 г. М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 399–404.
15. Раззакова Р.С., Матчанова Д.Ю. Семья и ее основные функции в воспитании здорового поколения // Теория и практика образования в современном мире: матер. IX Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, июль 2016 г.). СПб.: Свое издательство, 2016. С. 133–136. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/192/10656/>
16. Синельников А.Б. Обособление поколений в семьях как фактор снижения рождаемости // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 36–48. DOI: 10.31857/S013216250020195-7
17. Филатова О.В. Влияние неблагополучной семьи на ребенка // МНКО. 2014. № 4 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-neblagopoluchnoy-semi-na-rebenka>
18. Шац И.К., Овчинникова Т.С. Психологическое консультирование в коррекционной педагогике: особенности, возможности и обучение // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-konsultirovanie-v-korreksionnoy-pedagogike-osobennosti-vozmozhnosti-i-obuchenie>
19. Khasmohammadi M., Ehsaei S.G., Vanderplasschen W., Dortaj F., Farahbakhsh K., Afshar H.K., Jahanbakhshi Z., Mohsenzadeh F., Noah S.M., Sulaiman T., Brady C., Hormozi A. The impact of addictive behaviors on adolescents psychological well-being: The mediating effect of perceived peer support // The Journal of Genetic Psychology. 2020. Vol. 2–3, No. 181. P. 39–53. DOI: 10.1080/00221325.2019.1700896
20. mhGAP Humanitarian Intervention Guide (mhGAP-HIG) training of health-care providers: training manual. Geneva: World Health Organization, 2022. URL: <https://www.who.int/publications-detail-redirect/9789240045361>

21. Lee Y.H. The meaning of early intervention: A parent's experience and reflection on interactions with professionals using a phenomenological ethnographic approach // *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*. 2005. Vol. 10. DOI: 10.3402/qhw.v10.25891
22. Lei N., Pellitteri J. Help-seeking and coping behaviors among Asian Americans // *The Roles of Asian Values, Emotional Intelligence, and Optimism*. 2017. Vol. 8 (3). P. 224–234. DOI: <https://doi.org/10.1037/aap0000086>
23. Ribeiro E., Sampaio A., Gonçalves M.M., Taveira M., Cunha J., Maia Â., Matos M., Gonçalves S., Figueiredo B., Freire T., Soares T. Telephone-based psychological crisis intervention: the Portuguese experience with COVID-19 // *Counselling Psychology Quarterly*. 2021. Vol. 34 (3–4). P. 432–446. DOI: 10.1080/09515070.2020.1772200
24. Olsson G., Låftman S.B., Modin B. Problematic familial alcohol use and adolescents' heavy drinking: can conditions in school compensate for the increased risk of heavy drinking among adolescents from families with problematic alcohol use? // *International Journal of Adolescence and Youth*. 2019. Vol. 24 (3). P. 307–318. DOI: 10.1080/02673843.2018.1532918
25. Taylor C.B., Fitzsimmons-Craft E.E., Graham A.K. Digital technology can revolutionize mental health services delivery: The COVID-19 crisis as a catalyst for change // *International Journal of Eating Disorders*. 2020. Vol. 53 (1). P. 1155–1157.
26. Wijayati M., Abdullah I., White S., Rosadi A., Yamin A., Larasati Y.G. Justice brokers: Women's experiences with injustice and dependence in the divorce process // *Cogent Social Sciences*. 2021. Vol. 7 (1). DOI: 10.1080/23311886.2021.1966208
27. Wong K. Gender differences in mental health literacy of university students. // *Western Undergraduate Psychology Journal*. 2016. Vol. 4 (41). URL: <http://ir.lib.uwo.ca/wupj%0Ahttp://ir.lib.uwo.ca/wupj/vol4/iss1/11>

DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-61-3-359>

EXPERIENCE OF STUDYING THE NEEDS AND POSSIBILITIES OF PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE FOR PARENTS IN THE URBAN ENVIRONMENT (ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF KRASNOYARSK)

**E.V. Ulybina (Krasnoyarsk, Russia),
O.M. Verbianova (Krasnoyarsk, Russia)**

Abstract

Statement of the problem. The changes that are actively taking place in society are reflected in the needs of the population in obtaining qualified psychological assistance. There has been a tendency to increase the focus of modern parents on education in terms of development, upbringing and education of children. The question arises of specifying the content of necessary psychological assistance to parents, as well as the possibilities of obtaining it in the conditions of an actively developing million-plus city.

The purpose of the study is to assess the volume and content of potentially necessary psychological assistance to parents in the city of Krasnoyarsk and the correspondence to their real scale and possibilities for obtaining it.

Methodology (materials and methods). Analysis and generalization of theoretical data of foreign and Russian scientists, monitoring of the market of psychological and pedagogical services for the city of Krasnoyarsk in the field of information and navigation resources, social networks, anonymous questioning of parents raising preschool children.

Research results. The low awareness of the Krasnoyarsk parent community about the possible reasons for contacting psychologists, about the various ways of obtaining psychological assistance (in-person, remotely), about the location of organizations providing psychological and pedagogical services was revealed. The main channels for parents to receive information about the possibilities of obtaining help from a psychologist, as well as the conditions that determine their choice in favor of a particular organization or specialist (location, recommendations, waiting time for an appointment, cost and format of the service) are clarified. A review of the organizations represented in the city of Krasnoyarsk providing services of a psychological and pedagogical spectrum was carried out.

Conclusion. The possibilities for parents to receive psychological assistance in the city of Krasnoyarsk were analyzed, parents were found to be poorly aware of the possibilities of obtaining assistance in terms of psychological support for children, as well as the needs and specifics of this type of assistance. The authors concluded that in order to meet the needs of parents living in a million-plus city in services related to education, upbringing, and development of children, it is necessary to create a single organizational, scientific, methodological and informational-analytical space for the provision of psychological, pedagogical, medical, and social assistance.

Keywords: *psychological and pedagogical assistance, counseling of parents, request for counseling, parental competence, psychological health, psychological center, educational psychologist.*

Ulybina Ekaterina V. – Senior Lecturer, Department of Psychology and Pedagogy of Childhood, Institute of Psychological and Pedagogical Education, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: fyodorova_90@inbox.ru
Verbianova Olga M. – PhD (Biology), Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy of Childhood, Institute of Psychological and Pedagogical Education, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: verbianova@kspu.ru

---

References

1. Akramova F.A. Psychological assistance to the family as a necessary factor in supporting and strengthening families. In: Proceedings of the 11th Ural Demographic Forum “Institutes for the Development of Human Potential in the Conditions of Modern Challenges”. In 2 volumes. Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2020. Vol. 2. P. 5–10.
2. Aleshko V.S. Formation and regional specifics of the activities of psychological, medical and pedagogical commissions in the Khabarovsk Territory. In: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical

- Conference “Activities of psychological, medical and pedagogical commissions in modern conditions for development of education” (Novosibirsk, September 23–25, 2015) / ed. by S.V. Alekhina. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2015. 196 p.
3. Anikina V.O., Popova A. G., Vasilyeva N. L. Subjective factors of seeking psychological help for men // *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* (World of Science. Pedagogy and Psychology). 2020. Vol. 8, No. 5. P. 26.
  4. Baranova E.V. Psychological assistance to a family in crisis // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* (Theory and Practice of Social Development). 2012. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-pomosch-semie-nahodyascheysya-v-krizise>
  5. Boyko O.M., Medvedeva T.I., Enikolopov S.N., Vorontsova O.Yu., Kazmina O.Yu. The psychological state of people during the COVID-19 pandemic and the targets of psychological work // *Psikhologicheskie issledovaniya* (Psychological Research). 2020. Vol. 13 (70):1. URL: <http://psystudy.ru>
  6. Bondarenko Yu.S., Kilinskaya N.V., Buchkova A.I. Experience of psychodiagnostic and advisory work of the hotline in Pridnestrovie during a pandemic // *Psikhologiya i Psikhotekhnika* (Psychology and Psychotechnics). 2021. No. 3. P. 58–73. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36238
  7. Buzin V.N., Elder T.S. Assessment by the population of the availability of psychological assistance: a sociological study // *Sotsialnye aspekty zdorovya naseleniya* (Social Aspects of Public Health). 2022. Vol. 68, No. 1. DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-1-13
  8. Verbianova O.M., Aramacheva L.V., Dubovik E.Yu. Analysis of advisory appeals of modern parents raising children of preschool age // *Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva* (Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev). 2022. No. 1 (59). P. 47–54.
  9. Vilyuzhanina T.A. Features of psychological counseling online // *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya* (Bulletin of the Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology). 2020. No. 1. P. 123–132.
  10. Volodina Yu.A. Models of psychological assistance in working with “difficult” children in dysfunctional families // *Ezhгодnik NII fundamentalnykh i prikladnykh issledovaniy* (Yearbook of the Research Institute of Fundamental and Applied Research). 2018. No. 1 (10). P. 111–113.
  11. Kirichenko M.V. Analysis of the needs of the population in psychological services // *Aktualnye problemy psikhologicheskogo znaniya* (Topical Problems of Psychological Knowledge). 2010. No. 4. P. 128–136.
  12. Lantsburg M.E. Psychological assistance to the family during the period of expectation of a child and the first year of child’s life. In: *Proceedings of the Russian conference “Psychotherapy and clinical psychology: methods, training, organization”*. May 26–28, 1999. St. Petersburg-Ivanovo, 2000. P. 312–320.
  13. Best practices of the regions of the Russian Federation in deploying a network of centers (services) for providing psychological, pedagogical, diagnostic and counseling assistance to parents with preschool children, including 0–3-year-old children and children with special educational needs: Collection of articles / Compiled by E.F. Alieva, T.V. Gavrikova, O.R. Radionova. Moscow: Federal Institute for the Development of Education, 2017. 414 p.
  14. Maltseva T.V. Analysis of the demand for psychological assistance among employees of internal affairs bodies. *Proceedings of the First International Scientific and Practical Conference “Psychological work in the system of moral and psychological support for the operational activities of personnel: state of the art, problems and solutions”*. Moscow, November 30, 2017. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. P. 399–404.
  15. Razzakova R.S., Matchanova D.Yu. Family and its main functions in the upbringing of a healthy generation. In: *Proceedings of the 9th International scientific conference “Theory and practice of education in the modern world”*. St. Petersburg, July 2016. St. Petersburg: Svoyo izdatelstvo, 2016. P. 133–136. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/192/10656/>

16. Sinelnikov A. B. Isolation of generations in families as a factor in reducing the birth rate // *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological Research)*. 2022. No. 5. P. 36–48. DOI: 10.31857/S013216250020195-7
17. Filatova O.V. Influence of a dysfunctional family on a child // *Mir nauki, kultury, obrazovaniya (World of Science, Culture, and Education)*. 2014. No. 4 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-neblagopoluchnoy-semi-na-rebenka>
18. Shats I.K., Ovchinnikova T.S. Psychological counseling in correctional pedagogy: features, opportunities and training // *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina (Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin)*. 2019. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-konsultirovanie-v-korreksionnoy-pedagogike-osobennosti-vozmozhnosti-i-obuchenie>
19. Khasmohammadi M., Ehsaei S.G., Vanderplasschen W., Dortaj F., Farahbakhsh K., Afshar H.K., Jahanbakhshi Z., Mohsenzadeh F., Noah S.M., Sulaiman T., Brady C., Hormozi A. The impact of addictive behaviors on adolescents psychological well-being: The mediating effect of perceived peer support // *The Journal of Genetic Psychology*. 2020. Vol. 2–3, No. 181. P. 39–53. DOI: 10.1080/00221325.2019.1700896
20. mhGAP Humanitarian Intervention Guide (mhGAP-HIG) training of health-care providers: training manual. Geneva: World Health Organization, 2022. URL: <https://www.who.int/publications-detail-redirect/9789240045361>
21. Lee Y.H. The meaning of early intervention: A parent’s experience and reflection on interactions with professionals using a phenomenological ethnographic approach // *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*. 2005. Vol. 10. DOI: 10.3402/qhw.v10.25891
22. Lei N., Pellitteri J. Help-seeking and coping behaviors among Asian Americans // *The Roles of Asian Values, Emotional Intelligence, and Optimism*. 2017. Vol. 8 (3). P. 224–234. DOI: <https://doi.org/10.1037/aap0000086>
23. Ribeiro E., Sampaio A., Gonçalves M.M., Taveira M., Cunha J., Maia Â., Matos M., Gonçalves S., Figueiredo B., Freire T., Soares T. Telephone-based psychological crisis intervention: the Portuguese experience with COVID-19 // *Counselling Psychology Quarterly*. 2021. Vol. 34 (3–4). P. 432–446. DOI: 10.1080/09515070.2020.1772200
24. Olsson G., Låftman S.B., Modin B. Problematic familial alcohol use and adolescents’ heavy drinking: can conditions in school compensate for the increased risk of heavy drinking among adolescents from families with problematic alcohol use? // *International Journal of Adolescence and Youth*. 2019. Vol. 24 (3). P. 307–318. DOI: 10.1080/02673843.2018.1532918
25. Taylor C.B., Fitzsimmons-Craft E.E., Graham A.K. Digital technology can revolutionize mental health services delivery: The COVID-19 crisis as a catalyst for change // *International Journal of Eating Disorders*. 2020. Vol. 53 (1). P. 1155–1157
26. Wijayati M., Abdullah I., White S., Rosadi A., Yamin A., Larasati Y.G. Justice brokers: Women’s experiences with injustice and dependence in the divorce process // *Cogent Social Sciences*. 2021. Vol. 7 (1). DOI: 10.1080/23311886.2021.1966208
27. Wong K. Gender differences in mental health literacy of university students. // *Western Undergraduate Psychology Journal*. 2016. Vol. 4 (41). URL: <http://ir.lib.uwo.ca/wupj%0Ahttp://ir.lib.uwo.ca/wupj/vol4/iss1/11>

УДК 159.96

РЕСУРСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ (ПО ДАННЫМ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ)

Е.В. Федореева (Красноярск, Россия)

М.В. Сафонова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. В статье фиксируется актуальность совершенствования психологического сопровождения образовательной деятельности. Выстраивание обновленной модели психологической службы возможно при понимании имеющихся заделов и дефицитов, ресурсов и стратегических приоритетов системы образования края. *Цель* статьи – описать результаты анализа представлений муниципальных органов управления образованием о ресурсах, дефицитах и перспективах развития психологической службы в системе образования Красноярского края.

Методологической базой исследования послужили анализ и обобщение концепций и моделей психологической службы И.В. Дубровиной, В.Э. Пахальяна, Л.М. Фридман, А.А. Реана, М.Р. Битяновой, подходов к организации деятельности по оказанию психолого-педагогической помощи обучающимся в психологических службах В.В. Рубцова, Е.И. Метельковой, работ зарубежных психологов А. Валлона, К. Рейнолдса, Р.А. Сай и др.

В процессе исследования проведен опрос специалистов муниципальных органов управления образованием, курирующих вопросы развития психологической службы. Всего в исследовании принял участие 61 человек. Опрос включал как количественные показатели доступности и вариативности психологического сопровождения, так и представления о задачах, содержании и управленческих механизмах развития психологических служб.

Результаты. Были выявлены актуальные данные о доступности психологического сопровождения со стороны организаций и специалистов муниципальных психологических служб. Рассмотрены имеющиеся профессиональные дефициты действующих педагогов-психологов, к основным относятся низкий уровень владения технологиями работы с отдельными категориями детей, низкая культура оформления документации. Для повышения эффективности деятельности психологических служб от органов управления образованием ожидаются изменения в системе повышения квалификации специалистов, ориентации на практическую подготовку и организационно-нормативного регулирования деятельности психологов.

Заключение. Делается вывод о необходимости перестройки системы психолого-педагогического сопровождения с учетом целевых ориентиров деятельности, имеющихся ресурсов и возможностей взаимодействия организаций и специалистов психологических служб.

Ключевые слова: психологическая служба, психолого-педагогическое сопровождение, психологическая помощь, психологическая безопасность, профессиональные дефициты, психологическая компетентность.

Федореева Елена Владимировна – аспирант кафедры психологии института психолого-педагогического образования, КГПУ им. В.П. Астафьева; SPIN-код: 5452-1052; e-mail: fedoreeva_e@mail.ru

Сафонова Марина Вадимовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии начального образования факультета начальных классов, КГПУ им. В.П. Астафьева; ORCID: 0000-0002-7925-274X; SPIN-код: 8787-9993; AuthorID: 430620; e-mail: marina.safonova@mail.ru

Постановка проблемы. Изменения социально-экономической ситуации в стране, изменения, происходящие в сфере образования, диктуют необходимость не только корректировки целей образования, новых подходов к достижению образовательных результатов, но и совершенствования психологического сопровождения образовательной деятельности.

В настоящее время в стране нормативно регламентирована необходимость качественного психолого-педагогического сопровождения. Существует и запрос со стороны всех участников образовательных отношений в комплексной психолого-педагогической поддержке, активном участии в создании психологически безопасной образовательной среды. Возрастает спрос на квалифицированных специалистов.

Но вместе с тем невозможно обеспечить решение задач организации деятельности психологических служб, создания системы качественной психологической поддержки, обеспечения эффективного психологического сопровождения без научно-методического обоснования, осознания приоритетов развития личности и задач образования, важности этого сопровождения. Именно этот путь, результаты научных исследований, анализ практик позволят избежать ошибок при построении и развитии конкретных моделей психолого-педагогического сопровождения.

Обзор научной литературы по проблеме. Разные аспекты содержания и организации психолого-педагогического сопровождения освещались в работах М.Р. Битяновой, Б.С. Братуся, О.С. Газмана, Е.И. Исаева, Е.И. Казаковой, А.И. Красило, Н.Н. Михайловой, А.В. Мудрика, С.Д. Полякова, М.И. Роговцевой, Н.Ю. Синягиной, В.И. Слободчикова, Ф.М. Фрумина, И.С. Якиманской и др. Большое количество исследований функционирования психологической службы как одного из компонентов целостной системы образования проведено И.В. Дубровиной и ее учениками. В работах Л.К. Селявиной¹, С.Б. Малых

раскрывается система психологической поддержки образования [Рубцов и др., 1999], В.В. Рубцова, Е.И. Метельковой – организация деятельности по оказанию психолого-педагогической помощи обучающимся в психологических службах, В. Müller, О.С. Гришановой – критерии эффективности психологических служб [Müller, 2021; Гришанова, Нелюбова, 2020].

В соответствии с распоряжением Министерства просвещения Российской Федерации от 28.12.2020 № Р-193 психологическая служба субъекта Российской Федерации – «организационная структура... объединяющая специалистов учреждений системы образования субъектов Российской Федерации, осуществляющих... психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса, а также оказывающих психологическую помощь обучающимся, испытывающим трудности в освоении основных общеобразовательных программ, развитии и социальной адаптации, родителям (законным представителям), педагогам» [Система..., 2020]. В литературе представлено достаточно много определений понятия «психолого-педагогическое сопровождение».

Ряд авторов рассматривают сопровождение как технологию деятельности психолога, педагога-психолога. Так, по мнению М.Р. Битяновой, «психологическое сопровождение – это система профессиональной деятельности психолога, направленная на создание социально-психологических условий для успешного обучения и психического развития ребенка в условиях школьного взаимодействия» [Битянова, 1997].

М.М. Семаго и Н.Я. Семаго, исследовавшие особенности организации специального образования, определяют сопровождение как поддержание функционирования ребенка в условиях оптимальной амплификации образовательных воздействий и недопустимости его дезадаптации [Семаго, Семаго, 2005]. В других определениях на первый план выдвигаются психологическая поддержка, сочувствие и соучастие в жизни человека [Газман, 2000; Bahr, Leduc, Hild et al., 2017], организованный процесс в рамках

¹ Селявина Л.К. Организация психолого-социальной помощи детям и подросткам в системе регионального образования (на примере г. Москвы): дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 163 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/organizatsiya-psikhologo-sotsialnoi-pomoshchi-detyam-i-podrostkam-v-sisteme-regionalnogo-obr>

формирования педагогической деятельности [Маркова и др., 2006; Сластенин, Подымова, 2015], сотрудничество, обеспечивающее беспроблемное взаимодействие [Кучерова и др., 2018; Коновалова, 2000], создание условий [Вахнина, Скосырская, 2021], формирование определенных черт, качеств, взглядов и других личностных новообразований [Попова², 2013; Стрелкова, 2018].

Таким образом, обобщая рассмотренные определения, можно заключить, что психолого-педагогическое сопровождение – это целостная, системно организованная деятельность, в процессе которой создаются социально-психологические и педагогические условия для успешного обучения и развития каждого ребенка с учетом его индивидуальных возможностей и потребностей. Это должно лечь в основу функционирования психологических служб. При этом критериями успешности и, по сути, задачами и содержанием деятельности психологических служб станет уровень комфорта ребенка в образовательном процессе, безопасности образовательной среды, вовлеченности в образовательную деятельность [Millar et al., 2013; Битянова, 1997]. Именно тогда психологическая служба станет основой, ресурсной базой для всех участников образовательного процесса.

Основоположником современной модели психологической службы можно назвать И.В. Дубровину. Под ее руководством проводились исследования психологической службы как одного из компонентов целостной системы образования, целью деятельности которой является обеспечение психологического здоровья детей [Дубровина, 1998].

Результаты исследования. Для исследования имеющихся ресурсов психологической службы образования, а также представлений о ее целевом и содержательном наполнении проведен опрос представителей муниципальных органов управления образования. Опросник

² Попова О.С. Психологическое сопровождение развития личности учащихся в процессе профессионально-технического и среднего специального образования: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2013. 43 с. URL: <https://nauka-pedagogika.com/viewer/382994/a?#?page=1>

состоял из 8 вопросов и предполагал следующие содержательные блоки:

- профессиональное взаимодействие и сопровождение педагогов-психологов в муниципальном образовании;
- организация межведомственного взаимодействия муниципальной психологической службы (иного объединения педагогов-психологов) с иными органами и учреждениями;
- имеющиеся профессиональные дефициты действующих педагогов-психологов;
- потребность в повышении квалификации педагогов-психологов;
- меры, предпринятые муниципальным органом управления образования для повышения эффективности профессиональной деятельности педагога-психолога;
- ожидаемые меры регионального уровня для повышения эффективности профессиональной деятельности педагога-психолога;
- основные задачи муниципальной психологической службы.

По данным муниципальных органов управления, образованием в штатные расписания 844 общеобразовательных организаций (90 %) введены должности педагогов-психологов, причем в 515 организациях (61 %) работают не менее 1 специалиста. В штатных расписаниях 97 (10 %) школ отсутствует должность педагога-психолога. Как правило, эта проблема касается малокомплектных школ, расположенных территориально далеко от районного центра.

Из всех работающих педагогов-психологов 71 % имеют высшее психологическое образование, 25 % – высшее педагогическое образование и переподготовку по психологическому направлению, 2 % – среднее профессиональное педагогическое образование и переподготовку по психологическому направлению, остальные в настоящее время получают психологическое образование.

Для оказания психолого-педагогической помощи и методической поддержки участникам образовательных отношений в муниципальных образованиях функционируют 22 центра психолого-педагогической, медицинской

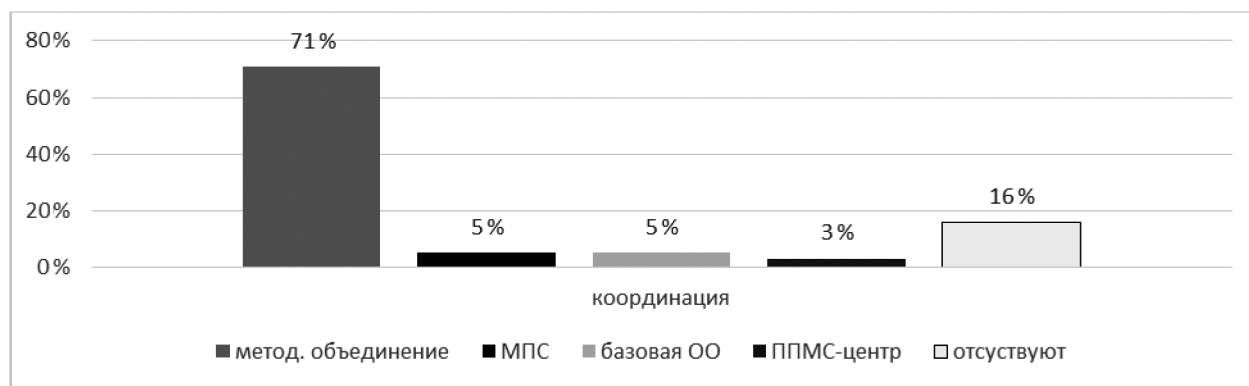

Рис. 1. Объединения, обеспечивающие координацию взаимодействия специалистов психологических служб (распределение в %)
 Fig. 1. Associations that ensure coordination of interaction among specialists in psychological services (distribution in %)

и социальной помощи, а также 32 иные организации (территориальные психолого-медико-педагогические комиссии, методические центры, консультационные центры, базовые образовательные организации).

Если говорить о *выстраивании профессионального взаимодействия, его координации, формировании некоторой площадки профессионального общения*, чаще всего эти функции берет на себя методическое объединение педагогов (79 %). Причем это может быть методическое объединение специалистов сопровождения, но чаще всего педагогов-психологов. В трех муниципальных образованиях создана муниципальная психологическая служба, еще в трех эти функции закреплены за образовательной организацией, в двух – исключительно в центре психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи (ППМС-центр). В 10 муниципальных образованиях (16 %) вообще отсутствуют объединения специалистов психолого-педагогического сопровождения для методической поддержки при организации образовательного процесса.

Межведомственное взаимодействие традиционно выстроено с психолого-медико-педагогическими комиссиями (90 % муниципальных органов опеки и попечительства (74 %), комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав (72 %). Можно говорить о приоритетном внимании со стороны специалистов психологических служб к отдельным категориям

детей: дети с ограниченными возможностями здоровья, дети-сироты и оставшиеся без попечения родителей, состоящие на разных видах учета. При этом только по одному муниципалитету заявили о выстроенных взаимосвязях с центрами занятости населения, учреждениями культуры, четыре (7 %) – с социально ориентированными некоммерческими организациями (СО НКО). При этом зачастую СО НКО имеют ресурсы, владеют технологиями организации первичной профилактики, создания безопасной психологической среды, а также эффективными методами работы с разными категориями детей и их родителей.

Далее нами проанализированы представления об имеющихся *дефицитах педагогов-психологов*, работающих в системе образования в настоящее время, и, соответственно, желаемые *направления повышения квалификации*.

Среди дефицитов специалисты муниципальных органов управления образованием выделяют следующие:

1) невладение или низкий уровень владения технологиями работы с отдельными категориями детей (детей с ограниченными возможностями здоровья, одаренных детей, детей с девиантным поведением). Об этом говорят в 45 муниципалитетах (74 %). Это опять же подчеркивает внимание к детям с особыми образовательными потребностями в ущерб комплексному подходу выстраивания безопасной психологической среды для всех участников образовательных отношений;

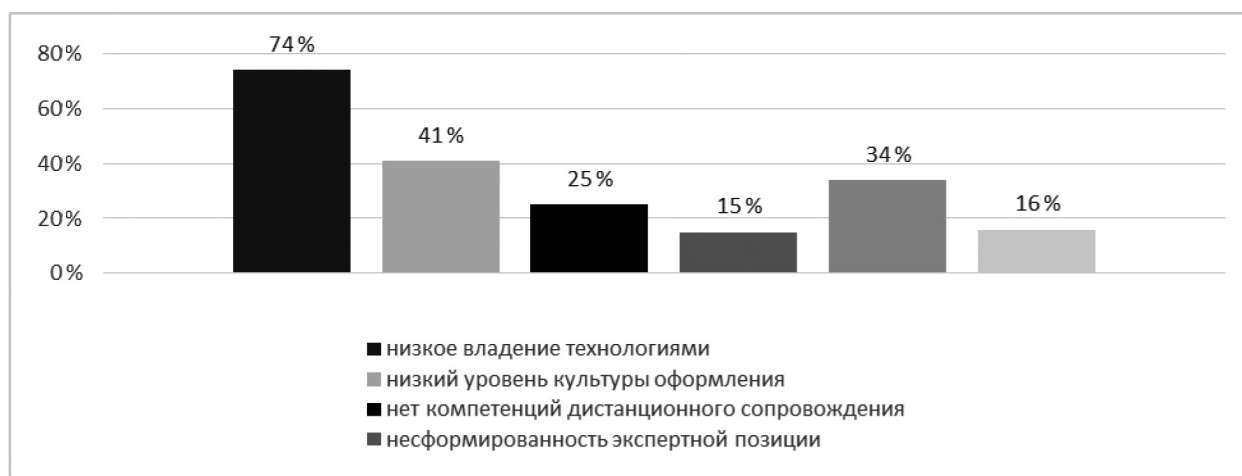

Рис. 2. Профессиональные дефициты педагогов-психологов (распределение в %)

Fig. 2. Professional deficits of educational psychologists (distribution in %)

2) низкая культура оформления документации педагога-психолога (41 %). Причем в указанной группе дефицитов встречаются как полное «незнание необходимой документации педагога-психолога», «неумение вести документацию педагога-психолога», так и конкретные точечные сложности, связанные с «оформлением и реализацией коррекционно-развивающей программы для детей с РАС»;

3) отсутствие компетенций дистанционного сопровождения образовательного процесса, использование дистанционных технологий в психолого-педагогической деятельности (25 %). Ситуация, связанная с пандемией новой коронавирусной инфекции Covid-19, обнажила проблемы дистанционного образования. Неготовыми к ней оказались представители разных сфер, в том числе образования. Конечно, реализация образовательного процесса требует и психолого-педагогического сопровождения, причем порой даже более интенсивного. Но отсутствие технологий, методов сопровождения в практике специалистов показало востребованность их разработки, адаптации и внедрения;

4) несформированность экспертной позиции, отсутствие навыков экспертизы образовательной среды, программ, проектов (15 %). От педагогов-психологов ожидают действий по экспертизе образовательных программ, их соответствии требованиям федеральных образовательных стандартов, возрастным особенностям, преемственности образовательных результатов,

при этом отмечая, что экспертная компетентность у них зачастую не сформирована;

5) неуточненные дефициты, связанные с реализацией основных должностных функций, например «организация коррекционно-развивающей деятельности», «психопрофилактика» (34 %). К этой же группе можно отнести отсутствие навыков планирования, проектирования собственной деятельности с учетом образовательной политики, возрастных особенностей, специфики образовательного учреждения. Стоит отметить, что подобные не совсем четкие представления о профессиональных дефицитах психологов, мнение о том, что они практически «не умеют ничего», может свидетельствовать и о несформированных представлениях самих специалистов органов управления образованием о целях, задачах и специфике деятельности психологической службы. Только понимание этого, а также анализ ресурсов системы психологического сопровождения в территориальном образовании могут вывести на осознание дефицитов и способов их ликвидации;

6) отдельно хотелось бы выделить еще одну группу, напрямую связанную не с профессиональными дефицитами, а некоторыми условиями организации психолого-педагогического сопровождения и личностными особенностями специалистов. Например, «недостаток материально-технического оснащения», «дефицит времени», «профессиональное выгорание», «недостаток профессионального общения».

Об этом говорят 16 % специалистов. Как раз указанные дефициты могут быть ликвидированы усилиями органов управления образованием через объединение ресурсов, планирование деятельности, создание муниципальных моделей и психологических служб.

Мы проанализировали, насколько соотносятся выделяемые дефициты с *запросами на тематику необходимых курсов повышения квалификации педагогов-психологов*. Интересно, что в 22 муниципальных образованиях (34 %) эти две позиции вообще не соотносятся. Например, в качестве дефицита выделяются: формы и методы организации работы с детьми и обучающимися в дистанционном режиме, проведение диагностик в условиях дистанционного обучения; платформы или электронные среды для педагогов-психологов (как у учителей-предметников) для организации профессиональной деятельности; организация наставничества для педагогов-психологов в образовательной организации; технологии коррекционной работы с детьми с ОВЗ, индивидуальные программы коррекционной работы; владение электронными программами обработки диагностических данных. При этом педагоги-психологи формулируют запрос на курсы по работе с детьми, склонными к суицидальному поведению, по работе с кризисными состояниями. Опять же отметим, что только комплексный системный подход в организации психолого-педагогического сопровождения, объединяющий усилия всех сотрудников от управленцев до непосредственных специалистов сопровождения, позволит выстроить эффективную деятельность психологической службы.

Следующим направлением для нашего анализа выступили *меры муниципального управления образованием, уже предпринятые для развития психологической службы*:

1) организация курсов повышения квалификации – наиболее популярная мера (79 %) поддержки специалистов. Причем часть муниципалитетов ограничиваются формированием заявки и курсов Краевого института повышения квалификации и информированием об

иных возможностях. Часть муниципалитетов самостоятельно обеспечивают возможность профессионального развития специалистов. Например, в Ачинске по результатам анкетирования психологов проводятся семинары-практикумы, мастер-классы, «дни практической психологии» в связи с наибольшим интересом специалистов именно в практическом опыте. В Красноярске функционируют круглогодичные школы молодого психолога «О профессии доступно» и консультантов «Короткая консультация», ежегодно проводятся декадни психологии «Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса в современных условиях», Ярмарка психолого-педагогических практик, стажировки и супервизии для педагогов-психологов;

2) обеспечение возможности для обмена опытом педагогов-психологов, наставничества молодых специалистов (33 %). В роли таких площадок выступают дни открытых дверей, открытые занятия, формирование системы наставничества и поддержки;

3) организация методического объединения педагогов-психологов (специалистов сопровождения). Такую меру поддержки выделяют 28 муниципальных образований края (46 %). Интересно, что общее количество функционирующих методических объединений значительно выше. В этой связи можно предположить, что отсутствует включение управления образования в деятельности методических объединений, а значит, не происходит стратегических изменений в системе психолого-педагогического сопровождения;

4) развитие конкурсного движения среди специалистов психолого-педагогического сопровождения (20 %). Участие в конкурсах профессионального мастерства выступает и как возможность повышения квалификации, профессионального диалога, экспертной оценки профессиональной деятельности, способ профессионального и личностного развития. Тем не менее наблюдается сопротивление в организации этих конкурсов со стороны муниципалитетов и, как следствие, в участии со стороны специалистов.

Следующие муниципальные меры по развитию психологической службы выделяют лишь четыре управления образованием (7 %): организация внутриотраслевого и межведомственного взаимодействия, создание и функционирование подразделений для оказания психолого-педагогической помощи (консультативные пункты, службы ранней помощи, территориальные психолого-медико-педагогические комиссии и др.), разработка нормативно-правовой базы. При этом зачастую именно этих мер ожидают непосредственные участники образовательных отношений. Актуальность и ресурсность организации сетевого взаимодействия, развитие служб помощи, нормативное обеспечение позволят преодолеть дефициты системы сопровождения.

В ограниченном количестве муниципальных образований (1–2) предпринимаются следующие меры для развития психологической службы: освещение психолого-педагогической деятельности в СМИ с целью популяризации направления деятельности среди населения, материально-техническое оснащение кабинетов специалистов, аттестация педагогов-психологов, контроль за организацией психолого-педагогического сопровождения в образовательных организациях. Тем не менее, на наш взгляд, указанные меры также имеют важное значение при построении региональной модели психологической службы, как и *действия, ожидаемые от органов управления регионального уровня.*

Большинство представителей муниципальных органов управления образованием ожидают изменений в системе повышения квалификации специалистов психолого-педагогического сопровождения (61 %). Сюда относятся повышение практикоориентированности курсов, изменение тематики в соответствии с вызовами времени и дефицитами педагогов-психологов, повышение вариативности обучающих мероприятий, в том числе проведение семинаров, выездных погружений, тренингов, открытие стажерских площадок, пилотных площадок для проведения и тиражирования исследований.

В этой же логике сформулирована и другая группа популярных запросов: организация единого виртуального пространства взаимодействия специалистов психолого-педагогического сопровождения (33 %). Это могут быть единая платформа, объединение межсетевого взаимодействия, которое обеспечивает не только возможность профессионального диалога, но и размещения полезных ресурсов, успешных практик, опыта деятельности педагогов-психологов и других специалистов психологических служб.

Обновленного нормативно-правового регулирования ожидают в 20 муниципальных образованиях (33 %). Причем ожидают как стратегические документы, такие как концепция психологической службы в Красноярском крае, модель психологической службы, так и рекомендованный единый портфель диагностических методик, рабочей документации педагога-психолога, примерных программ. Особо выделяются ожидания об изменении норматива нагрузки педагога-психолога (10 %): уменьшение количества обучающихся на ставку специалиста. Несколько муниципалитетов (13 %) предлагают рассмотреть дополнительные меры по материально-техническому оснащению деятельности психологических служб, возможно, через грантовые конкурсы.

Можно выделить интересные, на наш взгляд, предложения от отдельных муниципалитетов. Например, организация мероприятий с руководителями образовательных организаций, органов местного самоуправления по развитию мотивации на создание психологических служб, проведение мониторингов деятельности психологических служб и дефицитов педагогов-психологов, развитие конкурсного движения не только среди педагогов, но и детей.

Основополагающим при планировании развития региональной *психологической службы* имеют *представления о ее целевых показателях.*

Представители органов управления образованием задачи муниципальной психологической службы видят, прежде всего, в развитии профессиональных компетенций педагогов-

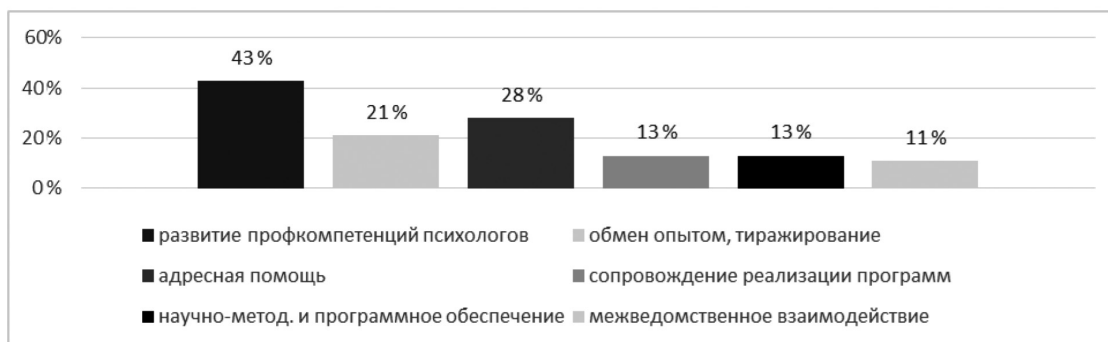

Рис. 3. Задачи муниципальной психологической службы (распределение в %)
Fig. 3. Tasks of municipal psychological service (distribution in %)

психологов (43 %), создании условий для обмена опытом, обобщения и тиражирования опыта деятельности психологических служб (21 %), а также в оказании адресной помощи обучающимся с особыми образовательными потребностями, сопровождении обучающихся, испытывающих трудности в освоении образовательных программ, адаптации и социализации (28 %). По 13 % специалистов ставят перед муниципальной психологической службой задачу обеспечения психологического сопровождения реализации образовательных программ и развития научно-методического и программного обеспечения деятельности служб. Чуть меньше (11 %) говорят о важности выстраивания межведомственного взаимодействия. Отдельные специалисты выделяют задачи организации просветительской, профилактической деятельности среди участников образовательных отношений, обеспечения доступной психологической помощи, создания психолого-педагогических условий в образовательных организациях, проектирования, моделирования деятельности психологической службы в контексте ее включения в воспитательную работу школы, а также ликвидации дефицита специалистов и формирования нормативно-правовой базы.

Заключение

1. Большинство образовательных организаций края укомплектовано штатными педагогами-психологами, многие из которых имеют высшее психологическое образование. При этом менее чем в половине муниципальных образований края есть отдельные структурные объединения,

обеспечивающие психологическую помощь детям, их родителям и педагогам.

2. К профессиональным дефицитам педагогов-психологов относят низкий уровень владения технологиями работы с детьми с особыми образовательными потребностями, культуры оформления документации, а также отсутствие основных функциональных навыков.

3. Для развития системы психолого-педагогического сопровождения муниципальными органами управления образованием организация обеспечивается возможностью повышения квалификации, обмена опытом педагогов-психологов, наставничества молодых специалистов, участия в работе методического объединения педагогов-психологов (специалистов сопровождения).

4. При этом с краевого уровня ожидаются изменения в системе повышения квалификации, создания единого виртуального пространства взаимодействия и обновленной нормативно-правовой базы для развития психологических служб.

5. К задачам муниципальной психологической службы относятся развитие профессиональных компетенций педагогов-психологов, создание условий для обмена опытом, обобщения и тиражирования опыта деятельности психологических служб, а также оказание адресной психологической помощи обучающимся.

С учетом полученных данных будет разработана организационно-функциональная модель психологической службы в системе образования Красноярского края.

Библиографический список

1. Битянова М.Р., Глазунова О.И. Антропологический подход к решению проблем успешности обучения ребенка в школе // Психологическая наука и образование. 2005. Т. 10, № 1. С. 5–8. URL: <https://psyjournals.ru/psyedu/2005/n1/Bitianova.shtml>
2. Битянова М.Р. Организация психологической работы в школе М.: Совершенство, 1997. 297 с. URL: <http://psychlib.ru/mgppu/bit/bit-001-.htm#p1>
3. Вахнина В.В., Скосырская Ю.А. Психологическое сопровождение как стержневой компонент процесса социально-психологического обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите // Прикладная психология и педагогика. 2021. Т. 6, № 4. С. 76–100. DOI: 10.12737/2500-0543-2021-6-4-76-100. EDN ZTHJPE. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/45947/view>
4. Газман О.С. Педагогика свободы: путь в гуманистическую цивилизацию 21 века // Классный руководитель. 2000. № 3. С. 6–33.
5. Гришанова О.С., Нелюбова Я.К. Эффективность профилактической работы школы в оценках специалистов социально-психологической службы // International Journal of Medicine and Psychology. 2020. Т. 3, № 2. С. 15–21. EDN JACPNF. URL: <https://ijmp.ru/archives/10155>
6. Дубровина И.В. Психологическая служба образования: научные основания, цели и средства // Психологическая наука и образование. 1998. Т. 3, № 2. URL: <https://psyjournals.ru/psyedu/1998/n2/Dubrovina.shtml>
7. Забродин Ю.М., Метелькова Е.И., Рубцов В.В. Концепция и организационно-структурные модели психологической службы образования // Психологическая наука и образование. www.psyedu.ru. 2016. Т. 8, № 3. С. 1–15. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2016/n3/zabrodin_metelkova_rubtsov.shtml
8. Коновалова Н.Л. Предупреждение нарушений в развитии личности при психологическом сопровождении школьников. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. 229 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000706297>
9. Кучерова О.Е., Тарасова С.И., Анохина С.В. Профессиональное воспитание будущего специалиста в общей системе воспитательной работы организаций среднего профессионального образования // Научный результат. Сер.: Педагогика и психология образования. 2018. Т. 4, № 4. С. 63–72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-vospitanie-buduschego-spetsialista-v-obschey-sisteme-vozpitatelnoy-raboty-organizatsiy-srednego-professionalnogo-obra-zovaniya>
10. Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б. Возрастные особенности мотивации учения и умение школьников учиться // Педагогическая психология: хрестоматия. СПб.: Питер, 2006. С. 57–62. EDN YUNZOR. URL: <http://ebooks.grsu.by/pedpsihologia/markova-a-k-matis-t-a-orlov-a-b-vozrastnye-osobennosti-motivatsii-ucheniya-i-umenie-shkolnikov-uchitsya.htm>
11. Психическое здоровье детей и подростков в контексте психологической службы / под ред. И.В. Дубровиной. 4-е изд. Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 176 с. URL: https://www.phantastike.com/age_psychology/mental_health_children/html/
12. Рубцов В.В., Селявина Л.К., Малых С.Б. Система психологической поддержки образования // Психологическая наука и образование. 1999. № 2. С. 5–32. URL: <https://psyjournals.ru/psyedu/1999/n2/Rubtsov.shtml>
13. Семаго М.М., Семаго Н.Я. Организация и содержание деятельности психолога специально-го образования: метод. пособие. М.: АПКТИ, 2005. 336 с. URL: <https://studfile.net/preview/2419635/>
14. Система функционирования психологических служб в общеобразовательных организациях: метод. реком. / Б.М. Абушкин, С.В. Алехина, Г.С. Банников и др.; Министерство просвещения Российской Федерации. М.: Моск. гос. психол.-пед. ун-т, 2020. 120 с. URL: <https://roscopy.ru/node/930>

15. Слостенин В.А., Подымова В.А. Эффективность образовательного процесса // Педагогическая наука и образование. 2015. № 7. С. 12.
16. Смолярчук И.В., Толстошеина В.М. Психолого-педагогическое сопровождение детей в инклюзивном образовании // Поволжский педагогический вестник. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-detey-v-inklyuzivnom-obrazovanii/viewer>
17. Стрелкова О.В. Психологическое сопровождение будущих специалистов как формирование потребности в психологических знаниях // Балтийский морской форум: матер. VI Междунар. Балтийского морского форума: в 6 т., Калининград, 03–06 сентября 2018 г. Калининград: Обособленное структурное подразделение «Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота» ФГБОУ ВПО «Калининградский государственный технический университет», 2018. С. 254–262. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36734180>
18. Технология оценки образовательной среды школы: учебно-методическое пособие для школьных психологов / В.В. Рубцов, Е.В. Высоцкая, А.З. Зак и др.; под ред. В.В. Рубцова, И.М. Улановской. Обнинск: ООО «Исследовательская группа “Социальные науки”», 2010. 288 с. URL: https://www.pirao.ru/upload/iblock/c1b/tekhnologiya_ocenki.pdf
19. Bahr M.W., Leduc J.D., Hild M.A., Davis S.E., Summers J.K., Mcneal B. Evidence for the expanding role of consultation in the practice of school psychologists // School Psychol. 2017. Is. 54. P. 581–595. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/pits.22020>
20. Millar G.M., Lean D., Sweet S.D., Moraes S.C., Nelson V. The psychology school mental health initiative: an innovative approach to the delivery of school-based intervention services // School Psychol. 2013. Is. 28. P. 103–118. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0829573512468858>
21. Müller B., Hagen A., Vannini N., Büttner G. Measurement of the effects of school psychological services: A scoping review. // Frontiers in Psychology. 2021. 16 April. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.606228/full>

DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-61-3-360>

RESOURCES AND OUTLOOKS FOR DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGICAL SERVICES IN EDUCATIONAL SYSTEM OF KRASNOYARSK KRAI (BASED ON DATA BY MUNICIPAL BODIES OF EDUCATION MANAGEMENT)

E.V. Fedoreeva (Krasnoyarsk, Russia)

M.V. Safonova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article captures the relevance of improving psychological support of educational activity. It is possible to build an updated model of psychological service if we understand existing backlogs and deficits, resources and priorities of the educational system in the region.

The purpose of the article is to describe the views of regional educational authorities on the aforementioned topics.

The theoretical and methodological basis of the study is research on the development of psychological service as one of the components of an integral education system (by I.V. Dubrovina), technological concept of school psychological service (by M.R. Bityanova), our approach to the organization providing psychological and pedagogical assistance to students in psychological services (by V.V. Rubtsov and Ye.I. Metelkova) and the system of psychological support of an educational process (by L.K. Selyavina and S.B. Malykh).

During the research, a survey of specialists of regional educational authorities, who curate all problems of psychological services' development, was held. There were 61 participants in total. The survey included both quantitative indicators of the availability and variability of psychological support, and ideas about the tasks, content and management mechanisms for the psychological services' development.

Research results. Relevant quantitative data of organizations and specialists of regional psychological services was collected.

We looked into existing problems of deficit of working teachers/psychologists: they are mainly caused by a low level of proficiency in working with exceptional children groups and a low level of paperwork handling. For psychological services to develop effectively, changes in the system are expected: educational authorities need to change the specialists' growth system, and to be oriented towards practical teaching of psychologists and organizational/regulatory activities regarding their work.

Conclusion. We concluded that it is necessary to restructure the system of psychological support, taking into account the target guidelines for activities, available resources, and opportunities for interaction.

Keywords: *psychological service, psychological and pedagogical support, psychological assistance, psychological safety, professional deficits, psychological competence.*

Fedoreeva Elena V. – PhD Candidate, Psychology Department, Institute of Psychological and Pedagogical Education, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); SPIN-code: 5452-1052; e-mail: fedoreeva_e@mail.ru

Safonova Marina V. – PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology of Primary Education, Faculty of Primary Classes, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: 0000-0002-7925-274X; SPIN-code: 8787-9993; AuthorID: 430620; e-mail: marina.safonova@mail.ru

---

References

1. Bityanova M.R., Glazunova O.I. An anthropological approach to solving problems of success of a child's education at school // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological Science and Education)*. 2005. Vol. 10, No. 1. P. 5–8. URL: <https://psyjournals.ru/psyedu/2005/n1/Bitianova.shtml>
2. Bityanova M.R. Organization of psychological work at school Moscow: *Sovershenstvo*, 1997. 297 p. URL: [#p1](http://psychlib.ru/mgppu/bit/bit-001-.htm)

3. Vakhnina V.V., Skosyrskaya Yu.A. Psychological support as a core component of the process of socio-psychological security provision for persons subject to state protection // *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika (Applied Psychology and Pedagogy)*. 2021. Vol. 6, No. 4. P. 76–100. DOI: 10.12737/2500-0543-2021-6-4-76-100. EDN ZTHJPE. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/45947/view>
4. Gazman O.S. Pedagogy of freedom: Path to humanistic civilization of the 21st century // *Klassnyy rukovoditel (Classroom Teacher)*. 2000. No. 3. P. 6–33.
5. Grishanova O.S., Nelyubova Ya.K. The effectiveness of preventive work at school based on assessments of experts from socio-psychological service // *International Journal of Medicine and Psychology*. 2020. Vol. 3, No. 2. P. 15–21. EDN JACPNF. URL: <https://ijmp.ru/archives/10155>
6. Dubrovina I.V. Psychological educational service: scientific grounds, goals and means // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological Science and Education)*. 1998. Vol. 3, No. 2. URL: <https://psyjournals.ru/psyedu/1998/n2/Dubrovina.shtml>
7. Zabrodin Yu.M., Metelkova E.I., Rubtsov V.V. The concept and organizational and structural models of the psychological service of education // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological Science and Education)*. 2016. Vol. 8, No. 3. P. 1–15. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2016/n3/zabrodin_metelkova_rubtsov.shtml
8. Konovalova N.L. Prevention of violations in the development of personality with psychological support of schoolchildren. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2000. 229 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000706297>
9. Kucherova O.E., Tarasova S.I., Anokhina S.V. Professional education of a future specialist in the general system of educational work of secondary vocational education organizations // *Nauchnyy rezul'tat. Ser. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya (Scientific Result. Series: Pedagogy and Psychology of Education)*. 2018. Vol. 4, No. 4. P. 63–72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-voospitanie-budushego-spetsialista-v-obschey-sisteme-vozpitatelnoy-raboty-organizatsiy-srednego-professionalnogo/viewer>
10. Markova A.K., Mathis T.A., Orlov A.B. Age-related features of teaching motivation and ability of schoolchildren to learn. In: *Pedagogical psychology: a textbook*. St. Petersburg: Piter, 2006. P. 57–62. EDN YUHZOR. URL: <http://ebooks.grsu.by/pedpsihologia/markova-a-k-matis-t-a-orlov-a-b-vozrastnye-osobennosti-motivatsii-ucheniya-i-umenie-shkolnikov-uchitsya.htm>
11. Mental health of children and adolescents in the context of psychological service / ed. by I.V. Dubrovina. 4th ed. Yekaterinburg: Delovaya kniga, 2000. 176 p. URL: https://www.phantastike.com/age_psychology/mental_health_children/html/
12. Rubtsov V.V., Selyavina L.K., Malykh S.B. System of psychological support of education // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological Science and Education)*. 1999. No. 2. P. 5–32. URL: <https://psyjournals.ru/psyedu/1999/n2/Rubtsov.shtml>
13. Semago M.M., Semago N.Ya. Organization and content of the activity of a psychologist of special education: a methodological guide. Moscow: ARKTI, 2005. 336 p. URL: <https://studfile.net/preview/2419635/>
14. The system of functioning of psychological services in general education organizations: methodological recommendations / B.M. Abushkin, S.V. Alyokhina, G.S. Bannikov et al.; Ministry of Education of the Russian Federation. Moscow: Moscow State Psychological and Pedagogical University, 2020. 120 p. URL: <https://rospsy.ru/node/930>
15. Slastenin V.A., Podymova V.A. Efficiency of educational process // *Pedagogicheskaya nauka i obrazovanie (Pedagogical Science and Education)*. 2015. No. 7. P. 12.
16. Smolyarchuk I.V., Tolstosheina V.M. Psychological and pedagogical support of children in inclusive education // *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik (Volga Pedagogical Bulletin)*. 2014. No. 1. URL: <https://>

cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-detey-v-inklyuzivnom-obrazovanii/viewer

17. Strelkova O.V. Psychological support of future specialists as the formation of the need for psychological knowledge. In: Proceedings of the VI International Baltic Sea Forum "Baltic Sea Forum": in 6 volumes. Kaliningrad, 03–06 September 2018. Kaliningrad: A separate structural subdivision of the Baltic State Academy of Fishing Fleet, Kaliningrad State Technical University, 2018. P. 254–262. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36734180>
18. Technology for assessing educational environment of school: an educational and methodological guide for school psychologists / V.V. Rubtsov, E.V. Vysotskaya, A.Z. Zak et al.; edited by V.V. Rubtsov, I.M. Ulanovskaya. Obninsk: ООО "Issledovatel'skaya gruppa "Sotsialnye nauki", 2010. 288 p. URL: https://www.pirao.ru/upload/iblock/c1b/tekhnologiya_ocenki.pdf
19. Bahr M.W., Leduc J.D., Hild M.A., Davis S.E., Summers J.K., Mcneal B. Evidence for the expanding role of consultation in the practice of school psychologists // *School Psychol.* 2017. Is. 54. P. 581–595. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/pits.22020>
20. Millar G.M., Lean D., Sweet S.D., Moraes S.C., Nelson V. The psychology school mental health initiative: an innovative approach to the delivery of school-based intervention services // *School Psychol.* 2013. Is. 28. P. 103–118. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0829573512468858>
21. Müller B., Hagen A., Vannini N., Büttner G. Measurement of the effects of school psychological services: A scoping review. // *Frontiers in Psychology.* 2021. 16 April. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.606228/full>

УДК 81-2

ЭФЕМИЗМЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ В РЕЧИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

А.А. Курделяс (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. Эвфемизмы нейтрализуют социальный дискурс, смягчая негативное воздействие табуированных тем, которые могут вызвать общественное неодобрение и беспокойство. В настоящее время в российских СМИ широко применяются военно-политические эвфемизмы, которые известны своей манипулятивной направленностью и тенденцией к двойным стандартам, при помощи которых намеренно маскируется правда о происходящем. *Цель* данного исследования – проанализировать речевые стратегии эвфемизации и провести количественный анализ, определяющий самые часто используемые эвфемистические единицы в печатных российских СМИ за период 2020–2022 гг.

Методология (материалы и методы). Материалом исследования послужили статьи, опубликованные в 2020–2022 гг. в российских газетах «Известия», «Коммерсантъ», «Ведомости», а также в зарубежных источниках «The Telegraph», «The Times», «The Guardian». В работе использованы методы анализа и обобщения, анализа семантической структуры и интерпретации интенциональных стратегий рассматриваемых эвфемизмов, а также статистический метод.

Результаты исследования. Установлены основные факторы, способствующие применению эвфемизмов военно-политической тематики в текстах ряда современных печатных российских СМИ. Предложена интерпретация вероятной интенциональной направленности анализируемых лексических единиц. Выполнен количественный анализ использованных эвфемизмов в выбранных источниках, показывающий статистику частотности применения исследуемых лексических единиц в статьях российских газет.

Заключение. В настоящей работе определено, что одной из многократно встречающихся задач эвфемистического переименования является улучшение восприятия денотата за счет размытия семантического компонента. Наиболее повторяемой интенцией (речевой стратегией) использования эвфемизмов в рассматриваемых примерах является вуалирование обозначаемой реалии, позволяющее снять психологическую напряженность во избежание общественного осуждения и всплеск массовой паники. Часто встречаемыми эвфемизмами из исследуемых оказались *силы сдерживания* и *демаркация границы*.

Ключевые слова: эвфемизмы, СМИ, речевые стратегии, интерпретация, политический дискурс, интенции, двойные стандарты.

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания филологического факультета, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

Курделяс Анастасия Андреевна – аспирант кафедры общего языкознания филологического факультета, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: shagratka@icloud.com

Постановка проблемы. Политический дискурс, наряду с рекламным, в наибольшей степени приспособлен для того, чтобы приукрашивать действительность и скрывать истинное положение дел [Crystal, 1995, р. 177]. К числу системообразующих характеристик политического дискурса относится эвфе-

мизация как одна из важнейших манипулятивных стратегий, при использовании которой наблюдается семантическое размывание и смещение оценки денотата. Эвфемизмы как лексико-семантические единицы широко применяются в речи СМИ в роли значимых компонентов дискурса. «Тексты публицистического стиля масс-

медиа могут служить примером для повседневного речеупотребления, а также принимают участие в процессах словотворчества. В сознании аудитории по-прежнему присутствуют внушавшиеся десятилетиями представления о СМИ как рупоре и неременном атрибуте высшей государственной власти, никогда не ошибающейся, обладающей истиной в последней инстанции, поэтому и словоупотребление в СМИ зачастую все еще воспринимается в качестве авторитетной нормы» [Васильев, 2003, с. 5].

Одной из трудностей в исследовании эвфемизации речи является разграничение эвфемизмов и смежных явлений. Под настоящими эвфемизмами понимаются такие единицы, которые закреплены в лексической системе языка и его узусе и которые «воспринимаются таковыми большинством носителей языка вне зависимости от контекста» [Реброва 2015, с. 123]. Эвфемизмы обладают следующими отличительными признаками.

– Обозначение нежелательного денотата, где денотат эвфемизма соотносится с явлением, характеризующимся негативной коннотацией.

– Семантическая неопределенность, позволяющая «смягчить» негативную оценку денотата за счет семантической редукции.

– Улучшение характера денотата по сравнению с заменяемым словом.

– Формальный характер улучшения денотата, при котором адресату удается понять, о каком явлении говорящий ведет речь.

– Косвенность номинации. Среди прямых наименований способны быть эвфемизмами слова с обобщенной семантикой, в том числе научные термины и иноязычная лексика [Иванян, 2021, с. 6].

В отличие от семантики умолчания для эвфемизма является обязательным обозначение негативного денотата. Эвфемизмы объективируют категорию вежливости, которая регулирует соблюдение норм приличия; тем самым они характеризуются как лексико-семантическое средство выражения определенных стратегий категории вежливости. Эвфемизация и тайноречие приводят к разным эффектам в процессе

расшифровки информации. Главная цель тайноречия состоит в том, чтобы утаить информацию от контрагента; как следствие, последний не понимает или не догадывается о подлинном смысле высказывания. Эвфемизация, напротив рассчитана на догадку носителя языка, на его понимание того, о чем именно идет речь, даже при использовании словесного «шифра», вуалирующего предмет сообщения. Эвфемизация и дезинформация противопоставлены по своим коммуникативным целям: дезинформация – это обман, искажение информации с корыстной целью, а эвфемизация – смягчение выражения.

При исследовании эвфемизации речи особенно важно понимать, что семантические параметры лексической замены напрямую зависят от речевой стратегии высказывания, то есть от его интенции. Следует отметить, что задача интерпретации эвфемизмов имеет свои особенности, поскольку адресант не предупреждает аудиторию о том, что именно он «эвфемизирует», стремясь, однако, транслировать и внушить аудитории именно его оценку упоминаемых фактов. «Обычно эвфемизируются наименования явлений, о которых напрямую говорить неудобно или стыдно, так как они представляют собой воплощение чего-то социально неприемлемого. Расшифровывая эвфемистическое высказывание и восстанавливая истинный денотат, мы одновременно расшифровываем и содержащуюся в нем импликацию (выводим констатацию подразумеваемых ценностей). Таким образом, в эвфемизме по сравнению с исходным «табуируемым» (в широком смысле) наименованием снимается коннотация социальной неприемлемости [Шейгал, 2000].

В настоящей работе рассматривается содержательная сторона военно-политических эвфемизмов, примененных в текстах статей российских газет в период 2020–2022 гг., анализируются речевые стратегии эвфемии, а также проводится количественный анализ, определяющий часто используемые эвфемистические единицы за последние 3 года.

Обзор научной литературы. Основой исследования являются научные концепции, раз-

работанные авторами, которые рассматривали теоретические вопросы, связанные с эвфемией, а также описывали средства и цели эвфемизации в русском языке: Л.П. Крысин, 1994, В.П. Москвин, 2007, Е.П. Сеничкина, 2006, Н.И. Формановская, 1989.

В последнее десятилетие эвфемизмы неоднократно рассматривались российскими учеными в связи с актуальностью проблемы воздействия в политической коммуникации. Эффективность эвфемизации речи как одного из способов манипулирования в языке СМИ исследуется рядом авторов. А.Д. Васильев использует понятие «слово-мифоген», а также термины «лексические фантомы», «слова-символы», анализирует лексические особенности сегодняшнего телевизионного дискурса и описывает манипулятивные приемы эвфемизации речи, включаемые в сферу «игр в слова» [Васильев, 2003]. С.Г. Кара-Мурза вводит понятие «слова-амебы» в отношении к терминам, обладающим магическим воздействием на сознание, имеющим отпечаток авторитета науки [Кара-Мурза, 2008]. Ю.С. Баскова рассматривает манипулятивный потенциал эвфемизма, основанного на механизме ассоциативности и механизме «буфера» (Баскова, 2007). Н.В. Прядильникова указывает на полифункциональность эвфемизмов в речи СМИ (Прядильникова, 2007).

В данной связи стоит отметить целый ряд лексикографических источников соответствующей тематики, вводящих в оборот разнообразный и современный материал: «Англо-русский словарь табуированной лексики и эвфемизмов» (Кудрявцев, Куропаткин, 2001), «Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов» (Моченов, 2003), «Словарь русской брани: матизмы, обсценизмы, эвфемизмы» (Мокиенко, Никитина, 2004), «Словарь эвфемизмов русского языка» (Сеничкина, 2016), «Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать» (Бобылева, 2021), «Словарь эвфемизмов русского языка» (Иванян, 2021).

Методология. Методологическую базу исследования составили идеи и концепции, представленные в трудах отечественных и зару-

бежных лингвистов по эвфемии (А.М. Кацев, Л.П. Крысин, А.Д. Кульман, Б.А. Ларин, В.П. Москвин, Е.П. Сеничкина, Е.Н. Торопцева, Е.И. Шейгал, Р.В. Холдер, Дж. Лоуренс), по манипуляции сознанием (Б.Н. Бессонов, С.Г. Кара-Мурза, С.А. Мегентесов, И.К. Мельник, Г. Шиллер), по языку СМИ (А.Д. Васильев, В.И. Коньков, В.Г. Костомаров, М.Р. Желтухина).

Материалом исследования являются статьи, опубликованные в 2020–2022 гг. в газетах «Известия», «Коммерсантъ», «Ведомости», «The Telegraph», «The Times», «The Guardian»; данные газеты входят в первую тройку рейтинга российских и зарубежных СМИ по состоянию на апрель-май 2022 г.

Результаты исследования. Из обозначенных источников для проведения семантического и интенционального анализа отобрано 6 военно-политических эвфемизмов, значения которых проанализированы с учетом частоты их употребления и информации, извлеченной из специализированных словарей. Были рассмотрены следующие эвфемизмы:

1. **Пацификация** – вместо *расправа, усмирение с использованием карательных мер*, от лат. *pacificatio* – 'умиротворение' [Сеничкина, 2012].

2. **Сопутствующий ущерб / Сопутствующая жертва** – вместо *жертвы среди гражданского населения во время войны, массовое убийство невинных людей. Смерть в результате несчастного случая на войне* [Rawson, 2002]; например: «Я не оправдываю никаких действий, которые приводят к гибели гражданских лиц, но не мы придумали выражение *collateral damage* (сопутствующий ущерб), его придумали наши западные коллеги во время своих авантур и в Ираке, до этого в других странах, до этого в Латинской Америке, в Ливии» (Лавров, Коммерсантъ 03.03.2022).

3. **Узник совести** – вместо *политический заключенный, государственный изменник* [Иванян, 2021].

4. **Берлинский пациент** – вместо *Алексей Навальный*. С 2020 г. в печатных СМИ появилось частое использование нового эвфемизма «берлинский пациент»: «Пресс-секретарю

президента РФ Дмитрию Пескову несколько дней назад уже пришлось отвечать на вопрос, почему он упорно продолжает избегать упоминания Навального напрямую, называя его абстрактно – “больной”, “гражданин РФ”, “пациент”. “Он является пациентом, он болеет, так мы его и называем”, – просто ответил Песков. В новой беседе с журналистами он употребил свежий эвфемизм – “берлинский пациент”» (Newsru.com, 03.09.2020).

5. **Демаркация границы** – проведение государственной границы на местности с обозначением ее специальными пограничными знаками. Данный эвфемизм используется вместо словосочетания *возвращение территорий* [Сеничкина, 2012].

6. **Силы сдерживания / Стратегия сдерживания / Средства сдерживания / Меры сдерживания / Политика сдерживания** – вместо *приведение ядерного оружия в боевую готовность, применение ядерного оружия*. «Отчасти понятие “сдерживание” [deterrence] стало эвфемизмом для более широкой концепции принуждения, поскольку в нашей официальной терминологии “оборона” заменила такие слова, как “война” и “военный” (Shilling, 1966, p. 174).

С учетом содержательного анализа исследуемых лексических единиц выявлены следующие вероятные стратегии речевого воздействия. Рассмотрим их в отношении каждого из эвфемизмов последовательно.

Пацификация: «Пацификация рабочих на шахте “Вуек”» (Коммерсантъ, 26.05.2022). Использование данной лексической единицы направлено на переключение оценочного знака с отрицательного *расправа, подавление силой* на нейтральный *пацификация*. Целью подобного применения является попытка закамуфлировать совершение неправовых и аморальных действий, чтобы избежать их общественного осуждения.

Сопутствующий ущерб / Сопутствующая жертва: «По словам депутата, это не первый подобный инцидент. Он отметил, что мирные жители постоянно являются “сопутствующим ущербом” в ходе применения США авиации

в Афганистане, Ираке и Сирии» (Известия, 14.11.2021). Применяемая речевая стратегия уклонения от истинного смысла в виде эвфемистического сочетания *сопутствующий ущерб* позволяет успешно вуалировать тему-табу, связанную со смертью. В данном случае задействована камуфлирующая функция эвфемизма, которая использована во избежание огласки серьезных последствий, которые привели к значительному количеству жертв после проведения военных действий.

Узник совести: «Путь к миру должен начаться с освобождения Россией всех пленных и узников совести, говорится в программе, а вопросы “оккупированного Донбасса” и “аннексированного Крыма” должны рассматриваться “в едином пакете”» (Ведомости, 18.07.2020). Использованное эвфемистическое сочетание *узник совести* вместо *политический заключенный* или *государственный изменник* позволяет применить стратегию снятия ответственности за счет перераспределения вины *мы-ответственность* → *они-ответственность* (по Е.И. Шейгал), тем самым обозначая семиотическую оппозицию «свой – чужой». Особую значимость проблема оппозиции «свой – чужой» приобретает в условиях политических конфликтов.

С аналогичной интенцией применено словосочетание *берлинский пациент*, однако применяется оно для указания на одного политического заключенного, а именно Алексея Навального: «Тот, кого нельзя называть: в Кремле придумали новый псевдоним для Навального – “берлинский пациент”» (Newsru.com, 3.09.2020). «Канцлер навестила берлинского пациента» (Коммерсантъ, 28.09.2020). «Часть правды знаем. Не все, не буду врать и хвастаться. Но знаем в части, касающейся берлинского пациента. Тоже знаем часть правды. Или некие косвенные свидетельства правды» (Ведомости. 01.08.2021).

Демаркация границы: «Бишкек и Душанбе уже на протяжении многих лет не могут найти консенсус по поводу демаркации границы. В результате между военнослужащими обеих республик периодически происходят перестрелки»

(Известия, 16.05.2022). Репрезентация событий сквозь призму эвфемизма мотивирована попыткой избежать потери лица, которая неизбежна при необходимости обнародовать факты, унижительные для престижа страны, такие как потеря союзников или утрата территорий. Необходимость идти на уступки снижает политический статус лидера, поэтому описываемая ситуация заменяется эвфемистическим сочетанием *демаркация границы*. «Не будем говорить о “возвращении” территорий, об “уступке” территорий, будем говорить о “демаркации границы”». Своего рода политическая анестезия. Чтобы не слишком больно было отдавать» [Шейгал, 2000, с. 246].

Силы сдерживания: «28 февраля, спустя четыре дня после начала военной операции на Украине, президент России Владимир Путин перевел силы стратегического сдерживания “в особый режим несения боевого дежурства”»

(Коммерсантъ, 07.05.2022). Эвфемизм *силы стратегического сдерживания* применяется вместо фразы *готовность к использованию ядерного оружия*. Данная речевая стратегия нацелена на то, чтобы избежать общественного волнения. В данном случае психологический аспект анализируемой функции эвфемии заключается в «нейтрализации защитной реакции со стороны аудитории по отношению к возможной угрозе» [Wodak, 1989, p. 143].

Перейдем к представлению данных количественного анализа. В табл. 1, 2, 3 приведены результаты количественного соотношения найденных эвфемизмов в статьях исследуемых газет за период 2020–2022 гг. Из 1318 статей, содержащих исследуемые военно-политические эвфемизмы, самыми часто встречающимися лексическими единицами являются *силы сдерживания* (709 статей из 1318, то есть 53 %) и *демаркация границы* (278 статей из 1318, то есть 21 %).

Таблица 1

Количество эвфемизмов в статьях газеты «Известия»

Table 1

The number of euphemisms in the articles of the *Izvestia* newspaper

Эвфемизм	Известия			Итого 2020–2022
	2020	2021	2022 январь – май	
Сопутствующий ущерб	1	2	6	9
Пацификация	0	0	0	0
Силы сдерживания	60	226	96	382
Узник совести	4	7	1	12
Берлинский пациент	40	8	3	51
Демаркация границы	19	65	24	108

Таблица 2

Количество эвфемизмов в статьях газеты «Коммерсантъ»

Table 2

The number of euphemisms in the articles of the *Kommersant* newspaper

Эвфемизм	Коммерсантъ			Итого 2020–2022
	2020	2021	2022 январь – май	
Сопутствующий ущерб	1	5	3	9
Пацификация	1	0	1	2
Силы сдерживания	50	173	63	286
Узник совести	8	25	3	36
Берлинский пациент	111	17	1	129
Демаркация границы	35	67	16	118

Таблица 3

Количество эвфемизмов в статьях газеты «Ведомости»

Table 3

The number of euphemisms in the articles of the *Vedomosti* newspaper

Эвфемизм	Ведомости			Итого 2020–2022
	2020	2021	2022 январь – май	
Сопутствующий ущерб	0	0	0	0
Пацификация	0	0	0	0
Силы сдерживания	10	19	12	41
Узник совести	6	2	0	8
Берлинский пациент	62	12	1	75
Демаркация границы	28	23	1	52

В приведенных таблицах показано, что словосочетание *сопутствующий ущерб* редко применяется в российских газетах. Этот эвфемизм представляет иностранное выражение, что обуславливает минимальное количество его употреблений в текстах российских СМИ. В публикациях других газет, входящих в первую десятку рейтинга российских СМИ, анализируемое словосочетание встретилось менее 5 раз за рассматриваемый период, в то время

как в зарубежных источниках количество упоминаний превышает 30. Результаты сопоставления частотности использования рассматриваемого эвфемистического словосочетания в российских и зарубежных печатных СМИ представлены в сравнительной табл. 4 (период 2022 г.). Следует указать, что в российских источниках использование данного словосочетания встречается в большем количестве в 2022 г., а значит, данным эвфемизмом начинают оперировать чаще.

Таблица 4

Эвфемистическое сочетание *сопутствующий ущерб* в российских и зарубежных СМИ за 2022 г.

Table 4

Euphemistic combination of *collateral damage* in Russian and foreign media for 2022

Российские СМИ	Количество	Зарубежные СМИ	Количество
Известия	6	The Telegraph	145
Коммерсантъ	3	The Times	132
Ведомости	0	The Guardian	35

Слово *пацификация* в рассматриваемых российских источниках за период 2020–2022 гг. использовано в единичных случаях (поиск данной лексической единицы в период 2010–2018 гг.

выявил не более трех ее упоминаний). Количество упоминаний эвфемизма *пацификация* в статьях зарубежных СМИ достигает 20 единиц. Данные представлены в сравнительной табл. 5.

Таблица 5

Эвфемистическое сочетание *пацификация* в российских и зарубежных СМИ за 2022 г.

Table 5

Euphemistic combination of *pacification* in Russian and foreign media for 2022

Российские СМИ	Количество	Зарубежные СМИ	Количество
Известия	0	The Telegraph	15
Коммерсантъ	1	The Times	22
Ведомости	0	The Guardian	20

Далее перейдем к анализу словосочетания *силы сдерживания*. В некоторых статьях использовалось словосочетание *силы ядерного сдерживания* либо его сокращенный вариант *ядерное сдерживание*. Стоит заметить, что высокая частотность использования данного эвфемистического сочетания в рассматриваемых российских газетах пришлась на период января – апреля 2022 г. В 2021 г. показатель использованной данной лексической единицы в статьях военной тематики ниже, а в статьях экономической тематики данное словосочетание использовано чаще в следующих вариациях: *сдерживание цен* или *сдерживание тарифов, сдерживание инфляции*.

Пик наибольшего использования эвфемизма *берлинский пациент* приходится на 2021 г., упоминание этого словосочетания встречается примерно в 10 раз чаще, чем *узник совести*. Это может объясняться повышенным вниманием СМИ к делу Алексея Навального как политического заключенного.

Пик частотности упоминания эвфемистического сочетания *демаркация границы* приходится на 2021 г., и в основном данная лексическая единица встречается в статьях, где описывается военный конфликт между Арменией и Азербайджаном. За период января – мая 2022 г.

данный эвфемизм употребляется в статьях, освещающих отношения России и Украины, а также конфликт между Киргизией и Таджикистаном.

Заключение. Следует сделать вывод о том, что задачей эвфемистического переименования является улучшение восприятия денотата за счет размытия семантического компонента. Военно-политические эвфемизмы позволяют реализовать следующие коммуникативные стратегии: представление описываемого явления как менее опасного с целью снижения уровня тревожности у общества; камуфлирование неприятных фактов, попытка сделать их менее очевидными с целью подачи сложной и конфликтной ситуации легко разрешимой и несерьезной; попытка снятия ответственности субъекта за происходящее. Наиболее частой интенцией (речевой стратегией) эвфемизмов в рассматриваемых примерах является вуалирование обозначаемой реалии, за счет чего истинное значение слова «размывается». Применение данной стратегии позволяет снять психологическую напряженность во избежание общественного осуждения и вспышек массовой паники. Наиболее часто встречаемыми эвфемизмами из исследуемых оказались *силы сдерживания* (53 %) и *демаркация границы* (21 %).

Список источников

1. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru>
2. Известия. URL: <https://www.iz.ru>
3. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru>
4. News.ru. URL: <https://www.newsru.com>
5. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com>
6. The Telegraph. URL: <https://www.telegraph.co.uk>
7. The Times. URL: <https://www.thetimes.co.uk>

Библиографический список

1. Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций: монография: в 2 т. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2020. Т. 1. 368 с. URL: <https://elilib.kspu.ru/document/59869>
2. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб.: Златоуст, 2013. 660 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igry-v-slova-manipulyativnaya-evfemizatsiy>
3. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М.: Флинта-Наука, 2003. 224 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=461013>
4. Иванян Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: ФЛИНТА, 2021. 461 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=364327>

5. Иванян Е.П. Эвфемизмы русского языка: спецкурс: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2022. 121 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=115128>
6. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2008. 862 с. URL: <http://www.kara-murza.ru/manipul.html>
7. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петерб. востоковедение, 2004. 237 с. URL: <http://vvkolesov.ru/portfolio/yazyk-i-mentalnost/>
8. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи. М.: Русистика, 1994. 49 с. URL: <http://philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm>
9. Ларин Б.А. Об эвфемизмах. История русского языка и общего языкознания. М., 1977. 110 с. URL: <https://www.academia.edu/15259814>
10. Майорова А.В. Языковая культура современных средств массовой информации // Филологические науки в России и за рубежом: матер. IV Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.). СПб.: Свое издательство, 2016. С. 54–56. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/233/11364/>
11. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М.: УРСС, 2010. 246 с. URL: Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка (elibrary.ru)
12. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по специальности «Русский язык и литература». М.: Академия, 2007. 268 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=83376>
13. Реброва Н.Е. Реальные, потенциальные и окказиональные эвфемизмы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. № 4. С. 121–124. URL: Реальные, потенциальные и окказиональные эвфемизмы (elibrary.ru)
14. Саакян Л.Н., Северская О.И. Эвфемия в межкультурной коммуникации // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 3. С. 75–81. URL: Эвфемия в межкультурной коммуникации (elibrary.ru)
15. Саакян Л.Н. Эвфемия и дисфемия: языковые стратегии смягчения и дискредитации высказываний // РЯШ. 2010. № 4. С. 57–62. URL: Эвфемия и дисфемия: языковые стратегии смягчения и дискредитации высказывания (elibrary.ru)
16. Сенчикова Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 458 с. URL: Словарь эвфемизмов русского языка (elibrary.ru)
17. Сенчикова Е.П. Эвфемизмы русского языка: спецкурс: учеб. пособие. М.: Флинта, 2012. 121 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=115128>
18. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Волгогр. гос. пед. ун-т. М.: Перемена, 2000. 367 с. URL: Семиотика политического дискурса (elibrary.ru)
19. Шмелев Д.Н. Эвфемизм. Русский язык. М.: Энциклопедия, 1979. 879 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=211594>
20. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge University Press, 1995. 489 p. URL: [9780521823487_frontmatter.pdf](https://www.cambridge.org/core/books/cambridge-encyclopedia-of-the-english-language/9780521823487-frontmatter.pdf) (cambridge.org)
21. Holder R.W. A Dictionary of Euphemisms. Bath: Bath University Press, 1995. 432 p. URL: How not to say what you mean: a dictionary of euphemisms | R.W. Holder | скачать книгу (booksee.org)
22. Rawson H.A. Dictionary of Euphemisms and other doubletalk: New York, 2002. URL: A Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk | Crown | скачать книгу (booksee.org)
23. Schelling T. Arms and Influence. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1966. P. 174–175. URL: Arms and influence (2008) – книга автора Schelling Thomas C. | НЭБ (rusneb.ru)
24. Wodak R. The power of political jargon. In: Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publ. Co., 1989. P. 137–164. URL: Ruth Wodak: The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual | Semantic Scholar

MILITARY AND POLITICAL EUPHEMISMS IN MODERN RUSSIAN MASS MEDIA

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

A.A. Kurdelyas (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Euphemisms neutralize social discourse softening the negative impact of taboo topics that can cause public disapproval and anxiety. At present, military-political euphemisms are widely used in the Russian media which are known for their manipulativeness and tendency to double standards, with the help of which the truth of what is happening is deliberately hidden.

The purpose of the article is to analyze euphemism speech strategies and conduct a quantitative analysis that determines the most frequently used euphemistic units for the period of 2020–2022.

The methodology of the study. The material of the study is articles published in 2020–2022 in the newspapers “Izvestia”, “Kommersant”, and “Vedomosti”. The paper uses methods of analysis and generalization, analysis of the semantic structure and interpretation of intentional strategies of the euphemisms under consideration, as well as the statistical method.

Research results. The main factors facilitating the use of military-political euphemisms in the texts of a number of modern printed Russian media have been established. An interpretation of the probable intentional orientation of the analyzed lexical units is proposed. A quantitative analysis of the euphemisms used in the selected sources has been performed, showing the statistics of the frequency of use of the studied lexical units in the articles of Russian newspapers.

Conclusion. As a result of the study, it was determined that one of the most common tasks of euphemistic renaming is to improve the perception of denotation by blurring the semantic component. The most common intention (speech strategy) of euphemisms in the examples under consideration is the veiling of the designated reality, which allows removing psychological tension in order to avoid public condemnation or panic from the audience. The most frequently used euphemisms among those studied were the containment forces and border demarcation.

Keywords: *euphemisms, media, speech strategies, interpretation, political discourse, intentions, double standards.*

Vasilyev Aleksandr D. – DSc (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Faculty of Philology, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vasileva@kspu.ru

Kurdelyas Anastasia A. – PhD Candidate, Department of General Linguistics, Faculty of Philology, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: shagratka@icloud.com

---

List of sources

1. Vedomosti. URL: <https://www.vedomosti.ru>
2. Izvestia. URL: <https://www.iz.ru>
3. Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru>
4. News.ru. URL: <https://www.newsru.com>
5. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com>
6. The Telegraph. URL: <https://www.telegraph.co.uk>
7. The Times. URL: <https://www.thetimes.co.uk>

References

1. Vasilyev A.D. Variative expressions of universal oppositions: monograph in 2 volumes. Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astafyeva, 2020. Vol. 1. 368 p. URL: <https://elib.kspu.ru/document/59869>
2. Vasilyev A.D. Word games. Manipulative operations in media texts. St. Petersburg: Zlatoust, 2013. 660 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/games-in-a-word-manipulative-euphemization>
3. Vasilyev A.D. The word in the Russian television. Essays on the latest word usage. Moscow: Flinta-Nauka, 2003. 224 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=461013>

4. Ivanyan E.P. Dictionary of euphemisms of the Russian language. Moscow: Flinta, 2021. 461 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=364327>
5. Ivanyan E. P. Euphemisms of the Russian language: special course: textbook. Moscow: Flinta, 2022. 121 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=115128>
6. Kara-Murza S.G. Manipulation of consciousness. Moscow: Eksmo, 2008. 862 p. URL: <http://www.kara-murza.ru/manipul.html>
7. Kolesov V.V. Language and mentality. St. Petersburg: Peterb. Vostokovedenie, 2004. 237 p. URL: <http://vkontakte.ru/album/121212121>
8. Krysin L.P. Euphemisms in modern Russian speech. Moscow: Rusistika, 1994. 49 p. URL: <http://philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm>
9. Larin B.A. About euphemisms. History of Russian language and general linguistics. Moscow, 1977. 110 p. URL: <https://www.academia.edu/15259814>
10. Mayorova A.V. Linguistic culture of modern mass media. In: Proceedings for the IV International Scientific Conference "Philological sciences in Russia and abroad" (St. Petersburg, December 2016). St. Petersburg: Svoyo izdatelstvo, 2016. P. 54–56. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/233/11364/>
11. Moskvina V.P. Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language. Moscow: URSS, 2010. 246 p. (elibrary.ru)
12. Nikolina N.A. Philological analysis of the text: textbook for students of higher educational institutions specializing in Russian language and literature. Moscow: Akademia, 2007. 268 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=83376>
13. Rebrova N.E. Real, potential and occasional euphemisms // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova (Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov). 2015. No. 4. P. 121–124 (elibrary.ru)
14. Sahakyan L.N., Severskaya O.I. Euphemias in intercultural communication // Verkhnevolzhskiy filologicheskij vestnik (Upper Volga Philological Bulletin). 2015. No. 3. P. 75–81 (elibrary.ru)
15. Sahakyan L.N. Euphemias and dysphemias: language strategies for mitigating and discrediting statements // RYASH (Russian Language at Secondary School). 2010. No. 4. P. 57–62 (elibrary.ru)
16. Senichkina E.P. Dictionary of euphemisms of the Russian language. Moscow: Flinta, Nauka, 2008. 458 p. (elibrary.ru)
17. Senichkina E.P. Euphemisms of the Russian language: special course: textbook. Moscow: Flinta, 2012. 121 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=115128>
18. Sheigal E.I. Semiotics of political discourse: Monograph. Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics, Volgograd State Pedagogical University. Moscow: Peremena, 2000. P. 367 (elibrary.ru)
19. Shmelev D.N. Euphemism. Russian language. Moscow: Izdatelstvo Entsiklopedia, 1979. 879 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=211594>
20. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge University Press, 1995. 489 p. URL: <https://www.cambridge.org/9780521823487>
21. Holder R.W. A Dictionary of Euphemisms. Bath: Bath University Press, 1995. 432 p. URL: <https://www.booksee.org/1000000000/1000000000/1000000000/>
22. Rawson H.A. Dictionary of Euphemisms and other doubletalk: New York, 2002. URL: <https://www.booksee.org/1000000000/1000000000/1000000000/>
23. Schelling T. Arms and Influence. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1966. P. 174–175. URL: <https://www.rusneb.ru/>
24. Wodak R. The power of political jargon. In: Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publ. Co., 1989. P. 137–164. URL: <https://www.semanticscholar.org/>

УДК 372.881.1

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, СОДЕРЖАЩИХ ЗООНИМЫ

Ли Сыюй (Шанхай, Китай)

Ван Дэндэн (Екатеринбург, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Язык и культура тесно взаимосвязаны. С одной стороны, язык как продукт культуры, сотворенный обществом, отражает общую культуру народа. С другой – язык является частью культуры, это один из ее элементов. Иными словами, язык – составная часть культуры и ее орудие. Наиболее ярко культуру и историю народа отражает фразеология языка. Изучение фразеологии способствует более глубокому пониманию изучаемого языка, поэтому проведение сопоставительного анализа русских и китайских фразеологизмов, содержащих зоонимы, актуально, а результаты анализа могут быть использованы при обучении китайских студентов русскому языку.

Цель статьи – обосновать необходимость комплексного изучения анималистических фразеологизмов и разработать рекомендации для проведения занятий для китайских студентов по изучению русских фразеологических единиц с учетом родного языка.

Методология (материалы и методы). Материалом исследования послужили фразеологические единицы с анималистическим компонентом значения, извлеченные путем сплошной выборки из фразеологических словарей Е.Н. Телия и Чжоу Цишэна. В исследовании использовался описательно-аналитический метод теоретического анализа справочно-энциклопедической, дидактической, лингвистической, психолого-педагогической и лингвометодической литературы по проблеме исследования.

Результаты исследования. Сопоставительный анализ культурных коннотаций образов животных в русских и китайских фразеологизмах имеет важное практическое значение для развития лингвистики, результаты анализа могут быть использованы при разработке плана занятий РКИ для китайских студентов.

Выводы. Применение результатов проведенного сопоставительного анализа анималистических фразеологизмов в русском и китайском языках на одном из уроков показало, что изучение фразеологизмов с анималистическим компонентом, в которых используются образы животных с единой культурной коннотацией, помогает китайским студентам лучше выявлять специфику русской фразеологической системы, способствует профилактике ошибок в понимании и употреблении.

Ключевые слова: лингвокультурология, фразеологизм, культурная коннотация, образы животных, сопоставительный анализ, межкультурные коммуникации, лингвокультурное своеобразие, русская фразеология, китайская фразеология, зооним.

Ли Сыюй – кандидат филологических наук факультета русского языка института иностранных языков, Университет Фудань (Шанхай, Китай); e-mail: wuliyanalisiyu@mail.ru

Ван Дэндэн – аспирант факультета филологии института иностранных языков, Уральский федеральный университет (Екатеринбург); e-mail: 79177297081wdd@gmail.com

Постановка проблемы. Язык – это средство выражения мыслей и желаний людей, средство общения [Стрельчук, 2013]. Известно, что в языке, наряду с отражением живых идей современности, большое место

занимают унаследованные из прошлого технические средства выражения. За последние десятилетия в языкознании имело место дальнейшее укрепление позиций фразеологии как особой отрасли науки о языке [Эмирова, 1988, с. 6].

«Термин “фразеология”, означающий науку о фразе, употребляется чаще для обозначения материала этой науки» [Ларин, 1956]. Вопрос об изучении устойчивых сочетаний слов занимает особое место в специальном разделе языкознания [Верещагин, 2017]. Фразеологический состав русского языка структурно и семантически разнообразен, что позволяет рассматривать его с разных позиций [Краснюк, 2016]. Фразеологизмы с названиями животных дают богатый материал для исследования устойчивых сочетаний слов [Стрельчук, 2013]. Животные служили мерилем многих человеческих качеств, как физических, так и нравственных [Даль, 2004]. Русский и китайский языки богаты фразеологизмами с упоминанием животных. В русской и китайской фразеологии зоонимы характеризуют человека, метафорически представляя типичные черты людей, их ценности, эмоциональные, волевые и интеллектуальные действия и состояния [Михайлова, 2017].

Значение фразеологизмов, содержащих названия животных, выраженных существительными, распространялось с течением времени и закреплялось в языке. Животные, зафиксированные во фразеологизмах, хорошо знакомы россиянам и китайцам в повседневной жизни. Один и тот же образ животного имеет в основном одинаковое символическое значение в русском [Кононенко и др., 2006] и китайском национальных языках. Этот образ создавался в соответствии с морфологическими характеристиками животного и жизненными привычками людей [Степанов, 2017]. Например, лиса символизирует хитрость («хитрый как лис»), заяц – робость («заячий испуг»). Также во фразеологизмах русского языка распространен образ волка: «волка ноги кормят» – «狼靠腿、人靠勤», «сколько волка ни корми, он все в лес смотрит» – «豺狼难驯,心在森林;江山易改,本性难移» и т.д. [Опаленко, 2014]. Во фразеологизмах заключено эмоциональное отношение народа – симпатии или антипатии – к самому животному, символическому объекту животного (человека) или определенным явлениям.

Некоторые фразеологизмы с названиями животных просты и интуитивно понятны [Мелерович, 1979], например, «вертеться как белка в колесе» – «无谓地忙碌» или «играть как кошка с мышкой» – «猫耍老鼠, 作弄人». Значение других фразеологизмов доступно только людям, хорошо разбирающимся в русской национальной культуре и обычаях. Например, выражение «стреляный воробей» означает бывалого, опытного человека, которого трудно провести, обмануть или удивить, как и соответствующее выражение в китайском языке «老麻雀, 经验丰富的人, 饱经世故的人, 老手».

Знание русских фразеологизмов не только обогатит русскую речь китайских студентов, но и предоставит им возможность понять и изучить культурный и исторический контекст, в котором образованы эти фразеологизмы. Фразеологическое разнообразие и смысловая схожесть выражений в двух языках дает нам основания полагать, что запоминание фразеологизмов и их интеграция в активную устную речь будет происходить при меньших затратах со стороны китайских студентов, обучающихся русскому языку, при условии правильно разработанной программы уроков.

Цель статьи состоит в том, чтобы обосновать необходимость комплексного изучения анималистических фразеологизмов и разработать рекомендации для проведения занятий для китайских студентов по изучению русских фразеологических единиц с учетом родного языка.

Задачи исследования

- 1) раскрыть коннотацию русских и китайских зоонимов, которые входят в состав фразеологизмов;
- 2) сопоставить, выявить сходства и различия русских и китайских анималистических фразеологизмов;
- 3) разработать рекомендации для проведения занятий по изучению русских фразеологических единиц с зоонимами для китайских студентов.

Характеристики русских и китайских фразеологизмов. В русском языке фразеологизмы состоят из двух или более компонентов

с законченными формами и независимыми значениями [Мокиенко, 2017]. Истинное значение фразеологизмов кроется в целостном восприятии выражения. Целостность смысла характерна и для китайских фразеологизмов. Их значение исходит не из совокупности значений каждого отдельно взятого слова в нем, а из неделимой смысловой конструкции, которую эти слова образуют. Данное свойство прослеживается в фразеологизме «狐假虎威» – «лиса под маской силы тигра», составные члены которого не демонстрируют иной смысловой связи вне того смысла, которым было исторически наделяемо это выражение.

В русском языке фиксированность структуры фразеологизмов в основном отражается в двух аспектах: во-первых, составные слова не могут быть заменены по желанию; во-вторых, порядок в комбинации составляющих слов постоянен. Описанные свойства «жесткости» фразеологизмов могут быть проиллюстрированы выражением «собаку съел», обозначающим большой опыт или навык в каком-нибудь деле. Этот фразеологизм происходит от пословицы «Собаку съел, только хвостом подавился» [Даль, 2007]. Его составные слова имеют строгий порядок и не могут быть заменены другими похожими по значению словами. Например, нельзя использовать существительные «пес, щенок» вместо «собаки», так же как и нельзя использовать глаголы «скушал, поел» вместо «съел».

Состав и структура китайских фразеологизмов тоже обычно не изменяются. Например, фразеологизм «唇亡齿寒» – «без губ зубам холодно», который используется, когда хотят подчеркнуть неразрывную связь чьих-либо интересов, нельзя изменить на «唇亡牙冷» – «холодные губы и зубы».

В русском языке на образование фразеологизмов часто влияют национальные традиции и обычаи. Значительная их часть отражает уникальный стиль русского народа, социальные устои и национальную психологию. Культура нации неотделима от ее естественной среды. Как характерная часть национальной культуры фразеологизмы естественно могли созда-

ваться под влиянием конкретной природной среды. Например, значение оборота «как грибы после дождя» – «雨后蘑菇» согласуется с китайским фразеологизмом «雨后春» – «весна после дождя». Ареал произрастания бамбука в основном находится в тропиках или субтропиках, российский климат и природные условия не подходят для его роста, поэтому, хотя выражение «весна после дождя» обозначает «быстро появляться в большом количестве», в русском переводе китайского фразеологизма не должен упоминаться бамбук.

С точки зрения китайской грамматики китайские фразеологизмы эквивалентны фразе в предложении. Обычно фразы могут выступать в качестве различных компонентов в предложении, поэтому грамматические функции идиом также разнообразны. Как правило, компоненты представляют собой существительные, числительные, местоимения и кванторы, например: «惊弓之鸟» – «напуганная птица», «半壁江山» – «половина страны», «必由之路» – «единственный способ». Фразеологизмы предикатов в основном включают словесные фразеологизмы и фразеологизмы прилагательных, например: «祸国殃民» – «вредите стране и народу», «金蝉脱壳» – «спастись от золотой цикады», «酣畅淋漓» – «очень ярко».

Семантические источники русских фразеологизмов. Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее [Дао, 2018]. В свою очередь, фразеологические обороты представляют собой особый пласт языка, за счет которого речь наполняется образностью, красочностью и убедительностью. Фразеологизмы приходили в русский язык из разных источников: религиозных текстов, народного эпоса, воспоминаний об исторических событиях.

Многие фразеологизмы берут начало в Новом Завете. Так, фразеологизм «бросать камень» – «指责、责难» произошел из сюжета, повторяемого каждым из четырех евангелистов: лицемерные фарисеи привели к Иисусу обвиняемую в прелюбодеянии женщину, которую следовало по закону предать смерти

камнями. Книжники хотели поставить Иисуса в неловкое положение: если бы он бросил камень в женщину, то показал бы себя недобрым человеком. Если бы не бросил, то продемонстрировал бы непочтение к закону. Распознав их намерения, Иисус велел тому первому бросить камень, кто сам не был виновен в том или ином грехе. В результате никто не осмелился бросить камень и женщина выжила.

Другим богатым источником для образования фразеологизмов являются народные сказки, сказочные легенды и некоторые народные развлечения. В период развития русской народной устной литературы появилось много известных публике художественных образов, которые впоследствии получили широкое распространение, постепенно превращаясь в фиксированную идиому. Среди них преобразованная во фразеологизм часть известного «заключения» из «Сказки о Емеле-дурачке» – «по щучьему веленью». Главный герой сказки щадит щуку, которая с помощью магической силы выполняет всего его желания. Для выполнения желания героя достаточно произнести магическую формулу, начинающуюся со строк «по щучьему веленью». Данный фразеологизм переводится на китайский как «靠仙法魔术» – «полагаться на волшебную магию» или «灵丹妙药» – «волшебный эликсир».

Немаловажный вклад в развитие русских фразеологических оборотов внесли и крупные исторические события, например Мамаево побоище, породившее одноименный фразеологизм. Выражение, означающее «страшную драку» или «тяжкое поражение», напоминает о кровопролитной битве, произошедшей в сентябре 1380 г., между ордынским и русским войсками. 300-тысячное войско Золотой Орды во главе с темником Мамаем (马麦) было разгромлено 150-тысячным войском Великого князя Московского Дмитрия в верховьях Дона, на Куликовом поле.

Семантические источники китайских фразеологизмов. Так же как и русский язык, китайский язык находил источники для образования фразеологизмов в народном эпосе (баснях,

легендах, мифах) и рассказах об исторических событиях.

В китайском языке басни обычно имеют форму прозы, чтобы рассказывать ироничные, но философские истории. Фразеологизм (庄子天韵) взят из басни «Чжуанцзы Тяньюнь», истории о том, как Дун Ши подражал Си Ши, но при этом все равно сталкивался с общественным отвержением. Позже этот фразеологизм стал использоваться для высмеивания акта подражания.

Мифы и легенды Китая часто связаны с древними героями. Как форма литературного творчества мифология была очень популярна в древние времена, и некоторые мифологические выражения постепенно превратились в устойчивые фразеологизмы. Например, идиома «精卫填海» – «Цзинвэй наполняет море» происходит из древней книги доциня «山海经·北山经» («Шанхайцзин Бэйшаньцзин»). Сюжет истории повествовал о трагической гибели самой любимой маленькой дочери Янь Императора, утонувшей во время игры в Восточно-Китайском море. Ее душа превратилась в прекрасную сторожевую птицу, полетев в Сишань, чтобы собрать камни и ветки и бросить их в Восточно-Китайское море. Она поклялась отомстить Восточно-Китайскому морю за свою смерть.

Китай – древняя страна, история которой насчитывает более 5000 лет. Некоторые исторические события уже превратились в фиксированные идиомы. Например, истоки фразеологизма «指鹿为马» – «называйте оленя лошадью» лежат в «Исторических записках Бенджи Цинь Шихуана» Сыма Цяня династии Западная Хань. Во время правления Цинь Шихуанди, правителя царства Цинь, был предатель по имени Чжао Гао, который перед совершением переворота решил проверить верность и послушание царедворцев. Он привел к императору оленя и назвал его лошадью, проверяя подданных, опровергнут ли они правдивость его слов. Позднее Чжао тайно наказал всех, кто признал правду, осудив их за разные преступления. Таким образом, появился фразеологизм «指鹿为马» – «называйте оленя лошадью».

С точки зрения китайской грамматики фразеологизмы эквивалентны фразе в предложении. Следовательно, грамматические функции идиом также разнообразны.

Русские и китайские фразеологизмы с типичными образами животных. Змея/змея. В русском и китайском языках змея/змея имеет схожую культурную коннотацию. Это символ коварства, злобности и хитрости.

Почтивсе китайские фразеологизмы с иероглифом «蛇(змея)» представляют это животное в негативном свете. Пословица «强龙斗不过地头蛇» означает, что внешняя могучая сила проиграет местной злой силе. Фраза «毒蛇口中吐莲花» говорит о том, что злокозненный человек часто делает милосердный вид. Выражение «打蛇打七寸» гласит, что необходимо разить врага в уязвимое место. Фразеологизм «蛇爬七寸, 奸计无影» имеет значение заговора лукавого, хитрого человека, шаги которого очень трудно предугадать.

Одним из самых важных национальных символов китайской культуры является дракон, который также связан со змеей. Ученые считают, что дракон – это тотем развития змея.

В русском языке выражения, где упоминается змея, как правило, также имеют негативную окраску. «Змеей подколодной» называют злокозненного человека. Фразеологизм «пригреть змею на груди» употребляют для оценки человека, который отплатил неблагодарностью за оказанную ему помощь и проявленное внимание, заботу. Синонимами «змеи» выступают слова «гадюка», «ехидна», «аспид», служащие для обозначения злого и коварного человека: «не женщина, а гадюка!». Слово «змееныш» имеет тот же лингвистический смысл, но оно употребляется чаще по отношению к детям.

Осел. С незапамятных времен осел в китайской культуре символизирует глупость и упертость. В династии Тана было такое выражение «世有一等愚, 茫茫恰是驴» – «осел самый тупой в мире», «黔驴技穷» – «у кого-то сначала нет силы, а только такого маленького умения уже нет». Известная китайская пословица гласит: «槽上无马驴当差; 得着毛驴当马骑; 驴子不能驮马鞍» – «у осла нет большой способности

и у него меньше умения». В диалектах северных провинций Китая встречаются такие слова, как «犟驴», «倔驴», переводящиеся на русский язык как «очень упорный человек».

В русском языке слово «осел» тоже употребляется для сравнения с глупым и упрямым человеком, например, «упрямый как осел». Фразеологизм «ослиные уши» («мидасовы уши») используют для описания ситуации, когда из-за чьей-то болтливости раскрывается чужой секрет. В русских диалектах слово «осел» может заменяться словом «ишак», имеющим то же лексическое значение, но иное символическое значение. «Ишаком» называют человека, безропотно выполняющего самую тяжелую работу.

Собака. Образ собаки в русской и китайской культурах различается. Многие китайские фразеологизмы, в которых в качестве метафор используется слово «собака», содержат уничижительные значения. Так, выражение «собака в спешке перепрыгивает через стену» символизирует отчаявшихся беспринципных и жестоких людей. Фразеологизм «собака смелая» используется для описания человека, достаточно смелого для того, чтобы творить плохие поступки. В Китае разводить собак можно только в деревне для охраны, в городе очень мало свободно гуляющих собак, но в последние годы в Китае выгул собак стал считаться модным. На севере Китая собака считается очень вкусной и полезной пищей для здоровья человека, что закрепилось в выражении «走狗, 狗腿子» – «нога собаки», применяемом в отношении человека, который помогает другим творить зло. Во время японо-китайской войны обращение «黑狗, 狗屎堆» – «черная собака» использовали в разговоре для того, чтобы показать свое неуважение к человеку. Другие словосочетания с негативными значениями: «狗苟蝇营» – «увиваться как муха, пресмыкаться как собака», «нечастными путями добиваться славы и выгод», «丧家之犬» – «бездомный пес», «неприкаянная душа».

В русском языке тоже есть фразеологизмы, содержащие слово «собака», например, «жить как кошка с собакой» – жить недружно, постоянно ссориться и ругаться. Слова-синонимы «пес», «кобель» аналогично имеют отрицательную окраску.

Лиса. В русской культуре слово «лиса» и его производные («лисица», «лисичка») ассоциируются с хитростью. Фразеологизм «лисий хвост» используют при описании лицемерного, хитрого человека.

В китайском языке слово «лиса» имеет тот же смысл, что и в русском, но дополненный деталями, возникшими из известного мифического образа, в котором лиса является красивым, но порочным человеком. В Китае ее называют «狐狸精, 狐精» – «лисьей эссенцией». Множество китайских фразеологизмов содержат упоминания лисы: «狐假虎威» – «лиса пользуется могуществом тигра» (в значении запугивать, притеснять кого-либо, опираясь на могущество вышестоящих лиц), «狐朋狗友» – «дурная компания, банда мошенников», «狐死兔泣» – «умерла лиса, а заяц проливает слезы».

Изображения животных с одинаковым метафорическим значением. **Волк.** Волк является символом жадности и жестокости в русской и китайской культурах. В китайском языке есть фразеологизмы, в которых волк используется как метафора злого и неблагодарного человека. Например, «狼心狗肺» – «волчье сердце». Идиома «狼子野心» – «дикие амбиции» применяется для сравнения с жестокими людьми со злым сердцем.

В русском языке также можно встретить похожие фразеологизмы, явно несущие негативную окраску: «смотреть волком» для описания враждебного, недружелюбного внешнего вида; «волк в овечьей шкуре» – для иллюстрации лицемерного человека, под маской добродетели скрывающего свои дурные намерения.

Лебедь. Символическое значение лебедя в русской и китайской культурах совершенно одинаково, он олицетворяет красоту, благородство и святость. Так, в китайском языке человек с сильным талантом может быть оценен выражением «Хунху летит высоко, тысячу миль одним махом». В русском языке лебедь используется для обозначения красивых женщин.

Петух. Петух в русском и китайском языках – символ удачи. Китайский фразеологизм «闻鸡起舞» – «встать и танцевать с мечом, как только будет услышан крик петуха» применял-

ся для описания тех, кто встает рано, сподвигаемый стремлением служить стране. Петухи часто предстают в благоприятном образе защитников от злых духов: «金鸡献瑞» – «золотой петух», «雄鸡一唱天下春» – «мужчина поет всю весну».

Медведь. В китайской культуре медведь означает сильного и глупого человека. Выражение «养一条龙, 不养十个熊» может быть переведено как «подготовить мало полезных и способных людей лучше, чем собирать много заурядных людей». В китайской пословице «熊瞎子掰苞米» говорится о неумных людях, которые поймут новые знания и забудут прошлое, а оборот «兵熊熊一个, 将熊熊, 黑瞎子跳井一熊到底» служит для описания незаурядных людей.

В русском языке фразеологизм «медведь на ухо наступил» используется для описания человека, лишенного музыкального слуха. В выражении нашли отражение такие качества медведя, как неуклюжесть и глуповатость, большие размеры. Другой оборот «медвежья услуга», обозначающий неумелую, неловкую услугу, приносящую вместо помощи вред, также отсылает к низким интеллектуальным способностям медведя. Фразеологизм восходит к басне И.А. Крылова «Пустынник и медведь», в которой медведь случайно убивает своего спящего друга камнем в попытке отогнать от него муху.

Единые образы животных, обладающие разными культурными коннотациями. В русской и китайской культурах одни и те же животные отражают разные культурные коннотации. Ниже мы анализируем и исследуем такие примеры, рассматривая образ свиньи.

Свинья в китайском языке иллюстрирует глупого, неумелого человека, любящего поест. В большинстве случаев словосочетание со словом «свинья» имеет бранное значение, например, «蠢猪; 笨猪; 猪» – «свинья». В известном китайском литературном произведении «西游记» – «Путешествие на запад» есть персонаж именно с такими чертами характера – «猪八戒» – «свинья Бацзе».

В русской культуре слово «свинья» часто используется для описания некультурных или не-

вежественных людей. «Как свинья в апельсинах» говорят про человека, который совершенно не разбирается в какой-либо сфере.

В русской образной речи слово «тигр» не входит ни в один анималистический фразеологизм, а в китайской культуре не нашлось применения словам «кошка» и «кукушка».

Методология (материалы и методы). Материалом исследования послужили фразеологические единицы с анималистическим компонентом значения, извлеченные путем сплошной выборки из фразеологических словарей Е.Н. Телия и Чжоу Цзишена. В исследовании использовался описательно-аналитический метод теоретического анализа справочно-энциклопедической, дидактической, лингвистической, психолого-педагогической и лингвометодической литературы по проблеме исследования.

Результаты исследования. Авторы изучили большой пласт фразеологических единиц в русском и китайском языках, провели сопоставительный анализ фразеологических единиц с анималистическим компонентом, в ходе которого раскрыли коннотацию русских и китайских зоонимов, входящих в состав фразеологизмов, выявили сходства и различия русских и китайских анималистических фразеологизмов. Результаты анализа показали, что и в русском, и китайском языке для фразеологизмов характерна фиксированность структуры. Так же как и русский, китайский язык находил источники для образования фразеологизмов в народном эпосе и рассказах об исторических событиях. Во фразеологизмах с анималистическим компонентом встречаются единые образы животных, имеющих схожее метафорическое значение в обоих языках. Например, образ собаки, медведя, лисы или осла. Также существуют фразеологизмы, где образ одного и того же животного, например свиньи, обладает разной коннотацией в русской и китайской культуре. Встречаются образы животных, которые имеют особенное значение только в одной культуре. Так, например, в русской образной речи слово «тигр» не входит ни в один анималистический фразеологизм, а в китайской культуре не нашлось применения

словам «кошка» и «кукушка». Проведенный сопоставительный анализ культурных коннотаций образов животных в русских и китайских фразеологизмах имеет важное значение для развития лингвистики, а также практическое значение, так как результаты анализа могут быть использованы при разработке плана занятий РКИ для китайских студентов.

Фразеология языка наиболее ярко отражает культуру и историю народа, поэтому изучение фразеологии способствует более глубокому пониманию изучаемого языка. Так как образы животных, зафиксированные во фразеологизмах, хорошо знакомы россиянам и китайцам и часто встречаются в повседневной жизни, при обучении китайских студентов русскому языку целесообразно проводить занятия, посвященные изучению фразеологизмов с анималистическим компонентом.

На основании проведенного анализа авторы предлагают при проведении занятий РКИ для китайских студентов включать раздел, посвященный изучению фразеологизмов с анималистическим компонентом. Рекомендации, которые требуется учесть при построении плана урока:

- 1) изучаемые фразеологические единицы русского языка должны иметь аналогичный прототип в китайском языке;
- 2) значение фразеологизма должно раскрываться вместе с объяснением конкретного культурного контекста, в котором был сформирован и развивался фразеологизм;
- 3) при раскрытии целостного значения фразеологизма делать акцент на грамматических функциях, которые выполняют идиомы в предложении, и возможности различий этих функций в китайском и русском языках.

В рамках исследования с учетом разработанных рекомендаций авторы провели пробный урок, целью которого стало знакомство учащихся с природой фразеологизма, культурными различиями между Китаем и Россией и взаимосвязью между культурой и языком. Практически вся лексика, использованная на занятии, была знакома китайской аудитории. При необходимости преподаватель переводил слова на китайский язык.

Заключение. Изучение фразеологизмов в китайской аудитории – проблема сложная, но в то же время интересная. Отличие лишь в разном понимании повадок и характеристик некоторых животных. Основная причина различия зависит от национальной культуры. При попытке понять фразеологизмы с животными недостаточно проанализировать поверхностный смысл выражения, необходимо знать особенности национальной культуры, в которой поя-

вился фразеологизм. Важно обеспечить правильное понимание фразеологизмов на ранних этапах их освоения для обеспечения дальнейшего высокого качества перевода и понимания культурного контекста.

Использование наглядного материала обязательно при обучении китайских студентов. Они оживляют занятия, активизируют слушателей, повышают их интерес к работе, делают изучение фразеологизмов интересным и увлекательным.

Библиографический список

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (Теория и практика преподавания языков). СПб.: Златоуст, 1999.
2. Арапкина О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2017.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании РКИ. М.: Академия, 2017. 110 с.
4. Гвоздарев Ю.А. Рассказы о русской фразеологии. М.: Просвещение, 1998. 112 с.
5. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Художественная литература, 2007.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4 т. СПб.: Академия, 2004.
7. Дао Д.Т. Язык и речь в зеркале фразеологии (на материале русского и вьетнамского языков). Екатеринбург: Академия, 2018. 63 с.
8. Кононенко В.И., Брицын М.А., Ганич Д.И. Русский язык. Киев: Вища шк., 2006. 414 с.
9. Краснюк И.Н. Преподавание фразеологии на уроках РКИ в вузе // Педагогический опыт: теория, методика, практика. 2016. С. 93–95.
10. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии // Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Л.: Изд-во ЛГУ, 1956. 115 с.
11. Мелерович А.М. Семантический анализ фразеологических единиц. Ярославль: ЯГПУ, 1979.
12. Михайлова Ю.Н., Чжао И. Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т, 2017. 72 с.
13. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. СПб.: Азбука-классика, 2017. 63 с.
14. Опаленко М.Е. Новый учебный словарь фразеологии. М.: ЗАО Центрполиграф, 2014. 351 с.
15. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. 6-е изд. М.: ЛКИ, 2017. 312 с.
16. Стрельчук Е.Н. Русский язык и культура речи в иностранной аудитории: теория и практика: учеб. пособие для иностр. студ.-филологов. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2013. 126 с.
17. Тхао Д.Д. Язык и речь в зеркале фразеологии (на материале русского и вьетнамского языков) / Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, 2019. 63 с.
18. Чуковский К.И. О Чехове: Человек и мастер. 4-е изд. М.: Русский путь, 2018. 18 с.
19. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. Ташкент: Фан, 1988. 89 с.
20. 顾嘉祖, «语言与宗教», 上海, 上海外国语学院, 2020 年 (Гу Цзяцзю. Язык и религия. Шанхай: Изд-во Шанх. Ун-та междунар. исследов., 2020).
21. 胡文仲, «俄汉语言文化习俗探讨», 上海, 外语教学与研究出版社, 2019 年 (Ху Вэньчжун. Изучение русского и китайского языков и культурных обычаев. Шанхай: Изд-во по препод. и исслед. иностр. языков, 2019).

22. 郑春苗, «中西文化比较研究», 北京, 北京语言学院出版社, 2019年 (Чжэн Чунмяо. Сопоставительное исследование китайской и западной культур. Пекин: Изд-во Пекин. Инс-та языков, 2019).
23. 赵敏善, «俄汉语言文化对比研究», 北京, 军事谊文出版社, 2020年 (Чжао Миньшань. Культурно-составительное исследование русского и китайского языков. Пекин: Военная дружба, 2020).
24. 王福祥、杨天歌, «中国语», 北京, 军事谊文出版社, 2006年 (Ван Фусян, Ян Тяньгэ. Китайский язык. Пекин: Военная дружба, 2006).
25. 张艳娟, «论适用于中国课堂的俄语成语教学法», 辽宁师范大学, 2004年 (Чжан Янцзуань. Методика преподавания русских идиом на уроках китайского языка. Дадиан: Изд-во Ляонинского пед. ун-та, 2004).
26. 奇若娃、闵涛, «中国俄语教学中谚语、俗语及成语的作用», 西安, 西安教学, 2020年 (Чижова Т.И., Мин Тао. Роль пословиц, поговорок и фразеологизмов при обучении русскому языку китайских студентов. Сиань: Преподавание в Сиане, 2020).
27. 周纪生, «俄语成语词典», 武汉, 湖北人民出版社, 2020年 (Чжоу Цзишэн, Словарь русских идиом. Ухань: Хубэйское народное изд-во, 2020).
28. «中国俗语大辞典», 上海, 上海辞书出版社, 2018年 (Словарь китайских поговорок. Шанхай: Изд-во Шанхайского словаря, 2018).
29. «辞海», 上海, 上海辞书出版社, 2020年 (Чихай. Шанхай: Изд-во Шанхайского словаря, 2020).

LINGUOCULTURAL SPECIFIC FEATURES OF RUSSIAN AND CHINESE PHRASEOLOGY (ON THE MATERIAL OF PHRASEOLOGICAL UNITS CONTAINING ZOONYMS)

Li Siyu (Shanghai, China)

Wang Dengdeng (Ekaterinburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Language and culture are closely interrelated. On the one hand, language as a cultural product created by a society reflects the general culture of the people. On the other hand, language is part of culture, it is one of its elements. In other words, language is an integral part of culture and its instrument. The phraseology of the language reflects the culture and history of the people most vividly. Phraseology studies contribute to deeper understanding of the language being studied, therefore, a comparative analysis of Russian and Chinese phraseological units containing zoonyms is relevant, and the results of the analysis can be used when teaching Russian to Chinese students.

The purpose of the article is to substantiate the need for a comprehensive study of animalistic phraseological units and to develop recommendations for conducting classes for Chinese students on the study of Russian phraseological units, taking into account their native language.

Methodology (materials and methods). The research material included phraseological units with an animalistic component of meaning extracted by continuous sampling from the phraseological dictionaries of E.N. Telia and Zhou Jisheng. The study used a descriptive and analytical method of theoretical analysis of reference and encyclopedic, didactic, linguistic, psychological, pedagogical, and linguistic methodological literature on the research problem.

Research results. Comparative analysis of cultural connotations of animal images in Russian and Chinese phraseological units is of great importance for the development of linguistics and is of practical significance, since the results of the analysis can be used in the development of the Russian-as-a-Foreign-Language lesson plan for Chinese students.

Conclusions. Russian and Chinese comparative analysis of animalistic phraseological units in one of the lessons showed that the study of phraseological units with an animalistic component, where images of animals with a common cultural connotation are used, helps Chinese students to better identify the specifics of the Russian phraseological system, contributes to the prevention of errors in understanding and use of idioms.

Keywords: *linguoculturology, phraseology, cultural connotation, animal images, comparative analysis, intercultural communications, linguocultural originality, Russian phraseology, Chinese phraseology, zoonym.*

Li Siyu – PhD (Philology), Department of Russian Language, Institute of Foreign Languages, Fudan University (Shanghai, China); e-mail: wuliyanalisiyu@mail.ru

Wang Dengdeng – PhD Candidate (Philology), Department of Philology, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); e-mail: 79177297081wdd@gmail.com

---

References

1. Azimov E.G., Shchukin A.N. Dictionary of methodological terms (Theory and practice of teaching languages). St. Petersburg: Zlatoust, 1999.
2. Arapkina O.S. Dictionary of linguistic terms. Moscow: URSS, 2017.
3. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and culture: linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language. Moscow: Akademia, 2017. 110 p.
4. Gvozdarev Yu.A. Stories about Russian phraseology. Moscow: Prosveshchenie, 1988. 192 p.
5. Dal V.I. Proverbs of the Russian people (in two volumes). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 2007. 14 p.
6. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl (in four volumes). St. Petersburg: Akademia, 2004. 180 p.

7. Dao D.T. Language and speech in the mirror of phraseology (based on the Russian and Vietnamese languages). Yekaterinburg: Akademia, 2018. 63 p.
8. Kononenko V.I., Britsyn M.A., Ganich D.I. Russian language. Kyiv: Vishcha shkola, 1986. 414 p.
9. Krasnyuk I.N. Teaching phraseology at RFL lessons at a university // *Pedagogicheskiy opyt: teoriya, metoda, praktika* (Pedagogical Experience: Theory, Methodology, and Practice). 2016. No. 1 (6). P. 93–95.
10. Larin B.A. Essays on Phraseology. In: *Essays on Lexicology, Phraseology, and Stylistics*. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta, 1956. P. 115.
11. Melerovich A.M. Problem of semantic analysis of phraseological units in modern Russian language: textbook. Yaroslavl: YGPI, 1979.
12. Mikhailova Yu.N., Zhao I. Cultural connotations of zoonyms in Russian and Chinese phraseology. Yekaterinburg: Ural Federal University, 2017. 72 p.
13. Mokienko V.M. Riddles of Russian phraseology. St. Petersburg: Azbuka-Klassika, 2017. 63 p.
14. Opalenko M.E. New educational dictionary of phraseology. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2014. 351 p.
15. Stepanov Yu.S. Methods and principles of modern linguistics. 6th Edition. Moscow: LKI, 2017. 312 p.
16. Strelchuk E.N. Russian language and culture of speech in a foreign audience: theory and practice: textbook for foreign students-non-philologists. 2nd Edition. Moscow: Flinta; Nauka, 2013. 126 p.
17. Thao D.D. Language and speech in the mirror of phraseology (based on the Russian and Vietnamese languages). Yekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 2019. 63 p.
18. Chukovsky K.I. About Chekhov: The Man and the Master. 4th Edition. Moscow: Russkiy put, 2018. 18 p.
19. Emirova A.M. Russian phraseology in the communicative aspect. Tashkent: Fan, 1988. 89 p.
20. 顾嘉祖, «语言与宗教», 上海, 上海外国语学院, 2020年 (Gu Jiazhu. Language and religion. Shanghai: Shanghai International Studies University Press, 2020).
21. 胡文仲, «俄汉语言文化习俗探讨», 上海, 外语教学与研究出版社, 2019年 (Hu Wenzhun. Studying Russian and Chinese languages and cultural customs. Shanghai: Publishing on teaching and researching foreign languages, 2019).
22. 郑春苗, «中西文化比较研究», 北京, 北京语言学院出版社, 2019年 (Zheng Chunmiao. A Comparative Study of Chinese and Western Cultures. Beijing: Beijing Institute of Languages Press, 2019).
23. 赵敏善, «俄汉语言文化对比研究», 北京, 军事谊文出版社, 2020年 (Zhao Minshan. Cultural-comparative study of Russian and Chinese languages. Beijing: Military Friendship Publishing House, 2020).
24. 王福祥、杨天歌, «中国语», 北京, 军事谊文出版社, 2006年 (Wang Fuxiang, Yang Tiange. Chinese. Beijing: Military Friendship Publishing House, 2006).
25. 张艳娟, «论适用于中国课堂的俄语成语教学法», 辽宁师范大学, 2004年 (Zhang Yanzuan. Methods of teaching Russian idioms in Chinese lessons. DaLian: Liaoning Normal University Press, 2004).
26. 奇若娃、闵涛, «中国俄语教学中谚语、俗语及成语的作用», 西安, 西安教学, 2020年 (Chizhova T.I., Min Tao. The role of proverbs, sayings and phraseological units in teaching Russian to Chinese students. Xi'an: Teaching in Xi'an, 2020).
27. 周纪生, «俄语成语词典», 武汉, 湖北人民出版社, 2020年 (Zhou Jisheng, Dictionary of Russian Idioms. Wuhan: Hubei People's Publishing House, 2020).
28. «中国俗语大辞典», 上海, 上海辞书出版社, 2018年 (Dictionary of Chinese Proverbs. Shanghai: Shanghai Dictionary Press, 2018).
29. «辞海», 上海, 上海辞书出版社, 2020年 (Cihai. Shanghai: Shanghai Dictionary Publishing, 2020).

УДК 378

АНГЛОЯЗЫЧНОЕ НАУЧНОЕ ПИСЬМО: ЗАТРУДНЕНИЯ НАЧИНАЮЩИХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ¹

Е.И. Шпит (Томск, Россия)

В.Н. Куровский (Томск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматривается проблема многочисленных несоответствий научных текстов на английском языке, создаваемых начинающими русскоязычными авторами, нормам и ожиданиям международного научного сообщества.

Цель статьи – предложить концепцию применения инструментов компьютерного текстового анализа в педагогических целях для выявления актуальных потребностей обучающихся в области написания научного текста на английском языке.

Методологию исследования составляют сравнительный дискурс-анализ корпуса рукописей научных статей студентов магистратуры и аспирантуры российского технического вуза и корпуса опубликованных статей международных авторов. Оба корпуса представляют одну инженерную дисциплину и созданы специально для целей исследования. Анализ проводился с применением инструмента компьютерной лингвистики Gramulator.

Результаты. Количественный и качественный анализ дифференцирующих n-грамм в Gramulator показал, что письмо начинающих русскоязычных исследователей в значительной степени отличается от письма опытных международных авторов. Приведенные примеры указывают на низкое лексическое разнообразие; недостаточно развитые навыки применения грамматических явлений, отсутствующих в русском языке; склонность избегать употребления предикативных придаточных предложений и средств хеджирования; склонность к чрезмерному употреблению слов и формулировок, типичных для русского научного стиля, и к чрезмерному уточнению.

Заключение. Предлагаемая авторами концепция призвана придать процессу обучения письму более студентоцентрированный характер. Выявление лингвистических проблем в письме начинающих авторов на фоне письма целевого дискурсивного сообщества позволяет повысить осведомленность студентов о различиях в риторическом выборе в двух языках, скорректировать стратегические навыки такого выбора при составлении собственного текста на английском языке и тем самым приблизиться к нормам целевого дискурсивного сообщества.

Ключевые слова: научный дискурс, научное письмо, дискурс-аналитический подход, сравнительный корпусный анализ, дискурс-анализ, дискурсивное сообщество, Gramulator.

Шпит Елена Ирисметовна – аспирант кафедры педагогики и психологии образования факультета психолого-педагогического и специального образования института психологии и педагогики, Томский государственный педагогический университет; доцент кафедры иностранных языков, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники; ORCID-ID: 0000-0003-2568-224X; e-mail: forester_2007@mail.ru

Куровский Василий Николаевич – доктор педагогических наук, профессор, заведующий лабораторией развития образования Научно-образовательного центра теории образования, Томский государственный педагогический университет; e-mail: v.kuroskii@yandex.ru

Благодарность. Авторы выражают огромную признательность разработчику Gramulator, теоретику и практику академического письма Филипу МакКарти (Philip McCarthy) за оказанную помощь в овладении инструментом и обучении навыкам интерпретирования результатов.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-29-01331.

Постановка проблемы. Необходимость публиковать результаты своих исследований в международных рецензируемых журналах на английском языке становится все более актуальной в современном глобализованном мире. Уже на этапе магистратуры перед студентами ставится задача пробовать свои силы в написании научной статьи или тезисов для международных журналов и конференций на английском языке. На уровне аспирантуры наличие англоязычных статей становится почти обязательным условием итоговой аттестации. Однако статистика по показателям количества публикаций российских авторов в базах данных Scopus и Web of Science, а также по уровню цитируемости статей, написанных российскими авторами, все еще удручает [Бородик и др., 2021; Мохначева, Цветкова, 2021]. Низкие уровни российского участия и цитируемости могут подразумевать многочисленные проблемы в области международной публикационной активности наших ученых. Среди них недостаточно развитые навыки научной письменной коммуникации на английском языке, которые могут привести к множеству сопутствующих проблем, например высокому уровню неуверенности в написании научного текста для высокорейтинговых журналов или нежеланию связываться с довольно жесткой системой международного рецензирования. Соответственно, прослеживается востребованность обучения навыкам написания научных текстов на английском языке именно с учетом их дальнейшей публикации в международных рецензируемых изданиях. Если мы хотим добиться повышения показателей международной публикационной активности российских ученых, необходимо ввести в университетское образование систематизированное обучение академическому письму как «самостоятельной отрасли знания и дисциплине, имеющей хорошо разработанные теоретико-методологические основы» [Короткина, 2018а, с. 65].

Формирование академического письма (АП) как отрасли знания и дисциплины начинается в России с 2010-х гг. Активизируются дис-

куссии о терминологии, содержании и месте АП на страницах журналов (например, «Высшее образование в России»). Переводятся и вводятся в обучение международные пособия по обучению написанию научных статей на английском языке. Разрабатываются собственные учебные и учебно-методические пособия, а также массовые открытые онлайн-курсы по обучению разным аспектам АП. Большим шагом в формировании организационно-методологических основ академического письма как дисциплины стало создание Консорциума центров письма, который объединил различные университетские центры, офисы и лаборатории письма [Базанова, Короткина, 2017]. Объединяя экспертов в области АП, распространяя международный опыт с учетом российской реальности, аккумулируя опыт российских практиков и совершенствуя технологии обучения, Консорциум создает «концептуальное поле» АП в России [Там же, с. 53]. Усилиями участников консорциума создается научно-методическая основа АП как самостоятельной дисциплины.

Под «академическим письмом» («academic writing») подразумевается тип письма, который характерен для работ, создаваемых в академической среде (включая обучение в университете) и для академической, т.е. научной, среды [Hyland, 2011]. Эпистемологической основой АП являются методы научного убеждения, и уже на этапе обучения в университете студент погружается в письменные работы (эссе, рефераты, курсовые и т.д.), которые должны обладать характеристиками научного стиля. Термин «научное письмо», который мы будем использовать в данной статье, несколько отличается от термина «академическое письмо» более узкой направленностью знаний, умений и навыков (ЗУН), а именно нацеленностью сообщить научному сообществу результаты собственной исследовательской деятельности. В этом смысле «научное письмо» больше соотносится с английским термином «research writing» или «writing for research publication purposes» («письмо для научно-публикационных целей») [Короткина, 2018б; Flowerdew, 2013; Hyland, 2007; Kwan, 2010], т.е.

в данной работе под термином «научное письмо» мы будем подразумевать навыки написания научного текста с учетом стилистических (соблюдение норм научного стиля языка письма), жанровых (соблюдение норм собственно-научных жанров) и дискурсивных (соблюдение норм и традиций дискурсивного сообщества) конвенций.

Термин «научный дискурс» является синонимичным термину «academic discourse»; оба относятся к образу мышления и употребления языка, который существует в научном сообществе [Hyland, 2011], или к совокупности текстов, объединенных общей тематической соотнесенностью [Чернявская, 2018]. Карасик [2000] под научным дискурсом подразумевал разновидность институционального дискурса, предполагающую отношения между представителями научной общественности, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума. Целью научного дискурса является развитие научного знания, которое достигается путем решения ряда задач, включая когнитивно-коммуникативные (достижение истины путем обсуждения проблемы, ведения экспериментальных изысканий, изучения имеющейся литературы и т.д.) и социально-коммуникативные (распространение научных знаний путем публикации результатов, чтения лекций, проведения семинаров и т.д.) [Комарова, 2012]. Наличие экстралингвистического компонента (научное сообщество, институциональность, распространение знаний, социальная ситуация и т.д.) отличает научный дискурс от научного функционального стиля, который в большей мере касается общих черт стиля, отличающих его от других функциональных стилей. Соответственно, изучение различных лингвистических явлений дискурса происходит параллельно с их соотнесенностью с экстралингвистическими характеристиками дискурса и называется «дискурс-анализом» [Bhatia et al., 2008; Hyland, 2011; Макаров, 2003].

Есть множество методов дискурс-анализа, начиная с изучения жанровых характеристик и заканчивая анализом влияния выбираемых дис-

курсивных формул на человека (примеры можно найти: [Hyland, 2011, Чернявская, 2018; Макаров, 2003]). Например, англоязычное научное письмо, создаваемое русскоязычными авторами, рассматривалось с точки зрения ясности и недвусмысленности выражения [Terenin, 2013], удобочитаемости [Добрынина, 2019] или лексических и грамматических ошибок [Добрынина, 2017; 2018]. Более подробно данная тема будет рассмотрена в обзоре научной литературы.

Свой вклад в совершенствование методов и технологий обучения англоязычному научному письму в России мы видим в расширении возможностей «дискурс-аналитического подхода» [Fairclough, 2003; Hyland, 2018; Huckin, 2003; Reid, 2018]. Этот подход также называют риторическим, индуктивным, «down-top» и т.д. Сущность подхода заключается в изучении практик применения риторических средств для достижения определенных прагматических целей, а также корректировке тех, что считаются несоответствующими нормам дискурсивного сообщества. Поэтому данный подход, с одной стороны, рассматривает «текст как социальное событие, анализ которого связывает воедино социальный контекст коммуникации, дискурсивные практики и лингвистические механизмы их реализации» [Шейпак, 2020, с. 95], с другой – письмо как способ социализации в дискурсивное сообщество [Connor, 2002]. Довольно часто этот подход основывается на сопоставительной риторике (контрастивной или межкультурной риторике – *contrastive or intercultural rhetoric*). Еще в 1966 г. Р. Каплан [Kaplan, 1966], родоначальник контрастивной риторики, обнаружил, что общая риторика (приемы и способы построения речи) письма имеет свои культурные особенности. Например, письмо российских авторов, по мнению Каплана, отличается длинными, тяжеловесными предложениями и наличием отступлений, которые не относятся к непосредственной линии аргументации. Однако как подход к изучению лингвистических различий в речи двух и более групп людей, контрастивная риторика получила распространение в 1990-е гг. (обзор в: [Connor, 2002]).

Предлагаемая в данном исследовании концепция основана на сопоставительном анализе письма, проводимого с помощью инструмента компьютерной лингвистики Gramulator [McCarthy et al., 2012b]. Этот инструмент позволяет провести статистический анализ двух корпусов текста и извлечь наиболее часто используемые n-граммы (сочетания слов), дифференцирующие каждый корпус. Кроме того, функционал инструмента позволяет изучить использование этих n-грамм в текстах и проверить гипотезы о возможных причинах выбора тех или иных риторических средств. Создаваемая картина применения способов выражения мысли может очертить спектр коммуникативных проблем и тем самым способствовать модификации содержания обучения письму. Сочетание количественного и качественного анализов, реализуемых в данной технологии, позволяет сфокусировать дискурс-аналитический подход в обучении письму на трудностях, присущих определенной категории авторов. Это придает процессу обучения письму студент-центрированный характер, при котором учитываются не только отнесенность письма к целевому дискурсивному сообществу, но и языковые и коммуникативные потребности конкретной группы обучающихся.

Актуальность исследования. Поскольку на данном этапе уровень научно-методической разработки вопросов обучения англоязычной письменной научной коммуникации с учетом культурных особенностей русскоязычных авторов недостаточно развит, необходимо использовать различные способы расширения теоретико-методологической базы дисциплины, в том числе инструментарий компьютерной лингвистики. Кроме того, методика формирования способности «анализировать и учитывать разнообразие культур в процессе межкультурного взаимодействия» (УК-5, ФГОС ВО 3++)² в содержании обучения письму довольно слабо представлена конкретными примерами такого культурного разно-

образия. Инструменты компьютерного текстового анализа, например Gramulator, способны пролить свет на определенные проблемы в письме, отражая уровень сформированности компетенции. До настоящего времени никто из известных нам российских авторов не рассматривал данный инструмент для педагогических целей, в чем и состоит новизна данного исследования.

Обзор научной литературы. В силу многогранности понятия «дискурс» в настоящее время в лингвистике существует множество подходов к определению этого понятия и критериев, различающих типы дискурса [Макаров, 2003; Чернявская, 2018]. Тем не менее общим для всех является то, что дискурс объединяет лингвистическую и экстралингвистическую компоненты [Ван Дейк, 1998; Карасик, 2000; Gee, 2005; Widdowson 2007]. Как уже упоминалось выше, под «научным дискурсом» мы понимаем разновидность институционального дискурса, по В.И. Карасику [2000]. Принадлежность одному институту знаний определяет необходимость всех участников научного сообщества «говорить на одном языке», чтобы быть понятыми и принятыми этим сообществом. Во многом эта способность определяется умением использовать единую риторику дискурса, т.е. единые методы научного убеждения [Короткина, 2018а].

Сравнительный дискурс-анализ в данной работе во многом опирается на анализ специфических характеристик письма с точки зрения «научного функционального стиля». Под научным функциональным стилем мы подразумеваем разновидность литературного языка, связанного с научной деятельностью и основанного на «общности формы общественного сознания» [Чернявская, 2018, с. 117]. Однако дискурс, помимо «облигаторных моделей языковой деятельности» функционального стиля, включает еще и «содержательно-смысловую общность текстов» дисциплины или сообщества [Там же]. Совокупно это предполагает, что исследователь, желающий быть частью конкретного научного сообщества, должен знать и воспроизводить как универсальные для всех научных текстов модели языковой деятельности, так и коммуника-

² Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования для магистратуры и специалитета [Электронный ресурс]. URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/25> (дата обращения: 30.07.2022)

тивные речевые нормы и конвенции этого сообщества. Примеры последних могут быть обнаружены в результате сравнительного дискурсивного анализа, в данном случае выполненного инструментом компьютерной лингвистики.

Сравнительный дискурсивный анализ позволяет выявить отличительные особенности набора текстов учащихся и набора текстов целевого сообщества, предполагая, что эти особенности сигнализируют об отклонениях или несоответствиях желаемым нормам и ожиданиям. В этой связи стоит сказать, что многие исследователи отмечают существенные отличия в научном дискурсе разных дисциплин, выступающих как единое тематическое сообщество [Becher, 1987, 1994; Connor, 2002; Hyland, 2011]. Отсюда и понятие «дискурсивное сообщество», т.е. сообщество людей, объединенное общими социальными целями, общими средствами обмена знаниями и информацией, общими нормами и традициями дискурса и т.д. [Swales, 1990].

Исследование научного дискурса, как правило, основывается на анализе научных статей и/или аннотаций к научным статьям. Первые выступают в качестве основной жанровой единицы в коммуникативном и прагматическом планах научной деятельности и отвечают всем признакам научной прозы [Колесникова, Ридная, 2016]. Вторые являются «лицом» научной статьи, потому что информируют читателя о ее содержании и убеждают его прочесть статью целиком [Hyland, 2000]. Кроме того, аннотации представляют собой легкодоступный законченный текст научного стиля, который удобен для сравнительного анализа [McCarthy et al., 2007]. У российских исследователей довольно высок интерес к аннотациям, что можно также объяснить значительными расхождениями в их построении на русском и английском языках [Добрынина 2017; 2018; 2019; Тивьяева, Кузнецова, 2020; Толстова, 2020; Шпит, Куровский, 2020; Zanina, 2017]. Тем не менее очевидно, что полные тексты статей могут дать гораздо больше пищи для размышлений об уровне сформированности навыков письменной научной коммуникации [Кочетова, Ильинова, 2020;

Kochetova, Kononova, 2018; Shpit, McCarthy, 2022; Terenin, 2013; Zanina, 2016].

Прежде чем рассматривать отличительные признаки научного стиля в двух языках (английском и русском), остановимся на их общих характеристиках. Главными отличительными чертами научного функционального стиля в любом языке являются отвлеченно-обобщенность, подчеркнутая логичность и терминологичность [Колесникова, 2002]. При этом также важны объективность, точность, ясность и некатегоричность [Кожина, 1968; Колесникова, 2002; 2010; Котурова, 2009; Чернявская, 2006], отражающие надкультурность научной коммуникации. Кроме того, можно обозначить и общие экстралингвистические признаки научного дискурса: общая для дискурсивного сообщества картина мира, участники коммуникации, социальная ситуация, ценности и установки участников сообщества и др. [Ван Дейк, 1998]. Очевидно, что для исследователя, стремящегося опубликовать свои результаты в престижном международном журнале, недостаточно знать только характеристики научного стиля. Необходимо также учитывать нормы и ожидания дискурсивного сообщества, которые лингвистически проявляются в применении дискурсивных формул сообщества.

Нормы научной коммуникации в русском языке имеют первостепенную важность, поскольку авторы из России, прежде всего, вовлечены в устную и письменную практику научной коммуникации на родном языке. Среди риторических норм выделяют, например, большое количество существительных и прилагательных (и связанную с ними активность родительного падежа), склонность к сложным предложениям с большим количеством вложенных конструкций (причастных/деепричастных оборотов, придаточных предложений и длинных определительных фраз), применение устойчивых лексических и фразеологических единиц, а также избегание использования местоимений *я* и *мы* [Прядильникова, 2016; Трофимова, 2004]. О.А. Лаптева [1995] отмечает широкое употребление наречно-предикативных слов, кратких страдательных причастий прошедшего времени и воз-

вратных форм на -ся, -сь, а также редуцирование голоса автора. Она также подчеркивает тенденции к повышению значимости существительных через номинализацию глаголов, к упрощению синтаксической структуры предложения через применение цепочек родительных падежей существительных для ограничения объема понятия, а также применение предложно-падежных оборотов. Многолетняя практика написания научных текстов на русском языке в соответствии с указанными нормами, их постоянное пополнение и неизбежное многократное обращение к ним молодых исследователей приводят к укоренению таких образцов речи в памяти читателей и авторов новых текстов.

Нормы научной коммуникации в английском языке в настоящее время во многом опираются на английский язык как *lingua franca*, т.е. как единый языковой код для осуществления обмена научными знаниями в международной среде [Bhabha, 2004; Bhatia, 2002; Hyland, 2011; Tardy, 2004]. Англосаксонские традиции письма, а именно строгость, лаконичность и информативность, вполне отвечают духу информационной эры и глобализованной реальности. К. Хайленд [Hyland, 2011] отмечает следующие характерные черты письма англоязычных авторов: оно имеет более выраженную структуру и цели; авторы часто повторяют основные утверждения исследования; текст включает много свежих ссылок; риторика текста избегает отступлений от основной мысли; авторы избегают прямых утверждений и стремятся их смягчить, используя хеджирующие средства; письмо имеет множество соединительных элементов, чтобы ясно показать связь между частями абзаца или текста. Некоторые рекомендации по формулированию идей в научном тексте можно найти в обучающих курсах для авторов не-носителей английского языка. Например, композиционные советы от Springer Nature³ включают учет ожиданий читателя увидеть определенного типа ин-

формацию в определенном разделе статьи, части раздела, абзаце и даже части предложения. С точки зрения риторики разработчики курса, например, рекомендуют использовать короткие предложения (20–25 слов, «одна мысль на одно предложение»); где возможно, использовать активный залог вместо пассивного; быть как можно более лаконичным и избегать использования ненужных и общих слов. При этом важным является соблюсти баланс между чрезмерной академичностью языка и просторечием и донести основные результаты своего исследования не только до целевой, предметной аудитории, но и до более широкой аудитории из смежных дисциплин [Graff, 2000]. Много рекомендаций дается на сайте American Psychological Association⁴, начиная с формальных требований, утвержденных для стиля APA, и заканчивая общими советами по механике текста. И наконец, каждое издательство публикует требования к рукописям, в которых даны рекомендации, касающиеся не только оформления текста, но и языка изложения. Хотя, предполагается, что авторы читают подобные рекомендации перед подачей рукописи в печать, довольно большой процент рукописей возвращается (например: [Belcher, 2007; McKercher et al., 2007]). Интересно, но замечания по фактическим лингвистическим ошибкам при возврате рукописей составляют меньший процент, чем замечания, касающиеся риторики (например, отсутствие ясности письма, сложность понимания логики изложения).

Общий **сопоставительный дискурс-анализ** традиций и норм в международном и русском научном письме в общественных и гуманитарных науках был проведен И.Б. Короткиной [2018]. Автор описала основные отличия по 10 аспектам, начиная с традиций в построении и содержании разных разделов статьи и заканчивая общим стилем и языком письма. По мнению исследователя, стилистически международное письмо отличается последовательностью,

³ Springer Nature. Author tutorials. Writing in English: краткий обучающий курс для авторов. URL: <https://www.springer-nature.com/gp/authors/campaigns/writing-in-english> (дата обращения: 28.05.2022).

⁴ APA style. Style and Grammar Guidelines: руководство по написанию научных текстов на английском языке в стиле APA. URL: <https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/abbreviations/definition> (дата обращения: 28.05.2022).

ясностью и убедительностью аргументации, выстроенной с учетом широкой по специализации аудитории и различных точек зрения. Письмо российских авторов, в свою очередь, отличается многословием и излишним академизмом (перегруженностью терминологией и формальными фразами). С точки зрения языка международные тексты компактны и удобочитаемы, с ограниченным количеством номинализации и пассивных конструкций. Тогда как письмо от русскоязычных авторов зачастую трудно воспринимается, изобилует номинализацией, безличность создает двусмысленность и синтаксическую сложность. Если вспомнить упомянутые ранее языковые конструкции, рекомендуемые к использованию в научном письме на русском языке, можно с легкостью представить себе возможные переводы таких конструкций на английский язык, выполненные с помощью словарей и переводчиков, и понять, что имеет в виду И.Б. Короткина под излишней номинализацией, многословием, двусмысленностью и синтаксической сложностью.

Приводимые далее примеры исследований российских ученых раскрывают отличия двух типов письма как проявления различных компонентов иноязычной письменной научной компетенции: лингвистического, дискурсивного, стратегического, социокультурного и т.д. [Кудряшова, 2007; Соловова, 2003; Хуторской, 2003]. При сравнении образцов применения местоимения *we* в академическом тексте [Kochetova, Kononova, 2018] было обнаружено, что русскоязычные авторы склонны прибегать к инклюзивному *we* для того, чтобы убедить читателя разделить или принять точку зрения автора, тогда как англоязычные авторы используют инклюзивное *we* для проявления солидарности на основе общих знаний, убеждений и мнений (прагматический компонент). Результаты исследования устойчивых словосочетаний в научном дискурсе [Kochetova, Ильинова, 2020] показали, что русскоязычные авторы применяют значительно больше фраз с абстрактными существительными и фраз, нетипичных для англоязычного корпуса; и значительно меньше

фраз с последующими придаточными или глагольными конструкциями, а также элементов хеджирования. Все эти наблюдения авторы связывают с явлениями языкового перехода (*code-switching*) и языкового смешения (*code-mixing*) (стратегический и социокультурный компоненты). Результаты изучения способов хеджирования в англоязычных и русскоязычных статьях по менеджменту и маркетингу [Zanina, 2016] показали, что авторы русскоязычных статей гораздо реже прибегают к таким средствам, чем их англоязычные коллеги, что отражает недостаточно развитые социокультурные компетенции студентов. Анализ опубликованных аннотаций по прикладной лингвистике [Толстова, 2020] показал, что тексты, написанные русскоязычными авторами, меньше по объему, имеют более сокращенную структуру и отличаются меньшим лексическим разнообразием (лингвистический и дискурсивный компоненты). Жанровые отличия аннотаций были изучены на примере лингвистики [Тивьяева, Кузнецова, 2020] и менеджмента [Zanina, 2017] и доказывают, что в разных дисциплинах элементы содержания аннотаций заметно отличаются (дискурсивный компонент). В дополнение, исследование Н.К. Рябцевой [2018] позволило обозначить основные отличия между заголовками научных статей, написанных русскоязычными и международными авторами, и сформулировать основные принципы перевода названия статей на английский язык (социокультурный компонент).

Преимущества студенческого корпуса. Анализ опубликованных англоязычных текстов, написанных авторами, для которых родным языком является русский, несомненно, дает бесценный материал для обновления и пополнения содержания обучения. Однако мы считаем эти тексты «чистым» вариантом письма, т.е. они либо написаны автором с достаточно высоким уровнем английского языка и большим опытом написания академических текстов, либо прошли довольно серьезную проверку посредниками по проверке грамотности текста (*literacy brokers*) [Lillis, Curry, 2006]. На наш взгляд, гораздо больше инфор-

мации для целей формирования навыка можно получить из текстов, создаваемых самими авторами на начальном этапе работы над рукописью, или текстов студентов в процессе их обучения навыкам письменной научной коммуникации [Paquot, 2005; Flowerdew, 2001]. С другой стороны, мы допускаем, что такие тексты могут содержать грамматические, орфографические и пунктуационные ошибки, способные несколько исказить результаты статистического анализа. Тем не менее мы выбираем этот путь и рассматриваем письмо начинающих авторов в рамках студенческого (учебного, ученического) корпуса.

Под «студенческим корпусом» понимается корпус работ, написанных начинающими авторами. Эти корпуса также могут быть общими, как, например, Международный корпус для изучающих английский язык (International Corpus of Learner English, ICLE)⁵, и специальными, как, например, корпус студенческих текстов в представлениях будущих научных исследований (research proposals) [Smirnova, 2019; Smirnova, Strinyuk, 2020], корпус студенческих рукописей научных статей [Шпит, Куровский, 2021] и корпус студенческих описаний дипломных проектов по менеджменту [Виноградова и др., 2020]. Исследование [Smirnova, 2019] обнаружило гораздо меньшее обращение русскоязычных студентов к анафорическим выражениям и проблемы с их применением (повторяемость слов/фраз, несогласование по числу и др.). Другое исследование этого же корпуса [Smirnova, Strinyuk, 2020] показало, что студенты гораздо реже и менее корректно применяют средства хеджирования. Исследование [Шпит, Куровский, 2020] аналогично [Толстова, 2020] обнаружило ограниченное разнообразие лексического наполнения аннотаций к научным статьям. Помимо этого, было замечено, что письмо российских начинающих авторов в техниче-

ской области отличается чрезмерным использованием пассивного залога и предложных фраз, а также более длинными предложениями и более сложным синтаксисом. В работе [Виноградова и др., 2020] было обнаружено, что студенческие тексты уступают профессиональным по клаузуальной и фразовой сложности, особенно с точки зрения их разнообразия. Однако предпочтение *of*-фраз в письме русскоязычных студентов значительно выше [Виноградова и др., 2020; Шпит, Куровский, 2020]. Сравнительный корпусный анализ в [Shpit, McCarthy, 2022] выявил множество расхождений в письме начинающих русскоязычных инженеров-исследователей и опытных международных авторов, среди которых значительно большее количество предложных и именных фраз, значительно меньшее количество глаголов и глагольных фраз.

Рассмотренные выше исследования доказывают, что существует множество различий в риторике научной прозы авторов из России и представителей международного научного сообщества. Причем в большинстве упомянутые исследования базировались на ограниченной категории авторов, это позволяет утверждать, что обнаруженные признаки выявлены относительно соответствующей категории дискурсивного сообщества (чаще всего дисциплинарного). Следовательно, обучение письму должно включать теоретический и практический материал, ориентированный на формирование у студентов осведомленности о риторических нормах, принятых в соответствующем дисциплинарном сообществе, и развитие навыков применения этих риторических норм. У студентов должно складываться четкое понимание того, что существуют значительные различия в том, каким образом формулируются высказывания в научных текстах для русского читателя и для международного. При этом применение стратегий и норм научного стиля родного языка в текстах на английском языке неминуемо приведет к значительным отклонениям от традиций и ожиданий международных дискурсивных сообществ и, возможно, нарушениям в ясности и удобочитаемости текста в целом.

⁵ International Corpus of Learner English / S. Granger, M. Dupont, F. Meunier [et al.]; Presses universitaires de Louvain, Version 3, 2020. 277 p. URL: https://www.new.enl.uth.gr/flt/wp-content/uploads/sites/8/2021/02/ICLEv3_manual.pdf (дата обращения: 07.03.2022).

Методологию данного исследования составляет применение инструмента компьютерного текстового анализа Gramulator, который позволяет получить не только количественные, но и качественные результаты [McCarthy et al., 2012b]. Подход к текстовому анализу в Gramulator основывается на комбинировании двух методов: сравнительного корпусного анализа (Contrastive Corpus Analysis – CCA) и машинного определения дифференциалов (Machine Differential Diagnosis – MDD). CCA рассматривается как концептуальная схема подхода, а MDD – как практическое применение этого подхода. Совместно эти методы создают выходной результат инструмента – наборы n-грамм. Данное исследование опирается на дифференцирующие n-граммы (differentials), т.е. сочетания слов, типичные для одного корпуса и нетипичные для другого. При анализе дифференциалов были выявлены гендерные различия в новостном дискурсе [Wen et al., 2013], различия между правдивым и лживым дискурсом [McCarthy et al., 2012a], а также различия между научными дискурсами корейских ученых и их американских коллег [Min, McCarthy, 2010; 2013]. Помимо n-грамм, инструмент имеет множество других функций текстового анализа, а также встроенные одновыборочный тест Стьюдента (t-test) и точный тест Фишера (Fisher’s exact test), которые позволяют быстро определять статистическую значимость результатов.

Специальные корпуса создавались в интересах одной из кафедр радиотехнического факультета Томского университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР). Начинающие авторы кафедры – это студенты магистратуры и аспирантуры, которые активно участвуют в реализации научных грантов РФФИ и РНФ и создают статьи для публикации в международных журналах и материалах конференций. Все студенты специализируются в области электромагнитной совместимости (ЭМС). Большинство из них владеют английским языком на уровне A2 – B1 (по шкале системы CEFR). В процессе обучения в университете никто из участников не проходил целенаправленной подготовки по научно-

му письму. Однако не исключена возможность самостоятельного овладения данным навыком, например при прохождении открытых онлайн-курсов, чтении специальных учебных пособий и рекомендаций для авторов от различных изданий или через активное чтение англоязычных статей по специальности.

Для целей исследования были созданы два корпуса: студенческий (СК) и экспертный (ЭК). Отличительными особенностями обоих корпусов являются их дисциплинарное и жанровое единство. Это означает, что все тексты относятся к ЭМС и представляют собой научные статьи. Однако студенческие тексты – это рукописи статей, написанные до подачи в международные журналы, а тексты экспертов, т.е. международных авторов, это опубликованные научные статьи по ЭМС. Студенческий корпус содержит 80 текстов от 23 авторов; некоторые студенты являются авторами нескольких работ, написанных в разное время. Общий объем корпуса составляет 142 954 словоупотреблений. Все тексты были написаны с 2018 до 2021 г. (начало). Средний объем (M) текстов – 1840 слов (стандартное отклонение (SD) 904). Тексты были собраны специалистом-лингвистом с кафедры иностранных языков университета, вычитывающим студенческие рукописи до подачи в журналы. Экспертный корпус включает 94 текста от 83 авторов (M = 3175 слов; SD = 1406). Общий объем составляет 295 704 словоупотребления. 55 текстов (59 %) написаны авторами, аффилированными с учреждениями англоязычных стран (США – 38, Великобритания – 10, Канада – 5, Австралия – 2). Остальные 39 статей (41 %) написаны авторами из 17 стран мира (например, Германия, Южная Корея, Швеция, Тайвань). Статьи русскоязычных авторов исключались. Превалирующее число текстов от авторов из англоязычных стран позволяет предположить, что данный дискурс, вероятнее всего, является прототипичным и грамматически корректным. Между тем достаточное количество текстов от авторов других стран мира обеспечивает вариативность языка, которая характерна для глобализованного научного сообщества. Все тексты от международных

авторов были собраны с помощью консультантов профилирующей кафедры. Хотя средний объем экспертного текста почти в два раза больше, в данном исследовании это не имеет критического значения, поскольку используемые статистические методы не зависят от размера текста, а берут в расчет соотношение количества измеряемых единиц к объему текста.

Чтобы инструмент Gramulator мог аккуратно обработать данные, тексты обоих корпусов были «очищены» от заголовков, подзаголовков, информации об авторах, благодарностей, списка литературы, списка условных обозначений, формул, таблиц, рисунков и приложений. Также были удалены опечатки, явные орфографические, грамматические и пунктуационные ошибки, кроме тех, удаление которых привело бы к нарушению авторского стиля. Мы стремились максимально сохранить язык автора, однако удалили то, что могло бы помешать компьютерной обработке. Для проведения анализа в Gramulator тексты были переведены в текстовый (txt) формат.

С помощью Gramulator корпуса были проанализированы на предмет выявления дифференциалов. Для извлечения дифференциалов была использована функция Process. По мере необходимости выполнялись одновыборочные тесты Стьюдента и точные тесты Фишера для определения статистической значимости результатов.

Результаты. На первом этапе был проведен сравнительный корпусный анализ, в результате которого было получено 1397 дифференцирующих биграмм для корпуса международных авторов и 595 для студенческого корпуса. Отличительной особенностью дифференциалов студенческого корпуса является то, что большинство из них представляют собой словосочетания, в которых оба слова или одно из слов относятся к специализированной лексике (например, *the decomposition, ultrashort pulse, protect against*). Это можно объяснить тем, что все тексты написаны студентами одной кафедры, исследовательская деятельность которой сконцентрирована на определенных направлениях. Напротив, корпус международных авто-

ров представляет набор текстов от ученых разных исследовательских центров, работающих в разных областях ЭМС. Такое внутривидовое разнообразие объясняет тот факт, что дифференциалы международного корпуса отличаются более общим лингвистическим характером и соотносительностью с устойчивыми речевыми образцами, характерными для академической речи (например, *such as, that is, in table, over the*). Учитывая то, что дифференциалы – это n-граммы, которые типичны для одного корпуса, но не типичны для другого, можно сделать вывод, что студенческий корпус не отличается активным применением устойчивых речевых образцов, характерных для данного дискурсивного сообщества. Далее были проанализированы несколько биграмм из первых 25 для каждого корпуса. Ограниченный набор биграмм прежде всего обусловлен размерами статьи. Кроме того, мы считаем, что самые первые, максимально часто используемые биграммы будут достаточно информативными для создания общей картины основных различий между дискурсами. Однако мы не исключаем, что анализ остальных позволил бы выявить другие значимые характеристики письма. Рассмотрение биграмм из экспертного корпуса позволит выявить риторические образцы, которые характерны для данного дисциплинарного сообщества, но недостаточно представлены в студенческом дискурсе.

Дифференциалы корпуса экспертов. Самой первой биграммой корпуса экспертов является *such as* (ЭК: 230 раз в 72 текстах, 76,60 %; СК: 12 раз в 9 текстах, 11,25 %; $p < .001$). Мы проверили оба корпуса на другие лингвистические средства, используемые для приведения примеров. Было обнаружено, что эксперты также значительно чаще применяют фразы *like* и *for instance* ($p < .001$), в то время как студенты чаще всего прибегают к использованию фразы *for example* (табл. 1). Данный пример может свидетельствовать об ограниченности дискурсивных навыков, проявляющейся в низком разнообразии языковых средств для связывания смыслового содержания.

Таблица 1

Использование фраз для приведения примеров

Table 1

Use of phrases for giving examples

N-граммы	СК (N, %)	ЭК (N, %)
such as	9 (11,25 %)	72 (76,60 %)***
like	6 (7,5 %)	37 (39,36 %)***
for instance	0	14 (14,89 %)***
as an example	4 (5 %)	11 (11,70 %)
for example	49 (61,25 %)	49 (52,13 %)

Примечание. N – количество текстов, % – их процент в корпусе.

Второй наиболее частой биграммой ЭК является фраза *as shown* (ЭК: 249 раз в 60 текстах, 63,83 %; СК: 1 раз, 1,25 %; $p < .001$). Наряду с *as illustrated* и *as depicted* эти фразы используются для привлечения внимания читателей к данным в таблице или на рисунке. В таком виде (*'as + причастие 2'*) эти фразы довольно редко используются в СК. Это наводит на мысль о некоторых жанровых различиях в дискурсе. Конструкция *'as + причастие 2'* является вводной конструкцией, которая дополняет основную информацию в предложении. Широкое употребление такой конструкции указывает на ее распространенность, т.е. прототипичность, в экспертном письме. Практически полное

отсутствие таких конструкций в студенческом письме может характеризовать жанровую особенность русского научного стиля в обращении с визуальными данными или отсутствие опыта в обращении к визуальной информации у студентов, поэтому требует дальнейших исследований. Кроме того, студенческие тексты имеют значительно меньше таких глаголов, как *demonstrate*, *illustrate*, *depict*, и их производных (табл. 2). В своих текстах студенты чаще всего полагаются на глагол *show* и его производные (*shows*, *showed*, *shown*, *showing*), что может свидетельствовать об ограниченности лексического разнообразия для передачи одной и той же мысли.

Таблица 2

Использование глаголов для обращения к визуальной информации

Table 2

Use of verbs for addressing the visuals

Униграммы	СК (N, %)	ЭК (N, %)
demonstrate (+ производные)	15 (20 %)	54 (57,45 %)***
illustrate (+ производные)	4 (5 %)	38 (40,43 %)***
depict (+ производные)	1 (1,25 %)	31 (32,98 %)***
show (+ производные)	79 (98,75 %)	90 (95,75 %)

Примечание. N – количество текстов, % – их процент в корпусе.

Биграмма *that is* является третьей, самой распространенной в экспертном письме (ЭК: 140 раз в 59 текстах, 62,77 %; СК: 9 раз в 9 текстах, 11,25 %; $p < .001$). Подобно *that are/were* и *that can/could*, *that is/was* вводит определяющее придаточное предложение (*restrictive clause*, *that*) и как таковое несколько отличается от неопределяющего придаточного (non-

restrictive clause, *'запятая + which'*), которое вводится *which is/was*, *which are/were*, *which can/could*. Как видно из табл. 3, студенты значительно реже используют словосочетания *'that + be/can'* в настоящем и прошедшем времени и *'which + can'* в прошедшем. Такие результаты могут происходить от слабого понимания различий между указанными двумя типами при-

даточных предложений в английском языке. В русском языке нет различий между этими видами придаточных предложений; и в том и в другом случае ставится 'запятая + который/

которая/которые/что'. Студенты, возможно, не обладая достаточными языковыми навыками, переносят синтаксические нормы из родного языка в английский текст.

Таблица 3

Биграммы, начинающие придаточные предложения

Table 3

Bigrams for relative clauses

Биграммы	СК (N, %)	ЭК (N, %)
that is	9 (11,25 %)	59 (62,77 %)***
that can	6 (7,5 %)	45 (47,87 %)***
that was	0	14 (14,89 %)***
that could	0	14 (14,89 %)***
which could	0	12 (12,77 %)***
that are	19 (23,75 %)	47 (50 %)***
that were	0	11 (11,70 %)***
which is	53 (66,25 %)	71 (75,53 %)
which can	25 (31,25 %)	36 (38,30 %)
which was	9 (11,25 %)	14 (14,89 %)
which are	32 (40 %)	39 (41,49 %)
which were	4 (5 %)	4 (4,26 %)

Примечание. N – количество текстов, % – их процент в корпусе.

Еще одна биграмма, связанная с синтаксисом, это фраза *is that* (ЭК: 73 раза в 39 текстах, 41,49 %; СК: 7 раз в 7 текстах, 8,75 %; $p < .001$). Эта фраза обычно применяется для построения сложноподчиненного предложения с предикативным придаточным, которое объясняет свойство, прис-ваиваемое подлежащему/предмету (например, *limitation, advantage, benefit, requirement*).

Например:

The benefit of the approach **is that** *it is possible to protect equipment without additional embedded structures*. – Преимущество данного подхода **состоит в том, что есть возможность** защитить оборудование без добавления встроженных структур.

В студенческом научном письме такая идея чаще всего выглядит так:

The benefit of the approach **is** *the possibility of protection without additional embedded structures*. – Преимуществом данного подхода **является возможность** защиты оборудования без добавления встроженных структур.

То есть традиции русского научного стиля, а именно применение расширенной номиналь-

ной структуры вместо придаточного предложения, неопытными авторами часто переносятся в англоязычный письменный дискурс [Добрынина, 2018; 2019; Korotkina, 2018]. Забегая вперед, отметим, что биграмма *possibility of* является одной из самых частых в студенческом корпусе (СК: 72 раза в 34 текстах, 42,50 %; ЭК: 10 раз в 8 текстах, 8,51 %; $p < .001$).

Еще одной значимой биграммой, которая дифференцирует экспертное письмо от студенческого, является *could be* (ЭК: 122 раза в 42 текстах, 44, 68 %; СК: 1 раз, 1,25 %; $p < .001$). Мы изучили другие модальные глаголы, глаголы и наречия, которые используются для хеджирования, и обнаружили, что студенты значительно реже прибегают к применению этих языковых средств. Хеджирование – умение быть менее категоричным в утверждениях, демонстрировать вежливость – является общепринятой нормой в международном научном письме. Самым распространенным средством хеджирования в обоих корпусах является модальный глагол *can* (ЭК: 1375 раз в 94 текстах, 100 %; СК: 573 раза в 76 текстах, 95 %; $p = .043$). Кроме того,

оба корпуса отличаются частым использованием глаголов *seem* и *assume* и их производных (табл. 4). Однако использование других средств недооценено студентами. Такая ситуация мо-

жет быть вызвана слабым пониманием студентами важности хеджирования, т.е. ограниченностью социокультурных навыков, что согласуется с [Smirnova, 2019; Zanina, 2016].

Таблица 4

Средства хеджирования

Table 4

Hedging devices

Глаголы и наречия	СК (N, %)	ЭК (N, %)
may	23 (28,75 %)	71 (75,53 %)***
could	4 (5 %)	59 (62,77 %)***
indicate/indicates	7 (8,75 %)	33 (35,11 %)***
might	2 (2,5 %)	29 (30,85 %)***
likely	0	20 (21,27 %)***
suggest/suggests	5 (6,25 %)	22 (23,4 %)**
tend/tends	3 (3,75 %)	16 (17,02 %)**
possibly	0	10 (10,63 %)**
can	76 (95 %)	94 (100 %)*
imply/implies	4 (5 %)	14 (14,89 %)*
unlikely	0	7 (7,45 %)*
seem/seems	10 (12,5 %)	15 (15,96 %)
probably	2 (2,5 %)	7 (7,45 %)

Примечание. N – количество текстов, % – их процент в корпусе.

Дифференциалы студенческого корпуса. Как уже говорилось выше, одной из самых распространенных биграмм СК является фраза *possibility of* (СК: 72 раза в 34 текстах, 42,5 %; ЭК: 10 раз в 8 текстах, 8,51 %; $p < .001$). Так как *possibility of* предполагает после себя именную или герундиальную фразу, можно предположить, что это вариант номинализации придаточного предложения (как было упомянуто выше). Альтернативными вариантами в этом случае могут быть предложения с *possible that/possible to, allow/enable/provide/make*

possible или *can/could/may/might*. Как видно из табл. 6, биграмма *possible that* является нетипичной для обоих корпусов. Что касается глаголов, то студенты значительно чаще используют *make possible* ($p < .001$) и *allow* ($p = .02$) и реже – *enable* ($p < .001$) и *provide* ($p = .017$). Как упоминалось выше, опытные авторы довольно часто прибегают к применению модальных глаголов при большем их разнообразии. Можно сделать вывод, что студенты обладают гораздо менее разнообразным лексическим и синтаксическим арсеналом.

Таблица 5

Способы выражения 'возможности'

Table 5

Expressing 'possibility'

N-граммы 'возможности'	СК (N, %)	ЭК (N, %)
make possible	21 (26,25 %)***	3 (3,19 %)
enable (+ производные)	2 (2,5 %)	25 (26,6 %)***
provide (+ производные)	50 (62,5 %)	75 (79,79 %)*
allow (+ производные)	56 (70 %)	49 (52,13 %)*
possible to	48 (60 %)**	33 (35,11 %)
possible that	0	4 (4,26 %)

Примечание. N – количество текстов, % – их процент в корпусе.

Следующей значимой биграммой в студенческом письме является фраза *the obtained* (СК: 73 раза в 36 текстах, 45 %; ЭК: 12 раз в 6 текстах, 6, 38 %; $p < .001$). *The obtained*, вполне вероятно, является частью триграмм *the obtained results*, *the obtained waveforms*, *the obtained expressions* и других. Частое использование таких фраз может означать, что студенты придают особое значение уточнению предмета повествования (табл. 7). Напротив, опытные авторы из всего перечисленного часто прибегают только к таким фразам, как *under test* ($p < .001$) и *the proposed* ($p = .718$). Употребление начинающими авторами явных механизмов ссылки и уточ-

нения можно объяснить их стремлением проявить сильную связность (когезию) между элементами повествования. Однако это также может означать, что они недооценивают основополагающее значение артикля *the* в английском языке; этот артикль сам по себе является указанием на что-то упомянутое выше, и дополнительные механизмы ссылки могут быть избыточными. Прослеживается низкий уровень знаний об этом явлении в английской грамматике, что может сигнализировать о возможной недостаточной развитости навыков применения и других языковых явлений, отсутствующих в русской грамматике.

Таблица 6

Механизмы ссылки/уточнения

Table 6

Referencing and specifying devices

Биграммы ссылки	СК (N, %)	ЭК (N, %)
<i>the obtained</i>	36 (45 %)***	6 (6,38 %)
<i>under study</i>	20 (25 %)***	5 (5,32 %)
<i>the investigated</i>	16 (20 %)***	3 (3,19 %)
<i>under investigation</i>	10 (12,5 %)***	1 (1,06 %)
<i>the developed</i>	12 (15 %)*	5 (5,32 %)
<i>under test</i>	3 (3,75 %)	22 (23,4 %)***
<i>the proposed</i>	17 (21,25 %)	23 (24,47 %)

Примечание. N – количество текстов, % – их процент в корпусе.

Биграммы *is advisable* и *advisable to* используются практически в третьей части студенческих текстов (*is advisable* – СК: 36 раз в 26 текстах, 32,5 %; ЭК: ни разу; $p < .001$; *advisable to* – СК: 37 раз в 27 текстах, 33,75 %; ЭК: ни разу; $p < .001$) и очень часто образуют триграмму *is advisable to*. Эта фраза также ни разу не встречается в экспертном письме (СК: 35 раз в 25 текстах, 31,25 %; ЭК: ни разу; $p < .001$). Согласно смыслу *is advisable to* мы можем предположить, что начинающие авторы стремятся выразить совет, рекомендацию или целесообразность чего-либо. Аналогичным смыслом обладают и другие слова, например *desirable*, *appropriate*, *recommended*, и модальный глагол *should*. Как видно из табл. 8, студенты имеют представление о различных способах выражения желательности чего-либо, но применяют их гораздо реже, чем опытные авторы.

Это может означать, что у студентов, возможно, не было необходимости всесторонне рассуждать по поводу предмета исследования или их исследовательский и/или лингвистический опыт не позволил им сделать это. Кроме того, студенты избегают активного применения модального глагола *should*, что может свидетельствовать об их стремлении выдержать официоз русского научного стиля.

Еще одной распространенной биграммой студенческого письма является фраза *dependence of* (СК: 44 раза в 27 текстах, 33,75 %; ЭК: 4 раза в 2 текстах, 2,13 %; $p < .001$). Эта биграмма нередко является частью триграммы *the dependence of*, частота которой также значительно выше в студенческих текстах (табл. 9). Помимо терминов (например, *frequency dependence*), эта фраза применяется, чтобы описать, как два

Таблица 7

Выражение совета и целесообразности

Table 7

Devices for giving advice

Униграммы	СК (N, %)	ЭК (N, %)
advisable	30 (37,5 %)**	0
should	26 (32,5 %)	68 (72,34 %)**
appropriate	10 (12,5 %)	32 (34,04 %)**
recommended	4 (5 %)	18 (19,15 %)**
desirable	6 (7,5 %)	14 (14,89 %)

Примечание. N – количество текстов, % – их процент в корпусе.

и более предмета взаимосвязаны, и как таковая должна быть типичной для всех научных текстов. Вопрос в том, что эксперты используют для этих целей. Мы предполагаем, что биграмма *dependence of* является синонимичной *relationship between* и *function of* в контексте дисциплин технической направленности. Поэтому мы проверили наличие этих фраз в обоих корпусах и обнаружили, что опытные международные авторы используют их значительно чаще. Тогда как *dependence of* применяется ими исключительно в терминологии (*frequency dependence*,

temperature dependence). Это свидетельствует о том, что студенты не видят семантической разницы между словом 'зависимость' в двух случаях и поэтому используют знакомое им слово 'dependence' оба раза. Мы также выявили, что начинающие авторы значительно чаще используют существительное *dependence(s)*, тогда как опытные авторы намного чаще используют прилагательные (*in*)*dependent* и глагол *depend* (и его производные). Такие результаты, к сожалению, также говорят о довольно ограниченном разнообразии риторических средств у студентов.

Таблица 8

N-граммы со смыслом 'зависеть/зависимый/зависимость'

Table 8

N-grams meaning 'relationship/dependence'

N-граммы	СК (N, %)	ЭК (N, %)
dependence(s)	39 (48,75 %)**	10 (10,64 %)
dependence of	27 (33,75 %)**	2 (2,13 %)
the dependence of	16 (20 %)**	1 (1,06 %)
(in) <i>dependent</i>	6 (7,5 %)	38 (40,43 %)**
function of	6 (7,5 %)	36 (38,3 %)**
relationship between	1 (1,25 %)	12 (12,77 %)**
depend (+ производные)	30 (37,5 %)	54 (57,45 %)*

Примечание. N – количество текстов, % – их процент в корпусе.

Таким образом, проведенный анализ позволил обнаружить множество расхождений в риторическом выборе начинающих русскоязычных авторов, что в итоге может означать, что их англоязычные тексты расходятся с нормами и ожиданиями международного дискурсивного сообщества. Множество примеров говорит о недостаточной сформированности лингвистических навыков (например, по грамматическим явлениям,

отсутствующим в русском языке). Проблемы с языковыми навыками тесно связаны и с другими навыками, анализ которых показал не столько их отсутствие, сколько ограниченность. Если предположить, что студенческие рукописи являются автоматизированным переводом предварительно составленных русских текстов, то можно предположить, что авторы не видят различий в стилистических нормах в двух языках и/или

не подключают (или не имеют) навыки планирования, обдумывания и перефразирования сформулированных мыслей в формат, принятый в международном письме, перед их переводом. Поэтому их риторический выбор можно рассматривать как языковую интерференцию [Добрынина, 2018; 2019; Кочетова, Ильинова, 2020; Korotkina, 2018; Terenin, 2013].

Данное исследование имеет ряд **ограничений**. Во-первых, статистический анализ в любом инструменте позволяет проанализировать письмо с точки зрения лингвистических средств, использованных в нем, поэтому исключается прямое измерение его экстралингвистических характеристик. Кроме того, в таких инструментах невозможно измерить развитость навыков самоконтроля, интеллектуальную активность, мотивированность и т.д., которые являются составной частью стратегических навыков. Следовательно, невозможно в полной мере и с полной уверенностью говорить об уровне сформированности различных навыков коммуникативной компетенции. Однако индуктивный анализ лингвистического выбора может создать некий образ основных побуждений и ЗУН авторов, приведших к такому выбору.

Во-вторых, компьютерный анализ строился на текстах из одной технической дисциплины и с применением студенческих работ одной кафедры вуза. С уверенностью можно сказать, что корпусный анализ более широкого спектра образцов письма или текстов из других дисциплин может дать иные результаты (n-граммы). Кроме того, мы рассмотрели только несколько n-грамм; анализ большего количества фраз может расширить спектр конкретных лингвистических проблем и их возможные экстралингвистические причины. Однако в качестве проверки концепции выбранные примеры показали, что их анализ позволяет раскрыть проблемы, касающиеся разных компонентов письменной компетенции.

В-третьих, тексты из студенческого корпуса принадлежат авторам, которые не проходили никакого формального обучения англоязычному академическому письму. Поэтому сопоставительный корпусный анализ мог выявить особенности

письма, которые неактуальны для тех, кто имеет хорошие языковые навыки и ясное представление об англоязычном научном стиле. Однако, поскольку практика обучения научному письму до сих пор не является обязательной в российских вузах, мы можем предположить, что социокультурные, дисциплинарные и индивидуальные факторы, лежащие в основе выявленных особенностей, могут рассматриваться общими для большинства русскоязычных авторов инженерных направлений. Кроме того, для любой категории авторов будет полезным понимание того, как их письмо соотносится с письмом целевого международного дискурсивного сообщества.

И последнее, анализ в Gramulator не предполагает автоматизированную оценку индивидуальной работы и поэтому не может применяться в ежедневной практике обучения письму. Однако этот инструмент можно вполне применять для выявления динамики развития компетенции группы учащихся на основе сопоставительного анализа с их ранними работами. Кроме того, можно применять возможности Concordancer, чтобы выявить частоту употребления конкретных слов и словосочетаний.

Педагогическая значимость. Полученные в ходе исследования результаты позволяют утверждать, что применение инструментов компьютерной лингвистики может расширить арсенал инструкторов письма, заинтересованных в повышении осведомленности о наиболее значимых различиях между письмом студентов и их целевым дискурсивным сообществом. Четкое понимание этих различий может придать большую осмысленность процессу учения и обучения научному письму, поскольку обнаруженные биграммы служат маркерами определенных лексико-грамматических средств, которые авторы выбирают при создании своих текстов на английском языке. Эти маркеры позволяют диагностировать возможные коммуникативные проблемы анализируемой группы, а понимание их истоков позволяет скорректировать содержание и методы обучения навыкам написания научных текстов на английском языке. Суть корректировки сводится к следующим трем

направлениям: *совершенствование лингвистических навыков, формирование когнитивно-коммуникативных навыков и развитие навыков критического анализа.*

1. Поскольку уровень владения иностранным языком лежит в основе всей письменной коммуникативной компетенции, необходимо постоянно *совершенствовать лингвистические навыки.* Применяя традиционные (объяснительно-иллюстративные и репродуктивные) и современные (поисково-исследовательские, проблемно-деятельностные, развивающие и т.д.) методы, подходы и технологии, необходимо стремиться к формированию у студентов багажа лексики с акцентом на разнообразии и синонимичности, а также знаний и умений применять различные синтаксические структуры. Кроме того, необходимо фокусировать внимание на явлениях, отсутствующих в русском языке (например, артикли, герундии, существительные в препозитивном положении, определяющие/неопределяющие придаточные предложения) и добиваться умения оперировать этими знаниями при формулировании мысли на английском языке. В качестве положительных примеров необходимо использовать образцы риторического выбора из менторских текстов (опубликованные научные статьи на английском языке, демонстрирующие высокий уровень языковой грамотности, разнообразия и соответствия дискурсивному сообществу). Для анализа некорректного риторического выбора можно брать примеры из студенческих текстов.

2. *Формирование когнитивно-коммуникативных навыков* должно происходить параллельно с совершенствованием языковых навыков, когда каждый пример языкового материала сопровождается разъяснением его значимости с точки зрения соотносительности с нормами и ожиданиями дискурсивного сообщества. Применяя объяснительно-иллюстративные и поисково-исследовательские методы, необходимо добиваться понимания студентами существенных социокультурных различий между научным стилем изложения в русском языке и английском языке международного научного общения

(например, хеджирование, излишняя номинализация). Помимо этого, в процессе обучения необходимо активно применять информационные ресурсы для работы над англоязычным текстом, тем самым повышая уровень информационной грамотности учащихся.

3. Особое внимание необходимо уделять развитию личностных качеств, а именно *навыков критического мышления.* Используя различные приемы и методы анализа и самоанализа, контроля и самоконтроля, оценки и самооценки (например, при двойном переводе, взаимном рецензировании, пред- и постпереводческой обработке текста, а также при анализе собственной работы с учетом изученных явлений), можно значительно усилить стратегические навыки и совместно с информационной грамотностью сформировать навыки автономии при работе с иноязычным текстом. Эти умения могут значительно повысить уровень мотивации и уверенности в собственных возможностях создавать научные тексты на английском языке и публиковать их в международных рецензируемых журналах. Последнее (уровень уверенности в собственных возможностях) хорошо проявилось в результатах анкетирования участников формирующего эксперимента. До начала курса только 2 человека из 24 оценили свою уверенность от 8 до 10 баллов, тогда как после прохождения курса таких было 16 человек.

Можно заметить, что данное исследование не только подтвердило изложенные в теоретическом обосновании выводы российских теоретиков и практиков АП, но и предоставило конкретные примеры самых распространенных особенностей в письме начинающих авторов инженерных направлений. Причем эти особенности представляют собой самые частотные реальные примеры, извлеченные из письма студентов, а не потенциальные проблемные явления, взятые из сторонних источников и затем проверенные в имеющемся корпусе. Соглашаясь со всеми упомянутыми исследователями, хотелось бы повториться, что научному письму необходимо обучать; это теоретическая и одновременно практическая деятельность, которая требует длительного,

поэтапного освоения и постоянной практики. Такая деятельность должна включать не только универсальные знания, умения и навыки, формируемые традиционным подходом к обучению АП и характерные для любой страны и любой дисциплины, но и те ЗУН, которые обусловлены социокультурными и дисциплинарными факторами, характерными для определенной категории обучающихся и формирующиеся при реализации дискурс-аналитического подхода.

Заключение. В данном исследовании представлена концепция применения инструмента компьютерной лингвистики для реализации дискурс-аналитического подхода в обучении навыкам письменной научной коммуникации на ан-

глийском языке. Предлагаемая технология позволяет обнаружить и проанализировать конкретные примеры лингвистического выбора определенной категории учащихся в сопоставлении с целевым дискурсивным сообществом. Применение этих знаний помогает скорректировать процесс обучения АП, придавая ему большую осознанность при выборе риторических средств и формулировании высказываний на английском языке, а также большую сфокусированность на реальных языковых и коммуникативных потребностях учащихся. В сочетании с обучением универсальным ЗУН этот подход придает большую осмысленность и определенность процессу обучения научному письму на английском языке.

Библиографический список

1. Базанова Е.М., Короткина И.Б. Российский консорциум центров письма // Высшее образование в России. 2017. № 4 (211). С. 50–57.
2. Бородик К.А., Дикусар К.С., Богатов В.В. Тренды публикационной активности российских исследователей за период 2016–2020 гг. по данным международных баз научного цитирования Web of Science Core Collection и Scopus // Управление наукой и наукометрия. 2021. Т. 16, № 4. С. 571–595. DOI: 10.33873/2686-6706.2021.16-4.571-595
3. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса // Ideology: A Multidisciplinary Approach. Лондон: Сэйдж пабликэйшнс, 1998. 384 с. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 01.08.2022).
4. Виноградова О.И., Смирнова Е.А., Виклова А.В., Пантелеева И.М. Синтаксическая сложность академического текста: корпусное исследование работ русскоязычных студентов, изучающих английский язык в сравнении с текстами профессиональных авторов // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 7. С. 107–129. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-7-107-129
5. Добрынина О.Л. Академическое письмо для публикационных целей: стилистические погрешности // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 10. С. 38–49. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-10-38-49
6. Добрынина О.Л. Грамматические ошибки в англоязычном академическом письме: причины появления и стратегии коррекции // Высшее образование в России. 2017. № 8/9. С. 100–107.
7. Добрынина О.Л. Проблемы англоязычного академического письма: лексические ошибки, причины их появления и стратегии коррекции // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 10. С. 75–83. DOI: 10.31992/0869-3617-2018-27-10-75-83
8. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. 220 с.
9. Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь: Изд-во ПГУ, 1968. 251с.
10. Колесникова Н.И., Ридная Ю.В. Жанровая модель научной статьи на русском и английском языках // Высшее образование в России. 2016. № 6 (202). С. 98–105.
10. Колесникова Н.И. От конспекта к диссертации: учеб. пособие по развитию навыков письменной речи. М.: Флинта: Наука, 2002. 288 с.

12. Колесникова Н.И. Что важно знать о языке и стиле научных текстов? Статья первая // Высшее образование в России. 2010. № 3. С. 130–137. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-vazhno-znat-o-yazyke-i-stile-nauchnyh-tekstov/viewer> (дата обращения: 01.08.2022).
13. Комарова Ю.А. Функционально-лингвистическое описание англоязычного научного дискурса // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2012. № 4. С. 78–85.
14. Короткина И.Б. Академическая грамотность и методы глобальной научной коммуникации // Научный редактор и издатель. 2017. № 2 (1). С. 08–13. DOI: 10.24069/2542-0267-2017-1-8-13
15. Короткина И.Б. Академическое письмо: необходимость междисциплинарных исследований // Высшее образование в России. 2018а. Т. 27, № 10. С. 64–74. DOI: 10.31992/0869-3617-2018-27-10-64-74
16. Короткина И.Б. Английский язык для научно-публикационных целей как новое направление педагогических исследований // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018б. Т. 1, № 4 (52). С. 115–130. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-yazyk-dlya-nauchno-publikatsionnyh-tseley-kak-novoe-napravlenie-pedagogicheskikh-issledovaniy/viewer> (дата обращения: 01.08.2022).
17. Котюрова М.П. Тенденция к формированию новых явлений в научном стиле речи // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2009. № 1. С. 77–86. URL: <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/167> (дата обращения: 01.08.2022).
18. Кочетова Л.А., Ильинова Е.Ю. Англоязычный академический дискурс в транслингвальной ситуации: корпусно-ориентированное изучение лексических маркеров // Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание. 2020. Т. 19, № 5. С. 25–37. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.5.3
19. Кудряшова О.В. Компоненты коммуникативной компетенции при обучении письменной речи // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Лингвистика. 2007. № 15 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komponenty-kommunikativnoy-kompetentsii-pri-obuchenii-pismennoy-rechi> (дата обращения: 01.08.2022).
20. Лаптева О.А. Как пишут ученые // Русская речь. 1995. № 2. С. 55–62.
21. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с. URL: chrome-extension://efaidnbnmnibpcjpcglclefindmkaj/http://yanko.lib.ru/books/cultur/makarov-osnovu_teorii_diskursa-8l.pdf (дата обращения: 01.08.2022).
22. Мохначева Ю.В., Цветкова В.А. Динамика развития российского сегмента научных публикаций (по данным Web of Science Core Collection и Scopus) // Научные и технические библиотеки. 2021. № 6. С. 15–28. DOI: 10.33186/1027-3689-2021-6-15-28
23. Прядильникова Н.В. Практическая функциональная стилистика русского языка: учеб. пособие. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2016. Ч. 2. 164 с.
24. Рябцева Н.К. Название как доминантный компонент научного текста: русско-английские межъязыковые «несоответствия» // Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание. 2018. Т. 17, № 2. С. 33–43. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.2.4
25. Соловова Е.Н. ELT NEWS @ VIEWS // The Russian magazine for English language teachers. 2003. No. 2 (27). Динтернал International Book Distribution. С. 2–11.
26. Тивьяева И.В., Кузнецова Д.Л. Компаративный анализ структурно-содержательной организации аннотаций к русскоязычным и англоязычным научным статьям // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 3. С. 139–152. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-3-139-152
27. Толстова Т.В. Корпусный анализ жанровых конвенций в российских и зарубежных аннотациях к научным статьям // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 118–129.
28. Трофимова Г.К. Русский язык и культура речи: курс лекций. М.: Флинта, Наука, 2004. 160 с.

29. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64.
30. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. М.: КомКнига, 2006. 128 с.
31. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие. М.: ЛЕНАНД, 2018. 200 с.
32. Шейпак С.А. Академическое письмо: критика традиционного подхода // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 2. С. 92–103. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-2-92-103
33. Шпит Е.И., Куровский В.Н. Изучение англоязычного академического письма инструментами компьютерной лингвистики // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 7. С. 89–103. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-7-89-103
34. Шпит Е.И., Куровский В.Н. Специализированный корпус для обучения академическому письму: создание и применение // Профессиональное образование: проблемы и достижения: матер. X Междунар. науч.-практ. конф., Томск, 17 декабря 2020 г. Томск: Том. гос. пед. ун-т, 2021. С. 161–166.
35. Becher T. Disciplinary discourse // Studies in Higher Education. 1987. Vol. 12 (3). P. 261–274. DOI: 10.1080/03075078712331378052
36. Becher T. The significance of disciplinary differences // Studies in Higher Education. 1994. Vol. 19 (2). P. 151–161. DOI: 10.1080/03075079412331382007
37. Belcher D.D. Seeking acceptance in an English-only research world // Journal of Second Language Writing. 2007. Vol. 16 (1). P. 1–22.
38. Bhabha H.K. The location of culture (Routledge Classics). 2nd ed. London: Routledge, 2004. 440 p.
39. Bhatia V., Flowerdew J., Jones R. Advances in discourse studies. Routledge Taylor and Francis Group. London and New York, 2008. 274 p.
40. Bhatia V.K. A generic view of academic discourse. Academic discourse. Edited by J. Flowerdew. London: Longman, 2002. P. 21–39.
41. Connor U. New directions in contrastive rhetoric // TESOL Quarterly. 2002. Vol. 36 (4). P. 493–510. DOI: 10.2307/3588238
42. Fairclough N. Analysing discourse: Textual analysis for social research. London: Routledge, 2003. 270 p.
43. Flowerdew J. English for research publication purposes. The handbook of English for specific purposes. Edited by B. Paltridge, S. Starfield. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2013. P. 301–321.
44. Flowerdew L. The exploitation of small learner corpora in EAP materials design: In M. Ghadessy & R. Roseberry (Eds.) Small Corpus Studies and ELT. Amsterdam & Philadelphia: Benjamins, 2001. P. 363–379.
45. Gee J.P. An introduction to discourse analysis: Theory and method. Routledge. Taylor and Francis Group. London and New York, 2005. 248 p.
46. Graff G. Scholars and sound bites: The myth of academic difficulty // PMLA (Publications of the Modern Language Association of America). 2000. Vol. 115 (5). P. 1041–1052.
47. Huckin T.N. Specificity in LSP // Ibérica, Revista de la Asociación Europea de Lenguas para Fines Específicos. 2003. No. 5. P. 3–18.
48. Hyland K. Academic discourse. The Bloomsbury Companion to Discourse Analysis. Edited by K. Hyland, B. Paltridge. London: Continuum, 2011. P. 171–184.
49. Hyland K. Disciplinary discourses: Social interactions in academic writing. Harlow, UK: Pearson Education Limited, Longman, 2000. 211 p.
50. Hyland K. Sympathy for the devil? A defence of EAP // Language Teaching. 2018. No. 3. P. 383–399. DOI: 10.1017/S0261444-818000101

51. Hyland K. Writing in the academy: Reputation, education and knowledge. London: Institute of Education Press, 2007. 28 p.
52. Kaplan R.B. Cultural thought patterns in intercultural education. *Language Learning*, 1966. 648 p. DOI: 10.1111/j.1467-1770.1966.tb00804.x
53. Kochetova L.A., Kononova I.V. Corpus-based contrastive study of discursive strategy of construing interpersonal relations in English language academic discourse // *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.* 2018. P. 1–11. DOI: 10.17516/1997-1370-0353
54. Korotkina I.B. Russian scholarly publications in anglophone academic discourse: The clash of tyrannosaurs // *Integration of Education*. 2018. Vol. 22 (2). P. 311–323. DOI: 10.15507/1991-9468.091.022.201802.311-323
55. Kwan B.S.C. An investigation of instruction in research publishing in doctoral programs: The Hong Kong case // *Higher Education*. 2010. Vol. 59, No. 1. P. 55–68.
56. Lillis T., Curry M.J. Professional academic writing by multilingual scholars: Interactions with literacy brokers in the production of English-medium texts // *Written Communication*. 2006. Vol. 23 (1). P. 3–35. DOI: 10.1177/0741088305283754
57. McCarthy P., Lehenbauer B., Hall C., Duran N., Fujiwara Y., McNamara D. A coh-metrix analysis of discourse variation in the texts of Japanese, American, and British Scientists // *Foreign Languages for Specific Purposes*. 2007. Vol. 6. URL: https://www.researchgate.net/publication/242322281_A_Coh-Metrix_Analysis_of_Discourse_Variation_in_the_Texts_of_Japanese_American_and_British_Scientists (access date: 01.08.2022).
58. McCarthy P.M., Duran N.D., Booker L.M. The devil is in the details: New directions in deception analysis. In: *Proceedings of the 25th International Florida Artificial Intelligence Research Society Conference, FLAIRS-25*. 2012a. P. 188–195.
59. McCarthy P.M., Watanabe S., Lamkin T.A. The Gramulator: A tool to identify differential linguistic features of correlative text types. In: P.M. McCarthy and C. Boonthum Denecke (Eds.) «Applied Natural Language Processing: Identification, Investigation and Resolution». 2012b. P. 312–333. Hershey, PA: IGI Global. DOI: 10.4018/978-1-60960-741-8.ch018
60. McKercher B., Law R., Weber K., Song H., Hsu C. Why referees reject manuscripts // *Journal of Hospitality & Tourism Research*. 2007. Vol. 31 (4). P. 455–470.
61. Min H.S., McCarthy P.M. Contrastive corpus analysis on the writing of American and Korean scientists using Gramulator // *Language Research*. 2013. Vol. 49 (3). P. 681–702.
62. Min H.S., McCarthy P.M. Identifying varieties in the discourse of American and Korean scientists: A contrastive corpus analysis using the Gramulator. In: *Proceedings of the 23rd International Florida Artificial Intelligence Research Society Conference, FLAIRS-23*. 2010. P. 247–252.
63. Paquot M. Towards a productively-oriented academic word list. In: Walinski J.; Kredens K.; Gozdz-Rozkowski S. *Practical Applications in Language and Computers*, 2005. Peter Lang: Frankfurt and Main, 2007. P. 127–140. URL: <http://hdl.handle.net/2078.1/76045>
64. Reid N. Getting published in international journals: Writing strategies for European social scientists. Professional Publications Press, 2018. 309 p.
65. Shpit E.I., McCarthy P.M. Addressing discourse differences in the writing of Russian engineering students and international researchers // *Language Teaching Research*. July. 2022. DOI: 10.1177/13621688221109809
66. Smirnova E., Strinyuk S. Hedges in Russian EAP writing: A corpus-based study of research papers in management // *Journal of English as a Lingua Franca*. 2020. Vol. 9 (1). P. 81–101. DOI: 10.1515/jelf-2020-2033
67. Smirnova E.A. Referential coherence of academic texts: a Corpus-Based analysis of L2 research papers in management // *Journal of Language and Education*. 2019. Vol. 5 (4). P. 112–127. DOI: 10.17323/jle.2019.9688

68. Swales J. Genre analysis: English in academic and research settings. Boston: Cambridge UP, 1990. 274 p.
69. Tardy C. The role of English in scientific communication: lingua franca or Tyrannosaurus rex? // Journal of English for Academic Purposes. 2004. Vol. 3 (3). P. 247–269. DOI: 10.1016/j.jeap.2003.10.001
70. Terenin A. Clear Writing as a problem of Russian learners of English // Middle-East Journal of Scientific Research. 2013. Vol. 16, No. 11. P. 1512–1519. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.16.11.12039
71. Wen X.A., McCarthy P.M., Strain A.C. Gramulator analysis of gendered language in cable news reportage. In: Proceedings of the 26th International Florida Artificial Intelligence Research Society Conference, FLAIRS. 2013. P. 243–248.
72. Widdowson H.G. Discourse Analysis. Oxford University Press, 2007. 152 p.
73. Zanina E. Move structure of research article abstracts on management: Contrastive study (the case of English and Russian) // Journal of Language and Education. 2017. Vol. 3 (2). P. 63–72. DOI: 10.17323/2411-7390-2017-3-2-63-72
74. Zanina E. Strategic hedging: a comparative study of methods, results and Discussion (and Conclusion) // Journal of Language and Education. 2016. Vol. 2 (2). P. 52–60. DOI: 10.17323/2411-7390-2016-2-2-52-60

SCIENCE WRITING IN ENGLISH: DIFFICULTIES FOR NOVICE RUSSIAN AUTHORS

E.I. Shpit (Tomsk, Russia)

V.N. Kurovskii (Tomsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The paper discusses multiple deviations of science texts in the English language written by Russian novice writers from the norms and expectations of the international discourse community.

The purpose of the article is to propose a concept of utilizing computer linguistics tools of automated text analysis for pedagogical purposes to identify real needs of students in science writing in English.

The methodology is based on the contrastive discourse-analysis of two corpora: students' research paper manuscripts and published research papers by international expert writers. Both corpora belong to one engineering discipline and were compiled specifically for the research purposes. The contrastive corpus analysis was conducted by means of a computer linguistics tool Gramulator.

Research results. The quantitative and qualitative analysis of differential bigrams in Gramulator demonstrated that the writing by novice Russian authors significantly differs from the expert writing. The considered bigrams indicated lower lexical diversity; insufficient skills in using grammar that is absent in the Russian language; tendency to underuse predicative clauses and hedging devices; tendency to overuse words and phrases typical of Russian scientific style, as well as referencing and specifying words and phrases.

Conclusions. The proposed concept is aimed to make the academic writing process more student-centered. The identification of common linguistic problems in the novice researchers' writing may raise students' awareness of the differences in the rhetorical choice in the two languages, improve strategic skills in making the proper choice when writing their own texts, and, thus, approach to the norms and expectations of the target discourse community.

Keywords: *science discourse, science writing, discourse-analysis approach, contrastive corpus analysis, discourse-analysis, discourse community, Gramulator.*

Shpit Elena I. – PhD Candidate, Department of Pedagogy and Psychology of Education, Faculty of Psychological, Pedagogical and Special Education, Institute of Psychology and Pedagogy, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia); Associate Professor, Department of Foreign Languages, Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics (Tomsk, Russia); ORCID-ID: 0000-0003-2568-224X; e-mail: forester_2007@mail.ru

Kurovskii Vasily N. – DSc (Pedagogy), Professor, Department of Social Pedagogy, Head of Education Development Laboratory, Research and Education Centre of Education Theory, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia); e-mail: v.kuroskii@yandex.ru

---

References

1. Bazanova E.M., Korotkina I.B. Russian writing centers consortium // *Vyshee obrazovanie v Rossii* (Higher Education in Russia). 2017. No. 4. P. 50–57.
2. Borodik K.A., Dikusar K.S., Bogatov V.V. Publication activity trends among Russian researchers in 2016–2020, based on international scientific Citation databases: Web of Science Core Collection and Scopus // *Upravlenie naukoj i naukometriya* (Science Governance and Scientometrics). 2021. Vol. 16 (4). P. 571–595. DOI: 10.33873/2686-6706.2021.16-4.571-595
3. Van Deik T. To the definition of discourse. Ideology: A Multidisciplinary Approach. 1998. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (access date: 01.08.2022).
4. Vinogradova O.I., Smirnova E.A., Viklova A.V., Panteleeva I.M. Syntactic complexity of academic text: A corpus study of written production by learners of English with Russian L1 in comparison with expert texts of English authors // *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya* (RSUH Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies). 2020. No. 7. P. 107–129. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-7-107-129

5. Dobrynina O.L. Grammar errors in academic writing in English: Causes and strategies of correction // *Vysshee obrazovanie v Rossii* (Higher Education in Russia). 2017. No. 8/9. P. 100–107.
6. Dobrynina O.L. Propaedeutics of errors in abstracts of papers written in Russian // *Vysshee obrazovanie v Rossii* (Higher Education in Russia). 2015. No. 2. P. 42–50.
7. Dobrynina O.L. Problems of academic writing: Lexical errors, their causes and correction strategies // *Vysshee obrazovanie v Rossii* (Higher Education in Russia). Vol. 27 (10). P. 75–83. DOI: 10.31992/0869-3617-2018-27-10-75-83
8. Karasik V.I. About the types of discourse. In: *Linguistic personality: institutional and personal discourse*. Volgograd, 2000. 220 p.
9. Kozhina M.N. To the foundations of functional stylistics. Perm: PSU publ., 1968. 251 p.
10. Kolesnikova N.I. What is important to know about the language and style of academic texts? (Paper 1) // *Vysshee obrazovanie v Rossii* (Higher Education in Russia). 2010. No. 3. P. 130–137. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-vazhno-znat-o-yazyke-i-stile-nauchnyh-tekstov/viewer> (access date: 01.08.2022).
11. Kolesnikova N.I. From the summary to the thesis: A study guide for developing writing skills. Moscow: Flinta, 2002. 288 p.
12. Kolesnikova N.I., Ridnaya Yu.V. The genre model of a scientific paper in the Russian and English languages // *Vysshee obrazovanie v Rossii* (Higher Education in Russia). 2016. No. 6. P. 98–105.
13. Komarova Yu.A. Functional-stylistic characterization of the science discourse // *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura* (Bulletin of Saint-Petersburg University. Language and Literature). 2012. No. 4. P. 78–85.
14. Korotkina I.B. Academic Literacy and Methods of Global Scientific Communication // *Nauchnyy redaktor i izdatel* (Science Editor and Publisher). 2017. Vol. 2 (1). P. 08–13 (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.24069/2542-0267-2017-1-8-13
15. Korotkina I.B. (b) Academic writing in Russia: The urge for interdisciplinary studies // *Vysshee obrazovanie v Rossii* (Higher Education in Russia). 2018a. Vol. 27 (10). P. 64–74. DOI: 10.31992/0869-3617-2018-27-10-64-74
16. Korotkina I.B. (a) English for research publication purposes as a new field of educational studies // *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* (National and Foreign Pedagogy). 2018b. Vol. 1, No. 4 (52). P. 115–130.
17. Kotyurova M.P. Tendency to new phenomena developing in scientific style of speech // *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* (News of Southern Federal University. Philology). 2009. No. 1. P. 77–86. URL: <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/167> (access date: 01.08.2022).
18. Kochetova L.A., Ilyinova E.Yu. English academic discourse in translanguistic context: Corpus-based study of lexical markers // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazykoznanie* (Bulletin of Volgograd State University. Linguistics). 2020. Vol. 19 (5). P. 25–37. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.5.3
19. Kudryashova O.V. The components of communicative competence in teaching writing speech // *Vestnik YuUrGU. Seriya: Lingvistika* (South Ural State University Bulletin. Linguistics). 2007. No. 15 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komponenty-kommunikativnoy-kompetentsii-pri-obuchenii-pismennoy-rechi> (access date: 01.08.2022).
20. Laptva O.A. How scientists write // *Russkaya rech* (Russian Speech). 1995. No. 2. P. 55–62.
21. Makarov M.L. The foundations of discourse theory. Moscow: Gnozis, 2003. 280 p. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://yanko.lib.ru/books/cultur/makarov-osnovu_teorii_diskursa-8l.pdf (access date: 01.08.2022).
22. Mokhnacheva Yu.V., Tsvetkova V.A. Dynamics of the Russian segment of science publications (based on Web of Science Core Collection and Scopus data) // *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* (Scientific and Technical Libraries). 2021. No. 6. P. 15–28. DOI: 10.33186/1027-3689-2021-6-15-28

23. Pryadilnikova N.V. Practical functional stylistics of the Russian language. A study guide. Samara: Samara University, 2016. Part 2. 164 p.
24. Ryabtseva N.K. Academic paper titles and their dominating patterns: a Russian-English perspective // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazykoznanie (Bulletin of Volgograd State University. Linguistics). 2018. Vol. 17 (2). P. 33–43. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.2.4
25. Solovova E.N. ELT NEWS @ VIEWS // The Russian magazine for English language teachers. 2003. No. 2 (27). Dinternal International Book Distribution. P. 2–11.
26. Tivyaeva I.V., Kuznetsova D.L. Comparative analysis of abstract content and structure in Russian and English research papers // Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki (Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics). 2020. No. 3. P. 139–152. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-3-139-152
27. Tolstova T. Corpus analysis of genre conventions in Russian and international research article abstracts // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya (Moscow University Bulletin. Linguistics and Intercultural Communication). 2020. No. 1. P. 118–129.
28. Trofimova G.K. Russian language and culture of speech: lectures. Moscow: Flinta, Nauka, 2004. 160 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=56264> (access date: 01.08.2022).
29. Khutorskiy A.V. Key competences as a component of student-centered paradigm in education // Narodnoe obrazovanie (National Education). 2003. No. 2. P. 58–64.
30. Chernyavskaya V.Ye. Interpreting a science text. Moscow: KomKniga, 2006. 128 p.
31. Chernyavskaya V.Ye. Text linguistics. Discourse linguistics: A study guide. Moscow: LENAND, 2018. 200 p.
32. Sheypak S.A. Academic writing: Critics of the traditional EAP approach // Vyshee obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia). 2020. Vol. 29 (2). P. 92–103. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-2-92-103
33. Shpit E.I., Kurovskii V.N. Analysing academic texts with computational linguistics tools // Vyshee obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia). 2020. Vol. 29 (7). P. 89–103. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-29-7-89-103
34. Shpit E.I., Kurovskii V.N. Specialist corpus for academic writing instruction: compilation and application. In: Proceedings of the 10th International scientific-practical conference, Tomsk, December 17, 2020. Tomsk: TSPU, 2021. P. 161–166.
35. Becher T. Disciplinary discourse // Studies in Higher Education. 1987. Vol. 12 (3). P. 261–274. DOI: 10.1080/03075078712331378052
36. Becher T. The significance of disciplinary differences // Studies in Higher Education. 1994. Vol. 19 (2). P. 151–161. DOI: 10.1080/03075079412331382007
37. Belcher D.D. Seeking acceptance in an English-only research world // Journal of Second Language Writing. 2007. Vol. 16 (1). P. 1–22.
38. Bhabha H.K. The location of culture (Routledge Classics). 2nd ed. London: Routledge, 2004. 440 p.
39. Bhatia V.K. A generic view of academic discourse. Academic discourse. Edited by J. Flowerdew. London: Longman, 2002. P. 21–39.
40. Bhatia V., Flowerdew J., Jones R. Advances in discourse studies. Routledge Taylor and Francis Group. London and New York, 2008. 274 p.
41. Connor U. New directions in contrastive rhetoric // TESOL Quarterly. 2002. Vol. 36 (4). P. 493–510. DOI: 10.2307/3588238
42. Fairclough N. Analysing discourse: Textual analysis for social research. London: Routledge, 2003. 270 p.
43. Flowerdew J. English for research publication purposes. The handbook of English for specific purposes. Ed. by B. Paltridge, S. Starfield. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2013. P. 301–321.

44. Flowerdew L. The exploitation of small learner corpora in EAP materials design: In M. Ghadessy & R. Roseberry (Eds.) *Small Corpus Studies and ELT*. Amsterdam & Philadelphia: Benjamins, 2001. P. 363–379.
45. Gee J.P. *An introduction to discourse analysis: Theory and method*. Routledge. Taylor and Francis Group. London and New York, 2005. 248 p.
46. Graff G. Scholars and sound bites: The myth of academic difficulty // *PMLA* (Publications of the Modern Language Association of America). 2000. Vol. 115 (5). P. 1041–1052.
47. Huckin T.N. Specificity in LSP // *Ibérica, Revista de la Asociación Europea de Lenguas para Fines Específicos*. 2003. No. 5. P. 3–18.
48. Hyland K. *Academic discourse. The Bloomsbury Companion to Discourse Analysis*. Edited by K. Hyland, B. Paltridge. London: Continuum, 2011. P. 171–184.
49. Hyland K. *Disciplinary discourses: Social interactions in academic writing*. Harlow, UK: Pearson Education Limited, Longman, 2000. 211 p.
50. Hyland K. Sympathy for the devil? A defence of EAP // *Language Teaching*. 2018. No. 3. P. 383–399. DOI: 10.1017/S0261444-818000101
51. Hyland K. *Writing in the academy: Reputation, education and knowledge*. London: Institute of Education Press, 2007. 28 p.
52. Kaplan R.B. Cultural thought patterns in intercultural education. *Language Learning*, 1966. 648 p. DOI: 10.1111/j.1467-1770.1966.tb00804.x
53. Kochetova L.A., Kononova I.V. Corpus-based contrastive study of discursive strategy of construing interpersonal relations in English language academic discourse // *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.* 2018. P. 1–11. DOI: 10.17516/1997-1370-0353
54. Korotkina I.B. Russian scholarly publications in anglophone academic discourse: The clash of tyrannosaurs // *Integration of Education*. 2018. Vol. 22 (2). P. 311–323. DOI: 10.15507/1991-9468.091.022.201802.311-323
55. Kwan B.S.C. An investigation of instruction in research publishing in doctoral programs: The Hong Kong case // *Higher Education*. 2010. Vol. 59, No. 1. P. 55–68.
56. Lillis T., Curry M.J. Professional academic writing by multilingual scholars: Interactions with literacy brokers in the production of English-medium texts // *Written Communication*. 2006. Vol. 23 (1). P. 3–35. DOI: 10.1177/0741088305283754
57. McCarthy P., Lehenbauer B., Hall C., Duran N., Fujiwara Y., McNamara D. A coh-matrix analysis of discourse variation in the texts of Japanese, American, and British Scientists // *Foreign Languages for Specific Purposes*. 2007. Vol. 6. URL: https://www.researchgate.net/publication/242322281_A_Coh-Matrix_Analysis_of_Discourse_Variation_in_the_Texts_of_Japanese_American_and_British_Scientists (access date: 01.08.2022).
58. McCarthy P.M., Duran N.D., Booker L.M. The devil is in the details: New directions in deception analysis. In: *Proceedings of the 25th International Florida Artificial Intelligence Research Society Conference, FLAIRS-25*. 2012a. P. 188–195.
59. McCarthy P.M., Watanabe S., Lamkin T.A. The Gramulator: A tool to identify differential linguistic features of correlative text types. In: P.M. McCarthy and C. Boonthum Denecke (Eds.) *“Applied Natural Language Processing: Identification, Investigation and Resolution”*. 2012b. P. 312–333. Hershey, PA: IGI Global. DOI: 10.4018/978-1-60960-741-8.ch018
60. McKercher B., Law R., Weber K., Song H., Hsu C. Why referees reject manuscripts // *Journal of Hospitality & Tourism Research*. 2007. Vol. 31 (4). P. 455–470.
61. Min H.S., McCarthy P.M. Contrastive corpus analysis on the writing of American and Korean scientists using Gramulator // *Language Research*. 2013. Vol. 49 (3). P. 681–702.

62. Min H.S., McCarthy P.M. Identifying varieties in the discourse of American and Korean scientists: A contrastive corpus analysis using the Gramulator. In: Proceedings of the 23rd International Florida Artificial Intelligence Research Society Conference, FLAIRS-23. 2010. P. 247–252.
63. Paquot M. Towards a productively-oriented academic word list. In: Walinski J.; Kredens K.; Gozdz-Rozkowski S. Practical Applications in Language and Computers, 2005. Peter Lang: Frankfurt and Main, 2007. P. 127–140. URL: <http://hdl.handle.net/2078.1/76045>
64. Reid N. Getting published in international journals: Writing strategies for European social scientists. Professional Publications Press, 2018. 309 p.
65. Shpit E.I., McCarthy P.M. Addressing discourse differences in the writing of Russian engineering students and international researchers // Language Teaching Research. July. 2022. DOI: 10.1177/13621688221109809
66. Smirnova E., Strinyuk S. Hedges in Russian EAP writing: A corpus-based study of research papers in management // Journal of English as a Lingua Franca. 2020. Vol. 9 (1). P. 81–101. DOI: 10.1515/jelf-2020-2033
67. Smirnova E.A. Referential coherence of academic texts: a Corpus-Based analysis of L2 research papers in management // Journal of Language and Education. 2019. Vol. 5 (4). P. 112–127. DOI: 10.17323/jle.2019.9688
68. Swales J. Genre analysis: English in academic and research settings. Boston: Cambridge UP, 1990. 274 p.
69. Tardy C. The role of English in scientific communication: lingua franca or Tyrannosaurus rex? // Journal of English for Academic Purposes. 2004. Vol. 3 (3). P. 247–269. DOI: 10.1016/j.jeap.2003.10.001
70. Terenin A. Clear Writing as a problem of Russian learners of English // Middle-East Journal of Scientific Research. 2013. Vol. 16. No. 11. P. 1512–1519. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.16.11.12039
71. Wen X.A., McCarthy P.M., Strain A.C. Gramulator analysis of gendered language in cable news reportage. In: Proceedings of the 26th International Florida Artificial Intelligence Research Society Conference, FLAIRS. 2013. P. 243–248.
72. Widdowson H.G. Discourse Analysis. Oxford University Press, 2007. 152 p.
73. Zanina E. Move structure of research article abstracts on management: Contrastive study (the case of English and Russian) // Journal of Language and Education. 2017. Vol. 3 (2). P. 63–72. DOI: 10.17323/2411-7390-2017-3-2-63-72
74. Zanina E. Strategic hedging: a comparative study of methods, results and Discussion (and Conclusion) // Journal of Language and Education. 2016. Vol. 2 (2). P. 52–60. DOI: 10.17323/2411-7390-2016-2-2-52-60

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

В «Вестнике КГПУ им. В.П. Астафьева» публикуются основные научные результаты исследований научных школ, диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, статьи преподавателей и аспирантов, которые ведут активные научные поиски в области педагогических, психологических и филологических наук. Полнотекстовая электронная версия статей публикуется в Научной электронной библиотеке *eLibrary*, выставляется в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» и во всероссийской электронно-библиотечной системе издательства «Лань».

Журнал размещен на платформе публикаций *Readera*. Проект предоставляет комплекс бесплатных инструментов для мобильного чтения, создания заметок и цитат, эффективного продвижения публикаций на международную аудиторию.

С целью повышения авторского и журнального индекса цитирования публикациям журнала присваивается идентификатор DOI – индексируемая ссылка к постоянному местонахождению статьи для получения необходимой информации о ней.

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объем не менее 0,5 печатного листа (20 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Текст рукописи статьи должен иметь следующую *структуру*: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).

При цитировании обязательно указание ссылок на все источники из списка литературы: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

Названия таблиц, рисунков обязательно сопровождаются переводом на английский язык, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

Bulletin of KSPU named after V.P. Astafyev publishes the main scientific results of research of scientific schools, doctoral or PhD theses, articles of teachers and graduate students who do active scientific research in the field of pedagogical, psychological and philological sciences. A full-text electronic version of the articles is published in the Scientific Electronic Library *eLibrary*, is exhibited in the system of the scientific electronic library “KiberLeninka” and in the all-Russian electronic library system “Lan”.

The journal is published on the *Readera* publishing platform. The project provides a set of free tools for mobile reading, creating notes and quotations, and effectively promoting publications to an international audience.

In order to increase the author’s and journal citation index, the publications of the journal are assigned the identifier DOI that is an indexed link to the permanent location of the article for obtaining the necessary information about it.

Only manuscripts that meet the following requirements are allowed for consideration (review).

Manuscripts of the articles must be made in accordance with international professional requirements for a scientific article with a volume of at least 0.5 of printed sheet (20,000 characters), Times New Roman font, size 14, interval 1.5.

The text of the manuscript of the article must have the following *structure*: statement of the problem, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions (conclusions in accordance with the purpose of the article, author’s contribution).

When citing, it is necessary to provide references to *all* sources from the list of references, “...” [Ivanov, 2017, p. 119].

The names of tables and figures are necessarily accompanied by a *translation into English*, which makes it possible to increase the readability of articles for foreign authors.

К рукописи статьи прилагаются публикуемые сведения *на русском и английском языках*:

– *заглавие* – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора / авторов, УДК;

– *адресные сведения об авторе* – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с указанием индекса города, страна, адрес электронной почты (*все сведения предоставляются полностью*);

– *аннотация статьи* – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не менее 200 слов / 1 500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи: постановка проблемы, цель статьи, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад; ключевые слова (10–15). Соответственно на английском языке: statement of the problem, purpose of the article, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution, keywords (10–15).

Пристатейный список литературы (не менее 25 научно-исследовательских источников (научные статьи, монографии), из них не менее 30 % зарубежных (*Scopus, Web Of Science*), за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии) оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 и международными стандартами, принятыми редакцией (References); данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным переводом названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерацией фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

The manuscript is accompanied by the published information *in Russian and English*:

– *title* – contains the title of the article, initials and surname of the author / authors, UDC;

– *address information about the author* – the place of work, position, academic degree, postal work address with a city index, country, e-mail address (*all information is provided in full without abbreviations*);

– *abstract of the article* – a brief summary of the main content of the article and its summarizing results (no less than 200 words / 1 500 characters).

Requirements for the content and structure of the abstract

The structure of the article is preserved in the abstract: statement of the problem, purpose of the article, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution; keywords (10–15).

A reference list (at least 25 scientific research sources such as scientific articles, monographs), of which at least 30 % are foreign ones (*Scopus, Web Of Science*) for the last 3 to 5 years, indicating DOI for all sources if available), is made in alphabetical order in accordance with the requirements of GOST R 7.0.5-2008 and in accordance with international standards adopted by the editors (References); data for each source are provided in accordance with the original translation of the title of the article, the name of the journal, including transliteration of the names of authors; Links in the text are made in square brackets, contain the author's surname, year of publication and pages of the work cited. References to other types of sources (archival, normative, publicistic, reference, educational and methodical literature, dictionaries, abstracts of theses...) are made inside the text of the article by subscript links.

Accompanying information to the article

Author's summary is a summary of the main information about the author and the content of the article being published, which is a summary of the publication.

Сопроводительные сведения к статье

Авторское резюме – изложение основных сведений об авторе и содержании публикуемой статьи, являющееся рефератом публикации.

Структура авторского резюме

1. На русском языке

УДК

Ф.И.О. автора

Сведения об авторе

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

2. На английском языке

Ф.И.О. автора

Сведения об авторе

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

Требования, предъявляемые к авторским резюме:

– ясность/понятность, полнота, лаконичность отражения сведений об авторе и статье;

– соответствие требованиям структурных элементов;

– полнота изложения аннотации (наличие проблемы и цели, методологии, результатов, заключения);

– наличие и качество авторского резюме на английском языке (качество перевода).

Рецензирование статей

Редакцией журнала приняты международные стандарты *одностороннего слепого и двустороннего слепого рецензирования*.

Срок рецензирования – 1 месяц со дня представления статьи. В случае отрицательной экспертизы назначается второй рецензент. Вопрос о публикации статей решается на заседании редколлегии. На основании экспертизы специалистов статьи могут быть отклонены. Результаты экспертизы доводятся до сведения авторов. Отклоненные статьи предлагается доработать и представить в очередной номер журнала.

Общий срок редакционной подготовки статьи составляет **2 месяца**.

Structure of the author's resume

1. In Russian

UDC

Full name of the author

Information about the author

Article title

Abstract

Keywords

2. In English

Full name of the author

Information about the author

Article title

Abstract

Keywords

Requirements for author's resumes:

– clarity/clearness, completeness, brevity of reflection of information about the author and the article;

– compliance with the requirements of structural elements;

– completeness of the presentation of the abstract (the presence of a problem and purpose, methodology, results, conclusions);

– availability and quality of the author's resume in English (quality of translation).

Reviewing Articles

The editorial board adopted the international standards of one-sided blind and two-way blind peer review.

The review period is **1 month** from the day of submission of the article. In case of negative expertise, a second reviewer is appointed. The issue of the publication of articles is decided at a meeting of the editorial board. Based on the examination of experts, articles can be rejected. The results of the expertise are brought to the attention of the authors. The rejected articles are proposed to be finalized and submitted to the next issue of the journal.

The general term of the editorial preparation of the article is 2 months.

Научное периодическое издание

**ВЕСТНИК КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В.П. АСТАФЬЕВА
(ВЕСТНИК КГПУ)**

2022 № 3 (61)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста Т.М. Софронова
Технический редактор Е.В. Малахова
Верстка Н.С. Хасаншина

Адрес редакции и издателя: 660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8 (391) 217-17-82

Сайт журнала: <http://www.kspu.ru/division/vestnik/>
E-mail: vestnik_kspu@kspu.ru

Подписано в печать 14.10.22. Формат 60x84 1/8.
Дата выхода в свет 30.10.2022
Усл. печ. л. 28,0. Бумага офсетная.
Тираж 1 000 экз. Заказ № 10-РИО-005

Свободная цена

Отпечатано с готовых оригинал-макетов
в типографии «Литера-принт», Красноярск, ул. Гладкова, д. 6,
т. 8 (391) 295-03-40

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным Законом № 436-ФЗ: 16+